

Елизавета Сагирова

Лето придёт во сне

Оазис



Недалёкое будущее... На Земле отгремела третья мировая война. Россия, оставшись в числе победителей, вновь нареклась Русью и с целью не допустить прежних ошибок, опустила железный занавес между собой и остальным миром. У власти встала православная церковь, которая вернула своему народу духовные скрепы и традиционные ценности. Больше нет алкоголизма и наркомании, безработицы и преступности, блуда и безнравственности. Но, как известно, за благополучие одних всегда платят другие. Это не повествование о великой борьбе и обязательной победе, это рассказ маленьких людей попавших в жернова Истории...

Лето придёт во сне.

Часть вторая.

"Оазис"

Дон-Жуан.

На заре морозной

Под шестой березой

За углом у церкви

Ждите, Дон-Жуан!

Но, увы, клянусь вам

Женихом и жизнью,

Что в моей отчизне

Негде целовать!

Нет у нас фонтанов,

И замерз колодец,

А у богородиц —

Строгие глаза.

И чтобы не слышать

Пустяков — красоткам,

Есть у нас презвонкий

Колокольный звон.

Так вот и жила бы,

Да боюсь — состарюсь,

Да и вам, красавец,

Край мой не к лицу.

Ах, в дохе медвежьей

И узнать вас трудно,

Если бы не губы

Ваши, Дон-Жуан!

Марина Цветаева.

Пролог.

Я парю в янтарном медовом мареве. Моё сознание стремится раствориться в нём, как уже растворилось тело, и я хочу этого, но что-то мешает. Может быть, отголоски недавней боли там, где раньше было моё лицо. А может, голоса, навязчиво лезущие в уши, мешающие оторваться от реальности, уплыть вдаль по молочной реке в кисельных берегах.

— Зачем тебе это нужно? — первый голос мне не нравится, мужской, грубый, со скандальными нотками, он царапает остатки моего сознания, как кора деревьев недавно обдирала ладони, — Куда ты смотрела, это же деньги на ветер!

— Не истери, — второй голос приятнее, он женский и звонкий как колокольчик. Пожалуй, ухватившись за него, я бы могла помочь себе уплыть быстрее, но и в нём есть нечтостораживающее, к чему не хочется прикасаться, — Я знаю, что делаю.

— Что знаешь?! Сколько ты денег отдала вот за это? Да мы больше на лечение потратим! И вряд ли вылечим, ты видела её лицо?! Она уже никогда не будет красивой.

— Не истери, говорю! Ватсон сказал, что лазерная шлифовка всё исправит.

— Ничего она не исправит, это же рваные, а не резаные раны! Да и не только лицо, она вся — в лоскуты! Ещё не факт что выживет.

— Выживет, раны не опасные. Сейчас кровь перельём, и очухается.

Кровь... Теперь к напоминанию о боли добавилось напоминание о страхе. Медовое марево поменяло цвет, стало багровым, сгустилось, уже не несло меня, а сжимало со всех сторон.

— Очухается, а потом ещё сколько её лечить?

— Сколько надо, столько и будем лечить! — колокольчиковый голос тоже изменился, в нём зазвучала сталь, — С каких пор ты оспариваешь мои решения?

— Не оспариваю! Поздно уже оспаривать, она здесь. Просто не понимаю, первый раз вижу, чтобы ты так глупо тратила деньги.

Колокольчик снова зазвенел, почти весело:

— У меня интуиция, Карл, ты должен это помнить. И интуиция мне подсказала, что эта потрёпанная куколка нам ещё очень пригодится.

— Это уже не куколка, — мужской голос напротив стал ещё более мрачным, — И ею не станет, хоть зашлифуйся. Вот со второй ты не ошиблась, хоть и придётся ждать, пока подрастёт. Сколько им обеим?

— Двенадцать. И ждать не обязательно, не мне тебе рассказывать.

— Ну, со второй-то возможно, а вот эта ободранная, ещё неизвестно когда вообще на ноги встанет.

— Не нагнетай. Раны хоть и глубокие, но кости целы, сухожилия не порваны. Девчонки — как кошки живучие, по себе знаю.

— Полицайи совсем оборзели — такие деньги драть за брак...

Багровое марево стало тяжёлым, давило со всех сторон, норовило залиться в нос и рот, вернуло мне боль, ноющую — в руках и ногах, резкую и дёргающую — в лице. Оказывается, тело никуда не делось, оно оставалось со мной и теперь напоминало о себе, плакало, жаловалось. Только чем я могла ему помочь?

— Кажется, пошевелилась. Надо сказать Ватсону, чтобы дозу увеличил.

— Не лезь не в своё дело, — колокольчиковый голос отдалился, звучал глухо, — Пойдём, не будем ему мешать.

Раздались удаляющиеся шаги, что-то стукнуло, и наступила тишина. Я надеялась, что уж теперь-то ничто не помешает мне уплыть по молочным рекам, оторваться от плачущего тела, дать отдохнуть и ему, и себе. Но из багрового марева внезапно сунулась ко мне оскаленная чёрная морда с горящими глазами и длинными белыми клыками в клочьях пены. Сунулась, рывкнула, и бросилась в лицо. А вместе с ней бросились воспоминания, принялись рвать душу, как недавно звериные клыки рвали тело.

Я попыталась закричать, закрыть руками, но густое марево не давало пошевелиться, и не выпускало крики, заталкивало их обратно в рот, душило.

Неожиданно сквозь него протянулась прохладная рука, легла на лоб, и голос, не похожий на те, что звучали до этого, сказал:

— Тихо, тихо... ох и сильная ты, девка! Казалось бы — в чём душа держится, места живого нет, а наркоз не берёт. Ничего, сейчас добавим...

Комар укусил в руку. Это был хороший комар, потому что от его укуса стало легче, багровое марево отступило, смягчилось, снова налилось янтарным светом. Я всхлипнула от облегчения, тело перестало плакать, и отправилось, наконец, по своим делам. А я — по своим, по молочным рекам, меж кисельных берегов...

Глава 1.

Поезд.

Звёзды падали совсем недолго. Гораздо дольше горела церковь. Каждый раз, оглядываясь назад, мы видели оранжевое зарево, сияющее на полнеба. Правда, оглядываться

много нам не пришлось. После краткого отдыха на вершине холма, подъём на который дался с таким трудом, мы снова бежали по дороге сколько могли бежать. Потом перешли на быстрый шаг, а вскоре впереди засветились фары машины, и пришлось торопливо шмыгнуть в лес, после чего возвращаться на дорогу уже не хотелось. Мы шли по лесу наугад пока ночь не начала сереть, а силы не покинули нас окончательно. Тогда опустились на землю, прислонившись к могучей сосне и прижавшись друг к другу.

Усталость, как моральная, так и физическая была так велика, что даже разговаривать не хотелось. Не хотелось ничего обсуждать или строить дальнейшие планы, тишина казалась благословением. Я попыталась сообразить, как далеко нам удалось уйти от приюта, но в голове сплошные леса, дороги, и ночные тени замкнулась в заколдованный круг. Я почувствовала, как Яринка всё тяжелее наваливается на меня, и поняла, что в ближайшие часы двигаться дальше не получится.

Мы расстелили на земле одно пальто, укрылись вторым, и положили под головы наши сумки, которые, благодаря упиханным в них Яринкиным нарядам оказались мягкими и тугими как подушки. Так и уснули, согреваясь друг о друга, вздрагивая от недавно пережитого...

... Растревожил меня солнечный луч, упавший на лицо. Я пыталась отворачиваться от него, прятаться под одеяло, но одеяло стало странно неудобным и никак не натягивалось на голову. Вдобавок к этому, неожиданно кто-то сильно дёрнул его на себя. Я приоткрыла глаза, и сразу проснулась — резко, рывком. Не было никакого одеяла, было пальто, которое я чуть не стянула с Яринки, и в которое она вцепилась, не просыпаясь.

Какое-то время продолжала лежать, разглядывая окружающий нас утренний лес и восстанавливая в памяти вчерашние события. Солнце ещё не успело подняться высоко, из чего я сделала вывод, что проспали мы не долго, было довольно свежо, и очень влажно от выпавшей росы, сильно пахло хвоей. Пели птицы. Больше, сколько я не прислушивалась, ничего не слышала.

Странно это было — проснуться не на своём верхнем ярусе нашей с Яринкой кровати, не в тёплой постели под укрытием стен и крыши, а вот так — на земле, в одежде и обуви. Словно я всё ещё спала и видела сон, который был бы даже приятным, если бы не ноющие мышцы, искусанное комарами лицо, и замёрзшие ноги.

— Вторник, — зачем-то сказала я вслух, и ужаснулась, поняв, что при самом удачном раскладе, просыпаться нам вот так, голодными и холодными, ещё три раза. Если, конечно, нас не поймают раньше.

Последняя мысль заставила меня сесть. Не важно, который сейчас час, но наша пропажа в приюте уже обнаружена, а значит и погоня в пути.

— Ярина, — я потрясла подругу за плечо, а когда она, застонав, попыталась оттолкнуть мою руку, затрясла сильнее, — Ярин, надо идти!

Яринка долго моргала, оглядывалась с потерянным видом, и безудержно зевала. А первым про что спросила, было:

— А воды нет?

Вода. Вчера мы переживали из-за того, что придётся четыре дня голодать, но ни разу не подумали о воде. И вот сейчас, после сумасшедшей ночи, изматывающего бега, и короткого, но очень крепкого сна, есть не хотелось совершенно, зато очень хотелось пить. Я остро осознала это после Яринкиных слов.

Мы побродили между деревьев, пытаюсь слизывать росу с травы и листьев, но это лишь

раздразнило жажду.

— Пойдём, — наконец решила я. — Пойдём вперёд, и может быть, наткнёмся на ручей.

Яринка мрачно кивнула. Мы обе помнили, что, судя по карте местности, которую изучили вчера, поблизости не было водоёмов. Но вот ручьи... ручьи, возможно, были.

Накинув пальто, и подобрав сумки, мы побрели через лес. К счастью, таёжные навыки я не растеряла, и, ориентируясь по солнцу, придерживалась курса, уводящего нас всё дальше от приюта. Но очень скоро деревья впереди расступились, и мы увидели бетонный забор с возвышающимися за ним строениями и трубами, от которых шёл низкий и ровный гул.

— Что это? — спросила я Яринку хриплым шепотом — от жажды рот и горло словно кто-то выстлал наждачной бумагой.

— Какой-то завод, — так же ответила Яринка, — Нечего нам тут делать.

С этим я согласилась, и мы стали огибать забор на безопасном расстоянии, пока не вышли на дорогу. Дорога оказалась более узкой чем та, по которой мы двигались ночью, но прямой, как стрела, она упиралась в широкие ворота, возле которых (это мы увидели даже из леса) прохаживались мужчины в пятнистой камуфляжной форме. И это заставило нас повернуть назад, как красные флажки заставляют загнанных волков поворачивать навстречу пулям. Не то, чтобы мужчины в форме напомнили мне Белесого, но интуиция ясно подсказала — через дорогу нам не надо.

Мы снова двинулись вдоль бесконечного забора, но уже в обратном направлении, надеясь обойти внезапно возникшее на пути препятствие с другой стороны. Время перевалило за полдень, жара заставила нас снять пальто и нести их в руках, затрудняя и без того не слишком быстрое передвижение. А пить хотелось всё сильнее.

Забор в итоге не кончился, но повернул вправо, дав нам возможность встать на прежний курс. И мы шли пока низкое гудение не стихло позади, а высокие полосатые трубы не скрылись за верхушками сосен. Только тогда устроили привал. Честное слово, если бы у нас было чем перекусить, а главное что попить, привал показался бы намного лучше, почти как праздничный пикник в честь обретённой свободы. А так мы просто посидели на краю солнечной поляны, слушая птиц, и давая отдых гудящим ногам. Но даже отдохнуть толком не получилось, жажда гнала нас дальше, на поиски воды. И образ прозрачного звонкого ручья уже давно уступил место мечтам хоть о какой-нибудь луже. Сейчас мы бы и росу стали собирать в ладони по капелькам, чем пренебрегли утром. Но вся роса давно высохла.

Чувствовала ли я все эти часы радость от долгожданной свободы? Да, чувствовала, но она пряталась за усталостью, за жаждой, и за страхом быть пойманными. Пока мы не справились даже с половиной поставленных задач. Нужно было как-то протянуть ещё четыре дня, а в ночь на пятый добраться туда, откуда всё началось — почти к самому приюту, к нашему лесу, на перекрёсток дорог, где нас должна будет ожидать машина. А вот когда я сяду в эту машину, переложу заботу о себе и подруге на плечи друзей Дэна, *других*, тогда и порадуюсь от души.

Яринка тоже не выглядела счастливой. Да, она с интересом озиралась вокруг, шагала легко, и не жаловалась, но с её лба не исчезала тревожная складочка, а пальцы нервно подрагивали.

Ближе к вечеру мы снова вышли к забору, на этот раз деревянному, покосившемуся, с недостающими в нём досками. Из-за него виднелись такие же деревянные крыши и верхушки лиственных деревьев.

— А это что? — снова спросила я у Яринки, не узнавая своего голоса — он

растрескался от сухости, как трескается земля, долго не видевшая дождя.

На этот раз она ответила не сразу, шурилась, прикрывая рукой глаза от солнца, жевала губы.

— Кажется, сады.

— Какие ещё сады? — не поняла я.

— Ну, вроде вашей деревни, — попробовала объяснить подруга, — Только люди здесь не живут, а приезжают летом, растят овощи, зелень, отдыхают.

— А здесь охрана есть?

— Сторожа должны быть.

Словно подтверждая эти слова, за забором залаяла собака, причём таким низким и густым голосом, которого я раньше не слышала. Наши маслятовские лайки были звонкоголосые как бубенчики, а этот лай больше походил на взрёвывание медведя.

Яринка изменилась в лице и попятилась.

— Ты чего?

Я это... — подруга нервно оглядывалась, — Собак боюсь. Меня кусали.

Я слегка пожалала плечами. Меня тоже кусали пару раз, ещё меня царапали, лягали, бодали, и клевали — когда тесно общаешься с живностью, конфликтов не избежать. Но как можно бояться домашних животных, я всё равно не понимала.

— Да брось, она же наверняка там привязана, — попробовала я успокоить подругу, но она затрясла головой.

— Может, привязана, а может, и нет. Давай уйдём, пока нас не увидели?

Но я не могла уйти. Перед глазами маячила всплывшая из памяти картина — большая жестяная бочка, которую мы ставили в огороде для сбора дождевой воды на полив грядок. И не только мы, это делали все деревенские — не таскать же каждый раз вёдра из колодца. Так может быть и здесь поступают так же?

— Яринка... тут должна быть вода.

— Ага, а ещё нас тут могут увидеть! — зашипела подруга, пытаюсь за рукав оттащить меня назад, в лес, — О нас уже по-любому по телику передавали, мы в розыске! Увидят, позвонят в полицию, и всё.

— Да подожди ты. Видишь, дыра в заборе? Постои тут, а я только загляну и обратно. Если увижу бочку с водой или колодец, мы сможем ночью пробраться туда и попить.

Мысль о том, что придётся ждать темноты, когда вода — вот она, рядом, повергла меня в отчаяние, но отступать я не собиралась. В любом случае найти воду здесь было куда вероятнее, чем в лесу.

Мягко вывернувшись от пытающейся удержать меня Яринки, я, пригнувшись, потрусила к забору.

Одной отсутствующей в нём доски вполне хватило, чтобы протиснуться на территорию садов. Оказавшись по ту сторону, я торопливо присела. Прислушалась. Собака больше не лаяла, но до меня доносились детские голоса и стук молотка по дереву. Люди здесь, несомненно, были, оставалось лишь выяснить насколько близко. Хорошо хоть дом, рядом с которым я оказалась, выглядел нежилым: не копанные грядки, заросшие травой дорожки между ними, тусклые, давно немытые окна.

Не выпрямляясь, почти на четвереньках, я пробралась до одной из теплиц, заглянула внутрь сквозь пожелтевшую от старости плёнку, и ещё больше успокоилась, увидев потрескавшуюся землю с торчащими из неё засохшими прошлогодними стеблями огурцов.

Да, в этом году хозяева здесь или не бывали, или по какой-то причине не торопились с огородом.

Обогнув теплицу, я выглянула с другой стороны и замерла. Бочка. Жестяная бочка, почти как та, что была у нас в Маслятах, только не крашенная, стояла у угла дома под водостоком.

Забыв про осторожность, я метнулась вперёд, поскуливая от нетерпения, ухватила пальцами за край бочки, доходивший мне до груди, перегнулась через него... и почти окунулась лицом в воду. В прекрасную, душистую, отражающую небо и солнце воду!

К своему стыду я совсем забыла про Яринку, не стоило начинать пировать без неё. В оправдание могу лишь сказать, что заняло это не больше минуты. Обняв бочку как некогда потерянного, но вновь обрётённого друга, я пила огромными глотками, давась и захлёбываясь, отчаянно фыркая от попадающей в нос воды, но и не думая отстраниться. А когда, наконец, отвалилась в сторону, живот мой, казалось, не уступал объёмами самой бочке.

Только сейчас я додумалась вновь пригнуться, и медленно поползла обратно, чувствуя удивительную наполненность и гармонию с миром. И как мало, оказывается, нужно для счастья...

Увидев меня, со съехавшими в кучу осоловевшими глазами и глупой улыбкой на губах, Яринка сразу всё поняла.

— Вода?! Где?

Я махнула рукой себе за спину, и подруга тут же кинулась туда, забыв про свой страх перед собаками.

Когда мы обе, напившиеся до одурения, ополоснувшие лица и руки, вернулись за забор, в лес, и растянулись там на траве, я сказала:

— Думала, помру. Никогда в жизни так не хотелось пить.

— Я тоже, — тяжело отдуваясь, ответила Яринка, — Теперь понимаю папашку, когда он говорил, что у него сушняк и что он сейчас сдохнет.

— Сушняк? — не поняла я.

— Ну, похмелье. Когда люди пьют, им утром плохо делается.

Это я знала. У нас в Маслятах баба Тася делала брагу, которую взрослые пили по праздникам. Но случалось это редко, и на следующее утро никто не подыхал, хоть и любили подшучивать друг над другом на эту тему.

— Подожди, — внезапно вспомнила я, — А разве в городе можно так пить? Разве продают?

Яринка фыркнула:

— Знать надо, где продают. Батя знал. Если бы и я знала как оно всё дальше будет, то заложила бы его на фиг.

Мы замолчали. Солнце уже клонилось к западу, но грело ощутимо, в лесу не шевелился ни один листок. Похоже, лето в этом году пришло раньше.

Незаметно для себя я задремала, убаюканная теплом и тишиной. Яринка видимо тоже, потому что прозвучавший внезапно грохот застал врасплох нас обеих. Резко сев, я затрясла головой, начала оглядываться, не понимая куда пропал солнечный свет и почему деревья вокруг гнутся и стонут.

— Гроза! — первой сообразила Яринка, — Сейчас ливанёт!

Я запоздало посетовала на себя за несообразительность. Следовало ожидать, ведь

парило целый день, и ветра не было. Вот ведь закон подлости! Первая майская гроза и, разумеется, именно тогда, когда мы остались без крыши над головой.

— Дайка! — Яринка вскочила на ноги и бестолково заметалась между деревьями, — Надо куда-то спрятаться! Если мы промокнем — ночью дуба дадим!

Так точно, дадим. В сыром после ливня лесу одежда будет сохнуть целую вечность.

— Теплицы! Давай в теплицу!

Подхватив с земли пальто и сумки, и чуть приободрившись, мы снова побежали к забору. Но, как выяснилось, приободряться было рано. Когда мы забрались под прикрытие натянутой на металлический каркас тепличной плёнки, я поняла, что убежище это никудышное. Конечно от дождя оно укрыло бы нас отлично, но не от взгляда того, кому бы вдруг вздумалось посмотреть в нашу сторону.

— Не годится! — я начала выпихивать Яринку наружу, но она упиралась, — Теплица вся прозрачная, нас видно!

— Куда тогда?!

Отчаявшись вытолкать подругу под надвигающийся дождь, я вылезла сама, и кинулась к дому, прижалась к стене. Но козырёк крыши, нависающий надо мной, был слишком узок и не мог послужить укрытием. А гроза была уже близко, молнии вспарывали тучи над лесом, крепкий ровный ветер гнул кусты и травы к земле. Тогда я скользнула за угол, огибая дом, и там нашла то, что искала.

Небольшая деревянная веранда за сплошными перилами. Чуть не взвизгнув от такой удачи, я повернулась, чтобы привести сюда Яринку, но та уже оказалась рядом, и по ступенькам на веранду взбежала раньше меня. А там мы уселись на пол, невидимые с улицы, защищённые от дождя и от ветра, снова почти счастливые.

И сразу с неба рухнула водяная стена.

Яринка что-то весело прокричала, но я не услышала её за шумом дождя и раскатами грома. Мы отползли в угол веранды, куда не долетали брызги, и легли, постелив пальто на дощатый пол. Бессонная ночь давала о себе знать, ливневая пелена отгораживала нас от остального мира, создавая иллюзию безопасности, и мы почти сразу уснули, не взирая на вспышки молний и грохот.

Сколько шёл дождь? Я не знаю. Когда открыла глаза, было темно и тихо, лишь звенели где-то капли. Яринка мирно сопела, уткнувшись мне в плечо. Судя по затёкшему, одеревеневшему телу, я очень долго пролежала в одной позе. Да и сна не было ни в одном глазу, и ноги перестали гудеть, что явно говорило в пользу того, что на сей раз мне удалось выспаться. Это и обрадовало, и напугало. Обрадовало потому, что я знала, как важен сон, особенно в такие трудные времена, какие наступили сейчас у нас. А напугало тем, что теперь, когда жажда и усталость отступили, дал знать о себе голод. Быстро прикинув в уме, я поняла, что у нас не было ни крошки во рту уже больше суток. Но удручало не это. Если даже сейчас так ужасно хочется есть, что же будет с нами к исходу четвёртого дня? Мы вообще сумеем идти? Сможем явиться на место встречи с *другими*?

Осторожно выбравшись из-под пальто и укрыв им Яринку, я сходила до бочки с водой, где снова от души напилась. Пить не хотелось, но я ещё слишком хорошо помнила недавние муки жажды. А ещё надеялась, что сумею хоть чуть-чуть обмануть этим голод. Не вышло, только в животе начало громко бурчать, словно бедный мой организм ругался за такое издевательство.

Вздыхнув, я снова забралась под пальто и, прижавшись к Яринке, стала глядеть в ночное

небо. Оно уже не было звёздным как прошлой ночью, теперь его закрывали низкие тучи, и оставалось лишь надеяться, что дожди не зарядят на несколько дней. Не можем ведь мы ещё почти трое суток отсиживаться на этой веранде.

Если бы я тогда знала, что отгремевшая недавно гроза спасла нас с Яринкой, то наверно сейчас не смотрела бы на тучи так сердито и уныло.

Церковь удалось потушить лишь под утро, но толку от этого получилось мало — изнутри она выгорела полностью, остался лишь кирпичный каркас с чёрными, обуглившимися колоколами... Когда пожарные машины уехали, и полиция занялась выяснением причины возгорания, охрана подняла записи с камер. И им не понадобилось много времени для того, чтобы отыскать на них кадры с двумя девичьими фигурками, сначала тайком пробирающимися к церкви, а потом убегающими от неё к забору. Агафья к тому времени тоже обнаружила наше отсутствие, вот всё и сошлось. Полицейские собаки напали на наш след за забором ближе к полудню, и уверенно повели за собой преследователей. Думаю, что они были уже недалеко, когда разразилась гроза и упавший с неба плотный ливень смыл наши следы, остановив погоню.

Но всё это я узнала намного позже, а сейчас зябко ёжилась на дощатом полу чужой веранды, глядя как над деревьями встаёт серый рассвет, а от земли поднимается туман. В этом тумане застучал колёсами, протяжно прокричал поезд. На этот раз звук был гораздо ближе и яснее, чем слышался из приюта. Отвечая ему, неподалёку снова по-медвежьи забухала собака, и Яринка завозилась рядом, жалобно застонала во сне. Я постаралась прижаться к ней плотнее, дать почувствовать поддержку, но чёртова псина не унималась, и, в конце концов, разбудила мою подругу.

— А еды нет? — совсем как в прошлое утро про воду спросила Яринка, перестав протирать глаза, и потеряно оглядываться.

— Знаешь же, что нет, — устало ответила я.

— А если... на огородах поискать? В других теплицах?

Я об этом уже успела подумать, пока лежала, но... начало мая, и боюсь, что многие владельцы здешних огородов, по примеру хозяина нашей гостеприимной веранды, пока ничего не сажали, и тем более не вырастили. Ещё я успела подумать о том, чтобы попытаться забраться в один из домиков и поискать запасы, но сразу отмела эту идею. Во-первых, велик шанс попасться, во-вторых, что мы можем найти кроме круп или картошки, которых нам всё равно негде приготовить? Не думаю, что кто-то станет оставлять здесь быстро портящиеся продукты.

Мысли подруги, как выяснилось, текли в том же направлении, потому что она сказала:

— Раньше бомжи забирались в дачные домики и даже жили там, пока хозяев нет.

— Кто забирался?

— Бомжи. Ну, так называли бездомных людей, батя рассказывал. А потом, когда стали сажать в тюрьму за тунеядство, их всех переловили. Так что наверно можно залезть к кому-нибудь, найти поесть...

Её прервал вновь раздавшийся собачий лай. И на этот раз лай был не ленивым, таким, каким собаки развлекают себя в минуты безделья, а яростным, заполошным. Забренчала цепь, а потом, перекрывая эти звуки, прозвучал длинный требовательный автомобильный сигнал.

Мы рывком сели.

— Кто-то приехал, — шепнула Яринка, но я подняла руку, призывая её к молчанию.

Раздался сердитый мужской оклик и собака замолчала. До нас донеслись обрывки разговора. Кем ни были прибывшие, они не торопились проезжать в сад, а о чём-то деловито и строго расспрашивали сторожа. Спасибо туману, любезно донёсшему эту информацию до наших ушей. Я почувствовала, как волоски по всему телу встают дыбом — непередаваемое ощущение, пришедшее к нам, надо думать, от далёких, ещё мохнатых предков. И кто-то из этих предков сейчас протянул через тысячелетия мохнатую свою лапу, и ею ощутило пихнул меня в бок.

— Уходим! — я вскочила, сдёрнула пальто с Яринки.

— Ты чего? — возмутилась было она, но я яростно зашипела.

— Тихо ты! Туман далеко звуки разносит. Думаю — это за нами, ищут.

— Да с чего ты взяла? — тем не менее, подруга встала, потянула на себя сумку, — Дачники приехали, вот и всё.

— Может быть. А может, и нет, — не рассказывать же ей про вставшие дыбом волоски и мохнатого предка, — Всё равно надо уходить, нельзя долго на одном месте. Иди попей, и пойдём.

Мы напились впрок, не смотря на то, что воды сейчас, после ливня, вокруг хватало, могло даже быть и поменьше. Обувь и низ колготок у нас стали мокрыми сразу, как только мы выбрались за забор и вступили в лес, а позже благодаря туману и падающим с листьев каплям, отсырела и остальная одежда. Чтобы не замёрзнуть мы шли быстрым шагом, иногда переходя на бег, уходя всё дальше от приютивших нас на ночь садов. Дождя больше не было, и на том спасибо, но вот туман очень затруднял передвижение. В нём я быстро потеряла любые ориентиры и вела подругу наугад. Впрочем, сейчас это было уже не важно, мы не преследовали цели прийти в некую конечную точку, нам просто нужно было двигаться. Мы и двигались, стараясь не замечать голода, грызущего нас изнутри, и рождённой им слабости в ногах. Несколько раз пересекали тропки, однажды вышли к линии электропередач на широкой просеке, но в основном вокруг был лишь сырой лес.

Когда по моим прикидкам наступило позднее утро, туман, наконец, рассеялся. Но тучи не разошлись, было по-прежнему пасмурно и прохладно. Идти мы уже устали, но садиться на мокрую траву совсем не хотелось, поэтому продолжали кое-как плестись вперёд.

— Мы ведь к вечеру вернёмся в сады? — уныло спросила Яринка, — Надо искать еду, я ещё два дня так не выдержу.

— Вернёмся, — успокоила я, не став уточнять, что думаю по поводу шансов раздобыть там хоть что-то съестное.

— И как только раньше жили эти... как их... бомжи? — голос подруги звучал изнеможенно, она делала паузы между словами, словно даже собраться с мыслями ей теперь было тяжело, — И ведь они даже зимой выживали, что же нам так плохо?

Никогда не надо жаловаться. Никогда. А в особенности, говорить, что тебе плохо. Потому что бог, судьба, вселенная, назови как хочешь, не упустит возможности доказать, что может быть ещё хуже. Намного, намного хуже.

Не успела Яринка договорить роковую фразу, как далеко в лесу, у нас за спинами зазвучал собачий лай. И был это не простой лай, а лай азартный. С таким лаем наши маслятовские лайки гнали добычу по тайге.

Яринка замерла с повисшей в воздухе ногой, её ресницы задрожали, рот жалобно округлился.

— Собаки...

— Если бы только собаки, — я дёрнула подругу за руку, выводя из ступора, — Это могут нас искать! Бежим...

Просить дважды не пришлось, Яринка рванула вперёд с такой резвостью, что временно оставила позади даже меня. Я спешила за ней, изо всех сил стараясь подавить прущую из подсознания панику, густой тёмный страх загнанного зверька, лишаящий воли и разума. Нельзя полагаться на одни инстинкты, сейчас, как никогда нужно думать головой. Хотя, о чём тут думать? Спрятаться посреди леса, если нас действительно преследуют собаки, не удастся, а значит остаётся одно — бежать, пока хватит сил.

И мы бежали.

Ветки трещали под ногами, обувь давно промокла насквозь, а одежда была заляпана летящей из-под ног грязью. А ещё очень давала о себе знать слабость — следствие голода и усталости, и уже через каких-то минут десять я поняла, что долго нам уходить от погони не удастся. Яринка, теперь слегка отстающая от меня, дышала хрипло и надсадно, иногда судорожно кашляла, а один раз упала, зацепившись ногой за что-то скрытое в траве. Я помогла ей встать, и уже не отпускала руку подруги. Но нам всё равно скоро пришлось перейти на шаг, чтобы иметь возможность восстановить дыхание.

Погони больше не было слышно, но это ни о чём не говорило. Вовсе не обязательно собакам лаять без перерыва, чаще они идут по следу молча. Конечно, есть надежда, что мокрый лес не будет хранить следы долго, или, что это вообще не погоня, а те же дачники, выгуливающие в лесу своих питомцев... только что-то, похожее на пристальный взгляд в затылок, ясно говорило мне, что такие надежды напрасны.

Лес пошёл под уклон, и я обрадованно потащила Яринку в низину. Если там ручей или болотце, то у нас есть шанс сбить погоню со следа, пусть даже ради этого придётся окончательно вымокнуть. Но скоро впереди среди деревьев наметился просвет, и пришлось замедлить шаги, а потом и вовсе остановиться.

Мы опять вышли к людям.

— Что это? — спросила я Яринку, которая тяжело дышала, привалившись к ближайшему сосновому стволу. Сама я, как ни приглядывалась, не могла понять, что вижу там, где обрывалась линия деревьев. Вроде бы снова забор? Только на этот раз не бетонный, и не деревянный, а... железный? И запах... не то гарь, не то дым. Снова завод?

Яринка проследила в направлении моего взгляда, и устало выдохнула:

— Железка...

Мне это совершенно ничего не объяснило, и, решив, что раз идти назад всё равно нельзя, и выбора у нас нет, я осторожно двинулась дальше. Но лишь приблизившись почти вплотную к странному "забору" и разглядев под ним ряды больших металлических колёс, я поняла, что вижу. Поезд. Товарный поезд на рельсах тянулся перед нами в обе стороны без конца и края.

Так вот откуда доносился стук колёс и гудки тепловозов, которые были слышны по ночам в приюте...

Мы вышли из леса и приблизились к составу. Яринка опустилась на колени, заглянула под железное брюхо ближайшего вагона. Не поднимаясь на ноги, сказала:

— С той стороны дома. Похоже, это какая-то станция.

Я почувствовала бесконечную усталость. Выходит, и вперёд нам тоже нельзя. Кто угодно, увидев двух мокрых, заляпанных грязью девочек в одинаковой одежде, с самодельными рюкзаками, и растрёпанными косами, заподозрит неладное. А учитывая то,

что, скорее всего наши лица уже висят на каждом столбе и мелькают в теленовостях, то отправиться к людям — всё равно, что назад, в руки преследователей.

Стоило подумать о погоне, как она дала о себе знать — далеко в лесу снова залаяла собака. Яринка дёрнулась всем телом.

— Мы не успеем обойти поезд, придётся лезть под ним!

— Куда лезть? — уныло спросила я, — На той стороне люди.

— Лучше люди, чем собаки, — Яринка так и не встала на ноги, и явно примеривалась, как проскочить под вагоном подальше от устрашающих пар могучих колёс.

— Я не полезу под поездом, — торопливо предупредила я, — Вдруг он поедет?

— Ага, столько стоял и не ехал, а тут так обязательно поедет, — закатила глаза Яринка.

Вот всегда подозревала, что у подруги, как выражались у нас в Маслятах "поганый" язык. Что недавно в лесу она накаркала погоню своей жалобой, что сейчас. Не успела я ничего ответить на это её воистину несчастливое высказывание, как поезд вздрогнул всем своим бесконечным железным туловищем. От начала состава к его хвосту прокатился рокот, и я отпрыгнула назад, а Яринка, уже подобравшаяся почти к самым колёсам, клубком откатилась в сторону.

— Ай, мама! — она торопливо вскочила, зачем-то трясла ладонями, — Вот зараза!

Товарняк поехал. Очень медленно его чудовищная тяжесть двинулась по рельсам, заставляя вздрагивать землю под нашими ногами. Я невольно залюбовалась этой картиной, испытывая трепет и восхищение. Никогда до сего момента мне не доводилось видеть поезда живую, да ещё так близко. Дисплей планшета, и даже большой экран телевизора в уютской гостиной, оказываются, не передавали и десятой доли стальной мощи этого ожившего чудовища. Невозможно было поверить, что гигантская грохочущая змея сделана руками человека.

— Пригнись! — Яринка дёрнула меня за руку.

— Что? — заворожённая зрелищем медленно набирающего скорость товарняка, я не сразу сообразила, что напугало мою подругу. А когда увидела — торопливо присела на корточки. До этого мимо ползли высокие глухие вагоны-контейнеры, но сейчас к нам приближались открытые платформы с невысокими бортиками, которые уже не могли бы скрыть нас от взглядов с другой стороны.

Теперь мои глаза оказались на уровне всё быстрее и быстрее катящихся по рельсам колёс, за которыми можно было видеть фонарные столбы, ещё дальше — улочку с деревянными домами, и... бредущих по этой улочке двух мужчин в форме железнодорожной полиции. Были они ещё далеко, но с каждым шагом неумолимо приближались.

Вот и закончилась наша беготня. Сейчас поезд пройдёт мимо, и мы окажемся в клещах, как на ладони между надвигающейся из леса погоней, и двумя скупающими полицейскими, которые точно не замедлят к этой погоне присоединиться.

Яринка тоже увидела новую опасность. Она шумно втянула воздух сквозь сжатые зубы, загнанно оглянулась через плечо на деревья, из-за которых вот-вот должны были появиться преследователи, вдруг снова дёрнула меня за руку.

— Дайка, делай как я!

И, резко сорвавшись с места, кинулась к движущемуся составу.

Раскрыв рот, я смотрела, как она подбежала вплотную к одной из платформ, несколько метров трусила рядом, а когда поравнялась с короткой металлической лесенкой, ухватилась за неё руками, и запрыгнула на нижнюю ступеньку. Призывно оглянулась на меня. Только

тогда я поняла, что уже бегу следом, бегу движимая одним желанием — не позволять увеличиться расстоянию между собой и подругой.

Яринка перегнулась через низкий бортик платформы и кувыркнулась вниз, но тут же приподнялась, снова замахала мне рукой. Я догнала уже довольно резво движущуюся над землёй лесенку, ухватилась за неё, чуть не потеряв при этом равновесие. Неуклюже побежала рядом, обмирая от близости грохочущего чудовища.

— Прыгай! — крикнула Яринка, — Быстрее!

Я сама понимала, что надо быстрее, ноги уже еле успевали за ускоряющейся платформой, но не могла побороть боязнь. Казалось, стоит только оторваться от земли, и я упаду под огромные вращающиеся колёса, хищный блеск которых видела у себя под боком.

— Прыгай! — снова закричала Яринка, — Насыпь!

Я не сразу поняла, что она имеет в виду, но проследила за взглядом подруги и от страха чуть не отпустила лесенку. Впереди начинался подъём, земля уходила вниз, и её заменяла крутая насыпь из щебня. Бежать по которой я бы точно не смогла.

— Да прыгай же!

Зажмурившись от страха и судорожно вдохнув, я толкнула себя вверх и вбок, прижавшись грудью к мокрому и холодному металлу лестницы, на миг повисла на руках, заболтала ногами. И встала коленом на нижнюю ступеньку. Опасливо глянула вниз, торопливо подтягивая вторую ногу. Подо мной уже проносилась щебёнка...

— Залазь! — Яринкины пальцы вцепились в мой рукав, и я торопливо поползла по лестнице. К счастью она была очень короткая, и скоро я совсем как недавно подруга, кувыркнулась через борт на дно платформы. Ошалело начала приподниматься на четвереньки, но Яринка навалилась сверху, прижала всем весом.

— Не высовывайся, могут увидеть!

И то верно. Поезд набирал ход, уносил нас прочь от погони, но если кто-то успел заметить нашу "посадку", хотя бы те полицейские на дороге, то пиши пропало. С этой платформы мы никуда не денемся, скорость уже такая, что прыгать нельзя.

Несколько минут мы лежали без движения, приходя в себя. Наконец, я приподняла голову и попыталась выглянуть за бортик. Станция, или что это было, давно осталась позади вместе с полицейскими, теперь мимо с обеих сторон летел только лес. Я смотрела на него и постепенно испуг начал сменяться осторожной радостью. Оторвались?

Словно отвечая на мой незадаанный вопрос, Яринка весело прокричала рядом:

— Они нас не заметили! Я видела, когда мы уезжали, они смотрели в другую сторону! А те, с собаками, из леса так и не вышли!

— Молодец! — прокричала я в ответ — несущийся товарняк гремел так, что разговаривать тише не имело смысла, — Как ты классно это придумала!

Яринка сияла. И надо сказать, имела на это полное право. Вот так красиво уйти из клещей, из казалось бы безвыходной ситуации, дано не каждому. Повинуясь радостному порыву мы обнялись, и, продолжая держать руки на плечах друг друга, восторженно смотрели на мчащиеся назад деревья. Ветер ревел вокруг, трепал наши волосы и одежду, охлаждал разгорячённую кожу. Вибрация чудовищной тяжести состава передавалась в моё тело через дно платформы, и на какой-то миг, почувствовав себя одним целым с мчащимся вперёд железным зверем, я чуть не завизжала от восторга. Наверно и завизжала бы, всё равно визг не был слышен за грохотом колёс, но где-то глубоко внутри, за восторгом и ликованием, царапался беспокойный червячок. А прислушавшись к нему, я уже по-другому посмотрела на

несущийся мимо бесконечный лес.

И спросила у Яринки:

— А как мы теперь назад?

Глава 2.

На свободе.

— А как мы теперь назад? — тревожно спросила я у Яринки, но она поглядела на меня совершенно безмятежно.

— Да так же. Дождёмся, когда поезд остановится, и спрыгнем. А потом по рельсам обратно, времени у нас полно.

И я успокоилась. Действительно, впереди ещё почти трое суток, по крайней мере, будет чем их занять, вместо того чтобы бесцельно ходить кругами по лесу.

Мы устроились у бортика, положив на него руки, и любовались проносящимися мимо пейзажами. Когда попадался переезд или жилые дома, приходилось снова ложиться на дно платформы, но это случалось не часто. Вдобавок ко всем радостям, тучи, обложившие небо со вчерашней грозы, начали быстро рассеиваться, показалось солнце, и под его лучами и встречным ветром наша сырая одежда начала стремительно сохнуть.

Так прошёл час. За ним другой. А поезд и не думал останавливаться. Я всё чаще косилась на Яринку и видела, как постепенно безмятежность на её лице уступает место сомнениям, а на лбу всё яснее обозначается знакомая тревожная складочка.

Когда солнце на уже совершенно безоблачном небе минуло зенит и начало склоняться к западу, я придвинулась к подруге и прокричала сквозь грохот колёс:

— Ярин, когда он остановится?

Она замешкалась с ответом, что само по себе было очень дурным признаком, а потом призналась, избегая моего взгляда:

— Я раньше только на электричках ездила! Они останавливались очень часто! А этот... не знаю...

Я помолчала, пытаюсь осознать серьёзность этого заявления. Вот же Яринка... электрички у неё! Но обвинять подругу не было ни желания, ни смысла, всё равно она молодец, что придумала запрыгнуть на этот поезд, ведь тогда иного выхода у нас не было. Если бы не это, сейчас, скорее всего, быть нам уже пойманными.

В течение дальнейших нескольких часов мы не разговаривали. Не потому, что трудно было каждый раз перекрикивать грохот мчащегося в неизвестность состава, а просто — о чём теперь говорить? Поезд не останавливался, он, равнодушно стуча колёсами, увозил нас всё дальше от приюта, от нашего леса, от встречи с *другими*. Я не знала его скорости и никак не могла её измерить, но уже понимала, что позади осталось такое расстояние, которое нам не пройти пешком и за две недели, не то что за три дня. Сначала я тешила себя мыслью, что мы сможем так же запрыгнуть на другой поезд, идущий в обратном направлении, и вернуться. Но, чем дальше мы ехали, тем больше я видела стрелок и поворотов, рельсы то разветвлялись, убегая в разные стороны, то снова собирались в одно полотно. И не было никаких гарантий, что, даже если нам удастся запрыгнуть в другой поезд, он не увезёт нас в совершенно чужом направлении.

Глаза уже устали от мельтешения деревьев и столбов, солнце пекло нестерпимо, и мы легли у переднего края платформы, который хоть как-то мог защитить нас от встречного ветра. Прикрыли головы полами пальто, создавая искусственную тень. От бесконечных

тряски и грохота я впала в некое потустороннее состояние, где время совсем не ощущалось. Может быть, даже задремала, не помню, знаю лишь, что в себя меня привёл сбой в равномерном стуке колёс. Теперь он стал реже. Мы замедляли ход.

Настороженно высунув голову из-под пальто, я зажмурилась от яркого света и не сразу разглядела, что Яринка уже не лежит рядом, а осторожно выглядывает за бортик. Я последовала её примеру, но тут же испуганно пригнулась. Мы ехали сквозь какой-то город, мимо проплывали высотные дома и оживлённые улицы. Снова пришлось распластаться на полу, чтобы не быть кем-то случайно замеченными. Теперь наш поезд двигался медленнее, несколько раз сипло вскрикнул, навстречу проезжали другие составы, как товарные, так и пассажирские. Из их окон нас наверняка было видно как на ладони, и оставалось только надеяться, что у пассажиров хватает своих забот, чтобы уделить своё внимание двум чокнутым, катающимся на открытой платформе товарняка.

Яринка придвинулась ко мне, оживлённо прокричала:

— Вот теперь он точно остановится!

Но я не разделяла её энтузиазма. Ну остановится, и что? Куда мы денемся посреди незнакомого города? Да нас опознает первый же полицейский, а может, и просто любой прохожий, у которого дома есть телевизор. Я и сама не раз видела в приюте, как прерывали трансляцию кино или передачи, чтобы показать фотографии пропавших людей.

Но поезд не остановился. То медленнее, то быстрее он миновал город, оказавшийся не таким уж большим, и, набирая скорость, устремился дальше по своему неизвестному нам маршруту. Ещё какое-то время я сидела у бортика, непонятно на что надеясь, потом вновь улеглась на дно платформы, где уже лежала Яринка.

Вот было бы здорово, начала я мечтать, двигайся наш товарняк на восток, в сторону Сибири. Мы бы доехали до тайги, выскочили там, где нет людей, и отправились на поиски деревни вроде Маслят. И обязательно нашли бы её, и нас бы приняли там как родных, узнав, откуда мы и через что прошли. А потом кто-нибудь из местных жителей пригляделся бы ко мне повнимательней и спросил: "А твою маму случайно не Аля зовут?" И я бы закричала: "Да, да, Аля, Алина!". И все бы радостно засмеялись, потому что всё так замечательно складывается, ведь Аля и Марк, сбежавшие из тюрьмы, тоже пришли сюда и скоро вернуться с охоты...

Из мечтаний, которые уже почти перешли в тяжёлый сон, меня выдернул гудок тепловоза впереди. И я свернулась комочком, пытаюсь спрятаться сама в себя от чёрной безнадёжности. Наш поезд ехал не на восток, а на юг. Всё время строго на юг. И я впервые пожалела о том, что умею безошибочно определять по солнцу стороны света. Лучше бы погода осталась пасмурной, тогда у меня, по крайней мере, была бы какая-то надежда...

Пейзаж вокруг изменился. Больше не было корабельных сосен, не было и елей. Сначала лес стал лиственным, а потом вообще исчез, уступив место полям вперемешку с небольшими рошицами. Однажды мы пронеслись над широкой рекой, и у меня даже мелькнула шальная мысль прыгнуть в воду, но я вовремя вспомнила, что Яринка не умеет плавать.

Вид синей водной глади вновь разбудил в нас жажду, и я с тоской вспомнила оставшуюся далеко позади бочку, наполненную сладкой дождевой водой. Где она сейчас, эта бочка? Где гостеприимная веранда пустующего дачного домика? Необъятные просторы уносились назад, и не было им ни конца, ни края...

Один раз поезд всё-таки остановился, но вокруг оказалась шумная станция со спящими людьми, а деловитые дядьки в оранжевых жилетах шли вдоль состава, громко

стуча по колёсам и перекрикиваясь друг с другом. Так что даже поднять голову над бортиком, не говоря уже о том, чтобы спрыгнуть с платформы, не представлялось возможным. Да и остановка оказалась совсем недолгой, уже скоро впереди снова загудел тепловоз, по составу прошёл грохот и наше невольное путешествие продолжилось.

Закат солнца мы встретили с радостью. Он обещал скорую прохладу, а вместе с ней, возможно, хоть частичное избавление от мук жажды, которая на этот момент уже заглушила голод. Но вышло совсем не так. Да, жара спала, но на смену ей вместе с сумерками пришёл холод. Резкий встречный ветер не давал никакой возможности согреться. Прижавшись друг к другу у переднего бортика, мы как могли завернулись в пальто, но это не помогало — холод шёл в том числе и снизу, от железного дна платформы.

Эта ночь тянулась бесконечно. Поезд мчался сквозь тьму, и назад убегали близкие и далёкие фонари, встречные составы, тёмные груды деревьев. А ещё окна. Чьи-то уютно светящиеся окна, за которыми счастливые люди нежились в своих тёплых постелях. Той ночью я впервые почувствовала ненависть к тем, чья судьба сложилась удачнее моей. Чем они лучше меня, эти холёные горожане, которые не знали и никогда не узнают, как это — быть оторванной от родителей, от всего того, что ты знала и любила? Какое право они имеют наслаждаться домашним уютом, когда я замерзаю здесь, под резким ветром, когда губы мои потрескались от жажды, а живот свело от голода? В чём моя вина и в чём их заслуга?

Яринка не разговаривала со мной. Она лежала, подтянув колени к животу, и даже сквозь тряску товарняка я ощущала бьющую её крупную дрожь. Но помочь подруге ничем не могла, лишь теснее прижималась к ней, пытаясь хоть чуть-чуть поделиться своим теплом, которого впрочем, и сама уже не ощущала. Во всей этой ситуации радовало, пожалуй, только одно — безвыходность нашего положения и полное отсутствие надежды хоть на что-то хорошее исчезли перед лицом физических страданий. Я больше не думала о том, что мы не попадём на встречу с *другими*, о том, что я больше не увижу Дэна, о том, что, даже если мы, в конце концов, покинем чёртов поезд, идти нам будет совершенно некуда. Всё, к чему свёлся смысл моего существования — это желание согреться, попить и поесть. Великие цели, затмевающие по значимости всё остальное. И оно, это остальное, сейчас казалось ничего не значащей ерундой, недостойной внимания.

Рассвет, забрезживший на востоке спустя вечность, не принёс облегчения, но принёс надежду. Мы увидели, что небо чистое, а значит — скоро будет солнце. Солнце, от чьих лучей вчера мы не знали, куда деваться, и приветствовать которое сейчас были готовы, как древние язычники, хоть танцем в неглиже.

В разгорающемся свете нового дня я посмотрела на свою подругу, которая поднялась с пола и теперь сидела, обхватив себя за плечи, неотрывно глядя на зарумянившийся горизонт. Посмотрела и испугалась. Никогда не думала, что человек за какие-то пару дней может так повзрослеть. С Яринкиного лица исчезла детская округлость, скулы болезненно заострились, губы потрескались, а на шее проступили синие венки. Но разительнее всего изменились глаза. Запавшие, обведённые тёмными кругами, они приобрели совершенно несвойственное Яринке выражение смиренной обречённости.

Отстранённо я пожалела, что с собой у нас нет зеркала, хотелось бы посмотреть, не произошли ли и со мной подобные перемены? Во всяком случае, то, что я похудела, было уже понятно по обвисшему, ставшему свободным в талии платью. Да и волосы, висящие спутанными сосульками, оставляли желать лучшего. Ох, видела бы нас сейчас Агафья...

Агафьи здесь не было. Не было ничего, хоть чем-то напоминающего прежнюю жизнь. Было грохочущее чудовище, уносившее нас на своей бесконечной железной спине в неведомые дали, были пролетающие мимо чужие места, уже ничем не напоминавшие окружающие уютные сосновые леса. Казалось, даже небо стало другим, более глубоким, и уже не ласково-голубым, а ярко-синим даже на рассвете.

— Дайка, надо прыгать! — хрипло прокричала-просипела Яринка и закашлялась.

Я непонимающе уставилась на неё.

Подруга мотнула головой в сторону восходящего солнца.

— Сегодня будет жарко! Очень жарко! Я пить хочу!

Я тоже хотела пить. Голод давно забылся, перестал существовать, холод тоже почти отступил, но жажда никуда не делась, она была тут, с нами, горячей сухой рукой сжимала горло. И уходить не собиралась. "Плоть слаба", — говорил батюшка Афанасий на службах, но только теперь я поняла горький смысл этих слов. Если бы можно было сейчас отмотать время на три дня назад и отказаться от всей этой авантюры, отказаться от Дэна, от знакомства с *другими*, от шанса на новую жизнь, в обмен на стакан обычной воды, я бы это сделала. Я бы выпила этот стакан и осталась жить, как жила, выбросила бы из головы всё, кроме желания ежедневно получать необходимый для жизни минимум. Воду. Еду. Тепло. И катись оно всё...

Взявшись ослабевшими руками за бортик, я посмотрела вниз, на несущуюся под нами землю. Потом на Яринку. И отрицательно покачала головой. Прыжок с платформы сейчас означал если не смерть, то тяжёлые травмы точно. А в нашем положении даже растянутая лодыжка — конец всему. Не сможем идти, не сможем найти воду. Яринка поняла, застонала и легла ничком на трясущееся дно платформы.

Так мы встретили новый день.

Солнце быстро карабкалось вверх, держа курс на зенит, оно согрело нас, больше не было необходимости сжиматься в комочек, и мы смогли вытянуться во весь рост. Сидеть, как вчера у бортика, любуясь проносящимися мимо пейзажами, уже не было ни сил, ни желания. Но, время от времени поднимая голову, чтобы осмотреться, я замечала, как изменились эти пейзажи. Теперь исчезли и рощицы, а по обеим сторонам нашего вагона тянулись бескрайние поля, то беспорядочно заросшие сорной травой, то тщательно вскопанные и казавшиеся чёрными от вывернутой наизнанку земли. Иногда попадались мелкие речушки и болотца: от них я торопливо отводила глаза, чтобы не дать возможности мукам жажды стать совсем уж нестерпимыми. Но это мало помогало. Ближе к полудню, когда наше пребывание на платформе сравнялось одним суткам, я впервые подумала, что здесь мы можем умереть. Ведь если без еды человек способен протянуть месяц и дольше, то жажда куда более сурова. Три дня, четыре? Добавить сюда невыносимый солнцепёк днём и холод ночью, вот и получатся очень благоприятные факторы для неизбежной гибели. Но ещё раньше мы ослабеем настолько, что не сможем покинуть злополучный поезд, даже если он остановится.

А значит, что-то решать нужно сегодня.

Перекатившись поближе к Яринке, я прокричала, чтобы она была готова прыгать. Подруга посмотрела на меня непонимающими мутными глазами.

— Прыгать?

— Да! Я сейчас сяду и буду смотреть, где лучше. Как только скажу, сначала выбрасывай сумку, а потом прыгай сама.

Яринка подумала, безразлично кивнула и снова уронила голову на руки.

И, устроившись у бортика, я стала ждать.

Судьба улыбнулась нам, по моим прикидкам, после обеда, когда солнце висело в зените и муки жажды стали настолько чудовищны, что я уже готова была покинуть поезд на полном ходу, как только увижу впереди очередную реку или озерцо. Да чего там озерцо, хоть лужу. И пусть при этом мы переломаем кости, но даже с переломами обязательно доползём до этой лужи. Напьёмся, а там можно и помирать с чистой совестью: мы сделали, что могли.

Но прыгать на скорости не пришлось. Впереди вдруг снова затрубил тепловоз, а затем сила инерции швырнула меня вперёд, на дно платформы. Под ней завизжали колёса, по составу от носа к хвосту снова прошёл грохот, и поезд начал тормозить, сотрясаясь всем своим многотонным телом.

При падении я ударилась о бортник плечом и щекой, да так, что из глаз полетели искры, но даже не почувствовала боли. Сразу снова села, цепляясь пальцами за неровности в полу. Поезд тормозил с трудом, со скрежетом, в борьбе с самим собой, но тормозил, и куда быстрее, чем это было раньше. Я обернулась к Яринке, крикнула хрипло:

— Прыгаем! Сейчас!

Но она уже и сама подобралась, схватила в охапку вещи. Преодолевая силу инерции, по-прежнему тащившую нас к переднему бортику, мы изловчились и вышвырнули вон свои сумки и пальто. И, если сумки упали на соседнее полотно между рельсами, то пальто, отчаянно замахав рукавами, унеслись по воздуху куда-то назад, скрылись из виду. Поезд продолжал снижать скорость, и я ухватила за плечо Яринку, уже готовую перевернуться через бортник.

— Подожди! Он остановится!

— А если нет?! — она пыталась вырваться, мне пришлось вцепиться в паникующую подругу двумя руками и удерживать, пока состав снова не завизжал колёсами и не остановился, дёрнувшись так резко, что мы опять оказались лежащими на боку. Но вскочили сразу. Даже вскакивать не пришлось, просто дотянуться до бортика, ухватиться за него, подтянуться на руках, перекинуть одну ногу...

Следующее, что я увидела — могучие, пышущие жаром, словно разгорячённые кони, колёса прямо у себя перед лицом. Правый локоть, на который я упала, мучительно ныл, в ушах всё ещё стояли шум и скрежет.

Что-то придавило мне ногу. Неловко перекатившись на спину и скосив глаза, я увидела упавшую рядом Яринку. Она зачем-то подтянула колени к груди и замерла, зажмурившись. Ушиблась? Я завозилась, пытаюсь сесть и перебраться поближе к подруге, но тут прямо над головой опять гроыхнуло, колесо, находившееся в каких-то двадцати сантиметрах от моей головы, пришло в движение. Поезд, непонятно по какой причине так резко затормозивший посреди бескрайних полей, двинулся дальше. Без нас.

Я принялась судорожно отползать, испуганно таращась на всё быстрее катящиеся мимо стальные пары колёс. Но сил хватило лишь отодвинуться до соседнего рельса и прижаться нему спиной. Вагоны неслись над нами, вздрагивала земля, горячий ветер бил в лицо... а потом очень внезапно всё кончилось. В глаза ударило солнце, которое больше не загораживало бесконечное тело поезда, и его грохот стал откатываться прочь, уступая место тишине, нарушаемой лишь пением птиц и стрёкотом кузнечиков.

Мы пролежали без движения и без звука несколько невыразимо прекрасных минут. За прошедшие сутки я так привыкла к тряске и шуму, что нынешнее состояние покоя и тишины

показалось чем-то нереальным. Словно мы вдруг попали в иное измерение.

Яринка оклемалась первой. Завозилась у меня в ногах, что-то неразборчиво бормотнула.

— Мммм? — вопросительно простонала я, не открывая глаз.

— Надо убираться с рельсов, — подруга подёргала меня за ступню. — А то другой поезд пойдёт и размажет нас...

Мы поднялись, охая и потирая ушибленные при падении места. Пройдясь чуть назад, нашли свои сумки, а вот пальто в пределах видимости не наблюдалось.

— Может, чёрт с ними? — нетерпеливо предложила Яринка. — Жарко.

Я вспомнила бесконечную ночь с её пронизывающим ветром и поёжилась.

— А если опять дождь? Или похолодает? Их, наверное, отнесло в сторону, давай вон там поищем.

Вдоль рельсового полотна тянулись заросли низких кустов, за которыми простирались вспаханные поля, и нашим пальто, по сути, некуда было больше деться, кроме как застрять в этих кустах.

Медленно, через силу, мы поплелись мимо них, всматриваясь в заросли. Ноги были подобны переваренным макаронинам, подгибались при каждом шаге и норовили разъехаться в стороны под тяжестью тела. Сначала я подумала, что виной тому долгие часы сидения на тряской платформе, но слабость не проходила, и пришлось списать её на голод и жажду.

Одно пальто мы нашли быстро, оно покачивалось на упругих ветках кустов метрах в двадцати от места нашей аварийной высадки. А вот второго видно не было.

— Может, оно зацепилось за один из вагонов и уехало? — уныло предположила Яринка после нескольких минут бесплотных поисков.

Я уже хотела попросить её посмотреть получше, но замолчала на полуслове и насторожилась. До ушей долетел звук, ставший мне ненавистным за последние сутки. Приближающийся стук колёс.

— Прячемся!

Прятаться здесь, кроме тех же кустов, было больше негде, и мы вломились в них, как два снаряда, столько неприязни у нас теперь вызывал не только вид, но и шум поездов. И, как выяснилось, вломились очень удачно, потому что здесь, под низкой насыпью, обнаружилась неглубокая канавка, наполовину заполненная мутной водой.

Да, знаю, очень неразумно пить воду, набежавшую из-под колёс снующих туда-сюда составов, но об этом можно задуматься, сидя дома с водопроводом под боком. А мы сейчас, едва увидев влажный блеск среди травы, кинулись туда и, упав на четвереньки, опустили лица в спасительную канавку. И пили, захлёбываясь, под грохот проносащегося сверху пассажирского поезда, не думая о том, как выглядит эта картина из его окон.

Вместе с водой, поступающей в наши измученные и истощённые тела, возвращались краски мира. И, когда я подняла от канавки мокрое лицо, то словно заново увидела и синеву неба, и свет солнца, и бескрайние просторы полей. Последнее меня поразило больше всего. Никогда раньше мне не доводилось наблюдать столько открытого пространства сразу. В Маслятах вокруг всегда были деревья, бескрайняя тайга, карабкающаяся вверх-вниз по убегающим вдаль сопкам. В приюте здания и лес тоже никогда не давали увидеть горизонт. А здесь небо нависало надо мной во всей своей пугающей бездонности, исполинским синим куполом.

Отвалившись от канавки, я распласталась на спине, замороженно глядя в эту синеву и ни

о чём не думая. Рядом с шелестящим вздохом легла и затихла Яринка. Так мы и лежали, не двигаясь, чувствуя, как долгожданная влага разбегается вместе с кровью по всему телу, питая его и восстанавливая. Мимо пронеслись поезда, солнце двигалось по небу, травы качались вокруг, и снова я была счастлива. Примитивным, почти животным счастьем, просто от факта своего существования.

А потом мы шли вдоль путей, под прикрытием кустов. Шли без цели и направления, почти не разговаривая. Вода придала нам сил, слабость в ногах не прошла, но больше не было боязни упасть на ровном месте. Да и торопиться не приходилось, поэтому брели мы кое-как, при желании присаживаясь на землю и отдыхая. И одновременно с наступлением красивейшего заката, раскинувшегося на полнеба, выбрали к домам.

— Отсюда я не уйду, пока чего-нибудь не поем, — решительно заявила Яринка, глядя на утопающие в зелени огороды за деревянными изгородями.

Я лишь кивнула. Теперь, когда жажда была утолена, главным вопросом на повестке дня стал голод. И вопрос этот требовал незамедлительного решения.

— Мы ехали на юг, — принялась я размышлять вслух. — Сутки без остановок на юг. Сейчас мы должны быть там, где всё начинает расти раньше. Тут уже должна быть еда в огородах.

Яринка с сомнением кивнула.

— Да, но это не сады, это какой-то посёлок. Люди здесь живут постоянно. Могут поймать.

Я лишь дёрнула плечом. Как будто у нас есть выбор! Глупо погибать от голода в двух шагах от еды, рискнуть всё равно придётся. Вот только...

— Дождёмся темноты, — решила я. — Пусть все лягут спать, тогда и пошарим по огородам.

Ожидание нас не утомило, потому что мы сами уснули сразу же, как только нашли укромное местечко в тени сиротливой группы деревьев, в стороне от железной дороги. Прошлой ночью, проведённой на тряской платформе под пронизывающим ветром, спать почти не пришлось, так что теперь, в тепле и тишине, сон сморил нас мгновенно.

Когда я открыла глаза, уже в темноте, ночью, то какое-то время не могла вспомнить последних событий. В голове была абсолютная пустота, в теле слабость. И слабость уже не пугающая, не вызывающая протеста, а почти уютная, убаюкивающая, такая, какую не хочется прогонять. Но внутреннее знание, голос-без-слов, ставший громче и отчётливее за последние дни, подсказал мне, что такой слабости нельзя поддаваться и что дарованный ею покой обманчив. Поэтому я с трудом села, чувствуя сильное головокружение и цепляясь пальцами за траву, словно боясь, что земля выскользнет из-под меня. Огляделась.

Ночь вокруг стояла чудесная. Ветки каких-то больших и раскидистых деревьев, у корней которых мы устроились, едва слышно шептались под тёплым ветерком. Только сейчас я поняла, что мы спали не укрываясь, потому что второе пальто так и не нашли, но ничуть не замёрзли. Юг... В траве стрекотали сверчки, со стороны посёлка светили уютные огоньки. А подняв голову, я увидела звёзды и тихонько охнула.

Небо, отличавшееся от привычного мне даже днём, ночью выглядело совсем фантастично. Бездонное, бархатно-чёрное, раскинувшееся во все стороны до далёких горизонтов, оно было так густо усеяно звёздами, что казалось колючим от их острых лучей. Зрелище оказалось таким невыразимо прекрасным, что я принялась трясти за плечо спящую Яринку, боясь, что она не увидит этой красоты.

Подруга с трудом, как я недавно, села и посмотрела вокруг непонимающим взглядом. Я дала ей несколько секунд, чтобы вспомнить где мы, и указала пальцем вверх.

— Смотри!

Яринка посмотрела, но особых восторгов не выразила. Пожала плечами.

— Тут, наверное, больших городов поблизости нет, вот и видно звёзды так хорошо, свет не мешает.

Я подумала о том, что и в Маслятах не было поблизости больших городов и никакого света, однако звёзд таких тоже не было. Но... где Маслята и где мы сейчас? Наверняка же на разных широтах и небо выглядит по-разному.

Яринка была настроена куда более прагматично.

— Ну что, идём искать еду?

— Идём, — я поднялась на ноги, постояла, закрыв глаза, пережидая очередной приступ головокружения.

И мы побрели к светящимся окнам посёлка.

При ближайшем рассмотрении он оказался вовсе не таким тихим и маленьким, каким выглядел издали. Несмотря на то, что домики были в основном одноэтажными, чувствовалось, что люди здесь не бедствуют. Ухоженные газоны и цветущие клумбы, кованые ворота, дорогие машины на подъездных дорожках говорили о благосостоянии и хозяйственности местных жителей. И эта хозяйственность вкупе с некоторой беспечностью спасли нас. В первом же огороде, в который мы проникли сквозь металлическую ограду, между прутьями которой сумели легко протиснуть свои похудевшие тельца, обнаружилось настоящее пиршество. Незапертая теплица, полная крупных наливных помидоров.

Есть мы начали прямо там, не было сил заставить себя потерпеть ещё немного. Вгрызались зубами в сочные, брызжущие соком плоды, давились, урчали, как сердитые котята, боящиеся, что у них отнимут лакомый кусок. Не знаю, сколько помидоров я сумела запихнуть в себя, но в итоге живот раздулся до такой степени, что вызывал серьёзные опасения: а сможем ли мы уйти обратно тем же путём, каким пришли?

Смогли, хоть и с трудом. И унесли с собой столько помидоров, сколько оставалось в разорённой нами теплице. Кроме этого, прихватили несколько пучков зелёного лука с грядки. А вернувшись под гостеприимные деревья, снова уснули, на этот раз не тревожным болезненным сном, больше похожим на обморок, а по-настоящему, как спали в своих уютских постелях после сытного ужина.

Возле этого посёлка, название которого так и осталось нам неизвестным, мы провели пять дней и четыре ночи, наполненные сытостью и ничегонеделанием. Воду брали из небольшого ручейка, найденного к востоку от железной дороги, а еды в изобилии хватало в огородах, куда мы наведывались еженощно. Правда, еда эта была всего лишь помидорами и огурцами вприкуску с зеленью, но после дней голода нам и они казалось невероятно вкусными и сытными.

По ночам мы добывали пропитание и устраивали радостный пир под своими деревьями, утром и днём отсыпались, а вечером, на закате, гуляли по полям, уже без прежней неприязни глядя на проносящиеся мимо поезда, кое-как ополаскивались в ручейке, там же пытались стирать одежду. Теперь я уже не жалела о том, что поезд увёз нас на юг, а не куда-нибудь ещё. Холодно больше не было. В посёлке мы раздобыли большую картонную коробку, которую разогнули и постелили под деревьями, соорудив лежбище. Укрывались

одним оставшимся у нас пальто. Я даже подумывала соорудить шалаш, но боялась, что его кто-нибудь заметит и заинтересуется.

О будущем мы по молчаливому согласию не говорили. Какой смысл говорить о том, чего нет? И я, и Яринка прекрасно понимали, что рано или поздно будем пойманы и возвращены в коррекционный приют (наш или какой-нибудь другой, уже неважно) до четырнадцати лет, после чего отправимся в колонию. Поджог церкви — это вам не тот поступок, который можно списать на детское озорство. Да и детьми мы уже не были. О сроке в колонии, который мы получим, думать тоже не хотелось. Какая разница, если даже после освобождения наша жизнь мало будет отличаться от жизни заключенного? Яринка припомнила, что судимые женщины направляются не на обычное производство, а на вредные работы, на строго охраняемые объекты, куда добровольно не пойдёт ни один законопослушный гражданин.

Так что мы не строили никаких планов и ничего не желали, просто наслаждались бытием. Эти поля, эти закаты, эти звёзды принадлежали нам, пока мы были здесь. Нам принадлежали жаркие солнечные дни и бархатные травяные ночи, шум проезжающих поездов и уютный свет посёлковских окон. Мы ели и пили вдоволь, мы спали сколько хотели, нам никто не мог что-то запретить, нас никто не мог в чём-то ограничить. Мы были богаты и свободны, а разве это не та жизнь, о которой только можно мечтать?

Я даже подумывала, что, когда нам надоест это место, можно попробовать снова попасть на поезд (на этот раз, разумеется, взяв с собой еду и воду) и уехать в другие края, умчаться за горизонт к иным просторам.

Из общего безмятежного состояния выбилась только ночь с пятницы на субботу. Та самая ночь, в течение которой где-то далеко к северу отсюда ждала нас на перекрёстке машина с *другими*. Ждала и не могла дожждаться. А когда над горизонтом забрезжил рассвет и в кронах деревьев запели первые птицы, я тихонько заплакала, отвернувшись от спящей рядом Яринки. Заплакала, потому что ясно увидела внутренним взором, как машина с поднятыми дворниками заводится, разворачивается и уезжает в сером свете занимающегося утра. Уезжает в туман, стелющийся над дорогой, растворяется в нём, чтобы никогда не вернуться.

Но даже над этим я не думала долго. Возможно, проявила циничность, не став жалеть о том, чего всё равно не исправить. А может, дала о себе знать защитная реакция психики, но уже через несколько минут после непрошенных слёз я крепко спала. А днём, как ни в чём не бывало, нежилась на берегу ручья, полоща в нём босые ступни, и лениво болтала с Яринкой о всяких пустяках.

Постепенно мы осмеливались уходить всё дальше и дальше от своего временного пристанища, углублялись в бескрайние поля, где не было ничего, кроме трав и ветра, где вдали от людей свобода ощущалась особенно безгранично. Наши лица покрылись загаром, волосы, которые мы больше не заплетали в косы, выгорели на солнце, тела окрепли. Не знаю, как у меня, но у Яринки изменился даже взгляд. Теперь она смотрела на окружающий мир не настороженно, как в приюте, а безмятежно и слегка отрешённо, словно мыслями всегда была где-то в другом месте. Мы часто и много смеялись, а время от времени начинали хором орать песни, среди которых были и весьма неприличные частушки, какие Яринка слышала в городской школе. Благодаря свежему воздуху и постоянному движению наш сон на картонке, под кронами деревьев, стал таким крепким, каким никогда не был в тёплых и мягких постелях приюта.

И, несмотря на всю безысходность нашего положения, эти южные дни полной свободы стали одним из самых счастливых и последних моих воспоминаний детства.

Всё кончилось на пятую ночь. Уже привычно мы пробрались в тёмный уснувший посёлок и, пригнувшись, двинулись по улице вдоль заборов, высматривая дом, на участке которого можно будет чем-нибудь пожить. Выбор пал на расписной коттедж с мансардой, построенный в удивительном стиле — он напоминал пряничный домик со своими закруглёнными углами, резными ставнями, покатой крышей и декоративными башенками, на которых светились уютные жёлтые фонари.

Мы невольно залюбовались этим чудом, глядя сквозь прутья такой же узорчатой и украшенной завитками ограды.

— Это же сколько денег надо было вбухать в такую красоту? — мечтательно спросила Яринка, и от напоминания о деньгах мои мысли вернулись к насущным проблемам.

— Ну, если тут водятся деньги, огород тоже должен быть хорошим. Лезем?

Яринка решительно кивнула, и мы перемахнули по ту сторону ограды, благодаря изгибам и украшениям которой это было очень легко сделать. На четвереньках пробрались между грядок к большой теплице, такой же вычурной и разукрашенной, как и всё остальное здесь. Отодвинули засов, скользнули внутрь, в тепло и запах влажной земли.

— Ух ты! — восхитилась Яринка, потянув к себе ближайший помидор, — Смотри, какие! Наверное, это какой-то особый сорт...

Понять, что именно удивило Яринку в здешних томатах, я не успела. Неожиданно вокруг вспыхнул яркий свет, и пришлось зажмуриться. Одновременно с этим снаружи хлопнула дверь и сердитый мужской голос крикнул:

— Кто здесь?!

Я приоткрыла глаза и увидела, что под потолком теплицы горит лампа, освещающая её изнутри как аквариум.

— Бежим! — пискнула Яринка, бросаясь к выходу, в спасительную темноту. Я поспешила за ней. После того, как внезапно вспыхнувший свет ослепил нас, перед глазами плавали пятна, я плохо видела куда бегу, и через несколько шагов растянулась посреди морковной ботвы.

— Стоять! — заревело от дома, а Яринка подхватила меня под локоть и потащила за собой прямо по грядкам. Судя по раздавшимся сзади нечленораздельным воплям, хозяина огорода это взбесило донельзя. Вопли быстро приближались, и я, нащупав перед собой прутья ограды, принялась карабкаться по ним с резвостью взлетающей на дерево белки.

Мы успели. Спрыгнув на улицу, я не удержала равновесия и опрокинулась на спину так, что прямо над собой увидела взбешённое, толстощёкое мужское лицо, искажившееся от ярости. К счастью, от него нас уже отделяли металлические прутья ограды, и всё, что мог преследователь — ругаться страшными словами. Я даже подумала, что он как-то уж слишком разозлился из-за нескольких помидоров, которых мы могли его лишить.

Яринка снова помогла мне встать, и мы кинулись вдоль по улице, стараясь как можно быстрее оставить позади слишком впечатлительного владельца теплицы.

— Во придурок, — выдохнула Яринка на бегу, когда мы почти оставили позади спящий посёлок. — А ещё в таком красивом доме живёт...

Я же удручённо подумала, что теперь придётся уходить в другое место. Остаться там, где мы столь шумно засветились, опасно, и тем более опасно будет пробовать снова

поживиться в местных огородах.

За нашими спинами всё не смолкали вопли и ругань, а, оглянувшись, я увидела, как распахивается калитка ограды, через которую мы только что так лихо перелетели, и на улицу выскакивает наш грузный преследователь в компании ещё одного мужчины, потоньше. А с ними...

Яринка издала сдавленный крик ужаса и рванулась вперёд так, что разом оставила меня позади. И я её понимала, потому что помнила признание подруги, которое она сделала несколько дней назад, перед забором коллективных садов. "Я боюсь собак".

Наши преследователи держали на поводках двух псов. В темноте и на расстоянии было трудно разглядеть, какие это собаки, но по раздававшемуся нам вслед лаю, густому, низкому, стало ясно: огромные...

Глава 3.

Оазис.

Я не думала о том, где можно скрыться от погони. Яринка, вся во власти панического ужаса, тем более. Но мы обе, лишь выскочив из посёлка, кинулись к нашим деревьям, под которыми проводили последние ночи и которые стали нашим пусть временным, но домом. А куда ещё бежать в поисках спасения, как не домой?

И сначала мне даже показалось, что спастись получится. Мы оставили позади шумно топчущих мужчин с их хрипящими на поводках псами и выбежали в открытое поле. Но здесь высокая трава затруднила передвижение, скорость упала. Однако и теперь мы бы наверняка смогли убежать, затеряться в темноте южной ночи, если бы преследователи, поняв, что теряют нас из виду, не спустили собак.

Первой это увидела оглянувшаяся на бегу Яринка. Увидела и снова закричала, жалобно и пронзительно, как попавший в капкан зверёк, так, что я догадалась о том, что произошло ещё до того, как оглянулась сама. Вслед нам быстро стлались по земле два сгустка черноты, ещё более тёмные, чем окружающая ночь. Псы перестали лаять, и от этого их неумолимое приближение выглядело ещё более зловещим. Оставленные ими далеко позади мужики что-то азартно кричали и свистели.

Наши деревья были уже близко, надвигались шелестящей листвой громадой, и я, не отрывая от них глаз, отрывисто бросила подруге:

— Сразу залазь наверх!

Не знаю, слышала ли она меня или действовала по своему безошибочному наитию, продиктованному инстинктом самосохранения, но стоило нам вбежать под сень крон, как подруга подпрыгнула и ухватилась за нижнюю ветку ближайшего дерева. Заскребла носками ботинок по стволу. Я повисла рядом с ней, подтянулась, быстро вскарабкалась до первой развилки, прыгнула на следующую, глянула вниз...

После я не раз укоряла себя за то, что поддалась страху, влезла наверх первой, не посмотрев, как продвигаются с этим дела у подруги. А ведь она не умела лазить так же хорошо и быстро, как я! А я не могла этого не знать.

Яринка всё ещё была внизу, она снова и снова отчаянно пыталась подтянуться, закинуть ногу на одну из веток, но ей не хватало сноровки. А собаки приближались. Я прыгнула. Не такая уж это была и высота, но я слишком торопилась, не успела сгруппироваться и упала неловко, боком. В правой лодыжке толкнулась острая боль, отозвалась в ступне, поднялась

до бедра. В другое время я бы не спешила подниматься после столь неудачного приземления, но сейчас счёт шёл даже не на секунды, а на доли их. Я уже слышала хриплое дыхание собак и шелест травы, сминаемой тяжёлыми лапами.

Кое-как встав на ноги, шагнула к продолжающей болтаться на нижнем суку Яринке, и, обхватив руками её колени, изо всех сил толкнула вверх. Подруга, наконец, сумев перехватиться одной рукой за ветку повыше, подтянулась, легла животом на развилку, принялась судорожно карабкаться дальше. Облегчённо вздохнув, я уже приготовилась последовать за ней, но вдруг поняла, что не смогу этого сделать, потому что стою, перенеся вес на здоровую ногу, а второй, пострадавшей при падении, совершенно не чувствую... Я ещё успела прижаться к дереву, обнять его, словно в поисках защиты, и зажмурить глаза, когда прямо у меня за спиной раздался топот, рычание, и на плечи обрушилась душно пахнущая псиной тяжесть.

Первая собака только сбила меня с ног в прыжке, швырнув в траву у подножия дерева, на котором отчаянно заголосила Яринка. Я даже успела перекатиться на спину, выставив перед собой руки в попытке защититься, когда прямо мне в лицо бросилась оскаленная пасть, обдав вонью, брызгами слюны и горячим дыханием. А потом во всём мире не осталось ничего, кроме боли.

Когда мне было лет пять и наши охотники приносили из тайги убитых животных, я плакала. Зайцы, изюбри, кабаны, лоси, все они были такими красивыми при жизни и такими несчастными после смерти. Их открытые глаза, казалось, всегда смотрели прямо на меня с удивлённым упрёком, словно желая спросить — за что их убили? Мама брала меня за руку и уводила в дом, где объясняла, что эти звери умерли так быстро, что даже не успели этого понять. Наши охотники бьют без промаха. А папа однажды принёс от кого-то из соседей растрёпанную книгу и зачитал мне вслух абзац о том, что животное, попавшее в лапы хищнику, пребывает в состоянии глубокого шока и благодаря этому не чувствует ни боли, ни страха. Смерть от пули намного быстрее, поэтому убитые таким образом звери тем более не страдают. Нельзя сказать, чтобы это очень меня успокоило, но плакать я перестала. И до этой минуты действительно верила, что природа милосердно дарует обречённым забвение перед неизбежной гибелью.

Но это оказалось неправдой. Я чувствовала всё: клыки, вспарывающие мою кожу, и тяжесть собачьих тел, — слышала их хриплое дыхание и звук своей рвущейся одежды, видела то тёмную примятую траву перед глазами, то бездонное звёздное небо, так поразившее меня в первую ночь здесь. А когда боль и ужас перешли все разумные пределы, меня приняла милосердная тьма, но даже сквозь неё продолжали долетать рычание собак и крики Яринки, зовущей на помощь.

Потом рычание стало тише, отодвинулось в сторону, Яринка тоже примолкла. И я уже была готова с облегчением соскользнуть в небытие, но тут сквозь закрытые веки в глаза ударил яркий луч света, вырывая меня из спасительной темноты.

— Я же говорил — девки, — раздался откуда-то сверху возбуждённый мужской голос. — А ты: бичи, бичи.

— Откуда здесь, мать их, девки? — зло ответил ему голос подальше.

— А хер их знает. Сейчас спросим. Эй, ты, на дереве! Ну-ка спустись! Петрух, ты привязал собак? Спускайся, слышишь!

— Пошёл ты на ...! — взвился в ночи истеричный голос Яринки, было слышно, как она перевела дух и снова заголосила. — Помогите! Помогите, убивают!

— Да кто вас убивает, дура?! — тоже заорал второй мужик. — Вы какого лешего на моём огороде делали?!

Я, до сих пор лежавшая без движения, снова начала ощущать своё тело. Оно было сплошной пульсирующей болью, но мне удалось приоткрыть глаза и чуть повернуть голову вбок, в сторону звучащих чужих голосов.

Один мужчина, худой, стоял прямо надо мной, сжимая в руке яркий фонарь. Второй, тот, что гнался за нами по огороду, — чуть в стороне, возле привязанных к дереву собак. На собаках я задержала взгляд и даже почувствовала что-то вроде любопытства. Мне, выросшей в таёжной деревушке, до сих пор была знакома лишь одна порода славного собачьего племени — сибирская лайка. Это благородные, очень умные и смелые животные, весьма симпатичные внешне. Пушистые, остроухие, с хвостами-калачами и живыми раскосыми глазами на узких волчьих мордах.

А тех зверей, которых я сейчас видела перед собой, даже назвать собаками не поворачивался язык. Чёрные как ночь, гладкие и блестящие, словно вместо шерсти у них была змеиная кожа. С выступающими под этой кожей буграми мышц, с маленькими приплюснутыми к лобастым головам ушами и такими массивными широкими челюстями, что я невольно удивилась, как они просто не перекусили меня пополам.

Увидев, что я открыла глаза, худой присел на корточки, глядя удручённо и сочувственно.

— Петрух, звони-ка в скорую, тут твои кобели такое натворили...

Раздались приближающиеся шаги, и я второй раз за ночь увидела над собой мясистое лицо хозяина огорода. Но теперь оно было уже не злым, а напуганным.

— Да погоди... какую скорую? Меня же сразу... Надо как-то это... договориться.

— С кем? — хмыкнул худой. — Это же соплюхи. А где их родителей искать — пёс знает. Пока ищем и договариваемся, она кровью истечёт, вот тогда ещё веселее будет.

— Погоди... я знаю. Ща Макару позвоню, я его столько раз выручал, пусть он теперь тоже...

Раздалось негромкое попискивание кнопок мобильного.

— Макар? Макар, брат, помогай! Ты на смене? Слушай, беда! Мои собаки девку порвали... да не знаю какую! В огород залезли, ну я сдуру псов и выпустил, думал, бичи опять за жратвой пришли, в прошлый раз у меня гуся упёрли... что? Нет, за посёлком. Друган, подъезжай, тут ждать нельзя...

Он говорил что-то ещё, но я уже не слышала, снова соскальзывая в темноту.

Следующим, что привело меня в себя, были чьи-то бесцеремонные, вызывающие боль прикосновения. В первый миг, решив, что это снова собаки, я дёрнулась, попыталась закричать, и услышала чей-то удовлетворённый смешок:

— Живая!

С трудом приоткрыв веки, увидела вокруг себя несколько мужских фигур, затянутых в чёрную форму, а неподалёку — машину с синими маячками, яркий свет фар которой заливал всё вокруг. Толстый хозяин огорода суетился рядом, заискивающе заглядывая в глаза одному из прибывавших полицейских.

— Чё скажешь, Макар? Можешь помочь?

Полицейский фыркнул.

— Ты натравил собак на детей! Чем я могу тебе помочь?

— Но ведь... ведь можно же связаться с их родителями, договориться... я заплачу,

сколько надо, ты знаешь! И тебе...

— Да погоди ты, "заплачу", — передразнил полицейский Макар. — Сначала надо узнать, что это за птицы. Может, их родители мне больше заплатят за то, чтобы я тебя твоим же псынам скормил.

Судя по раздавшемуся гоготу остальных, это была шутка, но хозяину огорода она смешной не показалась.

— Макар... но ты же... я же тебе всегда... мы же...

— Не суетись... Эй, на дереве! Слезай уже, к маме-папе поедем.

Я попыталась повернуть голову, чтобы увидеть Яринку, но тело снова перестало мне подчиняться. Оно стало совсем слабым, моё бедное тело, и уже не чувствовало ничего, кроме онемения и подступающего холода. К счастью, я ещё могла слышать. И, судя по тому, что дрожащий Яринкин голос раздался совсем рядом, поняла, что с дерева она всё-таки слезла.

— Помогите ей, пожалуйста, отвезите в больницу!

В ответ ей буркнули что-то неразборчивое, а ко мне снова прикоснулись чьи-то руки. И на этот раз не оставили в покое, подняли с земли, понесли, положили на что-то мягкое.

— Суки, хоть постелите что-нибудь! — взвыл чей-то голос. — Сейчас всё сиденье мне кровью уделаете!

— Я оплачу химчистку, — снова залез безил где-то неподалёку хозяин собак, а Макар велел:

— Ты, рыжая, лезь к ней назад. А остальные пешком до участка топайте.

— Я всех доведу, — снова зашелестел толстый, а я почувствовала прикосновение к щеке прохладной ладони и услышала тихий Яринкин плач:

— Дайка... Даечка, прости меня, я испугалась...

От того, что теперь она рядом, мне стало спокойно, окружающее пространство качнулось, поплыло, и я наконец-то сумела ускользнуть в темноту, где больше не было ни голосов, ни безжалостного света.

Молочные реки не вынесли меня на кисельные берега. После того, как я невольно услышала сквозь багровое марево разговор двух незнакомых голосов — недовольного мужского и колокольчикового женского, прошло, как мне показалось, совсем чуть-чуть времени, и я не успела забыть ни слова из него, хоть и не пыталась понять суть. И мысли мои были именно об этих двух голосах в тот момент, когда сознание, на этот раз ничем не замутнённое, наконец-то вернулось ко мне.

Это оказалось похоже на обычное пробуждение. И, как обычно, мне понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, кто я и где. С вопросом "кто" заминок не возникло, а вот "где" внезапно стало серьёзной проблемой. Ну, для начала неожиданным стало уже то, что я обнаружила себя в постели. В чистой белой мягкой постели, и это по сравнению с последними ночами, проведёнными на картонке под открытым небом, показалось удивительным. Оказывается, очень просто отвыкнуть от того, что раньше являлось само собой разумеющимся.

Во-вторых, это был не приют и даже не какой-нибудь приёмник-распределитель, в которые, как я слышала, попадают сбежавшие из домов дети. Вряд ли такие заведения могут позволить себе роскошь селить каждого человека в отдельной, пусть и маленькой, комнате. А я была одна здесь, на единственной и довольно большой кровати. Кроме неё, в комнате

обнаружилось окно, занавешенное полупрозрачной шторой, из-за которой доносилось пенье птиц, тумбочка, стол и два стула возле него. А ещё меня очень заинтересовала большая, вогнутая ярко-красная кнопка на стене, прямо над моей головой. Она так и притягивала взгляд. Тем более, что, кроме неё, смотреть больше было особо не на что. Несколько минут я лениво размышляла о предназначении этой кнопки (почему-то это интересовало меня куда больше всего остального), потом с трудом подняла ослабевшую руку и нажала её.

В первые секунды ничего не произошло, я уже собралась нажать второй раз, когда открылась дверь и в комнату впорхнула девушка в наброшенном на плечи белом халате. Она была юна, возможно, всего лишь на три-четыре года старше меня, и потрясающе красива. Тоненькая, как берёзка, с большими голубыми глазами в обрамлении очень чёрных ресниц и с распущенными совершенно белыми волосами.

— Ты проснулась? — обрадованно спросила девушка, подходя к моей постели. — Как себя чувствуешь?

Я не отвечала и даже не поняла вопроса, до такой степени меня поразила её внешность — девушка буквально ослепляла.

— Я сейчас позову доктора, — поспешила сообщить прекрасная гостья. — Подожди минутку.

И она исчезла за дверью, будто её и не было. А может, и правда не было? Ведь таких на самом деле не существует. У людей не может быть белых волос: даже полностью седые, они выглядят скорее серыми. А ещё у тех, кто со светлыми волосами, ресницы тоже светлые, а никак не чёрные. И таких ярко-розовых блестящих губ не бывает тоже.

Я тревожно нахмурилась, вспомнив истории об ангелах, наделённых неземной красотой. Что, если я умерла, и эта девушка на самом деле ангел? Но ведь, если ангелы существуют, выходит, что существует и всё остальное, о чём нам рассказывали на уроках Слова Божьего? А тогда получается, что скоро мне крепко влетит и за сожжённую церковь, и за богохульные высказывания, которыми я так грешила последнее время.

Дверь снова приоткрылась, а я испуганно сжалась под одеялом, почти готовая увидеть входящего Создателя, собирающегося спросить с меня за все прегрешения. Но порог переступил молодой мужчина с аккуратной бородкой, в очках и в таком же белом халате, как у девушки-ангела. В общем, выглядевший совсем не так, как, наверное, должен выглядеть бог.

Но окончательно я уверилась в том, что ещё не прибыла на страшный суд, когда мужчина заговорил и я узнала этот голос. Тот самый, который слышала последним перед тем как уплыть по молочным рекам, тот, который сказал, что я сильная...

— Ну, наконец-то! — теперь голос был весёлым. — А я уже беспокоиться начал. Выспалась?

Обрадованная тем, что разборки с небесными силами откладываются на неопределённый срок, я собралась вежливо ответить, что да, выспалась, спасибо, но, едва приоткрыв рот, почувствовала, как что-то, прижатое к правой стороне лица, мешает говорить. Подняла руку, хотела потрогать щёку, но вместо кожи почувствовала под ладонью нечто твёрдое и шершавое.

— Тихо-тихо, — мужчина торопливо взял меня за кисть. — Повязку тереть не надо, всему своё время.

Что? Только теперь я осознала, что голова и шея у меня плотно перевязаны бинтами. А ещё... после осторожных движений руками и ногами под одеялом удалось обнаружить тугие

повязки почти по всему телу. Я подняла вопросительный взгляд на мужчину, и он озабоченно спросил:

— Ты что же — ничего не помнишь? Тебя покусали собаки.

Собаки! Как наяву я увидела широкие чёрные морды в хлопьях пены, прижатые к голове уши, поблёскивающие в темноте глаза...

Ниточка воспоминаний была ухвачена, и я потянула за неё, разматывая весь клубок. Собаки... погоня... безымянный посёлок... бескрайние поля... поезд... лес... дорога... приют... пожар... Яринка!

Я дёрнулась, попробовала сесть, и по всему телу раскатилась тупая боль. Мужчина ухватил меня за плечи, вернул в лежачее положение.

— Куда?! Нельзя тебе пока вставать.

— Яринка! — я, наконец, сумела заговорить, но даже это причиняло боль. — Где Яринка?!

— Яринка? — мужчина нахмурился. — А, девочка, которая была с тобой? Рыжая?

— Да! — я всхлипнула.

— Да здесь она, успокойся. Вас привезли вместе.

Я обмякла. самого страшного не случилось, мы с Яринкой не потерялись, остальное вторично. Поэтому я даже не сразу задалась вопросом: а куда нас привезли? Где я? Вместо этого сказала зачем-то:

— Тут хорошо...

Кажется, мужчина удивился. Его почти по-женски аккуратные брови приподнялись над дужками очков.

— Хорошо? Хм... согласен. Надеюсь только, что ты и в дальнейшем не изменишь своего мнения.

В дверь заглянула девушка, та самая, ангел. Мужчина обернулся к ней.

— Машута, приготовь-ка всё для перевязок. И скажи Ирэн, что девочка пришла в себя.

Ангел Машута кивнула и исчезла. А я сказала очередную глупость:

— Она такая красивая...

Мужчина неожиданно рассмеялся и осторожно потрепал меня по волосам.

— Красивая, конечно. И ты такая будешь.

Перевязка далась мне тяжело. И даже не потому, что было больно и очень стыдно от того, что, кроме бинтов, под одеялом на мне ничего не оказалось. Но мужчина снимал повязки одну за другой, и я снова и снова видела то, что оказывалось под ними — синюшная кожа и рваные раны с грубыми стежками неровных швов. Он, а это, несомненно, был доктор, делал всё ловко и привычно, с непроницаемым лицом. Красавица Машута помогала в этом, и я ловила на себе её жалеющие взгляды.

Последним было обработано моё лицо. Когда доктор осторожно снял с меня что-то вроде половинки маскарадной маски, закрывающей почти всю его правую часть, Машута тихонько охнула и прижала ладонь ко рту.

— Ничего страшного нет, — доктор строго глянул на неё. — Просто место укуса сильно опухло.

Девушка торопливо закивала, но в её глазах плескался такой откровенный ужас, что я невольно напряглась. Но спрашивать ни о чём не стала, разве вопросы чем-нибудь помогут, если всё действительно плохо? И потом, куда больше меня сейчас заботила Яринка.

Стоило перевязке завершиться, я торопливо спросила:

— Когда можно встать?

— Встать? — доктор задумчиво взялся за подбородок. — Именно встать можешь хоть сейчас, но предупреждаю — будет больно, хоть и обезболивающее ещё действует. Тем не менее, стоит попробовать, ведь тебе нужно ходить в туалет.

Я обрадованно приподнялась, но тут же опустилась обратно на подушку, натянув одеяло до подбородка. Совсем забыла, что под ним я совершенно голая. Доктор понял, хмыкнул, и, бросив Машуте:

— Помоги ей добраться до туалета. Если что — зови, — вышел за дверь.

Мы остались вдвоём, и после нескольких секунд стеснённого молчания, я попросила:

— Слушай... Маша? А тут нет какой-нибудь одежды для меня?

— Мне ничего не говорили об этом, — девушка явно тоже чувствовала себя неловко, но выход нашла быстро. — Я могу принести медицинский халат!

Я благодарно закивала. Да хоть что, лишь бы не это незащитное чувство наготы.

Однако осуществить задуманное мы не успели, дверь снова открылась и в палату вошла женщина.

В первый момент я подумала, что это девушка, может быть, лишь немного постарше Машуты, но наткнулась глазами на холодный пронизательный взгляд и поняла, что вижу перед собой взрослого, даже чуть пожилого человека. Это было ещё более удивительно, чем неестественная красота Машуты. Гибкая девичья фигурка, гладкая, без единой морщинки кожа, блестящие, не тронутые сединой волосы и эти глаза — циничные, многое повидавшие, усталые глаза Агафьи на молодом цветущем лице.

Да что это за место такое?

Несколько секунд женщина разглядывала меня со спокойным любопытством. Потом чуть улыбнулась, и улыбка тоже выдала её возраст — сухая, дежурная, без тени тепла.

Машута, повинувшись едва заметному жесту ухоженной руки, бесшумно скользнула за дверь, а удивительная незнакомка присела на один из стульев, изящно закинув ногу на ногу, и деловито кивнула мне.

— Ну что, давай знакомиться, Дайника?

Меня не удивило то, что ко мне обратились моим настоящим полным именем, но я вздрогнула от звука её голоса. Колокольчик. Тот самый нежный звонкий тембр, что я слышала сквозь душное багровое марево и который говорил странные вещи.

— Меня зовут Ирина Алексеевна, — продолжала женщина, — но для всех здесь я — Ирэн. Именно так, просто Ирэн.

Я снова почувствовала, что теряю связь с реальностью. Ирина — Ирэн? Разве это не запрещённое искажение православного имени? Куда я попала, чёрт возьми?

— У тебя, наверное, очень много вопросов, — угадала ход моих мыслей Ирина Алексеевна. — Ты получишь ответы на все, но постепенно. Пока ты ещё слишком ослаблена, не подготовлена и кое-что можешь неправильно понять. Но одно скажу сразу — здесь ты в безопасности. Тебе будет оказана квалифицированная медицинская помощь, предоставлены жильё, еда и одежда.

Если она думала, что такие слова меня успокоят, то зря. Все знают, где бывает бесплатный сыр, и в бескорыстную доброту я уже не верила. Сразу вспомнилось, как в приютском лесу Белесый предлагал мне свою "дружбу" и что под этим подразумевалось.

Видимо, моё молчание удивило Ирэн, она приподняла тонкие, словно нарисованные

брови.

— Ты даже ничего не спросишь?

— Спрошу, — я постаралась, чтобы голос звучал спокойно и не выдал моих подозрений. — Когда я могу увидеть мою подругу?

— Ярину? — Ирэн расплылась в улыбке. — Милейшее дитя. Совсем недавно мы с ней имели довольно долгую беседу, и могу сказать, что, если ты наделена хотя бы долей её благоразумия, у нас с вами всё сложится просто замечательно. Думаю, что сейчас ты можешь пообедать и принять лекарства, а после я позволю ей тебя навестить. Хорошо?

Есть мне совершенно не хотелось, что было даже странно после стольких дней на ворованных помидорах и зелени, но я торопливо кивнула. Что угодно, если потом увижу Яринку.

— Вот и отлично, — Ирэн поднялась, огладила руками подол длинной прямой юбки. — А после и мы с тобой пообщаемся. Скажу Маше, чтобы подала обед.

Обед здесь оказался хорош. Куда лучше, чем в приюте. Машута прикатила на небольшом столике тарелку исходящего ароматным паром золотистого бульона, аппетитного вида котлетки с коричневой корочкой и горку фруктов в небольшой корзинке. Но осилить из всего этого великолепия я смогла лишь бульон, и то потому, что мне хотелось пить, а не есть. Проглотила несколько таблеток и выжидательно уставилась на Машуту. Та неправильно истолковала мой взгляд, спохватилась:

— Одежда? Я принесла! — откуда-то выхватила белый халатик и заботливо расправила на постели. — Будем вставать?

Её участие было искренним, улыбка настоящей, и именно ей я рискнула задать вопрос, который не оставлял меня с того момента, как я открыла глаза в этом странном месте.

— Где я?

Машута смешалась, потупилась.

— Я... я думаю, что об этом тебе лучше поговорить с Ирэн.

— Это ведь не приют? И не больница?

— Нет, — нехотя признала она.

— Тогда что? Просто скажи — где я?

— В Оазисе, — Машута снова заулыбалась. — Ты в Оазисе, а это куда лучше, чем в приюте, уж поверь мне, я сама приютская.

Это признание ещё больше расположило меня к Машуте. Я оживлённо подалась вперёд.

— Ты сирота? А сюда как попала? А что это — Оазис? Зачем мы здесь? Кто такая Ирэн?

Поток моих вопросов прервал звук шагов за дверями, и мы снова увидела на пороге доктора. Он улыбался.

— К нашей больной посетители! Пойдём, Машута, не будем мешать.

За его спиной нетерпеливо переминалась с ноги на ногу Яринка.

Подруга сразу бросилась ко мне, хотела обнять, но испугалась многочисленных бинтов и только неловко затопталась у постели, жалобно ойкая. А я смотрела на неё во все глаза, да так, что даже не заметила, как доктор и Машута оставили нас наедине.

Яринка была без косы, с распущенными волосами, и, пусть за последние дни нашей свободы я к этому как-то уже привыкла, но видеть её простоволосой в помещении всё равно было странно. Да и не это главное. Больше всего меня поразила одежда. На подруге

оказалась ярко-жёлтая куцая маечка с блёстками и то, что я поначалу приняла за трусики и что при ближайшем рассмотрении оказалось обрезанными по самую попу голубыми джинсами.

Шорты! Шорты, вот как это называлось. Летом в Маслятах взрослые иногда надевали похожие, работая в огородах или на покосе. Но такое было редко, по-настоящему жаркие дни в Сибири выдавались нечасто, а таёжные паразиты — комар и мошка — не дремали. Я шорт никогда не носила: было бы глупо, постоянно лазая в травяных зарослях, оставлять ноги незащитными перед крапивой и осокой.

И вот здесь, сейчас, в этом загадочном месте, которое Машута назвала почему-то Оазисом, моя Яринка одета в то, что невозможно было вообразить. И, надо сказать, такой наряд украсил мою подругу, как не украсило бы, наверное, ни одно самое нарядное платье. Она казалась лёгкой как пёрышко и свежей, как ещё не высохший мазок краски. От её яркости (рыжий, жёлтый, голубой) зарябило в глазах, а ведь я привыкла всегда видеть Яринку облачённой в коричневые, тёмно-синие и серые тона, цвета школьной формы и повседневной одежды приюта. Кто бы мог подумать, что одежда может настолько изменить человека!

— Яринка, ты... ты такая...

Но закончить мысль мне не удалось, потому что подруга всё-таки изловчилась приобнять меня, не затрагивая бинтов, и разревелась. Я жутко перепугалась, подумав, что слёзы вызваны чем-то, чего я ещё не знаю, что на самом деле мы попали в какое-то ужасное место, где нас не ждёт ничего хорошего. И чуть сама не заревела от облегчения, когда выяснилось, что Яринка всего лишь продолжает винить себя в моих увечьях.

— Прости, Дайка, я испугалась! Я собак боюсь очень, я не смогла слезть с дерева, чтобы тебе помочь, меня как парализовало! Я знала, что должна тебя спасти, а пошевелиться не могла...

— Ещё чего не хватало! — возмутилась я, мигом вообразив себе эту картину, — Тогда бы мы обе сейчас тут лежали, как две мумии!

Яринка неожиданно перестала всхлипывать и несмело хихикнула:

— Даечка, не сердись, но ты и правда немного... похожа... все эти бинты.

Мы уставились друг на друга и вдруг расхохотались, чуть не стукнувшись лбами. Расхохотались так, что у меня заболела правая половина лица под повязкой, а в дверь заглянула встревоженная Машута.

Не знаю, был ли вызван приступ этого безудержного веселья какими-нибудь хитрыми вывертами психики, но, когда мы отсмеялись и более-менее успокоились, я почувствовала себя намного лучше — напряжение, владевшее мною с момента пробуждения, исчезло. Да и какого фига? Руки-ноги мои на месте, хоть и изрядно обглоданные, Яринка рядом, вода-еда есть, чего ещё желать в ближайшее время?

Я расслабленно откинулась на подушку, а продолжавшая улыбаться, как солнышко, Яринка присела на край моей постели. Я уже хотела приступить к расспросам, но заметила, что подруга жадно косится на обеденный столик, где уже остыли не съеденные мною котлетки.

— Ешь, если хочешь, я не буду.

Она виновато посмотрела на меня, но дважды себя просить не заставила.

— Я такая обжора стала, — пожаловалась подруга, пристроив тарелку на голые колени. — Всё съедаю до крошки и ложку облизываю. Никак не могу забыть, как есть было

ничего. А на помидоры и огурцы теперь даже смотреть не могу.

Мы невесело посмеялись. Слова подруги меня не удивили, я была готова к тому, что после выздоровления и у меня появится зверский аппетит. Пока же его не было совсем. Поэтому я терпеливо подождала, пока Яринка доест котлеты и фрукты, и лишь после этого спросила:

— Где мы?

— В Оазисе, — сыто отдуваясь, ответила подруга и привалилась к спинке кровати.

Я почувствовала раздражение. Сговорились они что ли? Неужели не понятно, что это дурацкое слово мне ни о чём не говорит?

— Да ну? И где пальмы? Где пустыня?

Яринка хихикнула и махнула рукой в сторону окна.

— Там. Серьёзно. Там есть и пальмы, и пустыня.

Моё терпение лопнуло и я, оторвавшись от подушки, сердито потребовала:

— Помоги мне встать и одеться!

Яринка послушно вскочила. Общими усилиями мы натянули рукава халата на мои перебинтованные руки и застегнули его. Перестав быть голой, я почувствовала ещё большую уверенность в своих силах и, держась за Яринкину руку, поднялась на ноги. Да, больно. К счастью, сами ступни не пострадали, а бёдра и голени, хоть и были покусаны, но позволяли мне держаться вертикально. Первый шаг дался тоже вполне сносно, и, приободрившись, я заковыляла к окну.

Подруга не соврала. Я сразу увидела пальмы. Настоящие пальмы, о существовании на свете которых раньше знала лишь из кино и книг. Высокие, раскидистые, толстые внизу и заостряющиеся к верхушке. Честное слово, если бы я узрела резвящихся на них обезьян и попугаев, и то не могла бы удивиться сильнее.

— Ну как? — спросила Яринка, наслаждаясь произведённым эффектом.

— А где пустыня? — глупо спросила я.

— Ну, вот же. Под пальмами — песок.

Песок был не только под пальмами, а, казалось, везде. Разумеется, сам песок — это ещё не пустыня, но и его раньше я могла наблюдать лишь в приютской песочнице на малышейовой игровой площадке. И там он был тёмный, крупный и некрасивый. Здесь же всё оказалось словно покрыто рассыпчатым золотом, сияющим на солнце. А ещё я увидела павлина. Настоящего павлина, который важно шествовал между пальмами, волоча по песку сложенный, но всё равно роскошный хвост. На миг мне опять показалось, что я или ещё сплю, или всё-таки умерла вместе с Яринкой, и теперь мы обе находимся в пресловутом Эдеме. Даже ноги внезапно ослабли, и пришлось навалиться на подоконник.

— Ты в порядке? — Яринка торопливо подхватила меня под локоть.

— Да где мы?! — взмолилась я. — Расскажешь ты, наконец?

Подруга стала серьёзной и кивнула.

— Расскажу. Только давай вернёмся на кровать. Успеешь ещё насмотреться. Это всё от тебя теперь никуда не денется.

Последняя фраза мне совсем не понравилась. Точнее, не понравился голос, которым Яринка её произнесла. Было в нём опустошённое смирение, так не свойственное бунтарской натуре моей подруги.

Я снова улеглась в постель и с удовольствием заметила, что отодвинутая нами штора позволяет мне видеть пальмы даже отсюда. Оазис...

Яринка пристроилась у меня в ногах и сразу заговорила, опережая мои вопросы:

— Ты помнишь, как нас забрали в полицейскую машину? Думаю, что помнишь, у тебя тогда глаза ещё были открыты. Это потом ты отключилась намертво. Так вот, нас привезли в участок, и я рассказала, кто мы. Я тогда лишь об одном думала, чтобы тебя скорее отвезли в больницу. Только они не отвезли... точнее, там пришёл один, кто-то из их же и кое-как тебя перевязал. А остальные спорить начали, что с нами дальше делать. Этот Петруха, которого собаки, ментам деньги обещал, просил сделать так, чтобы никто ничего не узнал. Они прямо при мне разговаривали и торговались сколько будет стоить то, чтобы концы в воду... Менты вообще, как узнали, что мы из коррекционного приюта, да ещё сбежавшие, да церковь подожгли... она, кстати, совсем сгорела, по телику показывали. Так вот, как узнали, сразу успокоились, и со мной уже не разговаривали, и смотрели, как на пустое место.

Яринка замолчала, погрузившись в воспоминания, и рассеяно теребя прядь волос.

— Думаешь, они могли нас... могли бы... — я не договорила, не хотелось вслух произносить это слово, хоть и было всё уже позади.

— Да, — жёстко ответила Яринка. — Жирный этот, хозяин собак, так и сказал: "Никто не знает, что они здесь были, их ищут в Московской области. Поищут и перестанут, а я хорошо заплачу". И тот, Макар который, главный мент, поотнекивался и согласился. И жирный ушёл. А я там, на скамейке сидела, держала на коленях твою голову, и всё думала — а как они нас убьют? Хорошо, если застрелят, это хоть быстро.

Мне неожиданно стало холодно, я натянула одеяло до подбородка. Вот как, мне, оказывается, ещё повезло, я лежала без сознания и знать не знала, что нас, оказывается, приговорили, чтобы помочь толстому огороднику избежать наказания. А бедная Яринка...

— Страшно было?

— Да нет, — подруга пожала плечами. — Как будто сон, даже интересно. А когда жирный ушёл, этот Макар не стал нас стрелять или ещё чего, а подмигнул мне и сказал: "Умный телок двух маток сосёт". Я тогда не поняла к чему это он, потом уже. И вышел. Меня, кажется, никто даже не охранял, я могла, наверное, в окно вылезти, но даже в голову не пришло без тебя. Сидела, сидела. А потом приехали Ирэн и Карл.

— Ирэн знаю! — оживилась я, радуясь, что самая мрачная часть Яринкиного рассказа подошла к концу. — А Карл кто?

— Тоже узнаешь. Помощник её, заместитель, а Ирэн тут главная. Так вот, зашли они, молча на нас посмотрели, снова вышли. А вернулись уже с Макаром. А он радостный такой, суется, и мне говорит: "Вот ведь как всё хорошо сложилось, и подружку твою вылечат, и жить будете в сытости-довольстве". Я ничего не поняла, но пошла за ними, раз обещали тебя вылечить. Сели в машину, тебя на руках. Я такие машины раньше только в кино видела, огромная, как танк, все стёкла тёмные. Поехали. Я потом и спрашиваю — куда? Ну, Ирэн мне всё возьми и выложи, и говорит "Скажи сразу, у нас с тобой будут проблемы?". И я ответила, что, если они тебя спасут, то никаких проблем не будет.

Я затрясла головой.

— Да подожди, какие проблемы? Что она тебе выложила?

Яринка кротко вздохнула и посмотрела мне в глаза.

— Дайка, полицаи нас продали в бордель. Ну, в публичный дом.

Глава 4.

На крыше.

Сначала это показалось мне даже забавным. Бордель, публичный дом... Слова из какой-то другой реальности. Конечно, я знала, что они обозначают, в основном благодаря книгам Дэна, тем самым "мыльным операм", где такие вещи несколько раз упоминались. Но ведь описаны в этих книгах были совсем другие времена, и помыслить о том, что подобные вещи имеют место сейчас, было то же самое, что поверить в динозавров или мамонтов. Я даже подумала, что Яринка так шутит, не очень удачно и совсем неуместно, но посмотрела на потухшие глаза подруги и отмела эту мысль.

— Но ведь... ведь... — я поняла, что, если сейчас не заставлю себя замолчать, то начну причитать, как старая бабка, и прикусила губу. Вроде в таких случаях полезно считать до десяти? Один, два, три...

— Мне Ирэн велела тебе рассказать, — не стала дожидаться моей реакции Яринка. — Сказала, что будет лучше, если это сделаю я, а не она. Она уже потом с тобой поговорит, подробно.

Бросив счёт, я потеряно пробормотала:

— Публичный дом... бред какой-то. Это что, как в "Унесённых ветром" куда ходил муж Скарлетт?

— Ага! — почему-то обрадовалась Яринка. — Точно. Только тут типа круче. Смотри, при Ирэн не скажи про публичный дом и тем более про бордель, её это бесит. Здесь — элитный загородный клуб "Оазис".

— А разница-то в чём?

Яринка откинула голову назад, надменно посмотрела на меня из-под полуопущенных ресниц и процедила, очень удачно подражая голосу-колокольчику.

— Разница, милая моя, в том, что тебя здесь ещё не подложили первому заплатившему, предварительно опоив или обколов чем-нибудь, что делает строптивых девочек послушными.

— Это она тебе так сказала? — ужаснулась я.

— И не только. Я же говорю — она сразу мне всё выложила, как есть. Понятно же было, что я не стану скандалить или убегать, пока ты... в таком состоянии. Тем более, что потом я и сама пообещала.

— Ты пообещала не убегать?

— И не убегать, и вообще делать всё, что скажут. Она очень умная, Ирэн. Ведь Карл хотел купить только меня, он всю дорогу ругался, что они разорятся на твоём лечении и это никогда не окупится. А Ирэн только посмеивалась. Она сразу поняла, что нами двумя будет легче управлять.

— Ладно, — я решила пока особо не задумываться над всем этим, а сразу перейти к главному. — Но мы ведь всё равно убежим, когда я поправлюсь? Ты же не думаешь, что твоё обещание... что оно по-настоящему?

— Не думаю, — глухо отозвалась Яринка. — Но мы не убежим. Отсюда нельзя убежать, Дайка.

— Ерунда, — не очень уверенно отозвалась я. — Мы же не в тюрьме, можно что-то придумать.

— Это вряд ли. Потом, когда выйдешь на улицу, сама поймёшь. Но дело даже не в том, как тут охраняют.

Яринка отвернулась к окну, устало прищурилась на солнечные блики, и мне вдруг снова бросилось в глаза то, как повзрослела моя подруга за последнюю неделю. Её скулы больше

не были такими болезненно заострёнными, как в дни наших скитаний, щёки уже начали обретать прежнюю округлость, кожа порозовела, но взгляд не изменился, в нём таилась та же обречённость, которую я впервые заметила ранним утром, встреченным нами на платформе несущегося товарняка.

— Если дело не в охране, то в чём? — спросила я, отчаянно боясь ответа, но не в силах молчать.

— В том, что нам некуда больше бежать, — ровно ответила подруга. — Всё уже. Прибежали.

— Но ведь так нельзя, — я всё же сорвалась на причитания. — Это же незаконно, я знаю! Нас не имеют права удерживать против воли, мы должны как-то дать о себе знать, позвонить... позвонить в полицию!

Яринка перевела на меня насмешливый взгляд, и я осеклась. Ах да, это же именно полиция определила нас сюда...

— Не все же такие! Ярин, мы найдём честных полицейских! Настоящих! Наверняка они есть. Главное добраться до них, а там уже...

— А там уже эти честные полицейские определяют нас сначала в очередной коррекционный приют, а потом — в колонию за поджог церкви, — перебила Яринка.

От волнения я принялась комкать край одеяла.

— Ну и пусть! До колонии ещё два года, а приют... оттуда можно снова убежать! И отсюда! Главное — отсюда, не хочу я быть этой... той...

Яринка вдруг придвинулась ко мне, осторожно накрыла ладонью мою руку.

— Дайка, давай сейчас не будем? Подождём, когда ты выздоровеешь, и тогда уже что-нибудь придумаем. Пока всё равно убежать не получится, так зачем мозги ломать?

И я уцепилась за эту мысль, как утопающий за соломинку. Тем более, что голова уже трещала от обилия новостей, от нереальности происходящего. Да и правильно это было, что ни говори. Подождать, осмотреться, усыпить бдительность Ирэн и остальных, а уж тогда...

Я с заговорщическим видом кивнула Яринке, и та заметно расслабилась.

— Дайка, ты главное, не вздумай Ирэн истерики закатывать. Она считает, что сделала тебе одолжение. Спасла, теперь лечит. Не зли её.

— Не буду, — настроение моё поднялось, теперь я чувствовала себя не пленницей, а разведчиком в стане врага. — А когда она будет со мной говорить?

Яринка двинула плечом.

— Кто знает. Она главная тут, когда захочет, тогда и придёт.

Ирэн пришла на следующее утро. Доктор, которого все здесь звали Ватсоном и который на такое обращение охотно отзывался, разрешил Яринке побыть со мной до вечера и даже помочь ему с очередной перевязкой. Увидев то, что скрывалось под бинтами у меня на лице, Яринка, совсем как Машута недавно, в ужасе прижала ладонь ко рту. А я снова почему-то ничуть не обеспокоилась на этот счёт. До ужина мы сидели у меня в палате, то на кровати, негромко разговаривая, то на подоконнике, глядя на пальмы и песок, меняющий цвет в зависимости от того, как всё ниже и ниже клонилось солнце. Кроме пальм и песка были за окном ещё и симпатичные двух-трёхэтажные домики, тесно стоящие друг к другу, и дорожки между ними, и причудливые плетёные скамейки, и кованые фонари. По дорожкам время от времени проходили люди, все очень легко одетые и загорелые.

О планах на будущее мы с Яринкой, как и условились, больше не говорили. Вместо

этого вспоминали наш побег из приюта и такое неожиданно далёкое путешествие. Сейчас даже страх, голод, холод, и жажда вспоминались почти с удовольствием, ведь мы со всем справились. Только вот от собак не смогли убежать...

А ещё очень жалко было вещей. Наши сумки и сейчас, наверное, лежали там, где мы в последний раз их оставили — под раскидистыми деревьями, в бескрайних полях. В них остались планшеты, сшитые Яринкой наряды, моя нотная тетрадь, а главное — рогатки: Пчёлка, Рога Дьявола, Бланка. Единственное, что осталось мне на память от Дэна...

Про Дэна и про нашу так обидно сорвавшуюся встречу с *другими* я всё ещё старалась не думать. Впереди у меня будет много времени для этого, а сейчас нужно как можно больше узнать о месте, в котором я так неожиданно оказалась. Но на мои вопросы об Оазисе и его обитателях Яринка отвечала неохотно, говорила, что я сама всё увижу, когда доктор разрешит мне выходить. Я узнала лишь, что саму Яринку поселили в уютной комнате с двумя взрослыми девушками и Ирэн обещала, что и я переселюсь туда же, лишь только пойду на поправку.

Когда на небе раскинулся непередаваемый в своей красоте закат, я почувствовала, как закрываются глаза. Ужин мне привезла Машута, но почти весь его опять съела Яринка, я же вполне насытилась двумя грушами. И, конечно, выпила очередную порцию лекарств, среди которых, судя по почти сразу возникшей сонливости, было и снотворное. Яринка поцеловала меня в свободную от повязки щеку и ушла, а я, свернувшись под одеялом, почти сразу уснула. Но перед тем как окончательно погрузиться в забытие, успела услышать долетающие в окно звуки грохочущей неподалёку музыки.

Разбудила меня Машута, прикатившая на столике завтрак. На этот раз я почувствовала слабый аппетит и с удовольствием умяла сладкую кашу с кусочками фруктов, запив всё это фруктовым же соком. Скоро появился и доктор Ватсон, осмотрел и обработал мои раны, удовлетворённо покивал и сказал, что если заживление и дальше пойдёт так же хорошо, то здесь я не задержусь. Едва эти двое исчезли за дверью, как я, кое-как набросив халат, заковыляла к окну. Зрелище, открывшееся за ним, уже не было таким чудесным, как вчера. Ровный золотистый песок оказался затоптан, тут и там валялся мусор, большую часть которого составляли бутылки и пластиковые стаканчики. Девушка, одетая почти как Яринка вчера — в майку и шорты, лениво собирала всё это в большой чёрный пакет. Небо было чистым, и день обещал стать таким же жарким, как вчерашний. Может, попросить у Ватсона разрешения с помощью Яринки выйти на улицу? Очень уж хотелось почувствовать песок под ногами и потрогать стволы настоящих пальм. А ещё понять, что за странный запах время от времени ветер заносит в окно, словно где-то неподалёку стоит огромная бочка ароматных солёных огурцов.

Но доктора я не дождалась, раньше него пришла Ирэн. Так же безупречно выглядевшая, лишь её светлые волосы на этот раз были собраны в аккуратный пучок, а вместо длинной юбки на длинных стройных ногах красовались свободные брюки на широком ремне.

Я так изумилась, увидев женщину в брюках, что забыла поздороваться, лишь хлопала глазами. Ирэн поняла, снисходительно улыбнулась.

— Привыкай, малышка. Здесь у нас нет дурацких запретов относительно одежды.

— И мне тоже... можно будет надеть джинсы? — озвучила я давнее своё желание, которым мучилась со времён своего появления в приюте.

— Разумеется, — легко согласилась Ирэн, взяла за спинку один из стульев и, пододвинув ближе к моей кровати, весело спросила:

— Ну что, Дайника, поговорим?

Я осторожно кивнула, глядя, как она изящно устраивается на стуле, закинув ногу на ногу. На её ступнях красовались диковинного вида не то туфли, не то сандалии. С открытым носком, ремешками, оплетающими лодыжки, и таким тонким высоким каблуком, что я снова вытаращила глаза.

— И это ты тоже сможешь носить, — поспешила сообщить мне Ирэн своим колокольчиковым голосом, но я испуганно затрясла головой. Нет уж, спасибо, совершенно не представляю, как можно удерживать равновесие, а тем более ходить в такой обуви.

— Ну, ты уже лучше себя чувствуешь? — Ирэн тепло посмотрела на меня, — Ватсон сказал, что у тебя на редкость сильный организм.

— Да, спасибо, — я помнила слова Яринки и решила быть крайне вежливой. — Спасибо, что лечите меня.

Тонкие брови насмешливо взметнулись вверх.

— Всегда пожалуйста. Но это ведь не единственное, о чём ты хотела поговорить, правда? Ярина рассказала тебе о том, где вы оказались?

— Да, рассказала.

— И это не привело тебя в восторг?

— Не привело.

— И ты не хочешь потребовать немедленно вас отпустить, иначе вы позвоните в полицию или убежите?

На этот раз я помолчала, придумывая ответ. На самом деле подобные мысли у меня возникали, хоть я и понимала всю глупость такого поступка. Но Ирэн смотрела с ожиданием, и я не нашла ничего лучше, как сказать правду.

— Хочу, конечно. Но вы ведь нас не отпустите?

Хозяйка позволила себе тихонько рассмеяться, колокольчик в её голосе зазвенел отчётливей.

— Конечно, не отпущу, но вовсе не потому, что мечтаю мучить вас здесь ради собственного обогащения. Видишь ли, Дайника, мы с тобой обе заложницы обстоятельств. И я не злодейка, которая всё это придумала.

Я слегка пожала плечами. Да, на злодейку Ирэн совсем не походила. Более того, я вдруг почувствовала, что симпатизирую этой молодой красивой женщине с её мягкой улыбкой и ласкающим слух голосом. Она располагала к себе моментально, хотелось улыбаться в ответ и незамедлительно отвечать на все её вопросы. А ещё я, хоть и смутно, но помнила разговор, подслушанный сквозь багровое марево, и понимала, что сейчас жива и относительно здорова только благодаря ей.

— Поэтому, — Ирэн обхватила колено руками, и я увидела, что у неё удивительно длинные, заострённые ногти, украшенные блестящими камешками. — Прежде, чем ты заявишь мне, что скорее умрёшь, чем... хм... подчинишься местным порядкам, я поспешу сообщить, что никто не собирается чинить насилие по отношению к тебе или к твоей подруге. Здесь у всех есть право выбора.

Я недоверчиво молчала, и Ирэн, не дождавшись ответа, продолжила:

— У нас солидное заведение, мы дорожим своей репутацией, и никогда не опустимся до того, что ты, наверное, уже успела себе вообразить. Скажу проще — никто здесь не будет тебя насиловать.

— А если, — я покашляла, прочищая горло, вот уж не думала, что придётся обсуждать

такую тему, — А если я не захочу... делать... что здесь делают?

Ирэн закатила глаза.

— Дайника, ты уже не в своём приюте, здесь не станут наказывать за то, что ты назовёшь вещи своими именами, поэтому не надо ходить вокруг да около, договорились? На вопрос ответу. Если ты твёрдо отказываешься работать с нашими гостями, то есть спать с теми мужчинами, которые заплатят за это деньги, то мы не станем заставлять тебя. Нам просто придётся расстаться.

— Вы меня отпустите? — это я спросила с изрядной долей сарказма, понимая, что такому не бывать.

— Разумеется, нет, — невозмутимо ответила Ирэн. — Не забывай, что твоё приобретение обошлось нам в порядочную сумму. Прибавь сюда затраты на лечение, кормление, одежду — и поймёшь, что они немалые. И мы будем вынуждены перепродать тебя в другое заведение, чтобы хоть частично возместить себе убытки. Поэтому для всех будет лучше, если ответ ты дашь сейчас, зачем я, собственно, и пришла. Или мы сотрудничаем для взаимного блага, или я ищу покупателя, хоть и сомневаюсь, что в твоём нынешнем состоянии ты кого-то заинтересуешь.

Я подавленно молчала. Да, разумеется, до меня уже давно дошло, что этот мир то ещё местечко, и здесь далеко не всем бывает хорошо, но продажа и покупка людей — такого я всё-таки не ожидала. А эта красивая и располагающая к себе женщина говорит об этом, словно о самом обычном деле.

Ирэн смотрела на меня и постепенно взгляд её смягчался.

— Девочка, — наконец сказала она. — Я понимаю, что тебе нелегко принять всё, как есть, но ты постарайся. Так получилось, и уже ничего не изменить.

Я и сама понимала, что распускать сейчас нюни — не лучший вариант, но вдруг сделалось очень обидно за себя. Совсем как той ночью, на платформе мчащегося сквозь темноту товарняка, когда я, замерзая, смотрела на пролетающие мимо уютные окна и думала: почему кому-то всё, а кому-то ничего?

— Мне можно подумать? — только и спросила я наконец.

— Нет, — по-прежнему мягко, но твёрдо ответила Ирэн. — Давай-ка решать всё прямо здесь и сейчас.

— А если, — мне всё-таки хотелось потянуть время, — если мы откажемся, куда нас продадут?

— Мы? — удивилась Ирэн. — Я думала, речь идёт только о тебе. Яринка согласилась остаться почти сразу, ещё по дороге в Оазис.

Я слегка оцетинилась.

— Она согласилась только потому, что боялась за меня!

— Конечно, — Ирэн не выглядела смущённой. — И это было очень благоразумно. Да и какая разница, по какой причине было принято решение? Ярина согласилась, и она остаётся здесь.

— Если я откажусь, она откажется тоже, — против воли в моём голосе зазвучало превосходство — осталось у меня ещё что-то, над чем другие не властны. — Мы везде только вместе.

Но Ирэн и на этот раз осталась невозмутима, в её глазах даже мелькнуло мимолётное торжество.

— В таком случае, — почти промурлыкала она, — тебе тоже стоит остаться в Оазисе,

ведь, если вы обе откажетесь сотрудничать с нами, то отправитесь отсюда в разные места.

Я сжала зубы. Ах, вот как? И это у них называется правом выбора?

Ирэн подняла перед собой ладонь.

— Нет, нет, я не стану вам мстить и разлучать специально, не настолько я мелочна. Просто ты и Ярина... вы сейчас находитесь в разных ценовых категориях. Она очень красива, а станет ещё красивее, это трудно не увидеть. А ты, к сожалению, поправишься ещё не скоро, и даже когда поправишься, — взгляд Ирэн упал на перебинтованную сторону моего лица, — в общем, приобретут вас, скорее всего, в заведения разного уровня.

Ну ладно. С волками жить — по-волчьи выть. Я спрятала руки под одеяло, сложила пальцы замочком и сказала, глядя Ирэн в переносицу:

— Хорошо. Я остаюсь здесь, с Яринкой.

Хозяйка улыбнулась.

— Отлично. Я, конечно, прекрасно понимаю, что ты сказала это не искренне. Но пока достаточно и такой формальной договорённости между нами. Вопросы есть?

Вопросов у меня был миллион, но задать я их собиралась не Ирэн. Кроме одного.

— Я уже могу ходить. Можно Яринка поможет мне выйти на улицу? Я поправлюсь быстрее, если не стану сидеть взаперти.

— О, это сколько угодно, — Ирэн загадочно улыбнулась. — Думаю, чем раньше ты познакомишься с окружающим, тем будет лучше.

Она поднялась, небрежным движением оправила брюки.

— Когда осмотришься и обвыкнешься, мы с тобой ещё вернёмся к сегодняшнему разговору. А пока отдыхай, гуляй, поправляйся. Я распоряджусь, чтобы тебе принесли что-нибудь из одежды.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я, мысль о скорой прогулке моментально подняла мне настроение. Пальмы! Песок! Павлины!

Ирэн ушла, а я, слишком возбуждённая для того, чтобы оставаться в кровати, дохромала до окна и забралась на подоконник с ногами, совсем как в приюте, хоть сейчас это и стоило мне немалых усилий.

До земли было недалеко, палата, в которой меня разместили, находилась на втором этаже, и, высунув голову наружу, я не видела ничего дальше других таких же невысоких зданий вокруг. Они стояли почти бок о бок, разделённые лишь узкими дорожками, посыпанными всё тем же вездесущим песком. Выглядело это уютно и по-домашнему, но столь близко расположенные друг к другу дома ограничивали обзор, и, как я ни оглядывалась, ничего нового заметить не смогла. Только верхушки пальм, тут и там возвышающиеся над покатыми крышами. Так что, не сумев ничем удовлетворить своё любопытство, я осталась сидеть на подоконнике, ожидая Яринку и с удовольствием подставляя лицо утреннему солнцу.

Подруга появилась быстро. Весёлая, такая же яркая, как вчера, она держала охапку разноцветной одежды и радостно сообщила, едва переступив порог:

— Вот! Ирэн разрешила выбрать тебе вещи на первое время. Я взяла что получше.

Она вывалила свою ношу на постель, и там словно распустился букет диковинных цветов, настолько яркими были краски. Я сама не заметила, как оказалась рядом с кроватью, не почувствовав уже привычной боли, возникающей при любых движениях.

— Ух ты! — первым, на что упал мой взгляд и что я стремительно выхватила из общей кучи, были, конечно же, джинсы. Чудесно-синие, с блестящей молнией и клёпками, с

замечательными карманами спереди и сзади, с петельками для ремня. Вот только...

— Ой, Ярин, они порваны!

— Да нет же, глупая, — снисходительно успокоила подруга, — это так носят. Видишь швы? Они специально сделаны как рваные, чтобы колени торчали. Я видела, девчонки здесь в таких ходят, очень классно.

Лично я не находила тут ничего классного. Джинсы тем и хороши, что это очень прочные брюки, годящиеся для любого экстрима, будь то бросок через крапивные заросли или лазание по деревьям. Это я и сказала Яринке, недоумённо разглядывая искусственные дыры.

— Ну какая тебе здесь крапива? — с лёгким стоном спросила она. — А деревья? На пальму, что ли, полезешь?

Я невольно глянула в окно на покачивающиеся под лёгким ветерком верхушки пальм. Представила себя на одной из них и, хихикнув, согласилась с подругой. И то верно — джинсы здесь если и пригодятся, то совсем для других целей. И всё равно они были чудесные!

Но дальше меня ждало разочарование. Натянуть джинсы на мои многострадальные, во многих местах перебинтованные ноги мы так и не смогли, даже совместными усилиями. Добились только того, что, привлечённый моими хныканьем и взвизгиваниями, в дверь заглянул доктор Ватсон и устроил нам разнос. После чего я, под угрозой немедленного изымания джинсов, пообещала ему до снятия повязок носить только свободную одежду. Из свободной выбор оказался невелик, но в итоге мы с Яринкой всё же остались довольны, нарядив меня в ярко-красные лёгкие шорты на резинке и салатово-зелёную маечку.

В непривычном, слишком открытом наряде я чувствовала себя незащищённой, но в то же время лёгкой и свободной, как подхваченная ветром пушинка. Даже бинты перестали стеснять. Вдоволь насладившись своим новым образом, я привычно вскинула руки к волосам — заплести косу, но натолкнулась на смеющийся Яринкин взгляд и вспомнила — этого делать больше не надо.

— Ну-ка! — и подруга ладонями взбила мои пряди, устроив у меня на голове, как она выразилась, "художественный беспорядок". На мой взгляд, художественного в этом было мало, скорее походило на то, как будто я забыла причесаться после сна, но возражать не хотелось. Пусть. Даже это намного лучше, чем надоевшая унылая коса.

На ноги я надела также принесённые Яринкой белые босоножки с плоской подошвой, которые оказались чуть великоваты, но от этого смотрелись не менее нарядно. И мы, наконец, смогли покинуть надоевшую мне палату.

Яринка медленно шла рядом, а я держалась рукой за её локоть. Почти сразу за дверями обнаружилась лестница на первый этаж, по которой мы и сошли вниз, к дверям. Я, конечно, понимала, что всё, что видела до этого за окном, не было ни миражом, ни иллюзией, и всё равно задыхнулась от восхищения, ступив на золотой песок, под сень пальм.

Было жарко. И солнце, несмотря на утренний час, пекло ощутимо. А в воздухе ещё сильнее ощущался свежий аромат, отдалённо напоминающий запах солёных огурцов... С трудом нагнувшись, я зачерпнула в ладонь песок и тут же выронила от неожиданности — он оказался очень горячим.

— Вечером классно ходить босиком, — поделилась Яринка. — Когда песок ещё тёплый. Ноги закопаешь в него — ммм...

— Наверное, как на море, — задумчиво сказала я, вспоминая мамины рассказы. Ей

довелось побывать там, прежде чем она познакомилась с папой и сбежала в тайгу.

Яринка загадочно улыбнулась и подставила мне локоть.

— Пойдём. Покажу тебе главное. Ты по лестнице вверх идти сможешь?

Мы зашагали по узким проходам между домиков. Архитектура здесь оказалась очень симпатичной, я не знала, как именно это называется, но всё окружающее напоминало картины из фильмов про средневековье. Крутые черепичные крыши, кованые перила и ограды, причудливой формы фонари, каменные лестницы... Петляя по песчаным дорожкам, мы неуклонно поднимались вверх, но каждый раз, когда я оглядывалась назад, чтобы посмотреть что мы оставили внизу, взгляд натёкался на стену очередного дома. В конце концов я среди них совершенно запуталась, и, не будь со мной Яринки, ни за что не нашла бы дорогу назад.

Несколько раз мы садились отдохнуть на плетёные скамейки — всё-таки я была ещё слаба и от ходьбы все мои раны под повязками разболелись.

— Чёртовы собаки, — простонала я, присаживаясь в очередной раз. — Когда теперь всё это заживёт?

— Я всегда знала, что от собак ничего хорошего ждать не стоит, — буркнула Яринка.

Я вспомнила нашу Зуйку, белую сибирскую лайку, мою постоянную спутницу и участницу всех игр, и вздохнула:

— Это ты зря. Они хорошие. Если хозяева хорошие. А то если как тот... на огороде... сама видишь, что получается. Это кем надо быть, чтобы вырастить таких ужасных псин?

— Это же ротвейлеры были, — Яринке явно не хотелось вспоминать весь кошмар, она нервно заёрзала на скамейке. — Их специально для охраны разводят.

Перед моими глазами снова появились оскаленные чёрные морды, гладкие, словно без шкуры тела, и я невольно передёрнула плечами. Не хватало ещё самой теперь начать бояться собак!

— Пошли дальше. Долго ещё?

— Нет, — Яринка обрадованно вскочила. — Только опять подниматься надо. Сможешь?

Я смогла. По вездесущим лестницам мы в итоге забрались к белому зданию, самому высокому, которое я здесь видела. Пять этажей, величественные балконы, увитые зелёными растениями, широкое крыльцо с колоннами. Перед блестящими стеклянными дверями я нерешительно затопталась.

— Ярин, ты уверена, что нам сюда можно?

— Ну конечно, — подруга нетерпеливо потащила меня вперёд. — Днём везде можно.

Мы оказались в прохладном вестибюле, и я сразу встретилась взглядом с охранником. В том, что это охранник, у меня не возникло никаких сомнений, хоть форма здешних секьюрити отличалась от принятой в приюте. Но глаза оказались теми же — обманчиво ленивыми, холодными и цепкими.

Этот широкоплечий и высокий мужчина, одетый во всё серое, не сделал ни одного движения при нашем появлении, но мы остановились, как вкопанные, от одного его вида.

— Куда?

— Наверх, — бесстрашно ответила Яринка.

— Новенькие? — в глазах охранника затеплилось любопытство, перешедшее в откровенное недоумение при взгляде на меня. — Ну, идите, идите...

Проскользнув мимо него, мы оказались перед очередной лестницей, и я уже обречённо

вздохнула, приготовившись к долгому подъёму, но Яринка потянула меня в сторону. И прямо перед нами в стене вдруг с мелодичным звоном распахнулась не замеченная мною до этого дверь. Я сразу поняла, что это такое, хоть и не видела никогда раньше и тем более не пользовалась. Лифт!

Внутри оказался сплошной свет и зеркала. В первую секунду это привело меня в восторг, но потом я увидела своё отражение и испуганно уставилась на бледное перебинтованное нечто. Права была вчера Яринка, сказав, что я похожа на мумию. Похожа даже не множеством бинтов, а худобой и серым цветом кожи. А лицо... мамочка...

Я сделала осторожный шагок ближе к зеркалу, даже не заметив, как дверь закрылась и лифт очень плавно двинулся вверх. Правая щека, половина подбородка, верхняя часть шеи — под повязкой, волосы над ухом выбриты широкой полосой, из-под марлевого края бинтов виднеется красная припухлость.

Яринка примолкла, настороженно наблюдая за мной. Потом осторожно коснулась плеча.

— Дайка... Ирэн сказала, что это только кажется так страшно. Потом можно сделать какую-то операцию, и ничего не будет видно.

Лифт остановился, услужливо распахнул двери. Я продолжала как зачарованная смотреть в собственные глаза, ставшие вдруг такими большими и тёмными на бледном лице, на фоне белоснежных бинтов, и подруга осторожно потянула меня за руку. Я машинально двинулась за ней, даже не глядя, куда мы идём и что меня окружает. Перед внутренним взором продолжала стоять блестящая поверхность зеркала, отражающая совершенно чужую, незнакомую, ужасно некрасивую и явно очень больную девочку.

А в себя я пришла уже от резкого порыва ветра, швырнувшего мне в лицо мои же волосы.

Несколько секунд понадобилось на то, чтобы осознать увиденное. Мы были на крыше, куда попали через узкий коридор, ведущий от лифта. Очевидно, крыша эта использовалась в качестве постоянного места отдыха и общения для местных обитателей. Повсюду стояли столики и шезлонги, разноцветные зонты от солнца и яркие качели. Посреди всего этого голубел бассейн, бьющий в небо высоким фонтаном, шумно обрушивающим свои струи в прозрачную воду. Под струями плескалось несколько человек, ещё несколько загорали тут и там, лениво переговариваясь между собой. На нас с Яринкой никто не обратил внимания.

Но всё это я разглядела уже потом. А первое, что бросилось в глаза и что занимало большую часть обзора — безбрежная синяя гладь, уходящая вдаль насколько хватало глаз и там, в облачной дымке, неуловимо сливающаяся с горизонтом.

— Яринка... — у меня пересохло во рту, я напрочь забыла всё, что занимало мой разум до этого, даже новое своё жуткое отражение в зеркале, — Яринка, это... это же...

— Море, — ответила подруга с такой гордостью, словно являлась создателем всего окружающего, — Это море.

Поскольку я застыла на месте, она снова взяла меня за руку и подвела к краю крыши, к металлическому бортику, украшенному искусственными цветами. Отсюда было видно здания, спускающиеся вниз, к песчаному берегу, растущие повсюду пальмы и петляющие между ними дорожки, по которым мы недавно поднимались. Я машинально попробовала отыскать среди одинаковых крыш ту, под которой провела последние дни, но с высоты они все выглядели одинаковыми. В лицо дул ровный влажный ветер, в нём снова улавливался запах солёных огурцов. Так вот, значит, чем это так пахнет. Морем.

— Так это мы... на побережье? — вспомнила я слово, употребляемое мамой.

— Не совсем, — осторожно поправила Яринка, — Пойдём-ка.

Продолжая держать мою руку, она повела меня вдоль края крыши. И отовсюду открывающаяся картина была одинаковой. Домики и пальмы внизу, песчаный берег за ними, а за берегом до горизонта — бескрайнее море.

В конце концов от этой синей бескрайности у меня закружилась голова, и я была вынуждена опуститься на ближайший шезлонг и прикрыть глаза.

— Поняла теперь, — хмуро спросила в наступившей темноте Яринка, — почему отсюда нельзя убежать?

— Это... остров? — слово далось мне с трудом, я никогда не могла представить, что буду употреблять его применительно к чему-то реальному, физическому, имеющему отношение ко мне. Острова всегда были где-то там, в кино и книгах, за Железным Занавесом в иных чудесных странах...

— Да. Искусственный остров в Чёрном море, — ровно отозвалась Яринка, — Оазис весь как есть.

— Как мы сюда попали?

— Мы же на юг ехали, помнишь? На товарняке. Вот и приехали. Не прямо к морю конечно, но недалеко. А потом нас сюда привезли Ирэн и Карл, когда купили. Сначала на машине, потом на катере.

Я приоткрыла один глаз, убедилась, что море никуда не делось, и потрясла головой.

— Как это — искусственный остров?

Яринка присела рядом со мной.

— Ну, тут мель была и сделали потом остров, я не знаю, как. Ирэн сказала, что искусственный и построено тут всё специально под этот Оазис. Чтобы люди приезжали отдыхать.

Я плохо понимала то, что она говорит. Как можно построить целый остров? Как я могу не помнить, что плыла по морю? Может ли всё это быть правдой? Но, терзаемая всеми этими непростыми вопросами, задать я смогла только один:

— Зачем?

А Яринка не была бы моей лучшей подругой, если бы не умела понять меня с полуслова.

— Я это тоже сразу у Ирэн спросила, как сюда попала. И ты спроси у неё, она лучше объяснит. Так-то она толковая тётка, я имею в виду, что честная. Не темнит. И рассказывает интересно.

Я была далека от того, чтобы восхищаться Ирэн, но допрашивать Яринку больше не стала. Всему своё время, информации и так слишком много для одного дня. Неожиданно мне захотелось убежать, спрятаться и от этой необъятной морской синевы, и от безжалостного, карабкающегося в зенит солнца. Сейчас, отсюда, моя маленькая палата в тени пальм, вдруг показалась спасительным убежищем.

— Пойдём обратно?

Кажется, Яринка огорчилась, что наша прогулка так быстро закончилась, но возражать не стала. Мы вернулись в лифт, где я снова закрыла глаза, чтобы не видеть своего отражения. Вышли на улицу. Извилистыми дорожками и лесенками вернулись в уже знакомый песчаный дворик. Ни пальмы, ни песок меня уже не радовали, тем более, что в голову закралось подозрение, что и это всё — искусственное. Ненастоящими казались даже ленивые павлины, попадающиеся на нашем пути тут и там.

В палате я сразу легла на кровать. Раны под повязками болели, голова кружилась, перед глазами поочередно вставала то синяя морская даль, то моё собственное обезображенное лицо. Слишком многое случилось за последние дни, и сейчас мне больше всего хотелось снова уснуть, уплыть по молочным рекам в спасительное неведение.

Яринка села рядом, глядя на меня с несчастным видом. Она наверняка ждала другой реакции, но я не нашла в себе силы даже для успокаивающей улыбки.

— Может, доктора позвать?

— Не надо, — я полежала, дожидаясь, когда бьющееся сердце немного успокоится. — Слушай, а на катере... мы долго ехали? Плыли?

— Не очень, — голос подруги зазвучал виновато. — Но скорость была большая. Самим отсюда до берега не доплыть, если ты об этом.

Я понимала, что не доплыть. Сверху, с крыши, ни в одном направлении не было видно земли, только вода, только море. А если бы и было видно, то ничего бы это не изменило — плаваю я плохо. Мелкая речушка неподалёку от Маслят, в которой мы иногда плескались, не смогла научить меня такому искусству.

Зашла Машуга, покачала головой, заметила, что с прогулками мы поторопились и что в ближайшие дни лучше мне оставаться в палате. Я была с ней полностью согласна. Стены палаты давали иллюзию защищённости от того нового и невероятного, во что вдруг превратилась моя жизнь.

А Яринка, до этого тревожно хмурившаяся, вдруг просияла.

— Дайка, я знаю, что тебе нужно! Скоро приду!

Она разноцветным флажком метнулась за дверь. А вернулась еле волоча ноги, с трудом удерживая на весу огромную стопку книг.

Глава 5.

Русалкина яма.

При виде протискивающейся в дверь горы книг на тонких Яринкиных ножках я взволнованно приподнялась. С самым торжествующим видом подруга обрушила всю кипу на мою постель, я едва успела подтянуть ноги.

— Вот! — Яринкины веснушки сияли. — Здесь целая библиотека. И брать книги можно сколько угодно.

Я подозрительно покосилась на разноцветные корешки, ожидая увидеть привычные с приюта "Евангелие" и "Хрестоматии", но ничего похожего не обнаружила. Напротив, иллюстрации на обложках пестрели совершенно не библейскими сюжетами. Мускулистые парни с оружием, какое-то клыкастое чудище, вынырывающее из пенных волн, космический корабль на орбите ярко-красной планеты... полуголая красотка в объятиях такого же не обременённого одеждой длинноволосого мужчины. И названия: "Тёмная страсть", "Последний выстрел", "Озеро голосов", "Световой рубеж" — явно не говорили ни о чём духовном или назидательном.

— Это всё можно читать? — уточнила я, по-прежнему не притрагиваясь к книгам.

— Ну, разумеется! Говорю же — сколько влезет. Прикинь, там даже библиотекарьши нет! Заходи и бери.

Я потянула к себе за корешок толстую чёрную книгу с изображением могильных крестов на обложке. "При полной луне". Открыла последнюю страницу и почти сразу увидела то, что искала. Год издания — 1998. Времена безбожья.

— Это всё запрещённые книги?

Яринка беспечно пожала плечами.

— Не знаю. Не все, наверное, но и запрещённые по-любому есть. Классно, да? Читай сколько хочешь, и прятаться не надо.

Постепенно я начала осознавать открывающиеся перспективы. А ведь, и правда, классно! Не надо скрываться от бдительных глаз Агафьи и учителей, не надо следить, чтобы соседки по дортуару не обратили внимания на то, что ты подозрительно долго сидишь, уткнувшись в планшет. Да и самих планшетов не надо, бери книгу, открывай и читай!

Я потянула к себе следующий томик. Потом ещё один. Вместе со стопкой таких разных книг во мне росла уверенность, что, пожалуй, чтение без границ — это как раз то, что поможет мне временно примириться с неприглядной действительностью.

Яринка наблюдала за мной и светлела лицом.

— А себе ты возьмёшь что-нибудь? — спохватилась я, перестав подтаскивать к себе книги.

— Я уже взяла, — отмахнулась она. — А надо будет — снова схожу. Ты читай пока, а те, которые прочитаешь, отдавай мне, я их обратно относить буду.

Машута, прислушивающаяся к нашему разговору, мечтательно вздохнула.

— Я, после того, как попала сюда, тоже читать кинулась. И кино смотрела без перерыва, и в игры играла... как очумелая. Теперь уже привыкла.

— Кино? Игры? — заинтересовалась Яринка.

— Ну да, тут же можно телик смотреть, диски, или играть на приставке, они много у кого есть. Всё можно, если работе не мешает.

— А ты давно здесь? — осторожно спросила я, вспомнив, что Машута тоже уютская.

— Да я примерно как вы была, когда меня привезли, — охотно отозвалась она. — Три года уже.

— И как сюда попала?

На этот раз девушка помедлила с ответом, оглянулась на дверь. Но желание поделиться пересилило осторожность, и она негромко заговорила:

— В тринадцать лет у меня аппендицит случился. А я долго в медпункт не шла, сначала ждала, пока живот сам пройдёт, потом воспитательницу ночью будить боялась. В общем, утром меня на скорой в городскую больницу увезли и еле успели прооперировать. А от наркоза я отошла уже тут.

Мы с Яринкой недоумённо переглянулись.

— Это как так?

Машута снова замаялась, понизила голос.

— Ну, в той больнице были какие-то люди, которые... в общем, с Оазисом связанные. Они подделали всё так, будто я умерла от перитонита. Про сирот ведь обычно никто особо не интересуется, а родных у меня нет совсем. Умерла и умерла. А меня на самом деле — сюда.

Яринка сообразила быстрее, чем я.

— Так тебя продали? Из больницы?

Машута обрадованно кивнула.

— Да. И очень вовремя, потому что прооперировали меня плохо, и я потом ещё тут долго болела. В обычной больнице не выжила бы, а здесь и уход лучше и лекарства дорогие есть, — она снова оглянулась на дверь, — с Запада лекарства. В других местах их не достать.

Я продолжала потрясённо молчать, переваривая услышанное, но Яринка, кажется, совсем не удивлённая, с искренним интересом спросила:

— Так ты, получается, почти как Дайка — проснулась уже тут? И как привыкла?

Машута улыбнулась.

— Да, я потому сразу и вызвалась за Дайкой ухаживать, что себя вспомнила. Сначала, конечно, в шоке была, ничего не понимала. Но со мной сидела девушка, Ася, и она мне всё рассказывала, объясняла, успокаивала, пообещала, что к себе в соседки заберёт, когда поправлюсь. А потом и Ирэн пришла. Так что... ну, в общем, привыкла.

Я, наконец, сумела открыть рот и выдавила:

— Но ведь... здесь же... разве ты не хотела убежать?

Машута стала серьёзной.

— Сначала только об этом и думала. Даже редела по ночам. Но Ирэн мне всё объяснила. Теперь я понимаю, как мне повезло.

— Повезло?!

— Конечно. Остаюсь я в своём приюте, что бы меня ждало? А здесь у меня всё есть, здесь я... — она вдруг резко замолчала, словно спохватившись. — Впрочем, сами поймёте скоро. Ещё смеяться над собой будете.

Я ничего смешного вокруг не видела, и что-то мне подсказывало, что дальше его будет ещё меньше, но Яринка лишь улыбнулась в ответ на слова Машуты. Она вообще сегодня выглядела подозрительно безмятежной, и в глазах её не было и тени вчерашней безнадёжности. Не будь я сейчас так эмоционально опустошена, обязательно бы спросила подругу о том, что это значит, но теперь мне больше всего хотелось остаться одной. Точнее, с книгами. Скрыться в вымышленных мирах от мира реального, вдруг начавшего утрачивать эту реальность.

Желание моё исполнилось, Машута ушла почти сразу после нашего разговора, Яринка чуть позже, пообещав вернуться к обеду. Но погрузиться в чтение мне не удалось, потому что, стоило мне оказаться в тишине и одиночестве, как я сразу уснула. И проспала до вечера, пока меня не разбудил доктор, явившийся для очередной перевязки. После чего Машута привезла мне ужин с двойным десертом, оставшимся с обеда, который я проспала. На мой вопрос: "Где Ярина?" — пожала плечами.

Без аппетита поковырявшись в тарелках, я, взяв с собой пару самых на первый взгляд интересных книг, перебралась на подоконник — читать в лучах заходящего солнца.

Книги действительно оказались интересными, но читалось мне не очень. Я то и дело отвлекалась для того, чтобы прислушаться: не донесутся ли из коридора Яринкины шаги? Поминутно выглядывала в окно, не возвращается ли она откуда-нибудь? Но подруга не шла. Не пришла она и тогда, когда яркий закат над черепичными крышами погас и на мир опустилась темнота. В этой темноте зажглись разноцветные фонари: зелёные, жёлтые, красные, голубые, фиолетовые, — они вспыхивали на пальмах, на крышах, на окнах, на лестницах, и мне не нужно было видеть весь остров, чтобы представить, как он становится похож на новогоднюю ёлку. Я бы восхитилась такой картиной и надолго осталась у окна, не тревожь меня сейчас мысль об отсутствии Яринки. Но мысль тревожила, и поэтому я вернулась в постель, где и свернулась клубочком, тоскливо гадая, что же помешало ей навестить меня? И не могло ли это быть чем-то плохим для нас обеих?

Заглянула Машута пожелать мне спокойной ночи. Удивилась тому, что я сижу в темноте. Я тоже удивилась, узнав, что здесь можно не спать всю ночь и никто тебе слова

против не скажет.

— Узнаю себя три года назад, — засмеялась Маша. — Всё ждала, когда воспитательница заорёт: "Через пять минут чтобы все лежали!". Не бойся, включай свет и читай хоть до утра, никто не будет ругаться.

Не стану врать, что это меня не порадовало. Я тут же воспользовалась Машутиным советом, включила бра над кроватью, свернула уютное гнездо из одеяла и обложилась книгами. Но не успела приступить к чтению, как за окном зазвучали весёлые мужские и женские голоса, нестройно поющие хором. Заинтересовавшись, я снова захромала к подоконнику.

По дорожке неторопливо брели две обнимающиеся пары, прихлёбывающие что-то на ходу прямо из пузатых бутылок. Но самым примечательным в них было не это, а почти полное отсутствие одежды. На мужчинах наблюдались лишь широкие шорты, а на девушках и того меньше — узенькие полоски материи на бёдрах, которые язык не поворачивался назвать трусиками. Голые груди покачивались в такт неспешной ходьбе, кожа блестела в свете фонарей.

Я вытаращила глаза и машинально присела, чтобы не быть замеченной. Ошеломлённо помотала головой, снова осторожно выглянула. Нет, не показалось. Люди за окном были не только почти обнажённые, но ещё почему-то мокрые, яркий блеск их кожи объяснялся именно этим.

Какого чёрта здесь происходит?

Компания остановилась напротив моего окна, они о чём-то негромко поговорили, затем одна пара удалилась, а вторая устроилась на скамейке под ярко-голубым фонарём, сделавшим их похожими на инопланетян. Девушка уселась на колени мужчине, а он, опрокинув в песок недопитую бутылку, принялся целовать её грудь.

Я снова отшатнулась от подоконника, подумала, что если эти двое поднимут головы, то прекрасно увидят меня на фоне ярко освещённого окна. И вернулась в постель. Взяла книгу, уставилась на страницу невидящим взглядом, невольно прислушиваясь к происходящему за окном. Неподдалёку зазвучала музыка, донёсся смех...

В который раз обнаружив, что перечитываю один и тот же абзац, я разозлилась, снова подскочила к окну, игнорируя боль, проснувшуюся под повязками от резких движений, и сердито хлопнула его, успев заметить, что целующаяся парочка на скамье переместилась в горизонтальное положение. На звук хлопнувшегося окна они не обратили никакого внимания, продолжая елозить ладонями по телам друг друга. Я невольно задержала взгляд на переплетении обнажённых рук и ног, разозлилась на себя и задернула шторы.

Но почитать в ту ночь мне всё равно не удалось, хоть я честно пыталась. Впервые за последние годы, с тех пор как я покинула Маслята, окружающая действительность показалась мне интереснее книжной, и отвлечься от неё было невозможно. Мокрая парочка со скамейки через какое-то время исчезла, но на их место приходили другие, и я, не в силах побороть любопытства, при каждом звуке шагов выглядывала в окно. Потому что народ здесь, как оказалось, обитал интереснейший, разнообразный и удивительный.

До того, как небо посветлело и музыка невдалеке стихла, мимо моего окна прошли и почти голые люди, и женщины в вечерних платьях, и мужчины в смокингах, и непонятно кто в масках и костюмах животных. Некоторые из них еле волочили ноги, шатались и выкрикивали непристойности, другие, наоборот, держались очень церемонно и вежливо, а чьё-то поведение вообще не поддавалось описанию. Видела я и девочку чуть постарше себя,

проехавшую верхом на спине ползущего на четвереньках пожилого мужчины, видела и двух юношей, идущих в обнимку, с ладонями, покоящимися на ягодицах друг друга, видела и мужчину в костюме, который не спеша провёл мимо голую девушку на поводке. Всё это очень походило на странный полусон, полубред. Сказочное освещение вокруг, грохочущая неистовая музыка, не похожая ни на что слышанное мною ранее, доносящийся снаружи солёный запах моря вперемешку с ароматами духов. Я бы ничуть не удивилась, проснувшись внезапно в дортуаре, под привычный звон будильника, извещающий о начале нового обычного дня. Я была бы рада так проснуться...

Но вместо этого задремала на рассвете, когда уже не было слышно ни музыки, ни голосов, и разноцветные фонари за окном погасли...

Разбудили меня негромкие голоса Машуты и Яринки. Толком ещё не проснувшись, я, тем не менее, испытала огромное облегчение от того, что подруга нашлась и пришла ко мне.

— Она читала всю ночь, — доверительно сообщила Машута (ага, читала, конечно!).

— Ну, тогда пусть ещё поспит, я позже зайду, — Яринкин тон стал печальным. — Какая-то она совсем больная, я думала, что поправляться быстрее будет...

— Да другая на её месте вообще бы не вставала! — шёпотом возмутилась Машута, — Ты видела, она же вся латаная-перелатанная!

— Да я не о том, — было слышно, как Яринка вздохнула. — Ей ничего не интересно, вчера море впервые увидела, и хоть бы хны...

— Так и я первые дни так же, — успокоила её Машута, — Это болезнь и шок, психика защищается. Дай ей время...

Мне стало неудобно, получалось, будто подслушиваю, и чтобы дать девочкам понять, что уже не сплю, я завозила под одеялом. Они сразу примолкли, потом Машута торопливо сказала:

— Ладно, я пойду, покормишь её сама, ладно?

Раздались удаляющиеся шаги, щёлкнула, закрываясь, дверь. Я открыла глаза. Веки после почти бессонной ночи казались тяжёлыми, никак не хотели подниматься. Телом владела слабость, раны под повязками надоедливо ныли.

— Дайка, — ладонь Яринки коснулась моего лба, голос звучал заискивающе, — Дайка, не спишь?

— Ты где была? — я не настроена была с ней церемониться, слишком хорошо помнила вчерашнюю тревогу. — Почему не зашла вечером?

Яринка потупилась.

— Я хотела! Но тут по вечерам уже нельзя выходить тем, кто не работает. Вот меня дежурная и не выпустила.

— Почему нельзя? Какая дежурная? — я осторожно села в постели, щурясь от заглядывающего в окно яркого солнца.

Яринка, обрадованная тем, что можно сменить тему, торопливо заговорила:

— Тут девушки живут в домиках, по четыре человека в комнате, как у нас в дортуарах, и на каждый домик есть дежурная, из стареньких, она следит за порядком. Вот и не выпустила, потому что после восьми начинают гулять гости и девочки идут на работу. А тем, кто ещё не работает, как мы, выходить нельзя и видеться с гостями нельзя.

Из всего сказанного я мало что поняла, кроме того, что Яринка очень неубедительно оправдывается.

— А до восьми почему не пришла?!

— Я приходила в обед, ты спала! А потом... ой, Дайка, мы были на пляже, я купалась в море! Первый раз! Слушай, это так классно, и я хотела, чтобы сегодня...

— Кто это — мы? С кем ты купалась?

— С девочками из нашего номера... ну, в приюте были дортуары, а здесь говорят — номера. С Асей и Викой, ты потом с ними познакомишься, они классные.

С неосознанной ревностью я подумала, что в голосе Яринки слишком много восторга и слишком мало раскаяния по поводу того, что, пока она весь вчерашний день развлекалась с какими-то Асями и Виками, я лежала тут, больная и одинокая.

— Слушай, ты спроси у доктора: когда тебе можно переехать в номер? — продолжала возбуждённо тараторить подруга, не замечая моего насупленного взгляда. — Ты же сможешь приходить к нему на перевязки, зачем всё время тут быть? Я тебе уже постельное бельё принесла и одежду в шкафчик сложила. Там так уютно, и можно на стену вешать всё, что захочешь, а не только иконы...

Взгляд Яринки стал мечтательным, про меня она словно забыла. Возмущённая этим, я уже собралась озвучить свои вчерашние переживания по поводу её отсутствия, но вместе с этим вспомнила и всё увиденное из окна в течении ночи.

— Ой... Яринка, слушай, это очень странное место! Тут...

Пока я торопливым шепотом пыталась живописать ночные события, подруга хмурила брови, образовав на лбу знакомую складочку, и покусывала нижнюю губу. Но после сказала только:

— Теперь понятно, почему меня ночью никуда не отпустили.

Я подождала несколько секунд, ожидая более живой реакции, потом возмутилась:

— И всё? Да ты понимаешь, что здесь творится?!

— Я-то понимаю, — досадливо отозвалась Яринка. — А вот ты, кажется, ещё не поняла, куда мы попали. Нет, надо тебя забирать к нам в номер, а то сидишь здесь, как в клетке. Давай я сегодня с доктором поговорю?

Я потерянно смотрела на неё, и у меня создавалось стойкое впечатление, что мы говорим о разных вещах, а то и на разных языках. Яринкин взгляд снова стал беззаботным и чуть мечтательным, складочка разгладилась, на губах заиграла улыбка.

— У тебя когда перевязка? Хочешь, я тебя потом на пляж отведу, где мы вчера были? Купаться тебе нельзя, но ты хоть на море вблизи посмотришь! Ну, пойдём, хватит валяться! Знаешь, как это здорово — море?

И я сдалась. Больше не пыталась разговаривать о прошедшей ночи, рассказывать о том, что видела, упрекать Яринку в легкомыслии. Покорно съела завтрак, дождалась доктора, получила его разрешение на прогулку вместе со строгим наказом не лезть в воду, вытерпела очередную перевязку. Заметила, как торопливо отвела подруга взгляд от моего лица, когда оно освободилось от бинтов, но не стала просить зеркало. Потом дала себя одеть, в том числе и в дурацкую широкополую шляпку с лентами, которую притащила Яринка.

— На пляже очень солнечно, — пояснила она, завязывая ленты под моим подбородком. — А мы будем гулять долго, да? Я хочу показать тебе всю набережную, обойдём остров вокруг.

Я не была уверена, что такая прогулка мне по силам, но возражать не стала, мной снова овладела апатия. Я пыталась разозлиться на себя, встряхнуться, ведь Яринка права — сейчас я впервые в жизни буду у моря, окуну руки в волны, возможно, увижу диковинных рыб или

чаек, и вместо того, чтобы радоваться, чувствую себя так, будто впереди очередная воскресная служба в нашем приюте. Кстати...

— Какой сегодня день? — спросила я, когда мы выходили на лестницу.

Яринка подставила мне локоть и охотно ответила:

— Сегодня понедельник.

Значит, вчера было воскресенье. Но я за весь день ни разу не слышала колокольного звона. А с крыши, на которую меня привела Яринка, нигде не видела куполов...

— Здесь, что, нет церкви?

— Церкви? — Яринка хихикнула. — Что, тоже сжечь хочешь? Вошла во вкус?

Я повысила голос:

— Здесь есть церковь?!

Яринка покосилась удивлённо и чуть обиженно.

— Чего ты рычишь? Нет, нету здесь никакой церкви, кому она нужна?

— Как это кому? — мы спустились с лестницы, и я заранее прищурилась, готовясь выйти под жаркое южное солнце. — А где тут молятся?

— Дайка, ну ты вот как скажешь, — в голосе Яринки зазвучали непривычные нотки превосходства. — Сама-то подумай, кто тут молиться будет? Гости не молиться сюда приплывают.

— А не гости? — я шагнула за порог и вынуждена была признать полезность нелепой шляпки: широкие поля бросали тень на лицо, жмуриться не пришлось.

— А не гости работают, им не до молитв, — Яринка решительно повела меня в сторону противоположную той, откуда мы вернулись вчера. — Да и вообще, здесь все такие... грешники, что молиться уже смысла нет.

Я вспомнила людей, ходивших вчера под моим окном: их облик, поведение, пьяный смех, — и мысленно согласилась с подругой.

Мы снова петляли между домиками и пальмами, но на этот раз не поднимались, а спускались вниз по коротким лестничным маршам, попадающим на пути, то тут, то там.

— Здесь, внизу, — объясняла на ходу Яринка, — живут работники Оазиса, те, кто тут постоянно. А выше уже начинаются гостиницы для гостей, там же рестораны, казино, стрип-клубы...

— Кази... стрип... что это?

— Потом узнаешь, нас это пока не касается. Но внизу всё равно прикольнее, там море. У нас в номере из окна его видно. И волны слышно, как шумят, так засыпать приятно. Если только гости не орут, как вчера. Хотя по ночам немногие купаются.

Я вспомнила полуголые парочки, дефилирующие мимо моего окна ночью, и меня осенило.

— Так это с пляжа голые ходят? Поэтому все были мокрые?

— Ну. Напьются и лезут в море... а вот и оно!

Я вздрогнула и подняла глаза. Мы вышли на открытую площадку перед последней лестницей, нижняя ступенька которой утопала в песке. И песок не был таким приторно-золотистым, как тот, каким засыпали дорожки наверху, это был уже настоящий морской песок, крупный, грязно-жёлтого цвета, с вкраплениями сухих водорослей и осколков ракушек. И от этого ещё более замечательный. Прилетевший с морского простора порыв ветра чуть не сорвал шляпку с моей головы, и её удержали лишь заботливо повязанные Яринкой ленты.

Сам пляж оказался довольно узким, заставленным шезлонгами и зонтиками, но людей здесь на удивление почти не было.

— Вика и Ася говорят, что купаться лучше всего утром, — пояснила Яринка, — Пока гости отсыплются. После обеда будет толпа. Пошли к воде. Я окунусь разок, ладно? А потом обойдём остров.

Шагать по пляжу оказалось трудно, ноги проваливались в горячий песок, который сразу набился в босоножки, но это было даже приятно. Яринка на ходу принялась раздеваться, под майкой и шортами у неё оказался купальник, состоящий из множества серебристых шнурков. Тонкая, гибкая Яринка походила в нём на юркую рыбку. Бросив вещи на пустой шезлонг, она издала высокий радостный вопль и, вскинув руки, побежала в пену прибоя. Я с тревогой наблюдала, как тёмно-зелёная волна накрыла её с головой, но Яринка тут же вынырнула рыжим поплавком, что-то весело крикнула.

Я медленно приблизилась к воде, помедлила, прежде чем ступить на мокрый песок нарядными босоножками, но потом решила, что жалеть здешние вещи не стоит — разве меня саму не купили, как вещь? С громким шорохом набежала очередная волна, лизнула мои ноги. От её ласковой прохлады я негромко охнула, но сразу сделала ещё один шаг вперёд, опустила на корточки, протянула ладони навстречу следующей волне...

Когда Яринка выбралась на берег, то застала меня мокрой и схватила за голову.

— Дайка! Ну, доктор сказал же тебя — бинты не мочить! Ну вот зачем, что я теперь ему скажу...

Я и не думала мочить бинты, они сами намокли, когда я, зачёрпывая горстями морскую воду, смачивала ею открытые участки кожи. Но как было удержаться? Солнце стояло уже высоко, а вода оказалась такой приятной, так чудесно пахла — солёными огурцами и водорослями, так освежала, что сонная апатия, владевшая мною со вчерашнего дня, исчезла, растворилась в её мокром блеске. И я встретила Яркино ворчание широкой счастливой улыбкой, от которой подруга замолчала на полуслове, недоверчиво глядя на моё сияющее лицо.

— Ну, ладно, — наконец неуверенно сказала она, — пока гуляем, ты высохнешь. Только больше не надо, потерпи уж.

Мы присели на шезлонг, подставив лица порывистому морскому бризу.

Море...

Разумеется, я видела его по телевизору, читала о нём в книгах, много раз представляла себе, но всё это не шло ни в какое сравнение с ощущением солёной влаги на коже, с мерным шумом прибоя и жалобными криками чаек, с неповторимым, таким морским запахом, который я теперь не спутаю ни с чем другим.

— Сегодня волны большие, — поделилась Яринка, — вчера меньше были. Девчонки говорят, что прикольное всего в шторм. Купаться, конечно, нельзя, но краси-и-иво! Ты отдохнула? Пойдём?

Мы встали и побрели вдоль линии прибоя. Я невольно оглянулась назад, туда, где дальше по берегу виднелись выступающие в море длинные не то мостики, не то косы.

— А почему не в ту сторону?

— Туда нельзя, — быстро сказала Яринка, — Там причал.

Только сейчас я заметила несколько качающихся на волнах катеров. А может, это были яхты или лодки, или как там ещё называется то, что плавает по морям? В общем, корабли. А корабли — это средство передвижения, и значит...

Яринка не дала мне додумать мысль до конца, сообщив бесстрастным тоном:

— Забудь. Убежать не получится. Охрана обыскивает каждое судно, а причал закрыт.

Поэтому мы в ту сторону и не идём.

Я подавила вздох. Разумеется, здорово было представить, как мы, тайком пробравшись на катер-яхту-лодку, угоняем её и уносимся на свободу по пенным гребням волн! Но я уже понимала, что Оазис — это не наш приют, и, для того чтобы убежать отсюда, понадобится нечто большее, чем умение лазить по деревьям.

Яринка потянула меня за руку, и я, отвернувшись от белых корабликов, последовала за ней по горячему песку.

Остров оказался совсем небольшим. Мы обошли его вокруг за три часа, при этом останавливаясь и отдыхая на скамейках и шезлонгах. Погода заметно испортилась, на небе появились рваные облака, время от времени скрывавшие солнце, ветер усилился, и волны накатывали на берег уже не с ласковым, а с угрожающим ворчанием. Большую часть пройденного нами берега занимал пляж, его окаймляли одноэтажные и двухэтажные домики; в основном, как и говорила Яринка, это было жильё девочек, таких же пленниц Оазиса, как и мы. А вот выше, на так называемой "terrace", селились те, кто приплывал сюда воспользоваться местными услугами. Именно там росли пальмы и бродили павлины для ублажения взглядов дорогих гостей, там же располагалась и медицинская клиника, в которую меня спешно доставили в нашу первую ночь здесь. А над всем этим, на самой верхней точке искусственного острова, громоздился Айсберг. Тот самый белоснежный дом, на крышу которого привела меня вчера Яринка. Его было видно из любой точки острова, и снизу он действительно походил на айсберг, блестящий стеклянными гранями под южным солнцем.

— Это отель для самых богатых, — пояснила Яринка, когда мы валялись на шезлонге, глядя вверх — на отражающие синее небо окна Айсберга. — Лучшие номера, лучший ресторан, смотровая площадка с бассейном. Ну, ты видела. Ася и Вика работают там.

Асю и Вику Яринка упоминала постоянно. Ася и Вика то, Вика и Ася сё, Вика и Ася сказали... Совершенно не интересуясь этими девицами, я уже знала, что им по двадцать с хвостиком, здесь они больше пяти лет, на хорошем счету у Ирэн, что они уже отработали свой долг перед Оазисом и теперь зашибают кучу денег. И нам очень повезло, что нас поселили в один номер с ними, ведь, если мы будем брать пример со своих соседок, то станем такими же крутыми. Мне уже казалось, что я готова возненавидеть и Асю, и Вику, если Яринка не перестанет без конца повторять эти имена, и лишь нежелание обидеть подругу удерживало меня от едких замечаний в их адрес.

И сейчас я торопливо, чтобы Яринка не успела развить тему, сказала:

— Я отдохнула. Пойдём дальше?

Подруга приподнялась на локтях, посмотрела вдоль берега.

— А некуда больше идти.

Я проследила за её взглядом. Неподалёку от нас пляж обрывался. Песок там уступал место гальке, а потом и крупным камням. Ещё дальше виднелись целые глыбы, нагромождения глыб, разбиваясь о которые, волны вставали дыбом. И там не было уже ни шезлонгов, ни зонтиков, не было даже домов, лишь тянулся унылый бетонный забор, за которым виднелись металлические крыши, так отличающиеся от остальных крыш острова — уютных и черепичных, с мансардными окошками и башенками, к виду которых я уже

привыкла.

— А что там?

— Доки вроде, катера стоят, ещё электростанция, и эти... где воду очищают. А дальше уже причал, поэтому нам придётся возвращаться тем же путём, каким пришли, там охрана не пропустит.

— Нет, я про те камни.

— А, — Яринка помялась, — там тоже нечего делать. Когда строили остров, то не стали в этом месте набережную или пляж устраивать, там сразу глубина начинается.

— Так мы же в воду не полезем, — мне хотелось посмотреть вблизи на то, как волны разбиваются о каменные валуны. — Давай подойдём?

— Не стоит, — Яринка старательно избегала моего взгляда. — Это нехорошее место.

— Почему нехорошее? — удивилась я. Мне, наоборот, вид скалистой береговой кромки с яростным прибоем нравился куда больше прилизанных пляжей.

— Потому что это Русалкина яма, — нехотя пояснила Яринка. — Туда не ходят.

Разумеется, такой ответ лишь разжёл моё любопытство. Тем более, я видела, что подруге не хочется говорить на эту тему.

— Мы же хотели обойти вокруг острова? Вот и пошли, не уйду, пока не посмотрю всё, и эту... Русалкину яму тоже. Почему это место так называют?

— Ну хорошо! — разозлилась Яринка. — Яма — это потому что дна нет. Ступишь с камней в воду и всё. А русалкина — потому что здесь девушки топились. А потом в лунные ночи видели их среди волн.

От неожиданности я не сразу нашлась, что ответить. Недоверчиво хмыкнула.

— Чушь. И ты в это веришь?

— Сама ты чушь, — огрызнулась Яринка, — Вика сама их видела, а Ася слышала смех.

Я скрипнула зубами.

— Вот как? Ну, раз Ася и Вика видели, пусть они и боятся. А я пойду и посмотрю.

Решительно поднявшись, я зашагала прочь, настолько быстро, насколько позволяли забинтованные ноги. Яринка догнала меня через несколько шагов.

— Дайка! Не надо туда. Я не боюсь русалок, но там ходить очень неудобно, камни же.

— Ничего, потихоньку, мы никуда не торопимся, — процедила я, глядя, как под ногами слой песка постепенно сходит на нет, уступая место крупной гальке.

Яринка больше не пыталась меня остановить, послушно шла рядом. А идти действительно оказалось тяжело. Плоские подошвы босоножек скользили по мокрым камням, круглые гольши так и норовили подвернуться под ногой в самый неудобный момент. Приходилось двигаться очень медленно, расставив в стороны руки для равновесия. Поэтому я подняла взгляд от земли, только когда шум прибоя стал оглушительным, а Яринка предупреждающе взяла меня за руку.

Зрелище не разочаровало. Тёмные угрожающие каменные глыбы блестели мокрыми боками, волны, ударяясь о них, рассыпались в воздухе мириадами крошечных искр, в которых на миг повисали и тут же исчезали радуги. Ветер швырял на гальку клочья пены.

— Вот если с этих валунов! — Яринка наклонилась к моему уху, перекрикивая шум прибоя. — Прыгнуть в воду, то там уже нет дна! А если не утонешь сразу, то волны разобьют тебя о камни!

Здесь, в угрожающей близости от беснующейся воды, в такое легко верилось. Непонятно было другое.

— Почему те девушки утопились?

Яринка пожалала плечами, но я видела, что ей что-то известно. Только разговаривать здесь было слишком неудобно, и я решила отложить этот вопрос на потом. Сейчас казалось куда интереснее рассмотреть Русалкину яму вблизи. Я сделала несколько шагов вперед, и лицо стало влажным от висевшей в воздухе водяной пыли.

— Хватит, пойдём отсюда! — крикнула сзади Яринка, и я с удивлением услышала в её голосе неподдельный страх. Но ведь не может быть, чтобы моя дерзкая подруга всерьёз опасалась местных баек о русалках! Тем более, что вокруг ясный день, а не лунная ночь. Хотя под водой, наверное, всегда темно... Под такой сверкающей и шумной водой, там, в глубине, куда уже не попадает солнечный свет, куда не доносится шум волн, где на илистом дне неподвижные глаза утопленников никогда не закрываются...

Я вдруг поняла, что стою, обхватив себя за плечи, и как замороженная смотрю в пену прибоя, словно пытаюсь проникнуть взглядом под неё, в загадочную глубину Русалкиной ямы.

Холодная рука взяла меня за локоть, и я чуть не вскрикнула.

— Пойдём! — Яринка тянула меня назад слишком сильно, чтобы это можно было списать на шутку, мои ступни заскользили по мокрым камням, под повязками толкнулась боль. — Пора возвращаться!

Я послушалась. Подруга выглядела по-настоящему рассерженной, и мне не хотелось ссориться. А ещё не хотелось здесь оставаться. Первое впечатление от этого места оказалось обманчивым, и Русалкина яма больше не выглядела красивой. Тем более, что солнце скрылось за очередным облаком, и угрюмые валуны, перестав блестеть, стали почти чёрными, а море поменяло зелёный цвет на угрожающе-свинцовый.

Неуклюже ковыляя по скользким камням, мы торопливо вернулись на пляж, к его легкомысленным разноцветным зонтикам, и только тогда остановились, одновременно повернувшись лицом к оставшейся позади Русалкиной яме. Я покосилась на Яринку — её грудь тяжело вздымалась, рот жалобно приоткрылся.

— Ну ты чего? — я устало опустила на ближайший шезлонг. — Не бывает же никаких русалок.

Подруга оглянулась на меня, шмыгнула носом.

— Русалок, может быть, и не бывает, но... Дайка, неужели ты не почувствовала?

Мне не нужно было спрашивать, что она имеет в виду. Потому что я действительно почувствовала. И узнала это чувство. Нам, "дикарям", тем, кто привык находиться вдали от цивилизации, среди территорий, на которых человек вовсе не является самым сильным и всеведущим, было хорошо известно о существовании в мере чего-то, пока совершенно не изведенного, но грозного, с чем поневоле приходится считаться.

В нашей тайге имелись места, куда не заходили даже самые отчаянные охотники. Не из-за живущих там хищников или непроходимых топей, а именно из-за того, о чём сейчас говорила Яринка. В этих местах было *нехорошо*. К счастью, все они находились в нескольких днях ходьбы от Маслят, но о них помнили, а мы, дети, иногда, сбившись в кружок в чьём-нибудь дворе, обмирая от жути, пересказывали друг другу страшные истории, якобы когда-то там случавшиеся.

И сейчас, похожей жутью, только более ощутимой, веяло от мрачных каменных глыб, возвышавшихся над Русалкиной ямой.

Так что я отлично поняла, что имела в виду Яринка, и не стала этого скрывать.

— Почувствовала. А там правда... по ночам кого-то видят?

— Ася и Вика говорят, что да, — Яринка присела рядом со мной, обхватив руками голые колени. — Но чаще слышат. Это сейчас волны и прибой, а когда ветра нет, тут тихо. И по ночам слышно, как будто девушки сменяются. А ещё...

Яринка замаялась, и я досадливо пихнула её локтем в бок.

— Да рассказывай уже!

— Ну, одну девушку мучил её клиент, а он был постоянный гость, она не могла ему отказать. И однажды не выдержала, сбежала от него ночью и бросилась в Русалкину яму. Её даже не нашли, глубоко там, течения всякие. И вот как-то этот гость снова приехал в Оазис, пошёл купаться ночью... и его тоже не нашли. Все говорили, что это та девушка забрала. Отомстила.

— А он что, в Русалкину яму пошёл купаться?

— Не знаю. Нет, наверное. Но дело в том, что плавал он хорошо, волн в ту ночь не было, и никто не слышал криков, когда он начал тонуть. Просто зашёл в воду и исчез.

— Туда ему и дорога, — мрачно отозвалась я, пытаюсь догадаться, что подразумевала подруга под словом "мучил"? И часто ли здесь такое бывает?

— А другие девушки? Они почему утопились?

Яринка снова попробовала играть в молчанку, но я больше не собиралась этого терпеть.

— Я ведь и у Машуты спросить могу! Или у доктора!

Подруга виновато покосилась на меня и, вздохнув, призналась.

— Мне Ирэн велела тебя не волновать пока, ты же ещё слабая. Она сама потом расскажет...

— В задницу Ирэн! — рявкнула я так, что под повязкой заболела правая сторона лица. — Рассказывай всё, что знаешь, иначе я сейчас точно волноваться начну!

— Да не о чём особо рассказывать, — Яринка развела руками. — Ты и так всё знаешь, просто напоминать лишний раз не хочется. Эти девушки покончили с собой, потому что не хотели... работать... обслуживать гостей...

— Мне Ирэн сказала, что здесь никого и не заставляют.

— Не заставляют, — согласилась Яринка. — Просто перепродают в те места, где заставят. И если здесь ещё можно утопиться, то там даже такой возможности не будет.

Мы помолчали. Ветер усилился, и теперь тёмные волны Русалкиной ямы набрасывались на камни с таким шумом, что заглушали крики чаек, мечущихся над этими камнями.

— А много было этих девушек? — спросила я, глядя на вздымающийся прибой и думая о том, до какой степени отчаяния нужно дойти, чтобы не побояться прыгнуть в его беснующиеся воды.

Яринка пожалала плечами.

— Не знаю. Правда, не знаю. Об этом здесь говорить не любят. Дайка, пошли обратно? Есть охота.

Мы поднялись на ноги, но, прежде чем повернуться спиной к Русалкиной яме, я подумала, что, если надеть удобную не скользкую обувь, то в следующий раз подойти туда будет легче. Даже если идти придётся в темноте... в мягкой южной темноте, где только полная луна висит над водой, простирая через море бесконечную зыбкую дорожку света.

Глава 6.

Контракт.

На следующее утро, после очередной перевязки, доктор по прозвищу Ватсон разрешил мне покинуть клинику.

— Раз в день будешь заходить ко мне на осмотр и за лекарствами. Не бегать, не прыгать, бинты не мочить и не разматывать, швы не трогать, больше спать и есть. И никаких многочасовых гуляний!

Последние слова были обращены не ко мне, а к Яринке, которая нетерпеливо переминалась рядом. Она с готовностью закивала в ответ, ничуть не смутившись, словно забыла, какой разнос устроил нам доктор вчера, когда мы вернулись с прогулки вокруг острова и я, с проступающими сквозь повязки кровавыми пятнами, без сил рухнула на кровать. А к вечеру у меня поднялась температура, начал бить озноб. Машута приносила мне горячее какао и укоризненно говорила, что мы не должны были гулять так долго на солнцепёке. Я с виноватым видом кивала, а сама ждала, когда она уйдёт, чтобы, как в прошлую ночь, засесть на подоконнике, поглазеть на местную публику. Но, не то организм мой и впрямь слишком утомился от ходьбы и впечатлений, не то среди выданных доктором таблеток оказалось снотворное, но я уснула с закатом и проспала до утра, до прихода Яринки.

Никаких моих вещей в палате не было, кроме одежды, что на мне, и стопки книг, поэтому сборы не заняли много времени. Машута обняла меня, пообещала в ближайшие дни заскочить в гости, я в последний раз обвела взглядом палату и вслед за нагруженной книгами Яринкой вышла за дверь.

Маршрут, которым мы двинулись, был тот же — вниз по лесенкам, к пляжу. Но на этот раз, не дойдя совсем чуть-чуть до открытой площадки, с которой я впервые увидела море вблизи, Яринка свернула на узкую дорожку между домами, которая и привела нас к неприметной двери под жестяным козырьком.

— Видишь? — подруга ткнула пальцем в табличку "27", висевшую над невысоким, в две ступеньки, крыльцом. — Запомни. А то тут всё одинаковое.

Здесь она не соврала. Жильё для работников Оазиса не отличалось разнообразием, и находились мы сейчас среди однотипных двухэтажных домиков бежевого цвета. Но домики были симпатичные, с закруглёнными окнами и крутыми черепичными крышами.

— Тут что, не закрываются? — спросила я, глядя, как Яринка, неуклюже придерживая одной рукой стопку книг, другой потянула дверь за ручку.

— Не-а, — отозвалась подруга, помогая себе локтями. — От кого тут закрываться? Ворам неоткуда прийти. Да и камеры кругом.

Вслед за ней я несмело перешагнула порог и увидела маленький холл с зеркальными шкапами, расходящиеся от него в разные стороны двери, а поодаль — узкую винтовую лестницу. К ней и направилась Яринка, объясняя на ходу:

— Дома, в которых живут девушки, все одинаковые. Внизу столовая, кухня, гостиная, две ванны, наверху три спальни на четыре места. Итого двенадцать человек на дом. Иногда бывает тесно, когда все обедают или по утрам очередь в душ, но зато не скучно.

Лестница, по которой мы неспешно поднимались, напомнила мне другую похожую лестницу, в церкви коррекционного приюта, в дальних далях отсюда. Такая же узкая, такая же крутая... но не в пример более короткая.

Второй этаж встретил нас ярким солнечным светом, и я прищурилась, глядя на высокое, с пола до потолка, окно безо всяких штор. Только окно и три двери на небольшой площадке. Яринка направилась к одной из них, открыла боком и громко провозгласила:

— Добро пожаловать!

Я "пожаловала", опасливо озираясь. Мне совсем не хотелось сейчас знакомиться ни с Асей, ни с Викой, ни с кем-нибудь ещё. Честно говоря, я уже устала, даже после такой короткой прогулки, и теперь желала только покоя. Но в комнате никого не было. А сама комната, которая оказалась неожиданно просторной, понравилась мне с первого взгляда.

Здесь не было и тени той аскетичности, которую я привыкла видеть в приютских дортуарах. Никаких двухъярусных кроватей, никаких стерильных белых стен и потолков, никаких икон в "красном" углу. Вместо этого — зелёные с жёлтыми кленовыми листьями обои, такой же яркий потолок, даже рамы и подоконники двух небольших окон казались зеленоватыми в обрамлении изумрудных штор с кисточками. Ближе к окнам стояли кровати, по две у каждой стены, односпальные, но довольно широкие, с деревянными спинками и разноцветными покрывалами. Возле кроватей — вместительные тумбочки, на каждой по маленькому абажуру на ножке. И плакаты на стенах. И большой зеркальный шкаф у входа. И журнальный столик посреди комнаты в окружении мягких пуфиков. И пушистый, празднично-зелёный, под цвет обоев, ковёр на блестящем гладком полу.

Видимо, моё лицо отразило неприкрытый восторг, потому что Яринка довольно сказала:

— Неплохо, да? Видели бы это наши девчонки из приюта, обзавидовались!

Ага, если бы не знали, что происходит за стенами этой уютной комнаты.

— Я уступила тебе место у окна, — и Яринка со вздохом облегчения выронила книги на сиреневое покрывало одной из кроватей, действительно стоящей почти под одним из двух окон.

— Спасибо, — я подошла к своему новому месту, провела рукой по тугой подушке в цветочной наволочке.

— Бельё чистое, сама вчера застелила. — Яринка приоткрыла верхний ящик тумбочки. — Книги можешь кидать сюда. А одежду в шкаф, твоя дверца вторая от двери.

Медленно и аккуратно, одну за другой, я переложила книги в тумбочку, оставив лишь ту, которую сейчас читала. Провела пальцем по абажуру маленького светильника, оранжевому, на жёлтой ножке с большой кнопкой. Щёлкнула ею, и полюбовалась мягким уютным свечением.

Яринка открыла окно, и из него сразу донёсся успокаивающий шум прибоя. Я хотела подойти к ней, посмотреть на море со второго этажа, но вместо этого осторожно прилегла на постель, мягкую и в то же время упругую, такую удобную, что, казалось, даже мои раны под надоевшими повязками перестали ныть. Тёплый, пахнущий морем ветерок залетал в комнату, шевелил шторы и ласкал мою кожу. Я блаженно зажмурилась...

— Бедняжка, я думала, она меньше пострадала, — чей-то тихий голос приблизился из пустоты. — Ужас, сколько бинтов...

— Ничего, если Ирэн говорит, что всё поправимо — значит, поправимо, — отозвался ему другой, — Ирэн не берётся за то, что нерентабельно.

— Дайка ещё всех удивит, — третий голос принадлежал, несомненно, Яринке. — Она из тайги, и не такое видала.

Последнее заявление меня рассмешило, я хихикнула и открыла глаза, но в первые секунды не могла вспомнить, где нахожусь. Зелёный полусвет, ровный шум волн неподалёку...

— Ну ты и спишь! — на мою новую замечательную кровать плюхнулась Яринка. — Я, главное, на минутку в окно выглянула, поворачиваюсь, а ты уже без задних ног. Мы тут на цыпочках ходили.

Я скосила глаза. На соседней кровати сидели две девушки, чем-то неуловимо похожие друг на друга. Яркие губы, чёрные загнутые ресницы, идеальная кожа, бронзовый загар. Одна длинноволосая и русая, но пряди не мышинного цвета, как у меня, а благородно-тёмного, с каштановым отливом. Другая светловолосая, с очень короткой, как у мальчишки, задорной стрижкой. Обе — голубоглазые и белозубые.

Девушки широко улыбнулись, увидев, что я смотрю на них.

— Знакомься, — спохватилась Яринка и кивнула на длинноволосую. — Это Вика. А это — Ася. Я тебе про них много рассказывала.

С этим не поспоришь. Очень много. Но сейчас я не испытала прежней досады и ревности, девушки действительно выглядели очень милыми, и в их глазах читалась неподдельная забота.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Ася. Странно, я всегда думала, что нет такой женщины, которой шла бы мужская стрижка, но Ася была очень хороша со своим небрежным, пшеничного цвета ёжиком.

— Обедать будешь? — Вика кивнула на мою тумбочку, и только сейчас я заметила там поднос с тарелками и горкой фруктов. — Вообще-то у нас не принято есть в комнатах, но тем, кто на больничном — можно.

— Спасибо, — я осторожно села в кровати, глядя на своих соседок. Удивительно, какие здесь все красивые! Что Машута, что девушки, которых я видела во время прогулки, даже Ирэн, будучи далеко не молодой, выглядела великолепно. Да и Яринка за последние дни похорошела. Не знаю, оказалась ли тому причиной новая нарядная одежда или покрывший её кожу золотистый загар, но перемены были налицо.

Одна я тут как пугало, ожившая мумия...

На миг я остро пожалела, что не осталась сидеть в своей палате, там, где меня никто не видит. Понятия не имею, о чём можно говорить с этими яркими взрослыми девушками, как вообще вести себя в таком доме?

Но всё оказалось куда проще. Вика вдруг поднялась на ноги, тряхнула тёмными блестящими волосами и легко сказала:

— Ладно, девчонки, я на СПА, потом на пляж. Приходите, как пообедаете.

— А я сразу на пляж, — вскочила и Ася, — займу шезлонги на всех.

Когда они, ступая грациозно и мягко, как кошки, скрылись за дверью, я повернулась к Яринке.

— Что такое СПА? Мы там были?

Яринка тихонько засмеялась и замотала головой.

— Нет, но обязательно будем. Это всякие процедуры для красоты. Массаж, баня, обёртывания, фитнес-зал... ой, там столько всего! И ходить можно, когда хочешь.

— Ты ходила?

— Нет, нас пока не пустят, мы же ещё... ну, неизвестно ничего пока с нами.

Я удивилась. По единственному разговору, произошедшему между мной и Ирэн, казалось, что всё уже решено без нашего участия, хоть она и заручилась моим формальным согласием.

— А когда будет известно?

Яринка стала серьёзной.

— Когда Ирэн подпишет с нами контракт. Если захочет подписать.

С того момента, как Яринка сказала эти слова и до того, как Ирэн наконец изволила нас увидеть, прошло почти две недели. И за эти недели я узнала очень многое.

Я узнала, что неестественная красота местных девушек объясняется очень просто. Косметика. Да-да, та самая косметика, про которую в приюте говорили учителя и воспитатели, рассказывая о временах безбожья, когда женщины пали так низко, что рисовали себе ненастоящие лица и ими завлекали мужчин. Здесь косметика была у всех, и более того — ни одна девушка не выходила из своего номера, предварительно не воспользовавшись ею. Я видела, как красятся Ася и Вика, брала в руки и рассматривала разноцветные коробочки и флакончики, запоминала их незнакомые названия: тушь, румяна, тени, консилер, пудра... И понимала теперь, почему здесь у всех такие чёрные длинные ресницы, такая идеальная кожа, такие яркие губы.

Поняла я так же секрет белых волос Машуты, поразивших меня в первый день. Вообще я и раньше слышала, что волосы можно перекрашивать и некоторые бесстыжие женщины делают это, несмотря на всеобщее осуждение. Удивило другое — какие разные и зачастую неестественные цвета выбирали местные девушки. И Машута с её снежной шевелюрой оказалась в этом далеко не самой дерзкой. Повидала я здесь девиц как с розовыми, голубыми и красными волосами, так и с двухцветными прядями, и совершенно пёстрыми, когда на одной голове были собраны, казалось, все существующие оттенки волос.

Причёски также удивляли разнообразием. За годы в приюте я привыкла видеть только косы, две у девочек, одну у девушек и тоже одну, но скрученную в пучок на затылке — у воспитательниц и учительниц. Здесь же разбегались глаза. Мальчишеские стрижки, как у Аси, строгие каре, россыпи тонко заплетённых косичек, высокие сложные укладки, тугие кудри и царственные локоны — всё это поражало моё и без того перегруженное впечатлениями воображение.

Разумеется, Яринка уже всю экспериментировала со своими волосами, каждый божий день меняя по несколько причёсок. Она бы, наверное, их и перекрасила, если бы раздобыла краску, но такой возможности у нас, к счастью, не было, и моя подруга оставалась солнечно-рыжей, что, на мой взгляд, и было лучшим решением. Косметику Яринка тоже не обделила вниманием и пару раз попробовала сделать макияж с помощью Вики, которая взялась учить её этому. Но на улице жарило южное солнце, море манило, и тщательно наложенные тушь и румяна очень скоро оказывались размазанными по Яринкиной физиономии. Яринка смеялась и шла смывать их морской водой, с разбегу ныряя в пену прибоя...

Не буду врать, что мне не хотелось поэкспериментировать со своей внешностью. Я бы с удовольствием попробовала накраситься, как и перемерить кучу одежды, оказавшейся в нашем распоряжении. Но мне мешали многочисленные повязки. А ещё я очень стеснялась полосы выбритых волос над правым ухом и всё время носила найденную Яринкой шляпку с лентами.

Вообще, мой плачевный вид на фоне нарядных и ослепительно-красивых соседок порядком меня угнетал. Особенно после того, как в клинике доктор, наконец, снял мне швы с лица, и я осмелилась спросить у него разрешения посмотреть на себя. Он не стал возражать и кивнул в сторону санузла, где в висевшем над раковиной зеркале я и смогла, наконец, увидеть то, что раньше скрывала повязка.

Честно говоря, мне хватило одного недолгого взгляда, чтобы отбить всякую охоту в ближайшее время приближаться к зеркалам. Щека, висок, правая сторона подбородка, часть шеи были сплошной припухшей раной неприятного багрового цвета.

Я отшатнулась к дверям и подняла перед собой руки, словно пытаюсь защититься от этого зрелища. Рядом неслышно возник доктор, положил ладонь мне на плечо.

— Всё не так страшно, как выглядит, — его голос звучал очень ровно, профессионально, и поэтому не вызывал ни малейшего доверия. — Повреждены только мягкие ткани, лицевой нерв не задет. После заживления, конечно, останутся шрамы, но их можно будет сгладить лазерной шлифовкой.

Я уныло кивнула и отвернулась от зеркала. Ладно, было бы о чём переживать — я не Яринка, сногшибательная красота мне и раньше не грозила, так что шрамом больше, шрамом меньше...

Я даже не стала делиться этим маленьким происшествием с соседками, и они не заметили, что в тот день я была задумчивее, чем обычно. А день этот мы провели на пляже.

Мы там почти все дни проводили, благо, пляж — вот он, только выйди за дверь и обогни здание. Мы приходили туда после обеда, когда работавшие в ночь Вика и Ася просыпались и, потягиваясь, выплывали из душа. Они совсем не походили на измученных, несчастных, вынужденных торговать своим телом женщин, таких, какими я представляла их раньше. Всегда улыбчивые, разговорчивые, готовые ответить на любой вопрос, девушки очень располагали к себе. Теперь я понимала Яринку, подавшаюся их чарам с первых дней пребывания в Оазисе. И, пусть меня до сих пор иногда раздражала её манера всюду следовать за Асей и Викой, восторженно заглядывая им в рот, но я иногда ловила себя на том, что сама поступаю очень похоже.

Вот и на пляж мы начинали собираться сразу, как только туда отправлялись наши старшие подруги. Вика и Ася ложились на шезлонги, а мы занимали места по бокам, всегда готовые подать им крем от загара или стаканчик с соком. Меня утомляло яркое солнце, я пододвигала к себе один из зонтиков, укрываясь в его тени. А вот Яринка жарилась вовсю и уже через неделю приобрела ровный светло-коричневый загар, очень красиво оттеняющий её зелёные глаза и рыжие волосы.

Разумеется, мы не просто лежали на шезлонгах, перекусывая фруктами. Девочки часто купались, мне же оставалось только подходить к кромке прибоя, чтобы окунуть руки в гребешки волн, и, пусть бинтов на мне уже не было, мочить свежие рубцы солёной водой не рекомендовалось. Зато я научилась строить замки из песка и окружать их рвами, которые сами заполнялись водой.

А когда приближался вечер и Ася с Викторией покидали пляж, удаляясь по своим взрослым делам, мы с Яринкой шли бродить по острову. Просто ходили, присаживались на скамейки, трогали стволы пальм, гладили важных павлинов, смотрели на людей. Люди на нас почти не обращали внимания, лишь иногда мужчины, из гостей, пытались завязать игривые беседы, но мы, как научили нас соседки, коротко отвечали: "Извините, мы не работаем" — и быстро уходили.

Бродя без цели, однажды мы приблизились к Русалкиной яме. День выдался погожий, на море стоял штиль, и я не увидела буйного прибоя у камней, как это было в первый раз. Без вздымающихся волн и создаваемого ими угрожающего рокота Русалкина яма выглядела почти безобидно. Лишь вода, из-за прячущейся под ней глубины, выглядела куда темнее, чем на пляжах, и напоминала о том, какое это печальное место. Мы не стали туда подходить,

лишь посмотрели издалека.

По некому молчаливому уговору, ни я, ни Яринка не расспрашивали о Русалкиной яме у Вики или у Аси. Хотя меня мучил вопрос, были ли найдены и погребены тела погибших девушек, или этим просто никто не озаботился? Почему-то становилось очень обидно за них, хоть я и считала все обязательные похоронные церемонии чепухой, ведь мёртвым уже всё равно, как с ними обойдутся. Но думать о том, что эти несчастные до сих пор там, в холодной глубине, где только ил и темнота, было невыносимо.

По вечерам, когда Ася, Вика и остальные девушки нашего домика, наведя полный марафет и нарядившись, отправлялись на работу, о характере которой я каждый раз старалась не думать, мы с Яринкой оставались вдвоём. В эти часы уединения нам нравилось хозяйничать на первом этаже, готовить себе ужин в кухне, сидеть на диване в столовой перед большим плоским экраном (не чета убогим телеящикам из гостиных приюта), подолгу нежиться в ванной.

Как и рассказывала мне Яринка, выходить после восьми вечера нам запрещалось. Алла, темноволосая высокая девушка весьма внушительных форм, из соседней с нами комнаты, старшая и главная по дому, не закрывала нас, уходя, но взяла обещание — оставаться внутри до утра. Мы охотно пообещали. Не знаю, как Яринке, а мне совсем не хотелось встречаться нос к носу с полуголой пьяной публикой, которой хватало на улицах Оазиса после заката. Какой-то интерес, конечно, остался, и первые вечера я провела у окна, наблюдая за пляжным весельем гостей, но вскоре это надоело — ничего нового они не делали.

А вот чего действительно было не отнять у этого острова — никто не интересовался, чем ты занимаешься, во сколько ложишься спать и когда встаёшь. Сначала я, по старой, сложившейся годами в приюте привычке, после десяти вечера начинала расстилать постель. Но после того, как Яринка посмеялась надо мной и утащила вниз, в столовую, играть в приставку — забросила это дело. Игры были для меня в новинку, в приюте таких вещей не одобряли, и я просто прилипла к джойстику, стоило за него взяться. Теперь мы до полуночи играли в стрелялки и бродилки, а когда, наконец, укладывались, то ещё подолгу читали в постелях, пока глаза не начинали слипаться сами собой.

По утрам нас никто не будил, Ася и Вика возвращались и тут же ложились спать, так что просыпалась я чаще всего от жары, по вине бьющего в окно солнца. И начинался новый день — полный шума моря, горячего песка и блаженного ничегонеделания. Я бы назвала такую жизнь счастливой, если бы не постоянное ожидание решающего разговора с Ирэн, и того, что должно за ним последовать.

А случилось это, как всегда и бывает в таких случаях, неожиданно. Мы ещё нежились в постелях, толком не проснувшись, когда в дверь негромко постучали. Нравы у местных девушек и близко не напоминали те, что нам прививали в приюте. Наши соседки могли болтаться по дому полуголыми, громко хохотать, заглушая телевизор, переругиваться между собой, выражаться ужасными словами, но некоторые правила соблюдались свято. Как, например, — не входить без стука в чужой номер. Даже если ты здесь старшая.

Яринка опередила меня и торопливо впустила Аллу, пока стук не разбудил только недавно уснувших Асю и Вику.

— Ярина, Дайника, одевайтесь и спускайтесь в холл, — строгим шепотом оповестила она. — Я отведу вас к Ирэн, пора.

Моё сердце провалилось в пятки, сна как ни бывало. Яринка тоже выглядела испуганной. Но распоряжение старшей мы выполнили без промедления и через несколько

минут уже шагали следом за ней по утренним, непривычно безлюдным дорожкам Оазиса. А шагать пришлось до самого Айсберга, сверкающего высокими окнами в лучах восходящего солнца. До сих пор я не задумывалась, где заседает Ирэн, но сейчас не удивилась. Помпезный Айсберг как нельзя лучше подходил для этой женщины.

Охранник в холле был уже другой, но и он с интересом уставился на нас. Точнее — с интересом на Яринку, а на меня, ковыляющую в арьергарде — с брезгливым недоумением. Да, дядя, убогие и покалеченные тут сегодня тоже присутствуют, такие дела...

Ирэн, как я и думала, расположилась на последнем этаже, куда бесшумный зеркальный лифт поднял нас за несколько секунд, в течение которых я ни разу не подняла глаза от пола, чтобы не видеть своего отражения.

Алла прошла в конец коридора, ступая очень мягко и почти неслышно, что выглядело удивительно при её габаритах, постучала в дверь тёмного дерева с глазком и нависшей над порогом камерой.

— Войдите, — донёсся изнутри голос-колокольчик, и мы оказались в святой святых — рабочем кабинете управляющей элитного загородного клуба "Оазис".

Алла как-то сразу исчезла, я даже не услышала звука закрывающейся двери. А Ирэн, как всегда, безупречно выглядящая, восседающая за массивным столом, в кожаном кресле с высокой спинкой и мягкими подлокотниками, поманила нас наманикюренным указательным пальцем и им же указала на небольшой диванчик у журнального столика. Я в это время засмотрелась на огромное окно, которое полностью заменяло одну из стен, открывая изумительный вид на остров и бескрайнюю синеву моря. Яринка дёрнула меня за руку, увлекла за собой к указанному нам диванчику.

— Здравствуйте, девочки, — прозвенела Ирэн, глядя на нас с самым благожелательным видом. — Рада, что вы обе выглядите куда лучше, чем раньше. Ярина, загар тебе очень идёт. Дайника, ты уже уверенно держишься на ногах. Тебе лучше?

— Да, спасибо, сударыня, — я склонила голову в полупоклоне, как учили в приюте. — Доктор очень заботится обо мне.

— Не сомневаюсь, — Ирэн откинулась на спинку кресла, — сюда попадают только лучшие специалисты. А как общее впечатление? Нравится остров?

— Да, очень! — искренне воскликнула Яринка. — Здесь так необычно, и девочки очень милые, и... всё есть.

— Что же здесь есть? — Ирэн склонила голову на бок с искренним интересом.

Яринка слегка смутилась.

— Ну... еда. И одежда. И комната у нас такая хорошая, и дом.

— В вашем приюте всего этого не было?

— Что вы! — подруга позволила себе улыбнуться. — Я даже не знала, что можно так жить.

Мне совершенно не понравились её бурные восторги, и, словно почувствовав это, Ирэн перевела взгляд на меня.

— А тебе, Дайника? Нравится здесь?

— Да, — признала я спустя небольшую паузу, потому что отчасти это было правдой. — Тут очень... красиво.

— Спасибо и на том, — скромно отозвалась Ирэн. — Но могу сказать, что всё, к чему вы имели доступ до сих пор, лишь малая часть тех удовольствий, а главное — возможностей,

которые может дать вам Оазис, если сегодня вы подпишете контракт.

Мы с Яринкой переглянулись, но Ирэн опередила наши вопросы.

— Контракт — это письменный договор о сотрудничестве, который мы с вами заключаем на взаимовыгодных условиях. От вас требуется лишь поставить подписи. Не буду скрывать, что никакой юридической силы такой документ не имеет, поскольку деятельность, которую вам предлагает Оазис — незаконна, как вы, наверное, сами понимаете. Но можете спросить у любой из работающих здесь девушек, охранников, поваров, горничных, и даже уборщиков: были ли хоть раз нарушены условия такого контракта? И вам все ответят — ни разу. Наша задача — избегать хаоса на своей территории и беспорядка в делах, а лучший залог порядка — взаимная честность. Поэтому у вас нет причин сомневаться. Что касается пунктов контракта, то здесь я к вашим услугам, отвечу на любой вопрос. Контракты на столике, возьмите.

Я скосила глаза на замысловатый журнальный стол, больше похожий на стеклянную амёбу, и только сейчас заметила два бумажных листа. Яринка опередила меня, потянувшись, взяла их, один протянула мне, в другой уткнулась глазами с самым внимательным видом. Я последовала её примеру и попыталась осмыслить то, что было напечатано на листе с двух сторон мелким шрифтом. Безрезультатно. Мысли скакали в голове, как мартовские зайцы по таёжной поляне, и сосредоточиться никак не получалось. Тем более, меня ужасно стесняло присутствие Ирэн, внимательно следящей за нами. Как продвигались дела у Яринки, не знаю, но, видимо, тоже не очень, потому что Ирэн, так и не дождавшись от нас никакой реакции, взялась за объяснения.

— В контрактах говорится, что вы обязуетесь работать в Оазисе, предоставляя нашим гостям услуги разного характера, в зависимости от их предпочтений, пока не выплатите заведению сумму, потраченную на ваше приобретение. Сумма указана прописью, видите? Пугаться не надо, наши девушки возвращали и больше за пару-тройку лет хорошей работы. И это с учётом того, что мало в чём себе отказывали. Сейчас объясню, как происходят выплаты и какие усилия вы можете приложить, чтобы рассчитаться быстрее.

Я подняла руку. Подняла, как делала это в приюте, на уроках — поставила локоть одной руки на кисть другой, и выпрямила ладошку. Этот школьный жест выглядел настолько нелепо здесь, в шикарно обставленном кабинете, под прищуренным взглядом неестественно молодо выглядящей женщины, что я смутилась и спрятала ладони между коленей.

— Что ты хотела сказать, Дайника? — почти весело спросила Ирэн.

— Я... Мне... — честно говоря, я сама толком не знала, как задать вопрос, беспокоящий меня больше всего. — Я про услуги гостям... скажите, а можно выплатить долг как-то по-другому? Ведь здесь наверняка много всякой работы...

Ирэн добродушно усмехнулась.

— Ах, вон ты о чём! Не стесняйся, это первое, о чём спрашивают все новенькие девочки. И давайте сразу договоримся — называем вещи своими именами. Не надо фальшивого ханжества, которое вам навязывали в прошлой жизни, это смешно и глупо. Ты не хочешь заниматься сексом с мужчинами, которые приезжают сюда отдохнуть?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я покраснела, но ответить постаралась твёрдо.

— Не хочу.

— А ты, Ярина?

— Тоже не хочу, — не замедлила отозваться подруга. — Если есть другая работа, то...

— Другой работы полно, — перебила Ирэн. — И вы будете ею заниматься, если хотите выплатить долг побыстрее. Но от основной деятельности вас никто не освободит, вас купили только за этим, и здесь не нужно питать иллюзий. Оазис — не благотворительная организация для заблудших овец.

— А если мы откажемся? — в голосе Яринки зазвучали прежние непримиримые нотки.

— Об этом мы уже говорили, — пожала плечами Ирэн. — Вам придётся покинуть этот остров, и дальнейшая ваша судьба перестанет меня интересовать. Но вроде во время прошлого нашего общения я получила согласие от вас обеих.

Мы с Яринкой переглянулись и опустили глаза.

— Понимаю, — в голосе Ирэн зазвучали снисходительные нотки. — Вы были растеряны, попали в зависимое положение, вот и решили применить небольшую военную хитрость — как бы согласиться, чтобы потянуть время? Наверное, уже десятки планов побега в уме прокрутили?

Моя голова совсем нырнула в плечи, и Ирэн смягчила тон.

— Я вас не виню. Это нормальная реакция, и так делают почти все попадающие сюда девушки. Для этого и нужно подписание контракта, и нужно оно скорее вам, чем мне. Этаким символический жест окончательного принятия решения.

— Мы должны ответить прямо сейчас? — глухо уточнила Яринка.

— О да, — Ирэн томно потянулась в кресле, побарабанила по столешнице длинными ногтями в блёстках страз. — Отсюда вы выйдете либо уже полноценными сотрудницами Оазиса, либо никем. И скорее всего уже завтра отправитесь на новое место. Девственницы обычно раскупаются быстро.

Мы подавлено молчали. Краем глаза я видела за огромным окном буйство южных красок и золотой свет солнца, но всё это уже не казалось настоящим и совсем не радовало.

Ирэн негромко рассмеялась, глядя на нас.

— Девочки мои, не надо таких лиц. Как я уже сказала, здесь никто никого не будет насиловать. Поверьте, когда придёт ваша очередь начать работу, всё произойдёт по согласию и с удовольствием. Да и произойдет ещё не скоро.

Яринка быстро подняла голову, переспросила с надеждой:

— Не скоро?

— Ну, разумеется, — Ирэн поднялась из-за стола и лениво прошла к окну. — Я ведь уже говорила, что у нас солидное заведение, не какой-нибудь дешёвый бордель, куда приходят те, кому без разницы, кого драть, лишь бы дырка была.

Я вздрогнула. Не от грубости последней фразы, подобные выражения уже слышала от своих соседок, когда они разговаривали между собой, но меня удивило то, как изменился колокольчиковый голос Ирэн. На этот раз в нём звучала сталь и холодное презрение.

— Этого вы можете ожидать как раз там, куда отправитесь в случае отказа. К вашему несчастью, или счастью, уже не знаю, как вы решите, Оазис — единственное заведение такого уровня на Руси. И только здесь вы можете рассчитывать на то, что вам не придётся обслуживать клиентов до тех пор, пока у вас не началась первая менструация.

Она провела кончиками ногтей по блестящему стеклу окна и повернулась к нам. Я не видела её лица, лишь тёмный силуэт на фоне фантастически красивого пейзажа, но по смягчившемуся голосу поняла, что Ирэн снова улыбается.

— Кроме того, — звон колокольчика тоже вернулся в её голос, — вам нужно ещё многому научиться, и на это потребуется время. Так что раньше, чем через год, на первого

клиента можете не рассчитывать.

Я почувствовала, как лицо непроизвольно расслабляется. Год — это долго. За год может измениться очень и очень многое, судя по тому, сколько всего изменилось в нашей жизни менее чем за месяц.

Яринка рядом еле слышно выдохнула.

— На самом деле, радоваться тут особо нечему, — нейтрально сообщила Ирэн. — За этот год ваш долг ощутимо возрастет, но других вариантов нет.

Она вернулась к столу и изящно облокотилась о спинку кресла.

— Ярина, Дайника, вы что-нибудь слышали про японских гейш?

Мы дружно качнули головами. Слово было абсолютно незнакомым, более того, я даже не имела представления, где может находиться Япония, хоть и слышала краем уха про такую далёкую страну.

— Немудрено, — Ирэн чуть усмехнулась. — Это не та тема, которую будут преподавать девочкам в нынешних школах. Так вот — гейшами в Японии называли прекрасных женщин, которые обслуживали высокопоставленных мужчин. Но они не были проститутками, как считают некоторые ханжи. Гейша умела поддержать любую беседу, хранить секреты, проводить чайные церемонии, играть на музыкальных инструментах, танцевать, говорить на разных языках... С гейшей мужчина отдыхал и душой и телом, к ногам гейш бросались целые состояния. А всё потому, что они обладали истинным искусством — умели быть женщинами.

Ирэн выдержала паузу, всматриваясь в наши лица, и продолжила доверительным тоном.

— Именно уровня гейш, а то и выше, мы здесь добиваемся от наших девушек. И прежде, чем нам не стыдно будет представить вас гостям, вы должны из тёмных дурочек превратиться в юных барышень. Образованных, грациозных, искусных. Прекрасно владеющих как языком, так и телом. Не побоюсь сказать, что только здесь вы получите такое образование, о каком даже мечтать не могли в своей пуританской богадельне. Когда-нибудь вы поймёте, как вам повезло, а сейчас...

Ирэн обошла стол, приблизилась к нам и села в кресло напротив. Пахнуло ароматом её духов, сладкий цветочный запах, напомнивший мне бескрайние поля, в которых мы провели несколько самых свободных дней своей жизни. Сегодня на Ирэн было золотистое платье чуть выше колен, такое тесное, что обтягивало её, как вторая кожа, и я невольно отметила, что не только лицо, но и фигура управляющей безупречна.

— А сейчас я готова выслушать ваши жалобы. Давайте, расскажите мне, почему же вам не нравится предлагаемая работа?

А поскольку ни я, ни Яринка, на это никак не отреагировали, Ирэн возвела глаза к потолку.

— Девчоночки, отмираем! Я жду причин, по которым вас так пугает перспектива секса за деньги?

Мы переглянулись. Вопрос поставил в тупик, странно было озвучивать столь очевидные вещи. Но Ирэн начала нетерпеливо постукивать по полу носком туфли, и мы заговорили одновременно.

— Это стыдно...

— Это противно...

— Это грех!

Последнее выпалила Яринка, и, словно сама удивившись, торопливо сжала губы,

растерянно моргая.

— Что? Грех? — Ирэн запрокинула голову и искренне, заразно расхохоталась — будто зазвенел целый сонм колокольчиков. — И это мне говорят девочки, которые очень красиво ушли из приюта, оставив за своей спиной пылающую церковь? А до этого дополняли изображения Иисуса неприличными деталями? Читали запрещённую литературу?

Я бросила на Яринку сердитый взгляд — зачем она всё это рассказала?! Подруга виновато потупилась.

— Грех! — продолжала веселиться Ирэн. — Маленькие мои, вы хоть понимаете, что означает это слово, или как попугайчики повторяете то, чему вас научили?

— Понимаем, — торопливо отозвалась Яринка, явно стараясь отвлечь моё внимание от излишней осведомлённости управляющей о нашей приютской жизни.

— Ни чер-та вы не по-ни-ма-е-те, — по слогам произнесла Ирэн и предвкушающе улыбнулась. — Но я объясню. Я люблю объяснять такие вещи. Грех, девоньки мои, это то, что неуютно церкви. Не богу, нет, а именно церкви. Даже касательно использования женского тела как средства получения выгоды, ну-ка, вспоминаем Библию? Разве пророк Авраам не продал свою жену Сару фараону и не получал за это материальные блага? Разве не была Мария Магдалина блудницей, и разве не сам Иисус оправдал её? Почему же церковь объявила тяжким грехом то, что существовало всегда и, подозреваю, будет существовать, пока на свете есть мужчины и женщины?

И тут Яринка меня удивила. Она посмотрела в глаза Ирэн и уверенно ответила:

— Потому что церкви не нравится, когда женщины владеют каким-то ресурсом.

Глава 7

Точка.

Я отвесила челюсть. Ирэн вздёрнула брови.

— Яриночка! Ты меня радуешь. Не буду спрашивать, откуда такие выводы, но ты абсолютно права. Секс, как и женское тело, — это ресурс, и ресурс всегда востребованный. И находится он в руках женщин. Что же может сделать та или иная власть, чтобы распоряжаться этим ресурсом в обход женского желания? А то, что делалось на протяжении всей истории. Ограничить женщину в правах.

Ирэн поднялась и начала неторопливо прохаживаться по кабинету, изящно переставляя стройные ноги в золотистых, под цвет платья, туфлях. Мы следили за ней как замороженные.

— Именно отсюда берут начало все связанные с сексом предрассудки. Женщина должна хранить девственность до свадьбы. Женщина не должна изменять мужу. Женщина не должна первой проявлять интерес к мужчине. Тех женщин, которые пытались в обход этих предрассудков и навязанной псевдо-морали распоряжаться ресурсом по своему усмотрению, общество карало. В разные времена и в разных государствах по-разному. В лучшем случае взаимным молчаливым осуждением, в худшем — забиванием камнями или сожжением заживо. Даже в так называемые времена безбожья, когда, как принято считать, царил абсолютный разврат, и то общество осуждало тех женщин, что позволяли себе иметь много любовников или отказывались создавать семьи, предпочитая этому свободный образ жизни. Но не будем особо углубляться в историю. Скажу лишь, что сейчас, в других странах, особенно западных, такого уже нет. Там людям удалось достичь полной свободы от предрассудков, связанных с отношениями полов. Удалось бы это и здесь, по крайней мере, всё шло к тому, не случись третья мировая война, а потом и Христианская революция. Но...

Ирэн приблизилась к нам, доверительно понизила голос:

— Но лично мне кажется, что Христианскую революцию и устроили главным образом для того, чтобы снова загнать женщин в рамки кухни и церкви. Наши мужчины не перенесли равноправия, и после того, как совместно с западными странами уничтожили исламскую угрозу вместе с их шариатом, взяли да и устроили нечто подобное у себя. Только под крестом, а не под полумесяцем.

Она тихонько рассмеялась.

— Собственно, и Железный Занавес был опущен с той же целью, что бы там ни говорили политики. Можете считать, что у меня паранойя, но я слишком долго и близко общалась с самыми разными мужчинами и с уверенностью могу сказать одно: секс и женщины — это единственный двигатель прогресса, единственный пинок, которым можно заставить мужчину вершить великие дела.

С этими словами Ирэн вернулась в кресло и подытожила:

— Ладно, с грехами разобрались, или вы продолжаете верить, будто бога жутко злят человеческие совокупления?

Мы промолчали, и она удовлетворённо кивнула.

— Тогда могу сообщить вам хорошую новость. Тем женщинам, которые будут настолько умны, чтобы отринуть навязанную им скромность и стыдливость, секс подарит множество чрезвычайно приятных моментов. Религия тратила столетия на то, чтобы внушить нам, что наши тела грязны и ничтожны, но на самом деле физическое тело — это лучшее, что есть в нашей жизни. Душой и её высокими стремлениями можно сполна насладиться на том свете, если уж очень хочется, но здесь и сейчас лучше наслаждаться своим телом.

Ирэн откинулась на спинку кресла, сладко потянулась, распрямив и приподняв над полом длинные напряжённые ноги, сладко, как сытая кошка, зажмурилась.

— Очень жаль тех женщин, что прожили жизнь, так и не узнав безграничного удовольствия, которое могли бы испытать, будь они умнее. Но винить их за это я не берусь, не всем же повезло так, как вам.

Тут я не удержалась и переспросила с бесконечным ехидством:

— Повезло, сударыня?

— Именно, — ничуть не смутилась Ирэн. — И я по-прежнему готова выслушать ваши аргументы против.

— Но ведь мы этого не хотим! — я глянула на Яринку в поисках поддержки, но подруга смотрела в сторону. — Мы не выбирали... это всё!

Ирэн презрительно фыркнула:

— Не выбирали? А что вы выбрали? И был ли у вас выбор? Что вас ожидало лучше Оазиса? Пожизненная работа на какой-нибудь фабрике? Общежитие до конца дней? Или свадьба со старым пердуном, пахать на которого пришлось бы не меньше? Или, может, монастырь?

Нет, хотелось мне закричать, нет, не это! Мы выбрали свободу и таких же свободных друзей, мы выбрали борьбу, и не наша вина, что проклятая случайность привела нас на этот трижды неладный остров!

Вслух я не произнесла ни слова, только прикусила губу, но Ирэн понимающе покивала.

— Ах да, вы же хотели сбежать к этим чокнутым террористам, задумавшим свергнуть власть церкви. Вот уж глупее кого трудно представить. Подполье недоделанное...

Я гневно вскинула глаза. Кем бы ни была эта надушенная фифа, но сейчас я выскажу

всё, что о ней думаю, потому что говорить плохо про Дэна, про его родителей, про Михаила Юрьевича и всех остальных, кто согласился принять нас, не позволю!

Но Ирэн опередила меня, обезоруживающим жестом подняв перед собой ладони.

— Не надо, — сказала она, мягко улыбаясь. — Не надо нам ссориться и ругаться. Мне не стоило так говорить, я догадываюсь, что для вас значили эти люди. Но поверьте, пройдёт совсем немного времени, и вы будете радоваться, что попали сюда, а не к ним. Там бы вам не было хорошей жизни. И точно не было бы жизни долгой. Тебя ведь о том же предупреждал этот мальчик... Денис, правда?

Я уставилась на Яринку. Удивительно, но, похоже, она когда-то успела растрепать Ирэн все подробности нашего уютского бытия!

Яринка съёжилась под моим взглядом, но промолчала. А управляющая продолжила успокаивающим голосом.

— Поверьте моему опыту, девочки. Ваше прибытие сюда — наилучшее из всего возможного развития событий. Да, это не было вашим выбором, но у женщин вообще выбора очень мало. Такова реальность, и с ней нужно смириться. Вам есть, что ещё возразить?

— Да, — быстро ответила Яринка, словно ждала вопроса. — Любовь. Я имею в виду что все такие вещи..... разве не должны происходить по любви, а не за деньги?

— Я знала, что вы это спросите, — с удовольствием отозвалась Ирэн. — И мне есть что ответить.

Она поднялась с кресла и снова начала прохаживаться по кабинету, от стола к дверям, и обратно. И опять мы неотрывно следили за ней.

— Что такое любовь? Очередной конструкт патриархата, не более. Ещё один способ контролировать женскую сексуальность и свободу распоряжаться своим телом. Раньше была даже такая поговорка: "Любовь придумали мужчины, чтобы не платить за секс". Да, на самом деле существует некая эмоция, которую можно охарактеризовать этим словом. Но её возникновение учёные объяснили ещё в середине прошлого века. И объясняется она очень прозаично. Выброс в кровь группы гормонов. Химия. Причём выработка этих гормонов имеет свойство со временем сходиться на нет. И что остаётся? В лучшем случае привычка, в худшем — отвращение.

Ирэн остановилась, поглядела в окно, куда-то за горизонт.

— Не скрою, это очень приятное чувство — любовь. Но и оно объясняется просто. Все эти гормоны, по сути, — лёгкий наркотик, и, пока он гуляет по крови, человек чувствует себя счастливым. Этакая возможность закинуться бесплатно и без вреда для здоровья. Я даже скажу, что этой возможностью можно и нужно пользоваться при случае. Но никогда не стоит забывать о её природе. Никакой романтики. Никакого родства душ. Ничего предначертанного свыше. Просто химия. И принимать важные жизненные решения под воздействием этой химии очень недальновидно. Всё равно как обещать что-то, будучи вусмерть пьяным.

Она улыбнулась и вернулась в кресло, скинула туфли, по-простецки поджала под себя одну ногу.

— Но и здесь вы ничего не теряете. Влюбиться в кого-то тут, в Оазисе, у вас куда больше шансов, чем где бы то ни было. Именно к нам приезжают лучшие мужчины страны. Богатые, влиятельные, умные, ухоженные. Не какие-нибудь неудачники с того же производства и даже не старые пердуны, выискивающие себе бесправных невест из сироток в приютах. Могу с уверенностью сказать, что в тех кругах, где вам пришлось бы общаться, вы

рисковали за всю жизнь не увидеть ни одного мужчину с большой буквы.

— Что толку нам влюбиться здесь? — хмуро буркнула Яринка. — Он же придет и уедет.

— Не скажи, — Ирэн качнула головой. — Почти все наши гости — постоянные клиенты и приезжают довольно часто. Кроме того... не буду врать, что на то есть большая вероятность, но нескольких наших девочек они забрали с собой. Выкупили, сделали им документы и женились.

Я тихонько фыркнула. Слабо верилось в такое развитие событий.

— Не верите мне, расспросите девушек, — не смутилась Ирэн. — Конечно, выйти замуж — это как выиграть в лотерею, но зато шанс найти себе постоянного очень даже реален.

— Кого найти?

— Постоянного клиента. Того, кому вы понравитесь настолько, что он захочет, чтобы вы принадлежали только ему. И оплатит это. Жить вы продолжите здесь, но работать с другими гостями уже не будете. Идеальный вариант. Вам есть, что ещё сказать?

— Всё равно за деньги — это стыдно! — заявила я, не сколько для Ирэн, сколько для Яринки, которая последние минуты выглядела угрожающе задумчивой.

— А без денег не стыдно? — управляющая снова рассмеялась. — Вот видите, как глубоко сидят в нас патриархальные установки? Мужчинам так хочется, чтобы их обслуживали бесплатно, как в сексуальном, так и в бытовом плане, что они создали целую культуру, превозносящую скромную, услужливую, любящую и ничего не требующую взамен женщину. Тех же, кто осмеливается требовать, клеймят проститутками, содержанками или просто шлюхами. А женщины в своём большинстве и рады это поддерживать, ведь так хочется выглядеть хорошей на фоне других, не правда ли? Так вот, девочки мои, учитесь ценить то, что дано вам природой. Ваше тело и вашу сексуальность. С чего вы взяли, что это всё должно достаться бесплатно какому-то мужику, который палец о палец не ударил? Будьте умнее, в конце концов, учитесь уважать себя.

Я слегка потрясла головой. Ирэн говорила вроде бы вполне связно и аргументированно, но всё внутри меня сопротивлялось её словам.

— И потом, — продолжала управляющая, — давайте рассмотрим вариант с замужеством. Допустим, вы из приюта вышли замуж, как о том мечтают все сиротки. Думаете, это не акт купли-продажи? Разве муж не будет оплачивать вашу еду, одежду, крышу над головой? Разве вы не продаёте свои тела в обмен на статус замужней женщины? Чем такие отношения отличаются от отношений наших девочек с их постоянниками? Я отвечу, чем. Наши девочки целыми днями купаются в море, смотрят телевизор и принимают spa-процедуры. В то время, как законные жёны лишь готовят, прибираются, стирают, работают в огородах и бегают по магазинам, желая угодить муженьку. Так чья роль завиднее?

Ирэн замолчала, вопросительно приподняв брови, и, не дождавшись от нас ответа, заключила:

— В самом понятии проституции нет ничего предосудительного. Это суть природы женщины, самки. Самка всегда отдаётся тому самцу, который может лучше её защитить и прокормить. Выкиньте из головы всё, что думали раньше по этому поводу. Здесь нечего стыдиться. Пусть стыдятся те дуры, которые позволили церкви и патриархату запудрить себе головы и навязать выгодную им модель поведения. Ещё вопросы?

Мы переглянулись. Думаю, я смогла бы много чего сказать по поводу услышанного, но

не сейчас. В голове царил сплошной путаница, а ещё я чувствовала сильную усталость, такую, словно не беседовала, сидя на мягком диване, а снова обошла вокруг острова.

— Но ведь это, наверное, — Яринка жалобно сморщила переносицу, — Наверное, противно. Я имею в виду, если с чужими разными мужчинами...

— А кто обещал, что будет легко? — жёстко ответила Ирэн. — Это работа, девоньки. Вы думаете, другие профессии не бывают тяжёлыми или неприятными? Думаете, хирургу нравится копать в чужих внутренностях? Или сантехнику приятно чинить канализацию? Может, полицейскому или военному хочется рисковать жизнью? А если бы вы попали на производство? Считаете, там получали бы удовольствие от тяжёлой и монотонной физической работы?

Яринка поникла, шмыгнула носом, и Ирэн заговорила мягче:

— Не так уж это ужасно, как вы сейчас себе воображаете от отсутствия опыта. Ещё раз повторюсь — нас посещают только мужчины, не обременённые в средствах, которые могут себе позволить спорт, здоровое питание и профессиональный уход за собой. Здесь вам не придётся обслуживать больных развалин с гниющими зубами. Опять же, у вас, как у девственниц, велик шанс найти себе постоянного и иметь дело только с одним мужчиной. Так что выше нос! Вам есть к чему стремиться. Хотите сказать что-то ещё?

На этот раз пауза затянулась. Я мучительно придумывала слова, на которые у этой умной и красивой женщины, не нашлось бы ответа, но в голове вертелось только отчаянное: "Я не хочу!", — озвучивать которое было бы глупо и бессмысленно.

— Ну, так что? Подведём итоги? — Ирэн поднялась с кресла и вернулась за стол, словно отгородившись им от нас, сразу став официальной и строгой. — Вы согласны подписать контракт и остаться с нами?

Я посмотрела на Яринку. Яринка на меня. Вид у подруги был измученный, глаза потухшие, кажется, этот долгий и странный разговор вымотал и её. Я подумала о том, как хорошо было бы сейчас вернуться в номер, задёрнуть шторы, создав зелёный полумрак, и лечь на кровать с очередной увлекательной книжкой, спрятавшись за ней от реальности. Вот только и номер, и кровать, и книжка — часть Оазиса, и отказываться от всего этого придётся тоже.

Яринка бесшумно шевельнула губами — "да?"

Я вспомнила — год. Ещё как минимум год нам не придётся... работать. Год — это долго. За год может очень многое измениться.

Ирэн за столом шумно вздохнула:

— Девочки, позвольте дать вам один совет, прежде чем вы ответите? Про Русалкину яму знаете уже? Так вот, вообще-то, девушек, отказавшихся подписать контракт, положено отправлять в специальный закрытый номер, без права выходить из него, пока за ними не приедут новые хозяева. Но я обычно это правило нарушаю. Нарушу и сейчас. Если вы откажетесь от сотрудничества, я разрешу вам пожить на прежнем месте до завтрашнего утра. И надеюсь, что вы воспользуетесь этим временем с умом. Ночью навестите Русалкину яму и... останетесь там. Поверьте, это намного лучше того, что может ожидать вас в случае перепродажи. Я же обещала вам право выбора? И я сдержу своё слово даже в ущерб заведению.

На этот раз Яринка посмотрела на меня умоляюще, губы повторно сложили вопрос — "да?". А я... я снова думала про год впереди, целый год, долгий год. И про тёмные воды Русалкиной ямы. И про людей, которые могут скоро приехать сюда и забрать нас. Почему-то

в моём воображении все эти люди выглядели, как толстый хозяин чуть не убивших меня собак. Внезапно оказаться в их руках... и, скорее всего, одной, без Яринки, ведь та же Ирэн говорила, что, скорее всего, у нас будут разные покупатели...

— Мы согласны! — в реальность меня вернул голос подруги, а подняв голову, я наткнулась глазами на её решительный взгляд.

— Мы согласны подписать контракт, — повторила она, глядя не на Ирэн, а на меня, глядя строго и непримиримо, совсем как прежняя Яринка, до Оазиса. И под этим взглядом я не сумела опровергнуть её слова.

А Ирэн не стала меня спрашивать.

Выйдя из прохладного холла Айсберга под палящее солнце, которое успело подняться почти в зенит, я на миг остановилась, прикрыв глаза ладонью. Утром, собираясь в спешке, я не взяла свою шляпку, которую носила почти непрерывно, пытаюсь скрыть под ней забинтованное лицо и сбритые волосы, и теперь мне понадобилось время, чтобы привыкнуть к ослепительному свету. Но Яринка, сама как кусочек солнца, даже не зажмурилась, и голова её была опущена по другой причине.

— Дайка, — осторожно сказала она, когда мы двинулись вниз по ступенькам, — ты извини меня за то, что я Ирэн всё рассказала про нас.

В первую секунду я даже не поняла о чём идёт речь. И только потом, прокрутив в памяти весь наш долгий разговор с управляющей, вспомнила.

— А зачем ты рассказала? Про Дэна, и про Иисуса... про книги, про церковь?

— Про церковь я не рассказывала, она уже знала, — принялась виновато объяснять Яринка. — Менты же нас по базе пробили, вот всё и выплыло — и кто мы такие, и почему нас ищут. А остальное... сама не знаю. Нас привезли, тебя сразу на носилки и к доктору, а меня Ирэн с собой повела — накормить, мы же тогда голоднющие были. Сама не знаю, как я ей всё разболтала. Вроде бы жевала без остановки, и в то же время разболтала.

— Да ладно, — я пожала плечами. — Теперь это уже не важно, да и тайны особой не было.

Но Яринка не унималась.

— Нет, правда, я не специально. Просто тогда же всё от неё зависело, от Ирэн. Я имею в виду, будут ли тебя лечить, вот и... она спрашивала, а я отвечала.

Я на ходу чуть пожала Яринкину ладонь.

— Да я на тебя не обиделась, просто удивилась — откуда она всё знает.

Потом мы почти всю дорогу шли молча, и лишь подходя к домику, подруга опять заговорила:

— Ты этот контракт читала хоть?

— Пыталась, — я невесело фыркнула. — Ничего не помню.

— И я. Сейчас спросим у Аси и Вики, они же наверняка такой же подписывали.

Но сразу спросить не удалось. Потому что, стоило нам переступить порог, как раздались дружные аплодисменты.

Я попятилась от неожиданности, но, увидев Асю, Вику, Аллу и остальных девушек нашего домика, выглядывавших из столовой, остановилась.

— А вот и наши младшенькие вернулись! — провозгласила Алла. — Ну, заходите, будем отмечать ваше присоединение к нашему дружному коллективу!

А поскольку мы с Яринкой продолжали нерешительно топтаться на месте, весёлая Ася

подскочила к нам и, ухватив за руки, увлекла за собой.

В столовой был накрыт стол, пахло свежей выпечкой, в небольшом ведёрке со льдом остужалась бутылка шампанского. Нас почти насильно усадили на диван, сунули в руки высокие стаканы с торчащими из них соломинками.

— Выпейте сока, остудитесь, — со смехом сказала Вика, — а то на вас лица нет. А мы пока шампусика за ваше здоровье дерябнем, да, девочки? Вам не предлагаем, маленькие ещё.

И, пока мы с Яринкой тянули из соломинок холодный, изумительно вкусный сок, наши соседки с громким хлопком под общий визг открыли бутылку, разлили пенную жидкость по бокалам, сдвинули их.

— За Ярину и Дайнику! За наших новых сестёр! Чтобы тут у них всё заладилось!

А потом мы ели торт, испечённый в нашу честь, закусывали его фруктами, выслушивали поздравления и советы девушек, и всё это было бы замечательно, не грызи меня мысль о необратимости происходящего. Ирэн снова оказалась права — сам факт подписи контракта был нужен только нам. Он послужил одновременно и жирной точкой, и решительной линией, перечеркнувшей всё, что было до Оазиса, тем, что полностью убедило нас в реальности происходящего и неизбежности дальнейшего. А этот маленький праздник, устроенный нашими соседками, закреплял его, делал принадлежащим уже не только нам и Ирэн, но всем вокруг, всему острову.

Поэтому, хоть я и заставляла себя улыбаться, что-то отвечать девушкам, есть и пить, но делала это через силу, через готовые рвануться слёзы, от которых меня удерживала только Яринка, выглядевшая такой привычной и прежней, что за эту привычность я ухватилась, как за соломинку.

К счастью, продлилось всё недолго. Девушки допили шампанское, побросали посуду в раковину и, ещё раз поздравив нас, убежали кто куда. Остались только Ася, Вика и Алла, которые сразу стали серьёзными.

— Ну что? — спросила Ася, рассеянно ероша свой светлый ёжик волос. — Долго вас Ирэн убалтывала?

— Конечно, долго, — отозвалась вместо нас Вика, — это у неё со старшими разговор короткий, а лоли она жалеет.

— Кого жалеет? — не поняла я.

— Лоли, — пояснила Алла. — Так называют девочек-подростков. Жаргон. От слова Лолита.

На этот раз я хотела поинтересоваться кто такая Лолита, но Яринку беспокоили более насущные вопросы.

— Скажите, всё, что говорила Ирэн — правда? — спросила она с жалкой надеждой в голосе.

Девушки переглянулись.

— Смотря что она вам говорила, — наконец отозвалась Вика. — Хотя не в привычках Ирэн врать, она любит сразу начистоту. И правильно.

— Она говорила, что Оазис — это самое лучшее, что могло с нами случиться.

— А вы этого ещё сами не поняли? — очень искренне удивилась Вика. — Вроде вам обеим есть с чем сравнивать?

— Ой, да с чем им сравнивать? — отмахнулась Алла. — С приютом, что ли? Там ещё не всё так плохо, как после него.

— А ты тоже приютская? — удивилась я.

— А то! — старшая усмехнулась. — Сюда в основном сироты и попадают, те, кого искать никто не будет. И для нас это действительно лучший вариант.

Мы с Яринкой уныло переглянулись. Приют, конечно, не был самым приятным местом на земле, там многого недоставало для счастья, многое было под запретом, многое раздражало и угнетало. Но я бы сейчас, не задумываясь, поменяла этот уютный домик под сенью пальм на казённый корпус приюта, просторную зелёную комнату — на тесный дортуар, пляж за окном — на мой сосновый лес.

Алла по очереди посмотрела на наши грустные лица и решительно сказала, плеская себе ещё шампанского.

— Слушайте меня, мелкие, уж не поленюсь, расскажу ради такого дела свою историю.

Мы вежливо изобразили внимание, а Вика и Ася, наоборот, возвели глаза к потолку, словно эту историю им доводилось слышать уже не раз.

— Как я уже сказала, приютские мы, — начала Алла, парой глотков осушив свой бокал. — Я своих родителей и не знала никогда, всё как обычно — внебрачный ребёнок, их — в колонию-поселение, меня — в дом малютки. До двенадцати лет жила спокойно, потом нас посвятили в невесты, и тут началось. Как видите, природа меня одарила.

Алла поставила бокал на стол и двумя руками приподняла внушительные груди. Покачала вверх-вниз.

— Видали? Пятый размер, всё натуральное. А расти начали ещё лет в одиннадцать. Так что была я самой востребованной юной невестой в нашей группе. Тогда меня, дуру, это безумно радовало. И согласилась выйти замуж очень быстро. Жених, конечно, в возрасте был, но я думала, что так даже лучше выйдет, буду ему и за жену, и за дочку, баловать станет. Идиотка. Хотя сначала баловал. В приют приезжал, подарки привозил, помолвку устроил. Сейчас-то понимаю, что делал он это, лишь бы рыбка с крючка не сорвалась. А тогда радовалась, считала — вот она, любовь. Ну, исполнилось мне четырнадцать лет, забрал меня женишок, поехали расписываться. Тут я впервые и поняла, что не всё хорошо. Свадьбы-то не было. Пожалел он денег на свадьбу, даже в ресторан меня не сводил и не подарил ничего. Вместо этого сразу из ЗАГСа домой привёз и в постель потащил, даже ночи не дождался, как положено. Я избавлю ваши юные неокрепшие умы от подробностей, скажу лишь, что того, чем меня муженёк заставлял заниматься, я здесь ни разу не делала. Сейчас-то понимаю, что все эти разведенцы-перестарки затем и женятся второй раз на сиротах, чтобы все свои большие фантазии осуществить, жаловаться-то девочкам из приюта некому и идти некуда.

Алла замолчала, глядя в одну точку, потом со вздохом взяла со стола бутылку, вылила в свой бокал остатки шампанского.

— Три года я так мучилась. Пока старый хрен на работе, я квартиру вылизываю, ужин готовлю, он ведь что попало не ел, ему такое подавай, чтобы как в ресторане, и сервировка соответствующая. Ко всему придирался, урод. Спасибо, хоть кулаками не бил, боялся, наверное, что с синяками жаловаться пойду. Хотя кому жаловаться? Полиция таких дел не принимает, там считают — раз мужик бьёт, значит, заслужила. А если и примут? Ну, заплатит он штраф, так потом мне ещё хуже будет. Он меня за волосы таскал обычно: схватит, уронит на пол и волочит по всей квартире. Боль адская, а следов никаких.

Алла потрогала свои тёмные с белыми "пёрышками" пряди, достающие до плеч.

— Это уже здесь я их в порядок привела, а то смотреть жалко было. Три волосинки, и те выпадают. Так вот — а через три года такой жизни старого хрена инсульт разбил, да так, что он слёг и больше уже не поднимался. Тут же его взрослые дети прибежали и, пока отец ещё

мог руками двигать, заставили заявление на развод подписать, чтобы убрать меня, как наследницу. У нас ведь только желания мужчины достаточно, женщину не спрашивают. И отправилась я на производство. Ася, дорогуша, у нас есть ещё шампусик? Что-то мне от таких воспоминаний напиток захотелось.

— Тебе же на работу вечером? — не двинулась с места Ася.

— Милая, — голос Аллы неуловимо изменился, стал властным. — Поживи с моё, а потом учи, как надо работать. Я, если хочешь знать, с шампусика лишь веселее буду, хоть три бутылки опрокину. Гостям нравится.

Ася пожалала плечами и направилась к кухонному шкафчику, а Алла продолжала.

— Сначала-то я радовалась до усрачки, что от муженька избавилась: всё, что угодно, мне лучше казалось, чем жить с ним, не могла уже терпеть. Да, в принципе, оно всё и было лучше. Самые чёрные мои годы — замужем. А на производстве... производство. Комната в общежитии на восемь человек, кровати двухъярусные, работа по четырнадцать часов, один выходной, и то пойти некуда. Меня отправили в крошечный городок, захолустье, кроме пары магазинов да нашего завода, там ничего и не было. Так называемой зарплаты еле хватало на еду да кое-какую одежду. Но одежду мы почти не покупали, ходить всё равно некуда, а рабочую, для цеха, выдавали. Так вот и ещё два года моей жизни улетело. Пустая это была жизнь, тяжёлая, но я всё равно радовалась, что меня за волосы больше никто не таскает да по ночам не терзает. Просто заново родилась. Так бы, наверное, там и состарилась, как это обычно бывает. Но спасли меня они же, кормилицы.

Алла снова любовно потрепала свои груди, приняла у Аси наполненный бокал.

— Они же у меня просто рвали из-под спецовки, мужики шеи сворачивали. Да и на физиономию я удалась, тьфу-тьфу, и задница не подвела. Короче, увидел меня один человек, который на Ирэн выход имел. Девушек ведь в Оазис со всей страны привозят, желательно только, чтобы сирота да собой очень хороша. Видимо, подкупил он моего бригадира. Тот меня поздно вечером за собой позвал и на улицу вывел. Я, понятно, сразу насторожилась, да разве с бригадиром поспоришь? От него твоя жизнь там зависит, захочет — ад на работе устроит. Вышли мы за проходную, а там машина. Меня сразу хватил на заднее сидение, и тряпочку к лицу. А проснулась я уже здесь.

— Испугалась? — кажется, Яринку рассказ очень увлек, она даже смешно приоткрыла рот, слушая старшую.

— Сначала — конечно, — Алла отпила из бокала. — А потом, как поняла, что к чему, была счастливее всех. Первое время, пока не работала, всё на пляже лежала, в море плюхалась да фрукты килограммами лопала. Отходила от прежней жизни. А потом, как работать начала, только тогда и узнала, какие они — мужики. Это я-то, замужем бывшая!

— Ты нашла постоянного? — спросила Яринка, и я в очередной раз поразились тому, как подруга на лету схватывает и усваивает особенности жизни и выражения здешних мест.

— Нет, — Алла качнула головой, впрочем, без всякого сожаления. — Постоянные обычно девственниц разбирают. Но тех, кто приезжал сюда, только чтобы со мной увидеться, всегда хватало. Не поверите, здесь мне и подарки дарили, и на руках носили, и в любви признавались, и звёзды с неба обещали. И ни разу на меня тут мужчина даже голос не повысил, не то что бы за волосы таскать. Только тут я женщиной-то стала, желанной себя почувствовала.

— И ты с самого начала не хотела убежать? — спросила на этот раз я.

Алла хохотнула так, что с её полных губ слетели брызги шампанского.

— Куда убежать, глупая? Обратно на производство? Снова замуж за старого козла? Где ещё я такую жизнь увижу?

— Но ведь, — я снова, как при разговоре с Ирэн, отчаянно искала убедительные аргументы. — Но за деньги... с разными мужчинами... это же, наверное, противно и стыдно?

На этот раз расхохотались все три девушки.

— Малышка, — успокоившись, ответила Алла. — Да что мне могло быть стыдно и противно после моего муженька? Наоборот. Здесь я узнала, что мужчины умеют ласкать, а не только хватать и щипать, здесь я целоваться научилась... Да что вам сейчас говорить, сами узнаете.

— Эх! — внезапно тряхнула тёмно-русой гривой Вика и потянулась к шампанскому. — Раз пошла такая пьянка, послушайте и меня. Я в приюте не была. И на производстве тоже. Я из образцово-показательной многодетной семьи. Нас пятеро было — и все дочери, я третья, средненькая, считайте, ни то, ни сё. Но не в этом суть. А в том, что природа меня наградила бешеным темпераментом. Мне секса хотелось уже лет с двенадцати, и выглядела я старше. У нас же как? Никто не считается с тем, что сексуальность у всех разная, что есть женщины, которым секс нужен даже больше, чем мужикам. И если ты родилась такой женщиной, то тебе очень не повезло.

Вика замерла с бокалом в руке, задумалась. А потом махнула рукой.

— Хотя зачем я вру? Повезло! Ещё как повезло. Уж мне точно. В общем, в тринадцать лет я подружилась с мальчиком из соседнего дома, он был на три года меня старше. И уже на следующий день мы, как чокнутые, любилась у него дома. Обоим напрочь крышу снесло. Таскались мы с ним по всяким кустам, чердакам, подвалам, каждую свободную минуту обжимались да тискались. Будь у моих родителей детей поменьше, они бы что-то заподозрили, наверное, а так нам удалось почти всё лето зажигать. А осенью, когда снова школа началась и я форму надела, увидела, что в талии она мне узковата. Думала сначала, что подросла просто, но потом и другие признаки подоспели. Сказала своему мальчику, он аж посерел. Оно и понятно, это же колония для обоих. И уговорил меня родителям пока не говорить, обещал что-то придумать. Я не очень-то верила в это: что тут придумать можно? Оказалось, можно. Он к своему отцу пошёл, а тот был какой-то важной шишкой и, понятно, не мог допустить, чтобы единственный сын так глупо жизнь профукал. И повезли меня в подпольный абортарий.

— Куда? — хором спросили мы с Яринкой.

Вика закатила глаза, но Ася спокойно пояснила:

— На аборт. Это когда у беременной женщины плод вынимают, знаете, да? Официально на Руси аборты запрещены, но есть врачи, которые делают их тайно, за большие деньги. Вот это и есть — подпольный абортарий.

— Именно, — кивнула Вика. — Вот мне и сделали. А когда я от наркоза отошла, подошёл ко мне врач и объяснил, что нормальной жизни у меня уже не будет. Не целка, замуж никто не возьмёт, и светит мне теперь только работа да общага. И не лучше ли будет, если я тогда соглашусь поехать в одно место... короче, я одна из немногих девушек, которая в Оазисе оказалась по своей воле и своими ногами пришла.

— А родители? — тихонько спросила я, потому что сразу вспомнила своих и не могла поверить, что кто-то может добровольно согласиться на разлуку с семьёй.

— А что родители? — отмахнулась Вика. — Я попросила отца моего мальчика записку

им в ящик подбросить. Мол, не ищите, убегаю с женщиной, люблю, целую. Они, наверное, перекрестились — одной девкой меньше. Кому нужны дочери, какой с них толк?

— Думаешь, он записку передал? — усомнилась Яринка.

— Думаю, да. Подозреваю, что он в убытке не остался, что-то ему перепало с моей продажи. Если вообще он этого с самого начала в уме не держал.

— А твой мальчик?

— Понятия не имею, — Вика пожалала плечами. — Я не любила его, только хотела. Нашел, поди, другую дуру. А мне здесь хорошо. Тепло, сытно и море секса. Я же умудрилась себе постоянного отхватить, несмотря на то, что не целкой была. А всё мой темперамент, мужики это обожают. Так и этот, пару раз от меня на четвереньках уполз и как миленький выложил денежку за то, чтобы я только с ним трахалась. Три года платил, потом, правда, свалил куда-то, думаю, его в стране больше нет, иначе заехал бы хоть разок, по старой памяти. Да и чёрт с ним. Зато я теперь могу разных мужиков иметь.

Вика томно потянулась, подмигнула нам.

— Запомните накрепко, девоньки. Это не мужики имеют нас, это мы имеем их. Но самая хитрость в том, чтобы заставить их думать, что всё наоборот. Тогда, кроме того, что они позволяют нам их иметь, нам будут за это ещё и деньги платить.

Вика рассмеялась, её лицо порозовело, и теперь стало видно, что она нетрезва. Заметила это и Алла, которая, несмотря на количество выпитого шампанского, выглядела как обычно.

— Викусь, что-то тебя развезло.

— Ага, — легко согласилась та. — Я же с утра ничего не ела. Пойду, вздремну перед работой.

— Ася? — позвала Яринка. — А ты нам не расскажешь свою историю?

От меня не укрылся быстрый вопросительный взгляд, который Ася метнула на Аллу, и то, как она, едва заметно, отрицательно качнула головой.

— Не сегодня, — сразу ответила Ася. — Я недостаточно выпила для таких откровений.

— Ну вот, теперь я себя последней алкашкой чувствую, — буркнула Вика, поднимаясь с дивана. — И, раз терять мне нечего, скажу последнее. Девочки! Мужиков надо иметь сексуально и финансово, на то они и нужны. Так что выбросьте из головы все эти ваши "стыдно", "противно" и прочую хрень. Потому что её как раз мужики и придумали, чтобы не дать нам себя поиметь. Не поддадимся вражинам! Ура!

Алла покачала головой, глядя, как Вика, пританцовывая, удаляется из столовой.

— Пора ей завязывать с диетами, а то скоро с рюмки будет под стол валиться.

— Пойду на пляж, проветрю голову, пока тоже не затанцевала, — Ася поднялась. — Яриночка, Даечка, ещё раз поздравляю вас с тем, что сделали правильный выбор. Вам будет у нас хорошо.

Мы кивнули, поблагодарили Аллу за застолье и поднялись наверх, в свой номер. Там я совершенно без сил вытянулась на кровати, и уставилась в потолок, слишком уставшая для того, чтобы о чём-то связно думать. Яринка последовала моему примеру и замерла. Теперь тишину нарушали лишь ровный шум прибора за окном да шорох покачивающихся от сквозняка штор.

Не знаю, сколько мы так пролежали, я почти уснула, когда подруга подала голос:

— Не могу поверить, что мы это сделали.

Я повернула голову, чтобы видеть её. Яринка лежала на спине, раскинув руки и ноги, и

мне вдруг отчётливо вспомнилось, что в такой же позе она упала на траву в августовскую ночь, когда мы впервые вдвоём сбежали из приюта в лес. Но тогда её лицо вдохновенно светилось, а сейчас было усталым и опустошённым.

— Мне казалось, ты с самого начала была не против, — осторожно заметила я. — И сегодня ответила за нас обеих, я даже слова сказать не успела.

Яринка чуть заметно усмехнулась.

— Не против? Знаешь, слышала как-то такое выражение: "Если не можешь изменить ситуацию — измени своё отношение к ней". Очень умное выражение. Вот я и изменила. А сегодня... какая разница, кто это сказал, если выбора у нас не было? Не идти же, правда, к Русалкиной яме.

И она замолчала, закрыв глаза. Не то задремала, не то не хотела больше говорить.

И я была рада этому, потому что щёки пылали от нахлынувших стыда и благодарности. Я догадалась, почему подруга поспешила ответить Ирэн и за меня тоже. Яринка с самого начала куда лучше видела и понимала всю безысходность нашего положения, смирилась с этим, но мне дала возможность сохранить остатки гордости. Возможность думать, что я сама так и не дала согласия остаться.

Глава 8

Яростная Ярина.

На следующее утро нас снова разбудила Алла. Постучалась в дверь и, выждав несколько секунд, заглянула в номер.

— Девочки, просыпаемся и спускаемся в гостиную. Лафа закончилась, пришло время работать.

С перепугу я так резко села на кровати, что многочисленные рубцы на теле отозвались болью, заставив меня сморщиться и ойкнуть.

— Да не в том смысле! — закатила глаза Алла. — Расслабьтесь, никому вы пока не нужны. Жду внизу.

И снова мы торопливо одевались и причёсывались, взволнованно переглядываясь. Единственное, чем это пробуждение отличалось от вчерашнего — я не забыла свою шляпку и, спускаясь по лестнице, напялила её до ушей, косясь в окно на встающее солнце.

Алла сегодня пребывала в хорошем настроении и даже приготовила нам кофе. Мы уселись с кружками за стол и выжидательно уставились на старшую.

— Нечего на меня так смотреть, — добродушно усмехнулась она. — Вы же не думали, что так и будете бездельничать на пляже да в приставку по ночам рубиться? Долг-то ваш растёт. Поэтому, чтобы хоть свою еду отработать, пойдёте пока убирать номера за гостями. Горничными поработаете. Займёт это всего несколько часов в день, до обеда. А в остальное время, девоньки, учиться. Ударными темпами.

Я вспомнила наш разговор с Ирэн. Ах да... уровень японских гейшей... гейшей... гейш?

Пока я на все лады склоняла в уме несчастное слово, Яринка, как обычно, проявила практичность и деловито спросила:

— Я работать готова. Но как Дайка? Она же ещё больная и слабая.

— Ничего, парочку номеров вдвоём как-нибудь осилите, — отмахнулась Алла. — Тут ведь не результат важен, а чтобы вы начинали в жизнь острова втягиваться, видеть её изнутри. Сначала горничными поработаете, потом в ресторан на кухню вас отправим, поварам помогать. Там и до официанток дорастёте, начнёте потихоньку с гостями общаться.

Занятие вам всегда найдём, без дела тут только новенькие сидят, до того, как контракт подпишут.

Мне вспомнилось утро в больничной палате, когда я видела в окно девушку, убиравшую с песка мусор.

— А те, кто уже работает... я имею в виду, с гостями по ночам, они тоже могут и официантками, и горничными?

— Обязательно, — кивнула Алла. — Долг всем охота побыстрее выплатить. А те, кто уже выплатил, на карман деньги кладут. Вот вы продукты из холодильника берёте, а знаете, откуда они там?

Мы с Яринкой смущённо переглянулись, подумать об этом нам до сих пор не пришло в голову.

— А это мы покупаем, — охотно пояснила Алла. — На свои честно заработанные. Вкладчину. До сих пор с вас никто не спрашивал, но теперь будем.

— Я думала, здесь так кормят, — принялась оправдываться Яринка. — Бесплатно.

— Щас! — фыркнула Алла. — Тут вам не уют, в столовую никто не позовёт, сколько поработаешь, столько и поешь. Но вы не беспокойтесь, голодными не останетесь, даже если ничего не заработаете, у нас же общак и взаимовыручка. Сегодня ты без денег, завтра я, это жизнь. Так что правило железное — на кухне можно брать что угодно всегда и всем. Ну, и класть, естественно, если есть возможность.

На мой взгляд, Алла явно приbedнялась. В нашем общем двухкамерном холодильнике чего только не было. Сыры-колбасы, кефиры-йогурты, соленья-варенья, не говоря уж о фруктах и овощах, которые тут, казалось, появлялись из ниоткуда в огромных количествах. Но я решила, что со временем разберусь во всём сама, и вопросов задавать не стала. Вместо меня спросила опять Яринка, правда, совсем не о еде.

— Алла, ты ведь уже выплатила долг Оазису?

— Кончено, — согласилась та. — Давно.

— Почему ты ещё здесь?

Алла покачала головой.

— У вас что, в одно ухо влетает, в другое вылетает? Вчера помните, о чём говорили? Куда мне идти? Кому я нужна?

— А если бы была нужна? — настаивала Яринка. — Ты бы ушла? Отсюда действительно отпустят, если захочешь уйти и ничего не будешь должна?

Алла пожала плечами.

— Ты знаешь, понятия не имею. На моей памяти никто не рвался уходить, хотя почти все старшие девушки долг уже выплатили, и деньги у них имеются. Только зачем нужны деньги там? — она кивнула головой за окно, за море, за горизонт.

— Но уйти всё-таки можно? — спросила теперь и я. — Если долг уплачен, никто больше не будет тут держать?

— Да кому вы нужны? Другой вопрос, что надо быть дурой, чтобы отсюда добровольно уйти.

— За сколько времени реально выплатить долг? — оживилась Яринка.

— Года за два-три. Но это если полноценно работать будете, так что накидывайте ещё год сверху. В общем, на четыре сразу рассчитывайте.

И, видя, как мы поникли, она снисходительно добавила:

— Да не кисните, это не так долго, как сейчас кажется. На самом деле время здесь идёт

очень быстро.

И неожиданно Алла оказывается права. Время идёт.

Время идёт, и этот бесконечный насыщенный май наконец-то остаётся позади, наступает лето. Такое жаркое и солнечное, что и я, и Яринка бросаемся к морю каждую свободную минуту. А свободных минут у нас теперь немного. Каждое утро мы встаём ещё до того, как наши соседки возвращаются со своей ночной работы, и идём в одну из нескольких гостиниц Оазиса. Мы убираем номера за уехавшими гостями, выносим целые пакеты мусора — пустые бутылки, окурки, остатки еды, грязную и порванную одежду, использованные презервативы, одноразовые шприцы. Люди приезжают сюда, чтобы выпустить наружу свои пороки, и для этого в ход идёт всё, что недоступно и незаконно в их повседневной жизни. Алкоголь, никотин, наркотики, секс — здесь всё это есть, для тех, у кого, в свою очередь, есть деньги. Мы вытираем с пола мочу, кровь и рвоту, заметаем осколки посуды, разбитой в приступах не то ярости, не то безудержного веселья, снимаем шторы, в которые сморкались, относим в прачечную пледы, об которые вытирали жирные руки, моем окна с отпечатками ладоней и непристойными рисунками помадой. И почти всё время смеёмся. Нам очень смешно видеть этих людей на улицах Оазиса — богатых, спесивых, наряженных, сорящих деньгами, а потом прийти в номера и обнаружить их истинную суть, всё грязное бельё, в прямом и переносном смысле слова. Нам даже почти не противно убирать за ними, как не бывает противно чистить коровье стойло или выносить кошачий лоток.

Я уже не чувствую себя больной, но Яринка так не считает и берёт на себя почти всю физическую работу. Неизменно улыбаясь, она таскает ведра с водой, орудует шваброй, даже пытается жонглировать бутылками чистящих средств. Чтобы хоть как-то отблагодарить её, я выполняю самую грязную, но не самую трудную часть наших обязанностей: чищу унитазы и раковины, собираю в мусорный пакет разбросанные по номерам объедки, снимаю с постелей заляпанное бельё.

Ещё до обеда мы освобождаемся и торопимся в наш домик. По очереди идём в душ, смываем с себя запах чужого нечистого жилища. Готовим обед, доставая из холодильника продукты, за которые больше не чувствуем себя обязанными, потому что заработали их.

А потом наступает самое главное.

Если сравнить школьные занятия в приюте с тем, как подают знания здесь, то это небо и земля. Здесь нет никаких планшетов и тетрадей, нет парт, за которыми нужно высидеть положенное время, нет оценок и домашних заданий. Всё куда интереснее и результативнее.

К часу мы идём в библиотеку. Она тоже не похожа на приютскую. Большую часть дня там никого нет, в тишине стоят высокие книжные стеллажи, журнальные столики, и кожаные кресла. Но, когда в Оазисе появляются новенькие, такие, как мы, которых нужно чему-то учить, библиотека превращается в классную комнату. И приходят преподаватели.

Нина. Местная старожилка, в совершенстве владеющая английским и передающая эти знания новеньким. Английский знать обязательно, в Оазисе часто бывают иностранные гости, чудным образом просачивающиеся сквозь железный занавес. Впрочем, я здесь уже ничему не удивляюсь.

Зоя. Очень красивая даже по здешним меркам, одна из немногих, кто прибыл на остров добровольно и с чётко поставленной целью. Зоя — визажист и стилист, профессия абсолютно бесполезная за пределами Оазиса, там, где косметика и открытая одежда под запретом. Но очень нужная здесь. Настолько нужная, что частично владеть ею должна

каждая. Зоя учит нас не только красить лицо, но и ухаживать за кожей, укладывать волосы, правильно подбирать одежду, делать маникюр и педикюр, удалять с тела лишнюю растительность, ходить на каблуках и шпильках, пользоваться столовыми приборами.

Валентина Карловна. Пожилая женщина, невесть какими путями тут оказавшаяся. Психолог. Она рассказывает о хитростях общения с мужчинами, способах правильно подать себя, умению обходить конфликтные ситуации, выслушивать чужие проблемы, затейливо льстить и надёжно скрывать плохое настроение.

Все три женщины разговаривают с нами не только на темы своих предметов. От них мы узнаём о многом: политической ситуации в мире, истинном положении вещей на Руси, о том, как власть держащие (которые тоже тут бывают) виртуозно обходят ими же созданные законы.

Узнавать новое интересно, обучение подаётся легко, и мы с радостью ходим на эти занятия. А ещё очень много читаем. Нина, Зоя, и Валентина Карловна сами выбирают для нас из всех книг, которых в библиотеке не счесть, те, которые, по их мнению, помогут нам расширить и углубить знания, полученные на занятиях. И их выбор ещё ни разу меня не разочаровал.

Я больше не посещаю клинику и доктора Ватсона. Последние швы сняты, в перевязках необходимости больше нет, состояние моё нормализовалось. Но я стараюсь не смотреться в зеркало, потому что ношу открытую одежду, а в ней слишком хорошо видно, каким теперь стало моё тело. Грубые бордовые рубцы на лице, шее, обеих руках, на бедре правой ноги, на голени и лодыжке левой, на спине, на боку... Грудь и живот я уберегла, инстинктивно сворачиваясь в клубок во время собачьей атаки, также мне повезло не быть схваченной за горло, кто-то из страшных псов лишь слегка пробороздил клыками кожу под моим правым ухом. Доктор Ватсон не раз повторяет о моём везении. Я не осталась ни хромой, ни кривой, мои внутренние органы не задеты, ни одна из ран не загноилась, и вообще, заживление идёт на удивление хорошо, учитывая состояние физического и нервного истощения, в каком я попала сюда. Я верю доктору, смиряюсь со своим неприглядным видом и лелею надежду, что на меня такую никто не позарится, что благодаря своим шрамам мне не придётся работать по контракту. И невольно испытываю вину перед Яринкой, которой этого не избежать.

Подруга расцветает на глазах. Её волосы отрастают и вьются, тело теряет угловатость, грудь уже отчётливо проступает сквозь яркие маечки. А ещё она учится танцевать. Каждый день, после того, как мы заканчиваем занятия в библиотеке, Яринка уходит в одно из самых красивых, не считая, конечно, Айсберга, зданий на острове, туда, где по ночам гремит музыка и сверкают огни. В большой зал с зеркальными стенами и шестом посередине, где я была всего однажды. Тогда Зоя привела нас туда в первый раз, а сухопарая жилистая женщина, шагнувшая навстречу, окинула меня с ног до головы придиричивым взглядом и отрицательно покачала головой. Зоя поспешила сказать, что я смогу заниматься, когда окончательно выздоровею и окрепну, но я ей не поверила. И ушла. А Яринка осталась.

Теперь то время, которое моя подруга проводит в зеркальном зале и учится изящно двигаться под музыку вокруг блестящего шеста, я провожу в одиночестве, на пляже. Мне уже можно купаться, что я и делаю каждый день. Море — моя самая большая радость здесь после возможности читать любые книги и задавать любые вопросы. Только погружаясь в море, я чувствую связь с остальным миром. Через солёные воды, протянувшиеся во все стороны, куда хватает взгляда. Я растворяюсь в этих водах, закрываю глаза и сама

становлюсь морем, омывающим берега своей и чужих стран, перетекающим в океан, охватывающим земной шар голубым покровом. И всё делается одинаково близким, стираются воздвигнутые людьми границы, исчезают запреты. Море — это свобода, и, когда я в море, то свободна тоже.

Жаль, свобода эта — временная: рано или поздно приходится возвращаться на берег, одеваться и идти домой. Домой. Я действительно называю так наш маленький домик, где всегда вкусно пахнет и где можно говорить на любые темы без страха быть наказанной или осмеянной. Там я почти счастлива, если только не думаю о том, что моя жизнь могла сложиться иначе. А думаю я об этом чаще, чем бы мне хотелось. Думаю о Дэне, о перекрёстке дорог посреди леса, о машине с поднятыми дворниками, которая уезжает в рассветный туман, о людях, живущих так же, как жили мои родители, и связь с которыми теперь утеряна навсегда.

Но я никогда не подаю вида, что мне грустно. Я взяла на вооружение фразу, оброненную Яринкой в тот день, когда мы подписали контракт с Ирэн: "Если не можешь изменить ситуацию, измени своё отношение к ней". И, мне кажется, у меня получается.

А время идёт. Наконец я привыкаю каждое утро, поднимаясь с постели, видеть за окном синюю воду и жёлтый песок, для меня это больше не удивительно. Как не удивительны теперь пальмы и разгуливающие у их подножия павлины, и полуголые пошатывающиеся люди, праздно гуляющие по узким дорожкам. Я привыкаю к тому, что больше не надо заплетать волосы в косу, стесняться голых рук и ног, молиться перед едой, ходить в церковь. Я привыкаю к грубым выражениям и жаргонным словечкам, которыми сорят наши соседки, и сама начинаю говорить так же.

Я привыкаю к новым людям и местам, а воспоминания о прежних постепенно отдаляются, подёргиваются пеленой, предвестником забвения. Лица и голоса из прошлого оживают лишь во сне, когда я снова вижу наш дортуар, школьные коридоры, дорожки из гравия между подстриженных газонов, высокий сосновый лес за бетонным забором... Но такие сны приходят ко мне всё реже и реже, ведь время идёт.

Время идёт, и это лето, самое жаркое в моей жизни, остаётся позади. Вместе с наступлением осени мы получаем "повышение". Теперь в наши обязанности входит не убирать номера после гостей, а мыть посуду в одном из пляжных кафе, помогать здешним поварам. Мы чистим овощи, выносим мусор, вытираем столы, нарезаем фрукты. Мы смотрим на обедающих гостей через маленькое окно раздачи и хихикаем над тем, какие у них безвкусные наряды (Зоя научила нас подбирать одежду) и как нелепо они орудуют столовыми приборами (мы уже умеем делать это лучше).

Гостей не стало меньше с наступлением осени, большую их часть по-прежнему составляют мужчины, но есть и женщины. В основном это пожилые матроны, богатые вдовы, улучившие время, свободное от детей и внуков, и потратившие его на отдых. Для нас не секрет, что в Оазисе работают не только девушки, есть и несколько красивых юношей, как раз для таких дам. И это уже не смущает. Как не смущает и то, что услугами юношей при желании могут воспользоваться даже мужчины. Ни Нина, ни Зоя, ни Валентина Карловна не говорят о нашей будущей работе, когда учат чему-то новому, но их словно ненароком оброненные фразы и многозначительные улыбки никогда не дают забыть, для чего именно нам нужны все эти знания и навыки. И это уже не смущает нас тоже.

Не то что бы мы окончательно смирились с предстоящим, но больше не видим смысла лгать самим себе и надеяться на то, что вдруг случится нечто такое, что подарит нам свободу

от подписанного контракта. Ведь время идёт.

Время идёт, и однажды утром Яринка вместо того, чтобы отправиться со мной на работу в кафе, остаётся в постели, прижимая грелку к низу живота, а в ответ на мой встревоженный взгляд, отвечает, вымученно улыбаясь: "Как говорила Агафья — критические дни". И я отправляюсь в ресторан одна, повторяя про себя непонятно к кому обращённую просьбу: пусть у меня этого не будет как можно дольше.

Медленно, но верно осень вступает в свои права, бархатный сезон остаётся позади, и море из синего всё чаще становится свинцово-серым, отражая нависшие над ним тучи. Дуют западные ветра, и волны каждый день накатывают на опустевшие берега острова, режут у камней Русалкиной ямы. Часто идут дожди, их капли барабанят по забытым шезлонгам, по тёмному от влаги песку. Ночами, перед сном, я долго вслушиваюсь в рокот моря, который, перемешавшись с шумом дождя, звучит совсем иначе, грустно и тревожно.

Уютные улочки Оазиса безлюдны, павлинов переселили в павильон, разноцветные зонтики сложили и убрали, плетёные скамейки и беседки пустуют. Но это обманчивая тишина. Гостей не стало меньше, но они окончательно переместились с пляжей в клубы и рестораны, они купаются в закрытом бассейне, запираются в своих номерах с нашими девушками, греются в банях и саунах, нежатся в массажных кабинетах. И я этому рада, потому что теперь можно гулять по вечерам, не сталкиваясь с компаниями подвыпивших мужчин, можно слушать шум прибоя, не перебиваемый развязными голосами, можно до полуночи лежать на пустом пляже, глядя на звёзды. Звёзды здесь такие же, какими я их увидела в полях, возле оставшегося для меня безымянным посёлка, куда нас завёз злополучный товарный поезд. Огромные, яркие, пушистые от лучей, и смотреть на них хочется бесконечно. Алла сказала, что, когда я отработаю долг и у меня появятся свои деньги, то можно будет заказать с большой земли телескоп. Мне нравится думать о телескопе, но не о предстоящих годах, отделяющих меня от того дня, когда его приобретение станет возможно.

Мои раны зарубцевались, они больше не багрового цвета, а светло-розового. Доктор Ватсон говорит, что через несколько месяцев можно будет попробовать сгладить их лазером. Только я не очень-то хочу это делать. Теперь, когда ни боли, ни неудобства больше нет, шрамы мне не мешают. Более того, я привыкла относиться к ним, как к своеобразной защите от липких изучающих взглядов гостей, которые я неизменно ловлю на Яринке, когда мы идём рядом. Вот уж чья кожа выше всяких похвал.

Яринка заметно вытянулась. Если ещё этой весной мы были одного роста, то теперь она выше меня. Является ли причиной тому хорошее питание или ежедневные занятия танцами, но теперь подруга, со своими отросшими огненными волосами, длинными ногами и тонкой талией, больше похожа на девушку, чем на девочку.

И в дождливом ноябре, когда Яринке исполняется тринадцать лет, Алла объявляет о том, что скоро состоится её дебют.

Это произошло на следующий день после дня рождения подруги, который мы весело отметили с соседками. По такому случаю ей даже позволили выпить бокал шампанского, отчего Яринка неожиданно стала сонной и, поблагодарив всех, нетвёрдой походкой удалилась в номер под общий добродушный смех.

А утром, когда мы привычно поднялись на работу и пили кофе в пустой кухне, туда спустилась Алла и деловито спросила:

— Яриша, ты сегодня к Гаспаровне идёшь? Я с тобой.

Вероникой Гаспаровной была та самая сухопарая женщина, которая обучала новеньких девочек танцевальному искусству и забраковала меня. Величали её здесь не иначе, как по отчеству, на что она охотно отзывалась и даже сама настаивала на таком обращении.

— Иду! — сразу оживилась Яринка. Танцевать она любила, я бы даже сказала, нашла в этом своё призвание. — А зачем тебе Гаспаровна?

Алла многозначительно подняла глаза к потолку.

— Сверху поступило распоряжение готовить твой дебют. Надо, чтобы Гаспаровна поставила для тебя танец.

Яринка опустила на стол кружку с кофе и испуганно спросила:

— Уже? Так скоро?

— Ничего не скоро, не ссы, — отмахнулась Алла. — Пока Гаспаровна тебе танец придумает, пока ты его выучишь, пока тебе костюм пошьют, пока легенду сочинят... Да и сам аукцион может длиться не один день. К Рождеству, скорее всего, тогда и гостей будет здесь больше.

За время, проведённое на острове, мы успели хорошо познакомиться с местными порядками, и сейчас у нас не возникло вопросов о том, что такое дебют, легенда, зачем нужен танец и какой аукцион должен всё это завершить.

Каждая новенькая девочка, когда её сочтут готовой к основной работе, должна быть представлена гостям Оазиса. Представлена красиво, с индивидуальным номером и рассказом о её происхождении и прошлой жизни. Это — легенда. И как выяснилось, именно она в данный момент больше всего волновала Яринку.

— Алла, а в моей легенде что будет?

Старшая хмыкнула:

— Уж будь уверена, всё, что угодно, только не правда. Правду никогда не рассказывают. Да и кому это интересно?

— А кто придумывает легенду?

— Ирэн. Завтра после Гаспаровны к ней зайдём, и она скажет, какой образ для тебя придумала.

— Образ?

Алла терпеливо вздохнула.

— Ну, ты же должна соответствовать своей легенде, так? Вот Ирэн тебе и объяснит, как именно. У неё фантазия богатая. Если скажет, что ты должна падать в обморок при гостях от каждого грубого слова, то будешь падать. А что, оригинально! Такой фишки ещё не было.

Лицо Яринки стало обеспокоенным.

— Алла, а обязательно придумывать что-то этакое? Почему нельзя рассказать правду?

— Потому что правда скучна. А в твоём случае ещё и опасна. Предлагаешь рассказать, как вы церковь спалили? Ваши рожи до сих пор в розыске, кстати. Обычно пропавших сирот долго не ищут, кому они нужны? А вот вас не забыли.

Эта новость неожиданно польстила мне, я даже приосанилась на стуле, потянувшись макушкой вверх. Да, ушли мы красиво, тут ничего не скажешь.

— А мне-то хоть можно будет вставить словечко? — не успокоилась Яринка. — Ну, если мне легенда не понравится и я другую захочу?

Алла на секунду задумалась, потом покачала головой.

— Не советую. Ирэн у нас женщина тщеславная, критики не любит. Да и не всё ли

равно тебе? Об этой легенде через день никто не вспомнит. Ну, пожалуй, кроме твоего покупателя. А ему ты сможешь рассказать правду на свой страх и риск.

— Ясно, — Яринка помрачнела. — Надо думать, что про танец и одежду моего мнения тоже не спросят?

— Не-а, не спросят, — невозмутимо согласилась Алла. — И правильно сделают. У нас Гаспаровна хореограф, а Зоя стилист. Не ты. Вот и молчи в тряпочку, предоставь эти дела профессионалам.

Больше Яринка вопросов не задавала и днём, после занятий, послушно отправилась вдвоём с Аллой узнавать подробности своего предстоящего дебюта.

Я же не находила себе места. Ох, как права оказалась старшая в то памятное утро, когда сказала нам, что время идёт быстро! Слишком быстро. И вот уже год, отделяющий нас от неизбежного, долгий год, которым я утешала себя, подписывая контракт, вдруг оказался совсем не долгим. Если уже после Рождества Яринка будет... начнёт работать, как все девушки, то недалёк тот день, когда настанет и моя очередь.

Каждый раз, едва такая мысль приходила мне в голову, я машинально поднимала руку и проводила кончиками пальцев по грубому шраму на лице — моей броне, пусть временной, но защите. Это помогало снять тревогу. Совершенно не думаю, что Ирэн допустит меня до гостей, пока доктор не выполнит своё обещание и не сделает хоть что-то с этим безобразием. А это вряд ли случится раньше весны, так что о себе я пока не беспокоилась. Но очень беспокоилась о Яринке и ждала её возвращения с жалостью и страхом. Мне казалось, что подруга после разговора с Ирэн появится подавленной и напуганной, а я совершенно не знала, что ей можно сказать, как утешить? Как, в конце концов, попросить прощения, ведь, если быть честной, то подруга оказалась здесь только по моей вине. Не будь в её жизни меня, не случилось бы и всего этого. Ни Дэна, ни *других*, ни злополучного побега.

Яринка вернулась вечером, когда Вика и Ася уже накладывали макияж, готовясь к ночной работе, а я сидела на кровати, безуспешно пытаюсь сосредоточиться на учебнике английского языка. Подруга ворвалась в дверь, раздумываясь, с возбуждённо горящими глазами.

— О! — воскликнула она, обводя комнату взглядом. — Как хорошо, что вы все здесь!

Я приподнялась на кровати, настороженно вглядываясь в лицо подруги, стараясь найти на нём печаль или обречённость, но видела только радостное оживление.

— Наконец-то, — улыбнулась Ася, — а то Дайка тут вся извелась.

Яринка подскочила ко мне, села рядом, приобняла за плечи, тепло улыбнулась:

— Не надо изводиться, всё хорошо. Ух, девочки, вы бы знали, как я буду танцевать на дебюте! Гаспаровна, оказывается, уже мне танец придумала, а сегодня показала. И Зоя нарисовала костюм. Я буду вся в рыжем, под цвет волос. Рыжий костюм с алыми стразами, чтобы как искры горели. А в волосы мне вплетут золотые нити. И макияж красно-золотой.

Не в силах усидеть на месте, Яринка вскочила и закружилась на месте, вскинув руки.

— А когда я стану танцевать, на подиуме позади меня будут взрываться столбы искр! Потому что типа я вся — огонь! А представят меня знаете, как? Яростная Ярина. Классно?

По мне, так ничего классного тут не было. Почему вдруг яростная? Что она — кусать кого-то собралась, или бить? Но я помнила предупреждение Аллы о том, что решения Ирэн лучше не критиковать, и прикусила язык. Вместо этого спросила:

— Ну а легенда у тебя какая?

Яринка снова плюхнулась на кровать.

— А легенда почти правдивая. Под стать всему образу — огненная. Будто я сбежала из дома, от отца, который хотел отдать меня в монастырь, и подожгла его. В смысле дом, а не отца.

На этот раз я не сдержалась, и еле слышно пренебрежительно фыркнула. Фантазия у Ирэн, конечно, так себе...

Но Асе и Вике понравилось, они даже бросили краситься и принялись с живым интересом расспрашивать Яринку о деталях её предстоящего дебюта. Я же всё смотрела на подругу, пытаясь под маской оживления разглядеть её настоящие чувства. Но она выглядела такой искренней в своём радостном предвкушении, что я, вконец смешавшись, решила отложить это до того момента, когда мы останемся вдвоём.

А вдвоём мы остались только ближе к ночи, когда старшие подруги покинули дом и на остров опустились сумерки. С трудом дождавшись хлопка входной двери, закрывающейся за Аллой, которая, как обычно, уходила последней, проконтролировав сборы остальных, я босиком сбежала на первый этаж.

Яринка сидела на диване, поджав ноги под себя, и бездумно щёлкала пультом от телевизора, лицо её было непроницаемо. На цыпочках я пересекла гостиную и осторожно присела рядом, прикоснулась к её плечу.

— Ярин? Ты как?

Подруга повернулась ко мне, чуть улыбнулась.

— О, Дайка... ты знаешь, всё так странно. Когда я была маленькая, то дома, если не было отца, мне нравилось танцевать перед телевизором, под разные концерты. Я представляла себя там, на сцене. Как будто это я вся такая красивая, в блестящем платье, с причёской, и это мне все хлопают. Единственное, что не нравилось, — сами танцы. Ну, ты же в приюте видела эти концерты? Там все в дурацких сарафанах, и танцуют так, словно лишний раз двинуться боятся. И тогда я выключала телевизор и начинала танцевать сама, и сама придумывала себе танец. Скакала, как коза, по креслам, по дивану, трясла волосами, падала на пол. Мама смеялась, говорила, что таких танцев не бывает, — Яринка зачем-то стукнула пультом о коленку, и засмеялась. — А ведь тут я танцую именно так!

Я недоверчиво посмотрела на неё. Не считая первого и единственного раза, когда мы вдвоём пришли в зеркальный зал с шестом, больше мне там бывать не довелось, и, как танцует Яринка и другие девушки, я не видела, хоть и имела некоторое представление.

— Там... пока танцуешь, надо раздеваться?

— Когда как, — беззаботно отозвалась подруга. — В дебютном танце я раздеваться не буду, Ирэн говорит, нужна интрига, нельзя всё показывать сразу. Но костюм классный! Юбочка отстёгивается, и получается почти как купальник.

Я вспомнила все те липкие взгляды, которыми гости провожали Яринку на пляже, когда она легко бежала к воде: тонкая, загорелая, с летящим за ней шлейфом медных волос, — и не придумала, что ответить, кроме:

— Ярин, прости меня...

Она удивлённо подняла глаза.

— Простить? За что?

— За всё вот это. Если бы не я... тебе и не пришлось сейчас...

Я смешалась, не зная, как лучше выразить свои мысли. Не пришлось что? Танцевать полуголой перед пьяными мужиками? Стать очередным приобретением кого-то из них?

Но моя Яринка не была бы моей Яринкой, не пойми она меня и без всяких слов.

— Да ну, брось. Ты думаешь, я собиралась на всю жизнь остаться девственницей?

Теперь я удивлённо уставилась на подругу.

— А?

— Дайка, ты разве ещё не видишь? Я довольна. Меня всё устраивает. Тебе не за что извиняться.

— Довольна?

— Ну конечно, — Яринка щёлкнула пультом, убирая звук телевизора. — Ты помнишь, о чём нам говорила Ирэн, когда мы пришли к ней подписывать контракт? Так вот, я долго думала над этим и поняла, что она права. Во всём. Ты считаешь, это здесь несвобода? Нет, несвобода — это там! Дайка, честное слово, я ещё никогда не чувствовала себя такой свободной, как сейчас! Мне же всё можно! Мне никто не указывает, как надо себя вести, что говорить, что делать. Неужели ты этого не чувствуешь?

Я честно попыталась почувствовать, даже прикрыла глаза. Ведь в одном Яринка сейчас точно права: в приюте свободы не было, не было даже тени её. Мы не могли не только поступать по своему усмотрению, но даже наши мысли и желания контролировались. Разве нам не внушали, что господь знает все помыслы своих созданий и обязательно накажет за те, которые не будут достаточно благочестивыми? Поэтому с тем, что раньше мы были глубоко несвободны, я не могла не согласиться. Но есть ли свобода в Оазисе? Да, здесь нас не окружили забором, нам не диктуют, во сколько ложиться спать, во сколько подниматься, какие книги читать, какие вещи носить, какими молитвами молиться. Но сильно ли отличается бетонный забор от синего моря, если за его пределы так же нельзя выйти? Велика ли разница между запретом оголять тело и запретом не оголять?

Нет, свободы я не ощущала ни в приюте, ни — в равной степени — здесь. Но осуждать Яринку за то, что она считает иначе, не могла и не хотела. Подруга не виновата в том, что ни разу в жизни ей не довелось познать истинной свободы. Той, что была у меня в бескрайней тайге, где ни границ, ни заборов, ни берегов...

Яринка наверняка разглядела тоску в моих глазах, потому что погрустнела сама.

— Ну, Дайка... Ну, серьёзно, что ждало нас там? Как и говорила Ирэн — или в общагу или замуж за старика. Чем лучше? А здесь... мне нравится танцевать! И что плохого в том, что гости будут смотреть, как я танцую? Это не так-то просто, как кажется со стороны, особенно на шесте, пусть хоть кто-то оценит! И что без одежды... почему я должна стесняться своего тела? Тело — самая естественная в мире вещь, оно есть у всех. А остальное... и тут девочки правы. Какой мужчина достался бы мне там?

Яринка подняла брови и замолчала, ожидая от меня ответа. Я вяло пожала плечами. Хоть убей, но наличие мужчины в своей будущей жизни я до сих пор как-то не рассматривала, всегда были проблемы поважнее.

— Вот видишь, — удовлетворённо кивнула подруга. — В лучшем случае никакой, в худшем — старикан вроде Львовича, который исчез сразу, как узнал, что я не круглая сирота.

— Ну а здесь-то что? — не выдержала я. — Какие бы мужчины ни были здесь, замуж они тебя не возьмут.

Яринка презрительно оттопырила нижнюю губу.

— И хорошо! Что делать замужем? Готовить, носки стирать да детей рожать, пока муж в места вроде нашего Оазиса похаживает?

На этот раз брови подняла я. Очень интересно, откуда у подруги такие познания о замужней жизни?

Яринка вздохнула.

— У Гаспаровны ведь не только я бываю. Туда много девушек ходят танцевать и репетировать, болтаем с ними. Так вот те из них, кто был замужем, все говорят — здесь лучше. И сама жизнь лучше, и мужчины лучше, чем их муженьки были.

— Но ведь, — я замялась, не зная, как лучше выразить свою мысль. Удивительно, но за всё время, проведённое здесь, я до сих пор не научилась прямо говорить о таких вещах. — Ведь плохо то, что мужчин этих... тут у тебя много будет.

— Почему плохо? — не дрогнула подруга. — Кто придумал, что у девушки должен быть один мужчина? Они и придумали, чтобы самим гулять, а нам запретить. А я, может, хочу много любовников! Много классных, красивых, богатых любовников!

Она с мечтательным вздохом откинулась на спинку дивана, потянулась. Но, перехватив мой ошалевший взгляд, поспешила успокоить.

— Но ты за меня не бойся. Для начала я себя постоянного найду. Одного. А там посмотрим.

Я быстро прокрутила в уме всё, что слышала о том, как происходит в Оазисе дебют новой девушки, и усомнилась.

— Аукцион же будет. Кто больше заплатит, тот и... а вдруг он потом не захочет стать твоим постоянником?

Яринка снисходительно усмехнулась.

— Вот увидишь, не только захочет, но это даже будет тот, кого я сама выберу. Я, а не он. Помнишь, что Алла говорила? Это не они имеют нас, а мы их! И выбираем тоже мы. Главное — помнить об этом.

Мне вдруг стало невыразимо грустно: впервые за всё то время, что Яринка была рядом со мной, я почувствовала себя одинокой. Подруга выросла слишком быстро, менялась на глазах и внешне, и внутренне. Она уходила вперёд, а я не успевала за ней.

Но тонкая нить прежней, почти телепатической связи между нами осталась. Яринка встретилась со мной глазами, неожиданно придвинулась, положила ладони мне на затылок, и прижалась своим горячим лбом к моему лбу. Шепнула совсем другим, прежним голосом:

— Дайка, ничего не бойся. Мы с тобой — особенные. Мы в приюте показали всем, чего стоим, и здесь покажем. Разнесём этот курятник, если будет надо! А когда придёт время уходить — уйдём опять красиво, да? С огнём, дымом и грохотом!

И я невольно улыбнулась, близко-близко глядя в её прищуренные зелёные глаза с карими крапинками.

— Яростная Ярина...

Глава 9.

Ян.

Наш с Яринкой разговор в вечерней столовой успокоил меня, ещё на шаг приблизил к тому, чтобы окончательно смириться и принять новую жизнь. Но о своём будущем здесь, в Оазисе, я по-прежнему старалась не думать, довольствуясь сегодняшним днём. А он, надо признать, был совсем не плох. До обеда я продолжала мыть посуду в кафе, заодно потихоньку узнавая, как готовятся разные блюда и какая кропотливая работа стоит за тем, чтобы красиво и вкусно накормить наших гостей. Во второй половине дня спешила на занятия. Мне нравилось учиться новому, но особое предпочтение я отдала английскому языку, помня о своей мечте попасть на Запад, как велела мне мама. Разумеется, только после

того, как я найду и её, и папу. Вот они удивятся, узнав, что я говорю по-английски! Думаю, это может очень нам помочь.

В свободное от учёбы и работы время я продолжала жадно читать, к счастью, книг в библиотеке оставалось ещё много, а их разнообразие меня не пугало. Я с одинаковым интересом глотала как исторические романы и научную фантастику, так и поэзию, детективы, психологию отношений или эзотерику.

В основном, за книгами я и проводила вечера, лишь иногда отвлекаясь на телевизор и игры. Но всё чаще и то, и другое мне приходилось делать в одиночестве, без Яринки.

Подруга теперь до ночи пропадала в студии танцев, как, оказывается, назывался здесь зеркальный зал Гаспаровны. Она и другие девушки тренировались без устали, готовясь к традиционному рождественскому торжеству, которое должно было состояться с большим размахом. Так мне говорила Яринка, но я догадывалась, что не только танцы влекут её прочь из нашего уютного домика. По оброненным фразам, по несвойственным подруге выражениям и узанным откуда-то сплетням, которыми она делилась с нашими соседками, я поняла, что Яринка завела приятельниц среди танцовщиц. И, наверное, очень хороших приятельниц, раз в наш номер она возвращалась теперь только для сна.

Как ни странно, обидно мне не было. После Яринкиных слов о том, что мы с ней особенные и ещё всем тут покажем, я не беспокоилась, что она вдруг может отдалиться от меня, и на её увлечение новыми подругами смотрела снисходительно. Тем более, вынужденное вечернее одиночество давало мне возможность посвятить себя тому, что я сейчас считала самым важным. Чтению и английскому.

Сама я с местными девушками почти не общалась. Исключением были разве что официантки из нашего кафе, но они быстро менялись. В Оазисе ни у кого не было постоянного места работы, кроме конечно, основного — по ночам, с гостями... Если девушка хотела чем-то занять себя днём, тем самым поправив своё финансовое положение, она шла на подработку либо официанткой, либо горничной. Были, конечно, и те, кто посвятил себя какому-то одному поприщу, как, например, Машута, ассистирующая в клинике нашему доктору Ватсону. Или ученицы поваров, желающие когда-нибудь занять их место. Оазис бурлил как котёл, и дел здесь всегда хватало на всех.

Вскоре после того, как Ирэн назначила дебют Яринки на Рождество, мою подругу перевели на дневную работу в иное место, да в какое! В сам Айсберг, точнее, в большой клуб-ресторан на его первом этаже. Занималась там подруга тем же, чем и раньше в кафе: мыла посуду да чистила овощи, — но сам факт того, что она была допущена в святая святых, самое дорогое заведение на острове для самых дорогих гостей, говорил о повышении её статуса.

В темноте номера, перед сном, Яринка рассказывала мне о просторном зале с хрустальными люстрами, о высоком освещённом подиуме, на котором весь вечер и ночь извиваются под музыку обнажённые девушки, зачастую буквально ступая по ковру из купюр, которые швыряют им под ноги пьяные и оттого щедрые гости. О безумно дорогих блюдах, виртуозно приготовленных лучшими поварами на сияющей чистотой кухне, о музыкантах с причудливыми инструментами, на заказ исполняющих какую угодно мелодию. Рассказы подруги развлекали меня, но не вызвали желания стать частью этой шумной и отвязной жизни, мне было хорошо в нашем тихом прибрежном кафе, куда гости являлись в основном выпить утреннего кофе или пообедать и которое пустело ближе к вечеру.

Когда кончился дождливый ноябрь и началась зима, я стала всё чаще ловить себя на

том, что мне трудно ориентироваться во времени. Казалось, месяцы, проведённые в Оазисе, слились в один бесконечный день, в течение которого менялась лишь погода. Я смотрела на календарь, потом в окно, и испытывала чувство, похожее на клаустрофобию. То же море, то же небо, тот же песок, те же вечнозелёные пальмы. О приходе зимы говорил разве что термометр на крыльце, который теперь показывал градусов на двадцать-тридцать ниже, чем летом. Но ни разу, даже по ночам, он не опустился за нулевую отметку. Я спрашивала у соседок, бывает ли здесь снег и как они встречают Рождество без снеговиков и горок, без ёлок и тихих морозных вечеров. Но на меня смотрели снисходительно, и отвечали только, что, когда я начну работать, в рождественские праздники подобные вопросы у меня даже не возникнут.

Смысл этих слов я начала понимать примерно к середине декабря. Каждый день в Оазис прибывали новые гости. Об их растущем количестве я могла судить не только по числу празднующегося на улице народа, но и по объёму свалившейся на меня работы. Сейчас, приходя утром в кафе, я вставала к раковине и до обеда мыла посуду за бесконечным потоком посетителей, не имея возможности даже перекинуться парой слов с официантками, как делала это обычно. Вика, Ася, Алла и другие девушки теперь возвращались в наш домик, только чтобы принять душ и на несколько часов упасть в постель, после чего, поспешно наложив макияж и сменив наряд, исчезали до следующего утра, невыспавшиеся и раздражённые. Только Яринке, казалось, всё было нипочём, энергия фонтаном била из моей подруги, и она умудрялась не только работать, учиться и танцевать в прежнем темпе, но даже вспомнила своё появившееся в приюте хобби и заявила, что сама хочет сшить себе костюм для дебюта. Правда, Гаспаровна всё равно ей этого не позволила, и выкройки отправились куда-то на берег, в профессиональное ателье.

А за неделю до начала января Яринка впервые не пришла ночевать домой. Я провела ту ночь одна в номере, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к шуму ставшего теперь холодным моря. Не то что бы мне было тревожно, в безопасности Яринки на острове сомневаться не приходилось, но я грустила. Эта ночь стала первой за долгие годы, что мне пришлось провести в полном одиночестве, и я невольно думала о том, сколько ещё таких ночей у меня впереди.

Подруга появилась утром, когда серый рассвет заползал в окна, а я только-только погрузилась в дремоту. Она зашла на цыпочках и, косясь на меня, принялась торопливо раздеваться, распространяя вокруг запах пряных духов и табачного дыма. Я притворилась, что сплю, задавать какие-то вопросы не хотелось. Как ни старалась я понять и поддержать Яринку в её стремлении стать частью Оазиса, но сейчас мне было обидно. Обидно за эту одинокую бессонную ночь и за принесённый подругой чужой неприятный запах, вторгнувшийся в наш номер, в место, которое я почти начала считать своим домом. И поэтому даже днём, когда мы встретились в библиотеке, я не спросила у Яринки, где она была и что делала до утра, хоть и не раз ловила на себе её выжидательные взгляды.

На следующую ночь подруга не пришла снова, и теперь я уже не ворочалась с боку на бок, а уснула, хоть и с ощущением некой утраты. Так продолжалось до Нового года. Теперь мы виделись только на занятиях, а там не было времени болтать о своём. Исподтишка наблюдая за Яринкой, я видела, что она рассеянна, что её взгляд блуждает, а мысли далеко. Даже наши преподавательницы заметили эти перемены, но не делали ей замечаний, зная о предстоящем дебюте моей подруги и, видимо, списывая всё на её волнение по этому поводу.

Я тоже собиралась молчать до последнего, обиженная тем, что между нами уже нет

прежнего доверия. И молчала бы, не случись одного момента.

В один из предновогодних дней, закончив работу в кафе, я, как обычно, спешила в наш домик, чтобы, пообедав, отправиться на занятия в библиотеку, когда краем глаза поймала на пустынном пляже знакомый золотистый блеск рыжих волос. Словно солнечный зайчик мелькнул на фоне пасмурного серого неба и такого же серого моря. Повернув голову, я увидела шагающую вдоль прибоя Яринку, которой вообще-то полагалось сейчас быть в Айсберге, где она и обедала последние недели, не тратя время на возвращение домой. Я уже набрала воздуха в грудь, чтобы громко позвать подругу, когда из одинокого шезлонга навстречу ей приподнялась чья-то фигура.

Я заморгала. На миг показалось, что двоится в глазах: Яринка присела на шезлонг и словно встретила своё отражение, порывистый ветер с моря смешал в одну две рыжие гривы.

Мне пришлось прищуриться и даже сделать несколько шагов вперёд, прежде чем я поняла, что в действительности происходит. На шезлонге полулежал молодой парень с длинными, до плеч, волнистыми волосами того же медово-морковного цвета, что и у моей подруги. Он порывисто поднялся при её приближении, и теперь они, обнявшись, прижимались друг к другу губами.

Я глядела во все глаза, машинально поднеся руку к приоткрытому от изумления рту. Яринка целуется с парнем?! И что это за парень? Раньше я его никогда не видела, точно не забыла бы такого рыжего, значит, не местный, из гостей. Но если это гость, то Яринка сейчас нарушает все правила Оазиса, а за этим обязательно последует суровое наказание! От наших соседок мне приходилось слышать истории девушек, пытавшихся заработать деньги в обход заведения, встречающихся с гостями тайно и за свою цену. Судьба их была незавидна — перепродажа. И потом, зная Яринку, ни за что не поверю, что она способна на такое. Одно дело, когда у тебя нет выхода, другое — добровольно начать продавать себя, да ещё рискуя при этом всем тем немногим, что ещё осталось.

И чем дольше я смотрела на рыжую парочку, тем больше убеждалась: здесь нечто иное. Целовались они недолго, потом о чём-то разговаривали, почти соприкасаясь лбами и положив ладони на плечи друг другу. А когда Яринка поднялась с песка и сделала шаг прочь, парень тоже вскочил, поймал её за руку, снова привлёк к себе... Они смеялись, толкались, забавно гримасничали, но никак не могли расстаться. Наконец, моя подруга вырвалась и побежала по пляжу, посылая через плечо воздушные поцелуи. Я отшатнулась за угол, боясь быть замеченной, хоть и понимала, что эти двое вряд ли сейчас способны видеть что-то ещё, друг кроме друга.

Парень смотрел вслед Яринке, пока она не скрылась между домами, потом рассеянно пригладил ладонью растрепавшуюся огненную шевелюру и побрёл в противоположную сторону. Я успела разглядеть, что он очень молод, не старше двадцати лет, и это тоже показалось странным: обычно гости Оазиса были уже зрелыми людьми.

Весь день я не находила себе места, на занятиях не столько запоминала то, что пытались объяснить преподавательницы, сколько следила за подругой. Но она имела вид не более задумчивый и отсутствующий, чем в остальные дни. Обиды на Яринку я больше не чувствовала, всё затмила тревога. Ведь, если я увидела её свидание с рыжим парнем на пустом пляже, то его мог увидеть кто угодно, а это было чревато самыми ужасными последствиями.

И, когда мы вместе покинули библиотеку, готовые уже привычно разойтись в разные стороны, я, поймав Яринкин взгляд, строго шепнула:

— Сегодня приходи ночевать. Мне надо поговорить с тобой, это очень важно.

Вообще, я не очень верила, что подруга придёт, ведь, если она где-то пропадала все прошлые ночи, значит, на то у неё был веский повод. Но Яринка появилась на закате, непривычно тихая, с опущенным взглядом. Чмокнула меня в щёку, присела рядом на кровать. Я внимательно вгляделась в её порозовевшее лицо и с удивлением поняла, что она чего-то стесняется. Учитывая, что стеснение — вообще не свойственная Яринке эмоция, я сама растерялась, и заготовленное заранее начало разговора вылетело у меня из головы. Вместо этого я лишь неловко спросила:

— Как ты?

Яринкины ресницы затрепетали, она бросила на меня быстрый лукавый взгляд, улыбнулась уголками губ.

— Хорошо. Даже очень, — и вдруг глубоко набрав в грудь воздуха, затараторила, — Дайка, ты прости, что я эти дни так мало с тобой виделась и ничего не рассказывала, но мне очень надо было успеть до своего дебюта...

Я думала, что речь пойдёт о репетиции танца или пошиве костюма, но подруга сказала другое:

— Мне надо было подружиться с девушками из Айсберга, чтобы они помогли.

Девушками из Айсберга называли тех, кто работал с самыми дорогими гостями, тех, у кого был постоянник. Обычно он снимал для такой девушки номер на одном из этажей Айсберга, где она и жила, ожидая, когда хозяин явится на остров в очередной раз. Такие привилегированные особы не работали с другими гостями, но, если было желание, танцевали по вечерам или брали дневную подработку. И я понятия не имела, зачем Яринке вдруг понадобилась дружба с "элитой".

Прочитав этот вопрос в моих глазах, подруга пояснила:

— Ну, помнишь, я тебе говорила, что обязательно найду себе постоянника? Не хочется каждую ночь менять мужиков. Так вот, я и подумала, что те, кто его себе уже нашёл, наверняка знают, что надо для этого сделать. Вот и пропадала в Айсберге.

— Как ты там пропадала? Нам же нельзя общаться с гостями до дебюта.

— А с гостями я и не общалась. Я уговорила Гаспаровну, чтобы она разрешила мне смотреть, как выступают перед гостями другие девушки. Ну, вроде, чтобы я училась и не боялась дебюта. Там в гримёрке... это такая комната, где они переодеваются и красятся, — есть монитор на подиум. Чтобы каждая знала, когда ей пора выходить. Вот в него я и смотрела. Но это только для вида, хотя тоже интересно. А на самом деле ждала, когда эти девушки зайдут переодеваться и разговаривала с ними, расспрашивала. Только...

Яринка собрала на лбу знакомую складочку и удручённо вздохнула:

— Ну и стервы же они! Сначала я думала, что просто устают после танца, вот и красятся, а они, похоже, всегда такие. Если и отвечают, то только насмешкой, а смотрят так, что... будто ты вошь перед ними. Гаспаровна сказала не обращать внимания, мол, это здоровая конкуренция. Тем более, у меня скоро дебют, вот злюки и трясутся за своих мужиков, вдруг я им больше понравлюсь? Короче, через несколько ночей я поняла, что помощи ждать глупо, скорее, можно дожидаться, что тебе перед дебютом в волосы жвачки напихают... был, кстати, случай. И решила действовать сама.

— Как? — рассказ меня заинтересовал, но наслаждалась я не этим. Яринка снова была рядом, делилась со мной своими мыслями, а главное — никаких других загадочных подруг у

неё не появилось! Она по-прежнему только моя.

— Ну, для начала стала приглядываться к гостям и думать, с кем же из них будет не слишком противно... ну ты поняла. Вот только они почти все или старые, или толстые, вечно пьяные... В общем, чем больше я их разглядывала, тем больше мне казалось, что Русалкина яма не такое уж плохое место.

Я прикрыла глаза и попыталась представить, что сама смотрю на окружающих мужчин, зная, что вот-вот окажусь наедине с одним из них, чтобы... По коже побежали мурашки отвращения. Тут Яринка права, не видела я на улицах и пляжах Оазиса никого, с кем было бы не омерзительно даже просто поцеловаться, как целовались сегодня на берегу моя подруга и рыжеволосый парень.

— Ярин, слушай, а кто...

— Подожди, — мягко перебила она. — Давай я до конца расскажу, а то потом опять всё из головы вылетит.

Я удивлённо подняла брови. Да уж, что-то не то происходит с Яринкой, никогда она за словом в карман не лезла и не видела трудности в том, чтобы изложить свои мысли.

— Вот этим я и занималась по ночам, понимаешь? Смотрела на гостей, они же постоянно меняются, одни уезжают, другие приезжают. После того, как стало понятно, что на девиц из Айсберга надежды нет, я перебралась на кухню, в ресторан, где сейчас посуду мою. Там меня знают и не гонят. И через окно раздачи подглядывала в зал. Так и заметила Яна.

— Рыжий? — не выдержала я, и у Яринки смешно приоткрылся рот.

— Да... рыжий. А ты откуда...

— Да видела я вас! Сегодня днём, на пляже, — меня понесло. — Ты головой совсем не думаешь? Вы бы ещё посреди улицы обжиматься начали! А если Ирэн узнает?

Яринкина голова нырнула в плечи, она совершенно по-детски шмыгнула носом и затеребила подол короткой юбочки.

— Да, это Ян. Нам надо было поговорить, вот мы и... короче, слушай уже по порядку!

И я стала слушать.

Яринка, несколько ночей подряд внимательно наблюдающая за гостями в их, так сказать, естественных условиях, совсем уж было отчаялась, и её прежняя шальная уверенность в своих силах начала таять перед лицом суровой действительности. Никто не собирался ей помогать, никто не стремился делиться советами о том, как быстро и надёжно заполучить мужчину, который захочет сделать её только своей. И чем больше Яринка смотрела на этих мужчин, тем больше понимала, что и она не хочет становиться приобретением кого-то из них, пусть даже ей удалось путём долгого самовнушения смириться с такой необходимостью. Ей хотелось пусть не полюбить того, кто станет её покупателем, но хотя бы испытывать к нему уважение. А испытывать уважение к тем, кого она еженощно видела в зале и на танцполе ресторана: пьяных, курящих, расхристанных, рыгающих и сорящих вокруг себя объедками, — моя подруга никак не могла. Все они напоминали ей отца: тот же бессмысленно-ленивый взгляд, то же презрительное выражение на лоснящихся лицах, те же грубые голоса. Тот же возраст. А Яринка могла представить себя если не с ровесником, то хотя бы с тем, кто не старше её больше чем на двадцать лет.

Поэтому, когда однажды среди уже знакомых, приевшихся до отвращения морщинистых лиц, она увидела одно юное, то, даже не успев разглядеть его, уже знала — то, что надо! Тот, кто ей нужен. И, как ни странно, но это действительно оказался он. Ян. Молодой,

симпатичный, с такими же, как у самой Яринки, рыжими, чуть вьющимися волосами, такими же зелёными глазами в обрамлении золотистых ресниц, таким же изящным телосложением.

Он и вёл себя по-другому, не похоже на остальных, тех, от скотского поведения которых Яринку уже воротило. Не пил алкоголь, не курил вонючие сигареты, чей дым неизменно висел в воздухе ресторана, начиная с раннего вечера, не пытался шлёпнуть по попам проходящих мимо официанток, не свистел в два пальца, глядя на очередную крутящуюся на подиуме красавицу. И за его столиком было чисто, что среди царящего вокруг свинства выглядело просто чужеродно. А ещё он казался скучающим и даже печальным.

Понаблюдав за удивительным юношей и не обнаружив в нём ни малейшего изъяна, Яринка бросилась к девушке-официантке, которая обслуживала его столик. Девушка оказалась простой, она жила в одном из типовых домиков недалеко от нас, и в ней не было ни грамма той заносчивости, которой отличались девицы Айсберга. Она охотно рассказала моей подруге, что видит этого молодого человека здесь впервые, но он пришёл с одним из постоянных гостей, и есть основания предполагать, что это его сын. Выслушав доброжелательную официантку, Яринка снова прильнула к окну раздачи, украдкой наблюдая за сидящим к ней вполоборота юношей. И именно в эту минуту почувствовала нечто, что она назвала озарением, а я про себя решила, что это было не что иное, как Яринкина версия голоса-без-слов.

Так или иначе, но подруга поняла: сейчас или никогда. Или решиться взять судьбу в свои руки, или сдаться и покорно ждать, когда её выберет одна из старых свиней в мужском облики, недостатка в которых тут никогда не наблюдалось. Она бросилась в гримёрку, нашла на столе чей-то карандаш для бровей, клочок бумаги, нацарапала на нём несколько слов, и вернулась в кухню ресторана, где второй раз поймала добрую официантку.

Услышав, чего от неё хотят, та испугалась и принялась отнекиваться. Однако, то ли Яринка была очень убедительна, то ли девушка действительно попалась понимающая, но после отчаянных уговоров она взяла Яринкину записку. И положила её под салфетку на подносе, который вскоре понесла медноволосому юноше.

— Ничего себе! — я слушала, раскрыв рот. Подруга словно пересказывала мне один из тех романов, что в приюте доставал для нас Дэн: тайные послания, запретная любовь, встречи украдкой... — А что ты написала-то?

Яринка гордо улыбнулась.

— Ну, я подумала, что, если всё откроется, то на семь бед один ответ, и решила писать так, чтобы он не мог не заинтересоваться. И написала: "Только вы можете мне помочь! Ровно в полночь в мужском туалете".

Я недоверчиво вытаращила глаза, а потом начала хохотать.

— В туалете?! Серьёзно? Ну вот, я только на романтику настроилась, а тут... туалет! А как ты туда попала вообще?

— Да проще некуда. Надела халат уборщицы, он всегда в подсобке висит, взяла пакет под мусор и пошла, вроде как прибираться. Никто и внимания не обратил.

— И он пришёл?

— Пришёл, — голос Яринки зазвучал тепло. — Ровно в полночь. И я сказала, что хочу с ним встретиться, чтобы поговорить. Он удивился сначала, даже немного рассердился, но я сделала руки вот так, будто молюсь, и напредила, что рыжий рыжему всегда должен помогать.

Я снова засмеялась, откинувшись на подушку.

— Ага, ему тоже стало смешно, — довольно кивнула Яринка. — И он сказал, что, раз уж волею судьбы мы оба рыжие, то можем увидаться сейчас на улице, там и поговорить. Тут я вспомнила Дэна, как он встречу со скамейкой придумал, и мы договорились, что через пятнадцать минут Ян выйдет из Айсберга и сядет на последнюю скамейку справа от крыльца. Помнишь, там кусты с цветами? Вот я в них и спряталась, прямо за скамейкой. И мы с Яном поговорили.

Решив, что терять нечего, Яринка была откровенна от начала и до конца. Она рассказала новому знакомцу о своём скором дебюте, о том, в каком ужасе она от здешних гостей, о том, что времени почти не осталось и что он единственный здесь, кто ей понравился. Ян внимательно слушал мою подругу, и выражение его лица постепенно менялось с недоумённого на рассерженное. Яринка было струхнула, подумав, что негатив парня направлен на неё, и потерянно умолкла. Однако всё оказалось иначе. Неожиданно Ян ударил по скамейке кулаком и разразился гневной тирадой о гнусности этого заведения, где чистых девочек принуждают торговать собой, делая из них предмет потребления, товар, бесправных рабынь, ломая их жизни и лишая простого женского счастья.

— Представляешь, — ликовала Яринка. — Он так возмущался, что я слова вставить не могла, мне даже просить ни о чём не пришлось. Ян сам сказал, что, пусть не сможет спасти всех, но попробует хотя бы одну — меня. Что это сам господь привёл его сюда как раз тогда, когда мне нужна помощь.

— Господь? — насторожилась я.

— Ага, — Яринка погрузилась, — Ян жутко верующий. Понимаешь, он сын какой-то большой шишки, не знаю, какой именно, но подозреваю, что с политикой связано. Так вот, его отец сюда постоянно ездит, а в этом году Яну исполнилось восемнадцать, он и его притащил. Ян вообще не хотел приезжать, но отец настоял. Ему кажется, что сын не от мира сего, слишком правильный. Отец из него преемника растит, а Ян хочет быть художником, писать иконы, они вечно ругаются.

— А что, у него других детей нет?

— Есть, но девочки, поэтому Ян как бы единственный наследник, а он вон что... Его батя и подумал, что, если они приедут сюда отдохнуть, будут бухать, играть в карты и с девками кувыркаться, то Ян станет нормальным парнем. Яну это совсем не нужно, поэтому он и сидел в ресторане такой весь грустный, ничего не пил и не курил. Представляешь, он вообще не знал, что такие места, как Оазис, на Руси существуют!

Я пожалала плечами. Ничего удивительного, мы, например, тоже не знали.

— Нам-то не положено было знать, — прочла Яринка мою мысль. — Но Ян — сын большого человека, вырос в роскоши, где только не был, и вот... Он вообще странный, если честно. Как будто вчера родился. Я ему рассказываю про приют, про маму, про всё, что здесь... а он глазами лупает, говорит — не может быть...

— Погоди, — нетерпеливо перебила я, — так о чём вы договорились?

— Ах да! — Яринка бесшумно похлопала в ладоши. — Когда будет мой дебют, Ян скажет отцу, что хочет меня купить. Для себя, на постоянку. Его отец так мечтает, чтобы сын мужиком стал, что только обрадуется.

— А денег ему хватит? Аукцион же будет.

— Хватит, — отмахнулась Яринка. — Значит, отец Яна заплатит, мне не придётся работать с другими гостями, а Ян станет ко мне приезжать.

— Просто так? — усомнилась я.

— Ну... нет, — Яринка, кажется, снова застеснялась. — Мы с ним... вроде как теперь пара. Он меня потом отсюда заберёт насовсем, когда долг мой будет выплачен. И женится.

Я вздохнула. Вот уж не думала, что придётся спускаться с небес на землю мою обычно такую трезвомыслящую, даже циничную подругу.

— Ярин, сколько вы уже знакомы?

— Вторая неделя пошла.

— И собрались жениться?

— А что, надо три года ждать? — в Яринкиных глазах заплясали чертенята.

— Пусть не три, но ты же понимаешь, что от слова до дела...

Продолжить я не успела, потому что подруга расхохоталась, хлопая меня по коленке.

— Ой, Дайка, видела бы ты себя сейчас! Успокойся, я не дура. Это Ян дурак, втюрился, представляешь? Мне только подыгрывать остаётся.

Я перевела дух. Уже легче. Только...

— Но я видела, как вы на пляже целовались.

— Ну, целовались, ну и что? — отмахнулась Яринка. — Мне же надо поддерживать его интерес, чтобы он не передумал.

— А потом? — на этот раз застеснялась я. — Ты будешь с ним... вместе спать?

Яринка равнодушно пожала плечами.

— Если он захочет, буду. Я ведь уже говорила, что не собираюсь всю жизнь оставаться девственницей. А Ян симпатичный, молодой, милый, уж всяко лучше любого, кого я здесь до сих пор видела.

С этим я не могла не согласиться, но не верила слишком беспечному Яринкиному тону.

— И ты даже не спрашивала его об этом?

— Нет, конечно! Как я спрошу? Он же весь такой правильный, ещё обидится. Может, ему вообще захочется только после свадьбы?

— Так ты и замуж за него пойдёшь, если вправду позовёт?

Яринкино лицо стало тревожным.

— Так далеко я не думала. Не знаю.

Я тоже не знала. Мне было радостно за Яринку, за то, что у неё появился шанс избежать участи большинства местных девушек — быть купленной человеком, к которому не чувствуешь ничего, кроме отвращения. Я гордилась ею, потому что она сумела найти выход, ухватить судьбу за шкурку и развернуть туда, куда хотелось ей, а не Ирэн, или кому-нибудь ещё. Но я до сих пор видела перед мысленным взором, как там, на пляже, ветер треплет и переплетает друг с другом одинаковые рыжие пряди, как сцепляются в замок загорелые руки, как губы прижимаются к губам. Да, Яринка не завела в Оазисе приятельниц, но, кажется, теперь у меня появился куда более серьёзный соперник. Я слишком хорошо знаю свою подругу, чтобы сейчас обмануться её деланным равнодушием.

— Сколько раз вы уже встречались?

— Да почти каждую ночь. Ян приходит на ту скамейку, я его уже жду в кустах. В ресторане думают, что я ушла в номер, спать. Ян садится на скамейку, а когда убедится, что вокруг никого нет, лезет ко мне в кусты. Нас не видно, туда даже фонарь почти не достаёт. Вот мы в этих кустах и сидим, — Яринка тихонько засмеялась, — Ян с собой из ресторана всяких вкусняшек приносит, кормит меня, разговариваем обо всём. А на пляже мы сегодня первый раз встретились, вчера он просто сказал, что будет здесь, и я решила подойти.

— Балда! А если бы вас увидели? Потерпеть не можете, немного же осталось!

Яринка виновато потупилась.

— А я-то что? Это он хочет.

Что-то здесь не клеилось. Что-то не сходилось. Судя по словам Яринки, Ян был скромнягой и идеалистом, но тут же он, рискуя благополучием своей новоявленной возлюбленной, искал с ней тайных встреч, чтобы обжиматься чуть ли не на виду у всего острова.

Под моим подозрительным взглядом Яринка нервно заёрзала, и, чем дольше я на неё смотрела, тем розовее становились щёки моей подруги. Думаю, мне бы удалось припереть её к стенке несколькими вопросами, но я не стала этого делать. Отвела глаза в сторону и сменила тему:

— Ну а с твоим дебютом-то что? Костюм уже готов?

Яринкин дебют состоялся, как и планировалось, на Рождество, и подруга готовилась к нему так, словно это был её личный праздник, а не презентация нового товара, которым она отныне становилась. Мне хотелось думать, что это скорее защитная реакция, попытка обмануть саму себя, но никак не искренняя радость. Радоваться было нечему. И я не выразила никаких восторгов, когда за день до Рождества Яринка прибежала к нам в номер и сообщила, что я, даже не будучи вхожей в Айсберг, тоже могу увидеть её дебют. Что Алла разрешила мне прийти в кухню ресторана и через окно раздачи посмотреть, как она, Яростная Ярина, будет танцевать в зале, на подиуме.

В первую минуту я хотела отказаться, понимая, что мне будет горько видеть, как подруга прилюдно раздевается, вынужденная со всех сторон демонстрировать себя потенциальным покупателям. Но потом подумала, что должна быть рядом. Неважно, действительно ли Яринка радуется предстоящему выступлению, или это упрямое желание показать, что ей всё нипочём, но я буду там, чтобы поддержать её.

Алла не только разрешила мне прийти в фешенебельный ресторан Айсберга, но и сама лично привела меня туда. Разумеется, не предполагалось, что я стану несколько часов подряд только пялиться в зал, поэтому большую часть времени я чем могла помогала поварам, благо, заказов в ночь рождественского торжества хватало.

Ресторан блистал. Зря я переживала об отсутствии в Оазисе снега и прочей новогодней атрибутики. Здесь были и наряженная ёлка, сверкающая игрушками, и искусственные снежинки, время от времени начинающие парить в воздухе, и бесчисленные гирлянды, мигающие со стен и потолка. Официантки носились между столиками в костюмах, напоминающих наряд снегурочки, только в очень облегчённом варианте, оставляющем голыми их ноги и животы. Небольшой оркестр, пристроившийся с краю подиума, без устали исполнял новогодние мелодии, танцовщицы сменяли одна другую, ведущий что-то истерично вопил в микрофон.

Всё это так не походило на тихое уютное кафе, в котором я привыкла работать, что мне расхотелось лишний раз даже приближаться к окошку в зал. И, чтобы заставить время идти быстрее, я сосредоточилась на мытье посуды, стараясь не слышать гремящей с танцпола музыки и нетрезвых выкриков.

Яринкино выступление было торжественно запланировано на время сразу после полуночи, когда в зале должно собраться максимальное количество гостей. Оно и собралось. Время от времени выглядывая в окно раздачи, я уже плохо что-либо различала в клубах

кальянного и сигаретного дыма, в порхании искусственных снежинок, но то, что все столики уже заняты, можно было понять по духоте и ровному гулу множества голосов. Официантки сбились с ног и бегали с подносами, как ошпаренные, повара выражались нехорошими словами, их руки с ножами и поварёшками двигались так быстро, что, казалось, размывались в воздухе.

В общем, мне, любящей тишину и уединение, всё это показалось преддверием ада, и я твёрдо решила до последнего отнекиваться от работы в Айсберге, если когда-нибудь мне поступит такое предложение.

В полночь грянул апофеоз безумия. На улице с треском начали рваться фейерверки, и вся пьяная публика повалила наружу, чуть не растоптав у дверей охранника. Пользуясь временным затишьем, официантки судорожно кинулись собирать со столов пустые тарелки, уборщицы набросились на разлитое по полу шампанское и раскиданный мусор, музыканты позволили себе небольшую передышку, обессиленно присев на блестящий подиум рядом со своими инструментами. А я невольно вспомнила прошлое Рождество, нашу уютскую церковь полную просветлённых лиц, мерцанье множества свечей, раскатистый бас батюшки Афанасия, читающего молебен, и свой собственный тонкий голос, вторящий ему, вплетающийся в общий хор. Вспомнила — и в который уже раз подивилась превратностям судьбы, так неузнаваемо изменившей мою жизнь за последнее время.

Когда салют отгремел и отсверкал в чёрном южном небе и зал ресторана снова наполнился народом, музыка не зазвучала. Вместо неё на подиуме в одиноком луче света возник ведущий с самым торжественным видом.

— Милые судари-и-и! — взвыл он, на мой взгляд, весьма придурковатым голосом. — Дорогие наши гости-и-и! Сегодня большой праздник, а что мы делаем по большим праздника-а-ам?!

Зал ответил дружным рёвом и свистом.

— Правильно-о-о-о! — зашёлся визгом ведущий. — По праздникам мы представляем вам новых цыпочек! Новеньких наших девочек! И сегодня-а-а! В эту холодную рождественскую но-о-очь! Я имею честь дать вам шанс согреться-а-а! Согреться в языках пламени нашей юной красотки-и-и! Горячей, яркой, огненной, во всех смыслах этого слова-а-а! Встречайте! Яростная Ярина-а-а!

Последний безумный вопль утонул в приветственном грохоте оваций. Одинокий луч погас, исчез вместе с ведущим, и в наступившей на миг темноте по углам подиума взметнулись вверх четыре алых фонтана искр. Ударил резкий музыкальный аккорд, вспыхнули гирлянды под потолком. И на пустое пространство перед блестящим шестом стремительно и мягко выметнулась Яринка.

Признаться, в первую секунду я даже не поняла, кто это. И не потому, что подруга в своём оранжевом, под цвет волос, костюме, с искусно наложенным вызывающим макияжем, на высоких игольно-острых шпильках, сильно изменилась внешне. Свою Яринку я бы узнала в любом наряде, под любым гримом, но в том-то и дело, что сейчас это была не она. Другой взгляд, другая пластика движений, другое выражение лица. Невероятно красивая, холодно-надменная, ставшая вдруг словно старше на несколько лет, отрешённая от всего — такой подругу я ещё не видела.

Она замерла на несколько секунд, вскинув подбородок и отведя назад вытянутые руки, давая всем присутствующим рассмотреть себя, но сама не глядя ни на кого. Потом тряхнула головой так, что рыжая грива волос с вплетёнными в неё золотыми нитями взмыла в воздух и

опала подобно языку пламени. И начала танцевать.

Я ничегошеньки не понимаю в танцах. Не знаю ни их названий, ни правил, ни тем более критериев, по которым эти самые танцы можно оценивать. Но то, что делала сейчас Яринка, несомненно, было искусством. Я не улавливала каких-то отдельных её движений, прыжков, поворотов, наклонов, их словно и не было. Вместо этого на подиуме, среди шипящих алых искр, под быструю, но мелодичную музыку, порхала и билась огненно-рыжая бабочка. Трепетная, нежная, до жути хрупкая, невыносимо прекрасная. И в зале стояла тишина. Никто не свистел, не подвывал, не ухал, как это было на протяжении всего вечера во время выступления других девушек, никто, казалось, даже не дышал.

Бабочка кружилась и, словно опалённая собственным огнём, теряла рыжие крылья. Яринка раздевалась. Сначала на полу оказались длинные расклешённые рукава, потом обтягивающий топик, а последней ей под ноги упала короткая юбочка, вся в алых, словно тлеющие угли, стразах. И остались на моей подруге лишь золотистые туфли на шпильках да несколько таких же золотистых полосок ткани: поперёк груди, на бёдрах, наискось через живот. Яринка ухватила рукой за шест, подпрыгнула, стремительно закружилась вокруг него, так, что волосы, словно не желая мириться с наготой хозяйки, окутали её, одели в себя.

А потом всё кончилось. Музыка поднялась до оглушительного крещендо, столбы искр с шипением взвились выше человеческого роста, Яринка отпустила шест и, продолжая кружиться, оказалась на краю подиума, где снова замерла с гордо поднятой головой, отведёнными назад руками, вздымающейся грудью, едва прикрытой золотистой лентой... И наступила тишина.

Сколько она длилась, не знаю. Наверное, недолго: я даже не успела забеспокоиться, — а последовавший за ней гром аплодисментов напомнил мне рёв волн, разбивающихся о камни Русалкиной ямы. И тут уже было всё: свист, крики, улюлюканье, чмоканье и подвывание. На подиум к Яринкиным ногам полетели монеты, купюры, цветы, кто-то тянул руки, пытаясь прикоснуться к её ногам, кто-то выстреливал вверх пробками от шампанского...

А Яринка стояла над всем этим, почти обнажённая, растрёпанная, запыхавшаяся и абсолютно недостижимая для той грязи, которой я боялась, когда думала о её предстоящем дебюте. Стояла, по-прежнему не глядя ни на кого из присутствующих в зале, надменно вздёрнув подбородок, вытянувшись вверх, словно собираясь улететь.

И была она здесь и сейчас не товаром, не выставленной на продажу вещью, а истинной королевой, покорительницей умов и сердец всех присутствующих.

Глава 10.

Бурхаев.

— Ярина, чего такая кислая? — спросила за обеденным столом Ася. — Ты же рекорды скоро бить начнёшь. Радоваться надо!

Подруга выдавила улыбку, которую действительно нельзя было назвать иначе, чем кислой.

С Рождества прошло три дня, и ставки на аукционе, открытом сразу после Яринкиного дебюта, неуклонно ползли вверх, обрастая нулями. Сам аукцион чем-то напомнил мне приютское посвящение в невесты. Новенькую так же фотографировали, так же выкладывали на сайт, демонстрируя желающим. Только вместо строгого анфас-профиль-школьная форма были студийные фото в откровенных нарядах и провоцирующих позах. Впрочем, с фотосессии Яринка вернулась довольной и удивлённо шепнула мне, что даже не

подозревала, какой, оказывается, может быть красивой. Я только улыбнулась: после её блистательной премьеры в Айсберге в красоте подруги вряд ли кто-то смог бы усомниться.

А поскольку дебют Яростной Ярины произвёл фурор, то и торги затянулись. По правилам аукциона, обладателем лота становился тот, чью цену не смогли перебить в течение суток, но, судя по тому, как часто обновлялись предложения, в ближайшие дни этого не должно было случиться. Уже сейчас последняя ставка за Яринку была больше, чем конечная цена за большинство девушек Оазиса, что вызвало некоторое напряжение даже в нашем, казалось бы, таком дружном кругу.

— Это потому, что она рыжая, — обронила Вика, без аппетита помешивая диетическую кашу на воде. — Рыжие — стервы, а мужики любят стерв, хоть и не признаются в этом.

— Тогда уж сразу ведьма, — Яринка насмешливо прищурила зелёные глаза. После дебюта она обрела непоколебимую уверенность в себе и больше не тушевалась перед старшими подругами.

Алла, сидевшая, как обычно, во главе стола, строго сказала:

— Не завидуйте, девки. У Ярины настоящий талант, видели запись, где она танцует? А талант не может не привлекать, его даже самые тупые интуитивно чувствуют, отсюда и такая цена, — она вздохнула и самокритично добавила. — Не всё же сиськами брать.

— Что, она, по ночам танцевать им разве будет? — фыркнула одна из девушек.

— И танцевать в том числе, — не смутилась Алла. — Бросьте, девчонки. Вот увидите, Ярина ещё станет лучшей танцовщицей Оазиса. Если, конечно, её постоянник разрешит ей танцевать.

— Если ещё будет постоянник, — опять буркнул кто-то.

— Будет, — заверила Вика. — Такую цену, какую уже сейчас за неё дают, за одну ночь не выкладывают. Ещё раз говорю: не завидуйте, нехорошо это.

— Да и завидовать нечему, — с притворным сочувствием вздохнула Катерина, обычно молчаливая девица с россыпью чёрно-синих косичек. — Вы же догадываетесь, кто за неё борется?

— Кто? — встревожилась Ася, даже отставила в сторону недопитый сок. — Ты хочешь сказать...

— Ну да, — Катерина брезгливо потрясла своими косичками. — Кто у нас всех целок перекушает?

— Кто? — спросила уже я.

Алла успокаивающе тронула Яринку за плечо.

— Катя преувеличивает. Да, есть тут завсегдатаи, любители совсем юных девочек, стараются обычно не пропускать, но твоя цена уже за пределами их возможностей.

Яринка чуть заметно улыбнулась уголками губ и бросила на меня лукавый взгляд. Разумеется, только мы здесь знали, что постоянник у неё уже почти есть и беспокоиться не о чём.

Но после обеда, когда мы вдвоём шагали к библиотеке, подруга тревожно сказала:

— Я Яна не видела с Рождества.

— Но он же участвует в аукционе? — встревожилась и я.

— Конечно, с самого начала. Только ты видела, как цена растёт? Вдруг у него денег не хватит?

— Ты же говорила, что там отец большая шишка и на всё пойдёт, чтобы из сына настоящего мужика сделать?

Яринка вздохнула.

— Да, но на такую сумму мы не рассчитывали. Что-то я начинаю бояться...

Боялась Яринка зря. Всё закончилось через пять дней, когда стоимость лота достигла небывалой высоты, и наши соседки затруднились вспомнить, кто ещё за всю историю Оазиса ушёл с торгов за подобную цену.

Алла нашла Яринку в библиотеке, где мы на пару корпели над английским, и, бесцеремонно прервав занятие, объявила о закрытии аукциона. Я широко раскрыла глаза, Яринка, наоборот, испуганно зажмурилась, даже преподавательница Нина, недовольная вмешательством в свой урок, разом забыла об этом и охнула, опускаясь на стул. Никому не пришлось в голову задавать вопросы, и мы втроём просто пялились на возвышающуюся на пороге Аллу. Та, видимо, ожидала другой реакции, потому что спустя довольно продолжительную паузу укоризненно спросила у моей подруги:

— Тебе не интересно, кто потратил целое состояние на то, чтобы провести с тобой сегодняшнюю ночь?

Яринкино лицо посерело.

— Как? Только ночь?

Алла закатила глаза.

— Ну да, такие деньги за одну ночь? Ты никак зазвездела, мать? Полгода! Тебя купили на ближайшие полгода. Поздравляю с постояльником!

Нина заулыбалась, протянула руку, потрепала Яринку по плечу, тоже пробормотала что-то поздравительное. Но Яринка не сводила расширенных глаз с Аллы, и та, наконец, сжалась.

— Бурхаев, Ярина, Бурхаев тебя купил. Далеко не худший вариант, знаешь ли.

Я не знала фамилии Яна, и слова Аллы мне ничего не сказали, но по тому, как облегчённо обмякла на своём стуле Яринка, как расслабилось её лицо и потеплели глаза, поняла: всё в порядке.

— Бурхаев, — машинально повторила она. — Да... не худший.

Алла, внимательно наблюдавшая за моей подругой, удивлённо приподняла брови, словно ожидала иной реакции, потом деловито распорядилась:

— Значит, так. На работу сегодня не идёшь. После занятий занимайся чем хочешь, но чтобы к восьми вечера была дома. Я, как старшая, должна подготовить тебя.

— Как подготовить? — спросила я, почему-то эти слова показались зловещими.

— Обычно. Накрасить, надушить, нарядить, чтобы к покупателю наша красавица явилась при всём параде. Ну и дам несколько советов лично от себя, девчонки, думаю, тоже в стороне не останутся. Ух, как я волновалась, когда первый раз шла к гостю, — Алла ностальгически вздохнула, — а ведь до этого замужем была. Но ты не бойся, все мы через такое проходим рано или поздно, потом смеяться будешь.

Но Яринка и сейчас выглядела так, словно готова смеяться. И я её понимала. Даже меня затаившийся аукцион держал в напряжении, что уж говорить о подруге, чью судьбу он решал. И теперь, когда стало известно, что Ян всё-таки выполнил задуманное и его не остановили заоблачные ставки, Яринка просто светилась.

Алла, собравшаяся уже уходить, остановилась и снова глянула на неё недоумённо. Потом непонятно сказала:

— Ну и правильно... ну и молодец. Не о чём тут переживать, — и поспешно покинула

библиотеку.

Нина тоже выглядела слегка озадаченной, на минуту она задумалась о чём-то, решительно тряхнула головой.

— Знаете, что, девочки? Хватит на сегодня английского. Сейчас вы всё равно уже ничего не запомните, так что идите, отдыхайте.

Я обрадовалась. В голове действительно царил сумбур, и уроки были последним, о чём хотелось думать.

— Пойдём на пляж? — предложила Яринка, едва мы перешагнули порог. — Хочу туда, где людей нет.

Пляжи действительно теперь пустовали, даже многочисленные шезлонги с них унесли, а на фоне серого неба и такого же серого моря даже когда-то ярко-жёлтый песок казался тусклым и белёсым.

Мы долго брели вдоль линии прибоя, ни о чём не разговаривая и слушая только шум волн, гонимых на берег холодным ветром. Ветер этот настойчиво трепал Яринкины распущенные волосы и мою лёгкую куртку, без которой я теперь не выходила на улицу. Зима, такая, к которой я привыкла и которую любила, не пришла сюда, но и то, что царило вокруг вместо неё, уже не позволяло легко одеваться.

Мы шли, пока песок не сменился камнями, а впереди не замаячили тёмные глыбы Русалкиной ямы. Здесь, как будто над землёй была проведена невидимая черта, и я, и Яринка одновременно остановились. Я скосила глаза на подругу и с удивлением увидела, что она улыбается, наверное, даже сама того не замечая.

— Тебе не страшно? — сорвалось у меня с языка, прежде чем я успела его прикусить.

— Что? — Яринка словно проснулась. — Страшно?

— Ну, сегодня идти к Яну? Вдруг он захочет...

— А, ты про это, — она небрежно отмахнулась. — Чего бояться-то? Девчонки говорят, что больно может и не быть. А если и будет... уж точно не больнее, чем розги. Зато интересно.

Последнее слово Яринка произнесла неожиданно смягчившимся тоном, и на её губах опять заиграла мягкая полуулыбка.

Укрепляясь в своих подозрениях, я спросила:

— А вы с Яном до сих пор только целовались или что-то ещё?

— Чего? Нет, конечно! Он же такой... даже обнимает меня так, словно я сломаться могу или вдруг исчезну. Только, — Яринка замаялась, потупилась, но всё-таки продолжила. — Когда целуемся, я чувствую, что... в общем, могу и всё остальное. Может, поэтому мне не страшно.

Я грустно вздохнула.

— Вот заберёт он тебя, выйдешь замуж, и что я буду одна делать?

Яринка придала лицу привычное насмешливое выражение.

— Скажешь тоже! Где я, и где замуж? Ян, конечно, хороший, но он для меня временная необходимость. Пока мы с тобой отсюда не убежим, или ещё что-нибудь не случится.

Не скажу, что я поверила её словам, но и тоскливое чувство одиночества, которое охватило меня после принесённой Аллой новости, почти отступило. Отступило бы совсем, не останься на губах моей подруги тень всё той же нежной мечтательной полуулыбки.

Вечером в столовой собрались все обитательницы нашего домика, как и в тот день,

когда мы с Яринкой вернулись от Ирэн после подписания контракта. Правда, на этот раз стол не накрывали и шампанское не пили, всё было строго по делу.

Сначала наши старшие подруги поспорили, во что лучше одеть Яринку, и долго препирались, трясая друг перед другом вытасченными из шкафов нарядами.

— Она девственница! — кричала Ася. — И одежда должна это подчеркнуть, а вы хотите её вырядить, как на подиум!

— А смысл прятать тело, которое все уже видели?! — кипятилась Вика. — Смешно и лицемерно!

Яринка молчала, храня воистину царскую невозмутимость, и лишь иронично шевелила бровями, когда на неё примеряли то один, то другой наряд. Но и она не выдержала, увидев перед собой нечто, похожее на сарафан в пол, вроде тех, что мы надевали в приюте на церковные службы.

— Слушайте, может, я сама выберу? — она решительно отодвинула ворох вещей, успевший вырасти у её ног. — Почему бы мне не надеть костюм, в котором я выступала на дебюте?

На миг наступила тишина, девушки вытаращились на Яринку так, как если бы вдруг заговорил один из предметов мебели, а потом в гостиной поднялась волна негодования. Я не совсем поняла, чем она была вызвана, различила в общем гомоне только слова "вульгарно" и "он тебя в нём уже видел!", что мне, впрочем, ничего не объяснило. Но тут нашла коса на камень: Яринка упёрлась и ни в какую не захотела надевать что-либо другое. После воплей, уговоров и даже угроз присутствующие пришли к компромиссу, и первая часть сборов, наконец, завершилась. Яринка оказалась в топике и юбочке от своего костюма, но расклешённые рукава были единогласно отвергнуты, и вместо них на подругу набросили что-то вроде полупрозрачной кисеи с капюшоном. А обули в высокие, выше колен, сапоги на длинной блестящей молнии. На мой взгляд, всё вместе это выглядело настолько нелепо, что я про себя пожалела Яна, которому предстояло лицезреть подобное в их первую с Яринкой совместную ночь.

Закрыв вопрос одежды, девушки приступили ко второй части торжественных сборов. Алла притащила косметичку размером с небольшой чемодан и, усадив Яринку перед яркой лампой, принялась вдохновлённо рисовать на её лице нечто, отдалённо напоминающее хохлому. Вика отвоёвала руки моей подруги и, положив их перед собой на стол, начала делать маникюр. Ася вооружилась разнокалиберными расчёсками, плойками, гелями и пенками и так рьяно взялась за Яринкины волосы, что та жалобно запросила пощады, но не была услышана. Продолжалось это безумие до темноты, и я не покинула гостиную, время от времени оглашавшуюся новыми горячими спорами, лишь из жалости к Яринке, которая осталась бы в таком случае без моей молчаливой поддержки.

Когда мою уставшую подругу, похожую теперь на одного из павлинов, что бродили летом по улицам Оазиса, наконец, оставили в покое, лицо её было опарашенным и изнеможенным. Чуть ли не бегом она кинулась на второй этаж, в наш номер, сопровождаемая напутствиями, советами и пожеланиями удачи. А там без сил упала на свою кровать, безжалостно сминая тщательно завитые кудри и с таким трудом подобранный наряд.

Шёл десятый час вечера. Мы успели поболтать, сидя рядом на подоконнике, как в старые добрые приютские времена, и глядя на сгущающуюся тьму над морем. Море по ночам страшное. Бескрайняя, чёрная, грозно ворчащая бездна, в которую совсем не хочется

вглядываться. Даже когда в южном небе висит полная, раздувшаяся до безобразия оранжевая луна, бросающая на воду бесконечную мерцающую дорожку, море не становится приятнее. Напротив, в такие ночи светило похоже на одинокий глаз, пытающийся настойчиво проникнуть сквозь толщу тёмной воды и высветить оттуда нечто такое, чему нельзя показываться, что и должно остаться там, в глубине.

Несколько раз Яринка, когда она ещё имела привычку ночевать в номере, а не пропадать в грохочущем музыкой ресторане Айсберга, вызывала меня на улицу после заката. Я стеснялась говорить ей, насколько мне не хочется подходить к краю земли, за которым только холодная вода и прилетающий из темноты ветер, поэтому мы гуляли по пляжу. Но даже моя подруга, не упускающая ни одной возможности лишней раз окунуться в солёные волны, ни разу не порывалась сделать это ночью. Может, ей тоже не нравилась непроницаемая чернота морских глубин, а может, она, как и я, где-то на краю сознания всегда помнила о Русалкиной яме, которая принимала свои жертвы лишь в тёмное время суток.

Сегодня луны не было, зато высыпало без счёта звёзд. Звёзды не отражались в беспокойном море, поэтому существовали как бы отдельно от него, и это меня почему-то успокаивало. Что бы ни происходило в моей жизни, неважно, где я была: в приюте, в тайге, в бескрайних полях вокруг безымянного посёлка, на не отмеченном ни на одной карте острове — звёзды оставались теми же. И мне было приятно, подняв глаза, увидеть привычные контуры созвездий, ухватиться за них, чтобы удержаться на слишком буйной зыби обстоятельств.

Алла постучала в дверь, когда стрелки настенных часов показали пять минут одиннадцатого. Она была строга и деловита, придирчиво оглядела подругу с ног до головы, спросила про самочувствие и велела идти за ней. Я соскочила было с подоконника, пытаюсь увязаться следом, но старшая остановила меня холодным взглядом. И Яринка ушла, виновато оглянувшись через плечо, а я осталась, уверенная, что мне предстоит провести в одиночестве очередную длинную ночь.

Но вышло по-другому.

Ближе к полуночи, когда стало ясно, что ни чтением, ни зубрёжкой английского мне не удастся отвлечь себя от мыслей о Яринке, я выключила свет и устало закрыла глаза, впрочем, ни на секунду не сомневаясь в том, что спать сегодня не буду. Но на удивление почти сразу погрузилась в дремоту и даже начала видеть сон.

Во сне всё было так же, как и наяву, тот же тёмный номер, та же постель, согретая моим телом, тот же мерный шум прибоя за окном, только я здесь была уже не одна. Дверь очень медленно приоткрылась, в неё кто-то заглянул. Раздался еле слышный шорох, чей-то шелестящий не то вздох, не то всхлип. И через порог просочилась тёмная тень, тонким силуэтом замерла на фоне обоев. Это была тень Яринки, поэтому я не испугалась, только удивилась тому, что её тень вернулась одна, без неё.

Тень на цыпочках двинулась вперёд, снова раздался на этот раз, несомненно, всхлип, жалобный, с каким-то кошачьим писком. Я как раз задумалась о том, можно ли спросить у тени про Яринку, когда почувствовала в сухом воздухе номера отчётливый запах мужского одеколона и терпкого табака. Сморщилась, выдохнула... и поняла, что это не сон.

Яринка замерла у своей постели, настороженно глядя в меня. Я тоже уставилась на неё, почему-то не в силах пошевелиться. Внезапное понимание, что всё происходит не во

сне, напугало меня. Как и то, что Яринка в неверном свете фонаря, заглядывающего в окно, действительно походила на тень. Тень самой себя, безмолвную, крадущуюся, бестелесную.

— Ты не спишь? — наконец, спросила подруга, и при звуке её голоса я съёжилась под одеялом: так потерянно и горько он звучал.

— Не сплю, — пришлось прокашляться, чтобы мой собственный голос не подвёл меня. — А ты чего... так рано?

Яринка бесшумно опустилась на кровать, сложила руки на коленях, ссутулила плечи. Она по-прежнему была в своём нелепом наряде, придуманном общими усилиями наших соседок, только полупрозрачная кисея сползла с плеч, а кудри растрепались.

Я потянулась к абажуру на тумбочке, щёлкнула выключателем. Вспыхнувший свет был приглушенным и уютным, совсем не ярким, но Яринка вздрогнула всем телом, закрыла глаза рукой. Теперь стало видно, что молнии на её высоких сапогах застёгнуты лишь до половины, а по телесного цвета колготкам ползут стрелки.

— Ярина? — мой страх усилился, я даже изо всех сил зажмурилась и снова распахнула глаза, пытаюсь увериться, что это всё-таки сон. Подруге сейчас полагалось быть в одном из роскошных номеров Айсберга, со своим Яном, а не сидеть здесь, пряча лицо не то от света, не то от меня. — Ярин, что случилось?

Яринка, наконец, опустила ладонь, прикрывающую глаза и подняла голову. Увидев её опухшее от слёз лицо и размазанный по нему макияж, я уже не удивилась. То, что случилось нечто плохое, было понятно сразу, как только я умудрилась перепутать подругу с её же тенью. Уверившись же в этом окончательно, я вдруг перестала бояться: страх сменился решимостью и здоровой злостью, хоть и не понятно пока, на кого.

— Подожди минутку, — я вылезла из-под одеяла и, как была, в ночнушке и босиком, бросилась за дверь. Оскользываясь на безусловно чистых ступенях, спустилась на первый этаж, не зажигая света, прошла к холодильнику. После секундного раздумья извлекла из него пакет апельсинового сока и брикет полурастаявшего шоколадного мороженого. Любая девочка знает, что лучшее лекарство от всех переживаний — это сладкое. Как бы ни было вокруг всё плохо, стоит почувствовать вкуснятину на языке — и мир потихоньку снова начнёт играть красками.

Вернувшись в номер, я намешала в большой миске мороженого с соком и поставила на тумбочку между своей и Яринкиной кроватью. Подруга не хуже меня знала секрет хорошего настроения, и уговаривать её не пришлось. Минут пять мы молча работали ложками, а, когда сыто отвалились каждая на свою постель, подруга уже начала приобретать телесность, превращаться из зыбкой тени обратно в себя.

— Ты бы переделась, — посоветовала я, невольно морщась от вида её дурацкого наряда, — Неудобно же.

Яринка вскочила и, словно спохватившись, начала торопливо избавляться от одежды, швыряя её прямо на пол. Оставшись в одних трусиках, спросила, не глядя на меня:

— Помнишь, как Алла пришла сказать, что аукцион окончен?

Я опасливо кивнула.

— Мне тогда ещё показалось странным, что и она, и Нина на меня так смотрели... с жалостью.

Я тоже вспомнила настороженные взгляды Аллы, которые она украдкой бросала на Яринку, словно удивлённая её спокойствием.

— Так вот, — не отрывая глаз от стены перед собой, продолжала подруга. — Теперь я

поняла, почему так. Она-то уже знала, кто...

Резко замолчав, Яринка торопливо выхватила из шкафа полотенце и скользнула за дверь. А я осталась ждать её, чувствуя поднимающуюся в душе волну паники.

Догадок о том, что же могло случиться, у меня хватало, одна другой страшнее. Но того, что произошло на самом деле, о чём рассказала мне подруга, вернувшись из душа и уже взяв себя в руки, я всё равно не ожидала.

Яринка не соврала мне днём, сказав, будто не боится предстоящей ночи. С момента прибытия в Оазис она привыкала к мысли о том, что такое рано или поздно произойдёт, и научилась относиться к предстоящему, как к неизбежности. Кроме того, она озаботилась теорией, и за несколько недель до своего дебюта начала читать книги, где так или иначе фигурировали сексуальные отношения, а также расспрашивать об этом взрослых девушек, с которыми танцевала в студии. И со всех сторон выходило, что ничего ужасного её не ждёт. А уж после знакомства с Яном моя подруга почти уверилась, что всё будет хорошо. Потому и предстоящую ночь ждала не со страхом, а с приятным волнением, с каким ждут очереди на жуткий с виду, но безопасный аттракцион.

Когда вечером за ней пришла Алла, Яринка беспокоилась только о том, что слишком ярко накрашена, и скромного по своей натуре Яна это может оттолкнуть. И она решила, что первое, что сделает, переступив порог его номера — пойдёт в ванну и смоет с лица всю косметику.

Первый тревожный звоночек прозвенел, когда они вызвали лифт в холле Айсберга и Алла нажала кнопку последнего этажа. Яринка знала, что там располагаются только пентхаусы, самые дорогие апартаменты Оазиса, как знала и то, что Ян, не любящий излишней роскоши, проживает в скромном стандартном номере. Но она допустила мысль, что ради такого случая — их первой совместной ночи — он мог снять и пентхауз.

Алла привела её к двери, украшенной безвкусными позолоченными вензелями, и, ещё раз придирчиво окинув взглядом, вдруг приобняла.

— Ну, ни пуха. Выпей вина или шампанского, если он предложит, а потом просто расслабься.

И, развернувшись на каблуках, старшая заспешила обратно к лифту.

Яринка несколько раз глубоко вздохнула, хотела постучать, но, вспомнив, что за этими вычурными дверями её ждёт всего лишь Ян, решительно потянула ручку на себя. И за порогом, в широком зеркальном пространстве, её ждал второй тревожный звоночек. Брошенные посреди коридора ботинки. Пусть Яринка была знакома с Яном не так давно, она всё равно не могла представить, чтобы он, такой всегда опрятный, аккуратный во всём, разуваясь, расшвырял свою обувь и оставил валяться там, где об неё может споткнуться любой вошедший. Она замерла, глядя на эти ботинки и чувствуя царящую здесь неприятную смесь запахов: алкоголь, пот, сигаретный дым, — что в её сознании тоже совершенно не вязалось с Яном.

Нерешительно оглянувшись на дверь, моя подруга всё же двинулась вперёд, туда, где в просторной гостиной люкса горел приглушённый свет и бубнил телевизор. Перешагнула через брошенные ботинки, запоздало отметив, что размер их на порядок больше, чем может быть у тонкокостного изящного Яна, и несмело позвала:

— Есть кто-нибудь?

В гостиной что-то шевельнулось, шумно выдохнуло, раздались приближающиеся шаги.

Увидев упавшую на бежевый ковёр широкую тень, Яринка попятилась назад, окончательно уверившись, что заявила к кому угодно, только не к Яну. Так и вышло.

В дверном проёме появился пожилой мужчина. Невысокий, но грузный, с неприятно оплывшим, каким-то бабьим лицом, редкими рыжеватыми бровями и обширной залысиной. На нём был лишь банный халат, еле державшийся небрежным узлом пояса, с трудом сходящегося на выпуклом животе. Мужчина крикнул и опёрся рукой о косяк, разглядывая Яринку масляными глазами.

— З...здравствуйте, — от неожиданности подруга начала заикаться. — Я... я, наверное, ошиблась... не туда зашла... простите.

— А к кому тебе надо? — спросил мужчина неожиданно густым басом, не вяжущимся с его почти женскими чертами лица.

Яринка продолжала отступать к двери, желая как можно быстрее оставить это недоразумение в прошлом, но не ответить посчитала невежливым.

— К Бурхаеву. Он тоже... на этаже.

— Я Бурхаев, — невозмутимо ответил мужчина и шумно почесал красную шею. — А ты, значит, и есть Яростная Ярина? Ну, заходи.

И, не дожидаясь ответа, он вернулся в комнату. А Яринка осталась стоять в полумраке люксовой прихожей, совершенно не понимая, что происходит.

— Мне долго ждать? — спустя минуту подал голос мужчина, и только тогда она сумела двинуться с места.

Осторожно прошла вперёд и в нерешительности остановилась на пороге, не решаясь ступить сапогами на роскошный ковёр. Это была просторная гостиная с горящим камином и огромным мягким диваном перед широкой плазменной панелью. На диване, улыбаясь, полулежал гость люкса, чей халат распахнулся уже почти до неприличия.

— Ну, присаживайся, — он небрежно похлопал ладонью рядом с собой. — Или сразу приляжешь?

Яринка затрясла головой, торопливо забормотала:

— Это какая-то ошибка. Здесь должен был быть человек, который... который заплатил... за меня.

— Я заплатил за тебя, — спокойно ответил мужчина, и улыбка сползла с его лица, сразу сделав его брызгливым.

— Нет, — подруга опять машинально оглянулась на дверь, проверяя, свободны ли пути к отступлению, — За меня заплатил Бурхаев. Ян.

— Я Бурхаев, — так же невозмутимо обронил гость, — А Ян — мой сын. И он никак не мог за тебя заплатить, потому что не заработал ещё ни копейки.

— Отец Яна?! — я прижала ладонь ко рту, думая о том, что мне не хочется слышать продолжение рассказа, и испуганно обшаривая взглядом Яринкины лицо, руки, ноги...

Но подруга уже смыла с лица размазавшуюся косметику, причесала волосы, переделалась и выглядела спокойной.

— Он самый. Хотя никогда бы не подумала. У них с Яном ничего общего. Разве что брови рыжие, да и то не тот цвет. Бедный Ян.

Я была склонна считать, что бедная в этой ситуации только она сама, но сказала другое:

— Так это он купил тебя? Зачем?

— Я тоже сразу это спросила, — недобро усмехнулась Яринка. — Ну, он и объяснил.

— А затем, наглая ты мокрощелка, — всё тем же абсолютно ровным тоном ответил Бурхаев-старший, — что вы, два сопливых шкурёнка, вдруг возомнили себя самыми умными.

Яринка лишь хлопала глазами, безмолвно, как рыба, открывая и закрывая рот. А отец Яна крякнул, медленно поднялся с дивана и, обойдя его, направился прямо к ней. Не найдя в себе силы отступить, моя подруга лишь заворожённо следила за его приближением, как следит кролик за извивами колец удава.

Подойдя вплотную, Бурхаев пренебрежительным жестом растрепал её волосы, потом сжал двумя пальцами подбородок, заставив поднять голову.

— Штукатурки-то намазали, — презрительно скривил он губы, — кудрей навертели, одели как шлюху... Впрочем, ты и есть шлюха.

Яринка, наконец, обрела способность двигаться и попыталась отшатнуться, но Бурхаев одной рукой грубо схватил её за плечо, а другой рванул юбочку, задирая её вверх. Взвизгнув от неожиданности, подруга рванулась в сторону, но от сильного толчка в грудь отлетела к дивану, где и замерла, вцепившись в его спинку.

— Ну и чего ломаешься? — голос гостя не изменился, оставаясь таким же ровным и бесстрастным. — Разве ты не за этим сюда пришла?

— Я пришла к Яну! — выкрикнула Яринка и закусил губу, чувствуя подступающие к горлу рыдания.

— Да? — Бурхаев снова начал приближаться. — И что наплёл тебе мой дурак? Что никаких денег не пожалеет, выкупит тебя отсюда, увезёт и женится? Это он мог.

Яринка попятилась, отступая за диван, не зная, что ответить, чувствуя, как мир рушится вокруг неё.

— А ты и обрадовалась, пройдоха? — наконец-то в голосе Бурхаева-старшего появилась некая эмоциональная окраска, и было это ничем не прикрытым злорадством. — Думала, нашла лоха, которому удастся запудрить мозги? Ну, лоха ты, конечно, нашла, вот только у него есть папа. Очень злой папа, который не позволит, чтобы всякие прощмандовки пудрили ему и без того хрен знает чем засранные мозги! Я что, по-твоему, собственного сына не знаю? Не догадаюсь, откуда у него такая блажь вдруг в башке завелась — какую-то девку купить во что бы то ни стало? Или считаешь, что ваших ночных посиделок в кустах никто не заметил и ничего не понял? Что о себе возомнила, дешёвка?!

Внезапно он подался к Яринке с неожиданной для такой грузной фигуры скоростью. Она метнулась прочь, но в последний момент грубая пятерня ухватила её так тщательно завитые старшими подругами кудри и рванула назад. Не удержав равновесия и, на этот раз, не сдержав слёз, она упала на роскошный ковёр, который оказался неожиданно жёстким и колючим и порвал её коготки.

— Не скажи, — брезгливо бросил Бурхаев, пихнув мою подругу ногой, как ворох тряпья, — прискакала уже. Теперь ты на полгода — моя собственность. Вставай, раздевайся и иди на диван.

Вжавшись в пол и всхлипывая, Яринка смотрела, как отец Яна отходит к сервированному столику, берёт с него прозрачную бутылку с коричневой жидкостью, прикладывает к ней. За его полной фигурой в полумраке прихожей виднелась входная дверь. За дверью — коридор Айсберга и спасительный лифт. Вот только спасительный ли? За считанные секунды, пока хозяин люкса гулко глотал из бутылки, Яринка успела мысленно увидеть, как она вскакивает, бежит мимо вон из номера... Вызывает лифт, жмёт

кнопку первого этажа, мчится через холл, минуя растерянного охранника, всем телом ударяясь о дверь, вырывается наружу, в прохладную звёздную ночь. А что дальше? Куда бежать? Надёжно скрыться на острове можно только в одном месте — в глубоких тёмных водах Русалкиной ямы...

Бурхаев стукнул бутылкой по столу, обтёр губы тыльной стороной ладони, обернулся к ней.

— Чего сопли-то распустила? Ты продавалась, тебя купили, причём купили не на одну ночь, а на постоянку. Радоваться должна. Или правда верила, что мой идиот на тебе женится?

Он усмехнулся, неторопливо пересёк гостиную и, подойдя к Яринке, рывком поставил её на ноги, подтолкнул к дивану.

— Давай, снимай это безобразие. Одевайтесь так, словно боитесь, что кто-то забудет, какие вы шлюхи.

То ли на неё повлияли последние слова Бурхаева, брошенные с бесконечным презрением, то ли вид собственного жалкого и заплаканного отражения, который Яринка краем глаза уловила на зеркальном потолке, — но её страх вдруг сменился отчаянной злостью. Да, этот спесивый сноб купил её. Да, теперь он может сделать с ней всё, что угодно, и никто не придёт на помощь, никто даже не посочувствует. Но её слёз он больше не увидит, как не услышит и ни слова мольбы.

Выпрямив спину, вздёрнув подбородок, словно она опять была на подиуме и собиралась танцевать, Яринка начала раздеваться. На пол полетели сапоги, юбочка, колготки... наконец, сняв кружевные трусики и переступив через них, она подняла голову, спокойно, почти безмятежно встретив взгляд Бурхаева. И на этот раз в нём не было презрения.

— Уже лучше, — наконец вымолвил он после продолжительной паузы, во время которой бесцеремонно разглядывал мою подругу, но так и не заставил её опустить глаза. — А то я уже подумал, что ты обычная безмозглая кукла, возомнившая себя самой умной.

Он подошёл к Яринке вплотную, положил руку на грудь, сжал, ущипнул за сосок. Не дождавшись никакой реакции, одобрительно хмыкнул.

— А ведь, пожалуй, ты мне подойдёшь. Пожалуй, справишься.

Яринка не сочла нужным отреагировать и на этот раз, хотя понимала, что сейчас от неё ждут вопросов. Лишь чуть приподняла брови и переступила ногами на колючем ковре.

Бурхаев медленно обошёл вокруг неё, провёл рукой по ягодицам, скользнул ладонью между ног, ещё раз испытующе взгляделся в лицо и вернулся на диван, прихватив со столика бутылку.

— Значит, так, красавица, — начал он уже другим, деловым тоном, без капли злобы или насмешки, — у тебя есть выбор. Или оправдываешь потраченные мною на тебя деньги по назначению, то есть, я тебя деру в хвост и в гриву, когда сочту нужным. Или тебя дерёт мой сын. Но погоди радоваться, это далеко не всё, что от тебя потребуется. Вы с моим дурнем часто общались?

Отец Яна не сводил с Яринки пристального водянистого взгляда, и от этого ей было более неудобно, чем от собственной наготы, но ответила она сразу и прямо:

— Каждую ночь.

— Угу, — покивал Бурхаев. — То есть, ты его уже достаточно знаешь, чтобы понять, что он не от мира сего?

— Ян очень хороший, — на этот раз Яринка позволила себе чуть повысить голос.

— Для тебя он, конечно, хороший, жениться ведь обещал. Обещал же? Ну вот, это у него бзик такой, стремление спасти сырых и убогих. Ещё под стол пешком ходил, а домой тащил котят да собачат. Но притащить прощмандовку без роду и племени я ему не позволю. Ты для другого сгодишься. Подкати-ка столик ко мне.

Яринка помедлила секунду, но послушалась. Выполнив распоряжение, потянулась было поднять свою разбросанную по полу одежду, но Бурхаев остановил её.

— Э, нет. Не одевайся пока. Вдруг ты выберешь первый вариант, тогда сразу к делу и перейдём. Но сначала дослушай до конца вариант второй. Мой сын время от времени приезжает сюда, трахается с тобой, вы общаетесь и милуетесь, ты изображаешь неземную любовь и непобедимое намерение стать его женой. В общем, твоя цель — быть для Яна очень близким человеком, заставить его полностью доверять тебе. Это ясно?

Яринка кивнула, по-прежнему стоя обнажённой на ковре, но теперь снова начиная бояться. И бояться не самого Бурхаева, а того, что он говорит. А говорил он такое:

— Затем на остров прибываю я, мы с тобой встречаемся, и ты мне рассказываешь всё, чем живёт и дышит мой сын. Он, знаешь ли, меня в последнее время серьёзно беспокоит. Иконописец хренов. Отдалился от семьи, друзья у него непонятные, такие же блаженные чудики, за девками не бегают, красками своими дебильными весь дом зас... Впрочем, это уже не твоё дело. А твоё — запоминать и пересказывать мне, что говорит Ян. Короче, я хочу знать всё, что на уме у моего сына, и мне нужен человек, которому он будет полностью доверять. Ты вроде подходишь.

Яринка замотала головой, чувствуя, как напускная уверенность и равнодушие уступают место отчаянию.

— Я не могу так... Ян любит меня!

Бурхаев-старший заржал, запрокинув голову и хлопая себя по трясущемуся под халатом животу. Отсмеявшись, снова отпил из бутылки и взглянул на мою подругу по-новому, почти благожелательно.

— А ты мне всё больше нравишься. Я-то думал, что шаболда шаболдой, а ты вон в любовь ещё веришь, стучать тебе стыдно. Думаю, сработаемся. Про любовь же я тебе сейчас поясню. Мой сын, как я уже говорил, не от мира сего и с женщинами до сих пор отношений не имел. Я и привёз его сюда затем, чтобы он хоть бабу понюхал, авось мозги на место встанут. А тут ты подвернулась. Но оно и к лучшему получилось, выходит. Так вот, тебе удалось очень удачно с ним познакомиться. В этом, с его точки зрения, логове разврата и порока, к нему вдруг обращается за помощью бедная овечка, которую готовят на заклятие. И овечка весьма недурственна собой. Вот дурак и поплыл, благородным освободителем себя почувствовал. Любовь у него... Любовь эта, милая ты моя дурында, пройдёт очень скоро, когда он начнёт общаться с другими девушками, умными, образованными, из хороших семей. А это я устрою. И постепенно с твоего светлого образа облетит позолота, и предстанешь ты перед ним той, кто есть. Глупой шлюшкой без роду и племени. Думаю, этих самых шести месяцев, за которые я заплатил, как раз на то хватит. Ну, так что, родная? Сотрудничаем?

Глава 11.

Русалка.

Яринка замолчала и уставилась в одну точку, а я воспользовалась этим, чтобы перевести

дух. Разжала кулаки, которые, оказывается, до этого сжимала с такой силой, что пальцы онемели, а ногти впились в ладонь. К счастью, того, чего я боялась больше всего, Яринка не сказала: Бурхаев-старший, при всей своей несомненной гнусности, не изнасиловал её. Если только...

— Так ты согласилась всё ему рассказывать про Яна?

Подруга молчала, и мне опять стало страшно. Нет, не может моя Яринка оказаться настолько неразумной, чтобы не увидеть единственного правильного выбора!

— Ты согласилась или нет?!

Она отрицательно качнула головой, и моё сердце ухнуло в пустоту. Я уже открыла рот, чтобы издать горестный вопль, когда подруга торопливо ответила.

— Не сразу. Не сразу согласилась.

Мой так и не прозвучавший возглас обернулся облегчённым вздохом. И я уже собралась выразить это облегчение в словах, но Яринка вдруг заплакала. Тихо и безнадежно. Я сразу пересела к ней, обняла за плечи, она уткнулась мне в плечо, вздрагивая всем телом. И сразу начала рассказывать, торопясь, взахлёб, спеша выплеснуть накопившуюся боль.

Бурхаев задал вопрос и выжидающе замолчал. Яринка стояла там же, посреди гостиной на ковре, зябко ёжась, и инстинктивно прикрывала руками обнажённую грудь. Она молчала, упрямо глядя в сторону, и повисшая между ними пауза начала угрожающе затягиваться.

— Мне долго ждать? — наконец, подчёркнуто терпеливо осведомился отец Яна, барабанив пальцами по диванному валику.

Яринка не ответила. Согласиться на первый вариант она не могла, на второй — не хотела. И молчание сейчас казалось ей единственным приемлемым вариантом, который, по крайней мере, даст ей чуть-чуть времени, маленькую отсрочку перед неизбежным.

Но Бурхаев не позволил ей воспользоваться этой отсрочкой. Он не стал больше ничего спрашивать, не стал ждать. Вместо этого, раздражённо крикнув, поднялся с дивана, тяжело ступая, подошёл к моей подруге и схватил её за руку.

В первый момент застигнутая врасплох Яринка не сопротивлялась, позволила подтащить себя к дивану, швырнуть на него лицом вниз и, только уткнувшись носом в бархатную обивку и услышав над собой тяжёлое мужское дыхание, отчаянно рванулась, попыталась вскочить. Но сверху на неё уже навалилась сопящая, пахнувшая алкоголем и табаком тяжесть, придавила, обездвижила, грубые руки жадно зашарили по обнажённому телу.

Яринка закричала. Без надежды на чью-то помощь, без желания просить о пощаде, но от непреодолимого отвращения, от несправедливости и безысходности.

— Заткнись, мать твою! — прошипел Бурхаев-старший, с силой вжимая её лицо в диван. — Подумают — пожар...

Лишённая возможности кричать и дышать, Яринка задргала ногами, пытаюсь освободить хотя бы голову, сумеет чуть-чуть повернуться, чтобы ухватить немного воздуха, но Бурхаев навалился сильнее, стиснул в кулаке её волосы. Перед глазами замелькали мутные пятна, пульс уже гремел в ушах, а лёгкие мучительно сжимались, и в мечущемся Яринкином сознании вдруг мелькнула злорадная мысль, что задохнуться сейчас — может, и не худший финал всей истории. Ещё немного потерпеть — и всё кончится, страшное останется позади, она наконец-то обретёт свободу и беспечно полетит прочь между чёрным морем и чёрным небом, оставив ни с чем подонка Бурхаева с его, получается, впустую

потраченными деньгами.

И моя подруга уже почти не сомневалась в таком исходе, когда всё неожиданно кончилось.

Отец Яна отпустил её голову, поднялся на ноги и, как ни в чём не бывало, принялся снова пить из бутылки, а Яринка осталась лежать навзничь, шумно глотая воздух, судорожно царапая ногтями обивку дивана. Потом свернулась калачиком, спрятавшись сама в себя, почти жалея о том, что не успела задохнуться.

— Ну, вот что, — диван прогнулся, Бурхаев сел рядом с Яринкой, но на этот раз не прикоснулся к ней, а его голос снова звучал ровно и бесстрастно. — Дурака поваляли и хватит. Свои условия я тебе озвучил. С тебя одно слово "да" — и можешь выметаться. А попробуешь снова играть в молчанку, я тебе не только сегодня кузькину мать на всю ночь устрою, но и в ближайшие полгода разучишься ноги вместе держать. Я ведь могу тобой и друзей угостить, я щедрый. Так что спрашиваю второй раз, третьего не будет. Сотрудничаем?

Яринка снова замолчала, страдальчески прикусив губу, а я почти простонала, не в силах больше выносить неизвестность:

— Ну? Ты согласилась? Ушла?

Кивок подруги стал лучшей новостью за весь этот сумасшедший день, с души посыпались камни. Я даже позволила себе улыбнуться.

— Молодец, надо было сразу...

Но Яринка уже снова плакала, и пришлось опять обнимать её, и гладить по волосам, и шептать что-то успокаивающее, хоть я и не понимала: над чем она так убивается, если самого страшного не произошло? Конечно, бедняжка перепугана и расстроена, но это были не те слёзы, какими оплакивают уже случившуюся беду, подруга продолжала бояться чего-то в будущем, и бояться настолько сильно, что не могла справиться с этим страхом. Я уже хотела начать мягко расспрашивать, когда Яринка заговорила сама:

— Что мне теперь делать? Он же не отстанет. Он сказал, приедет весной, и я должна буду ему всё про Яна рассказать...

Я пожала плечами.

— Ну и расскажи. Ян — его сын, ему он всё равно ничего плохого не сделает, а с тобой...

Яринка протестующе дёрнулась, высвободилась из моих объятий и непримиримо затрясла головой.

— Ну нет! Если этот старый козёл думает, что запугал меня, то он дурак! Ещё посмотрим... вот я успокоюсь и придумаю, чтобы... такое придумаю!

Я не на шутку встревожилась.

— Ярин, не надо! Он козёл, конечно, ещё какой козёл, но не связывайся! Сделай всё, как он говорит, ведь, если узнает, что ты его за нос водишь, он может... да что угодно! Он тебя купил, и никто ему слова не скажет, если...

Выпалив последние слова, я осеклась от неожиданно пришедшей в голову жуткой мысли. Вдруг не все девушки, нашедшие последний приют в Русалкиной яме, отправились туда добровольно? А что, очень удобно: глубина сразу у берега, груз на шею, толчок в спину — вот тебе сразу и казнь, и похороны.

Умоляюще посмотрев на Яринку, я уже собралась продолжить уговаривать её не делать глупостей, но увидела на её лбу знакомую упрямую складочку и в отчаянии прикрыла глаза.

— Думает, умнее всех... — бормотала подруга уже сама себе. — Думает, все его боятся...

В безнадежной попытке отвлечь её от опасных мыслей я озвучила то, о чём подозревала с той минуты, как увидела на пасмурном пляже две слившиеся в поцелуе огненно-рыжие головы:

— Чего ты вообще так переживешь за этого Яна? Влюбилась?

Яринка сразу вынырнула из своих мыслей, возмущённо вскинулась.

— Ещё чего! Он мне просто нужен сейчас... выгоден!

— Ну-ну, — скептически закивала я, глядя на предательские пятна румянца, вспыхнувшие на бледных щеках подруги. — А он где сейчас? Почему вместо него отец был?

Яринка зло фыркнула:

— Потому что старый хрен его по каким-то делам сплавил на пару дней! Всё рассчитал. Ян завтра придет... точнее, уже сегодня. И я к нему пойду.

— И? — с нажимом спросила я, имея в виду, собирается ли подруга следовать инструкциям Бурхаева-старшего.

Но она, сморгнув последние слёзы, превращаясь в прежнюю Яринку — уверенную и невозмутимую, ровно ответила:

— И сейчас мне надо успеть выспаться. Утро вечера мудренее.

С этим спорить я не стала: сама чувствовала себя донельзя вымотанной этим бесконечным днём. И уснула, несмотря на взвинченные нервы, почти сразу.

Разбудили меня голоса соседок. Вернувшись с работы, Ася и Вика желали знать, как прошла первая Яринкина "брачная" ночь, и ради этого не постеснялись растолкать её. Я не захотела участвовать в разговоре и не подала виду, что проснулась, лишь насторожила уши. Примечательно, что Яринка не растерялась даже спросонок: её голос звучал совершенно беспечно, словно и не было в её жизни вчерашних тяжёлых событий.

Этим беспечным, чуть капризным голосом, она пояснила, что ничего не было, что Бурхаев купил её не для себя, а для своего сына, которого сейчас нет на острове. И что звал только для того, чтобы посмотреть на приобретение вблизи, потому она и вернулась так рано. Что она точно не знает, когда придет её настоящий хозяин, и чтобы её уже оставили в покое и дали поспать. Девушки таким рассказом вполне удовлетворились, видимо, здесь не считалось чем-то удивительным, если мужчина покупал девушку не для себя.

В следующий раз мы увиделись во время обеда, когда я вернулась с работы, но и там нам не дали остаться наедине. Соседки опять поздравляли Яринку, на этот раз — с тем, что постоянник её оказался молодым, что для Оазиса было редкостью. Я внимательно наблюдала за подругой и только удивлялась тому, как хорошо у неё получается изображать радостное оживление. Это даже показалось мне подозрительным и, едва мы вышли за порог, направляясь на занятия, как я спросила, крепко схватив Яринкину ладонь, словно боясь, что она убежит.

— Ну? Что ты надумала? Что делать будешь?

Подруга одарила меня ослепительной улыбкой, и мои подозрения укрепились.

— Нет! — я даже затопала ногами от бессилия. — Нет, не говори мне, что ты собралась воевать с Яновым отцом! Он же тебя в порошок сотрёт, если не станешь ничего рассказывать!

— А кто сказал, что не стану? — Яринка невинно захлопала ресницами, и я отпустила

её руку, чтобы с досады ущипнуть или пихнуть, но она вдруг отскочила в сторону и, хохоча, побежала по дорожке.

Я припустила за ней, впадая в ещё большее недоумение: подруга выглядела... счастливой? После вчерашнего?

Мы с топотом ворвались библиотеку, и ожидающая нас Зоя подпрыгнула от неожиданности, свела брови, но почти сразу удивлённо их подняла.

— Ярина? А ты зачем пришла? Мне сказали, что вчера твой аукцион закрыли.

Мы насторожились.

— Да, закрыли, — осторожно подтвердила Яринка. — А что?

— Ты не знаешь? Твоё обучение закончено. Мы учим девочек, только пока они не работают, тем более, что вы обе и так знаете почти всё.

Тут она была права. Наши занятия только первые месяцы можно было действительно назвать занятиями, изучением чего-то нового каждый день. А чем дальше, тем короче становились уроки и тем чаще мы уже просто повторяли пройденное или болтали со своими преподавательницами, а то и просто читали книги, которые они нам рекомендовали. Пожалуй, только английский ещё предстояло зубрить, а что касается этикета, психологии общения и обольщения, визажа и стилистики, то здесь нам давно уже не подавали новый материал.

Яринка затопталась между стеллажами, несмело спросила:

— А разве нельзя приходить просто так? Вместе с Дайкой? Если мне интересно?

Зоя польщённо улыбнулась.

— Если интересно, то, конечно, приходи. Но теперь это уже полностью твой выбор. Ты, небось, и на работу сегодня собиралась?

— А что, тоже можно не ходить?

— Конечно, можно! Ты теперь обязана делать только то, что скажет твой постоянник, остальное — как пожелаешь.

Избегая моего взгляда, Яринка попятилась к двери.

— Тогда я сегодня, пожалуй, отдохну. Ночь не спала... До свидания!

— До свидания, — кивнула Зоя, а я осталась дура душой торчать посреди библиотеки и лишь мысленно честить подругу, которая так ловко ушла от расспросов.

И ушла, как позже выяснилось, — надолго. Я до позднего вечера сидела в столовой, пытаюсь отвлечься то телевизором, то игрой в приставку, пока глаза не начали слипаться. Подруга не вернулась. В конце концов я поднялась наверх и уснула, измученная ожиданием, а утром первым, что я увидела, открыв глаза, была заправленная и непримятая Яринкина постель.

Начиная беспокоиться уже не на шутку, я высказала свои опасения вернувшейся пораньше с работы Асе, но она лишь посмеялась, сказав, что, учитывая, какой молодой постоянник достался моей подруге, мы теперь не скоро её увидим.

Скоро, не скоро, а явилась Яринка только к вечеру, когда я уже вернулась с занятий и с тоской гадала, придётся ли мне и эту ночь коротать одной. Зато, вопреки своему вчерашнему поведению, она сразу потащила меня прочь из домика, на пустой, начинающий тонуть в сумерках пляж, где можно было поговорить без посторонних ушей.

Я сдерживала досаду, пока мы не ушли к кромке моря, за которым медленно гасло солнце, и не устроились на взятом с собой пледе, брошенном прямо на песок. Только тут я увидела, что Яринка принесла с собой небольшой бумажный пакет, аккуратно поставила

рядом с собой. В другое время я бы обязательно заинтересовалась содержимым пакета, но сейчас меня переполняли эмоции, поэтому я сразу перешла к главному:

— Чёрт тебя подери, ты могла вчера хотя бы предупредить, что не вернёшься?! Я полночи опять уснуть не могла, тебя ждала!

Этот обличающий вопль был заглушен шумом набежавшей на берег волны, из-за чего потерял большую часть вложенного в него праведного гнева. Но Яринка всё равно посмотрела виновато. Опустилась на плед, скрестив ноги, обезоруживающе улыбнулась. Я пока не торопилась садиться, глядела на неё сверху вниз, удивляясь счастливому виду подруги. От этого вида моя злость растворилась, как дождевая капля в морской воде. Я неуклюже плюхнулась рядом с ней, обхватила колени руками.

— Ладно, что там у тебя?

И Яринка, выдержав важную паузу, начала рассказывать. Её сегодняшний рассказ отличался от вчерашнего, как день от ночи. Теперь она не шептала сдавлено, не шмыгала носом, и голос подруги не прерывался от подступающих слёз.

— В общем, — широкая белозубая улыбка засверкала в наступающей тьме, — я ещё вчера придумала, как надо поступить. Точнее, даже не придумала, а оно само пришло откуда-то, будто шепнул кто-то, и я сразу успокоилась. А тебе не сказала, потому что ты стала бы меня отговаривать.

Я лишь кивнула. Наверное, стала бы, ведь, сдаётся мне, подруга всё-таки решила встать на тропу войны с Бурхаевым, иначе не выглядела бы она сейчас такой довольной.

— И вот, когда я ушла с занятий, то сразу пошла к Айсбергу, и там, на нашей скамейке, стала ждать, когда приедет Ян. Долго ждала. Потом увидела, как он поднимается на крыльцо, и побежала к нему. Мы сразу пошли в его номер, обнимались, целовались... Я всё не знала, как лучше начать разговор, но тут он сам что-то почувствовал и спросил у меня: что случилось? Ну, я поотнекивалась для порядка, а потом рассказала про его отца. Даже заплакала немного, но это без притворства, само получилось.

Я похолодела.

— Рассказала? Всё, что было?

— Ага, — Яринка довольно кивнула. — И как он меня раздеться заставил, и как лапал, и как на диване душил. И главное — про то, зачем вообще купил. Что за Яном через меня следить хочет. И даже, как он его дураком и лопухом называл.

— Да ты сама дура! А если Ян теперь с отцом из-за этого поругается, тот же тебя пришибёт!

— Не пришибёт, и не поругается, — Яринка довольно прищурилась на гаснущий над морем закат, — Я же неспроста так долго пропадала. Мы обо всём поговорили и всё решили, я рассказала Яну свой план, и он сказал, что у меня отличная идея.

Яринка замолчала, явно ожидая моих расспросов, но я отвлеклась на море. Показалось, что недалеко от берега среди пологих неспешных волн что-то плеснуло, забелело на миг и исчезло. Рыба?

— Так вот, — Яринка чуть повысила голос, — всё будет тип-топ. Лучше и не придумать!

Поняв, что спросить всё-таки нужно, иначе подруга так и продолжит меня интриговать, я повернулась к ней:

— И что же вы такого придумали, что ты на сутки пропала?

— Ой, — Яринка довольно зажмурилась и от избытка чувств даже подрыгала ногами,

взбивая песок, — я до сих пор не верю, что всё так замечательно сложилось! Ты офигеешь! Сначала мы решили разобраться с Яновым папашей. Ян ничего не будет ему говорить про меня, пусть старый хряк думает, что я его испугалась и...

Тут, сквозь непрерывное Яринкино щебетанье и ровный шорох прибоя, я снова уловила еле слышный всплеск. Повернула лицо к морю, прищурилась, вглядываясь в его безбрежную даль. От заката на горизонте осталась лишь быстро тускнеющая жёлтая полоса, и над головой зажглись первые звёзды. Разглядеть что-либо среди тёмных волн не представлялось возможным, но мне всё-таки показалось, что я различаю некое светлое пятно, вновь мелькнувшее и исчезнувшее метрах в десяти от берега.

— Ты не слушаешь, — прервавшись, обиженно надулась Яринка.

— Слушаю, — поспешно заверила я её, и это было почти правдой: общий смысл того, что говорила подруга, от меня не ускользнул, несмотря на частичную отвлечённость. — Вы решили обмануть Бурхаева. Ты будешь рассказывать ему про Яна то, что вы заранее с ним сами придумаете.

— Точно! — просияла Яринка. — Мы убиваем двух зайцев. Старый хряк думает, что я всё делаю, как он велел, и меня не трогает. А Ян через меня подбрасывает ему ту информацию, какую тот ожидает услышать, а правду мы скрываем! Классно же?

— Классно, — искренне согласилась я, чувствуя облегчение. По крайней мере, Яринка не идёт в открытую конфронтацию с Бурхаевым-старшим, а это уже очень хорошо.

— Так что на ближайшие полгода у нас всё в ажуре. А потом... ой, совсем забыла! — Яринка неожиданно потянулась в сторону и взяла с песка принесённый с собой пакет. — Я же принесла вина, чтобы мы с тобой отметили...

Из пакета появились бутылка, пара одноразовых стаканчиков и кулёк шоколадных конфет. Я невольно подалась назад.

— С каких это пор ты пьёшь?

— Со вчерашних, — охотно отозвалась Яринка. — Мы с Яном пили шампанское в номере.

— Я не хочу!

Да, в Оазисе алкоголем было никого не удивить, запрет на него здесь то ли не распространялся, то ли всё делалось в обход закона, но пили все. Шатающимся, а то и падающим человеком на улице было никого не удивить, наши соседки, даже возвращаясь с работы уже навеселе, вполне могли пропустить по бокалу или рюмочке перед сном. В холодильнике всегда стояли початые бутылки. Но у меня ни разу не возникало желания самой попробовать спиртное. В Маслятах взрослые хоть и позволяли себе брагу, но происходило это по большим праздникам и в малых количествах, а уж о том, чтобы поить ею детей, и речи быть не могло.

— Да брось, — Яринка потрясла бутылкой. — Тут меньше половины, и оно лёгкое, мы даже ничего не почувствуем. Выпить по такому поводу обязательно нужно!

— Да по какому такому поводу? — я повернулась к Яринке и только сейчас поняла, что до сих пор продолжала сидеть лицом к морю, напряжённо вглядываясь в темноту безбрежных вод.

Яринка хитро прищурилась:

— А вот выпьем, тогда и узнаешь.

Обречённо вздохнув, я потянулась за стаканчиком, который подруга успела наполнить, но сделала это вовсе не потому, что сочла её доводы убедительными. Мне хотелось

побыстрее закончить наш разговор и уйти с пляжа. Уйти к уютному свету фонарей и окон, к звукам голосов, к обществу других людей. Близость ночного моря беспокоила меня всё сильнее. Как и негромкий всплеск, снова донёсшийся из темноты.

Яринка стукнула краем своего стаканчика о мой и торжественно произнесла тост.

— За меня! За то, что я сделала это!

Я, уже пригубив вино кончиками губ, помедлила, ожидая продолжения, но его не последовало. Алкоголь оказался на вкус ненамного лучше, чем на запах. Нечто кислое и терпкое, оставляющее на языке назойливое приторное послевкусие. И что люди в нём находят?

Поморщившись, я поставила стаканчик на песок, снова пытливо взгляделась в темноту и поторопила Яринку.

— Так за что мы пили? Что ты сделала?

— Я лишилась девственности, — гордо объявила подруга, тряхнув волосами, как встряхивает гривой своенравная лошадка.

Я помедлила с ответом. Нельзя сказать, что Яринка меня удивила, ведь разве до сих пор не к этому всё шло? Но я не знала, какой реакции она от меня ждёт. Сочувствия или поздравлений? Поэтому всё, что мне пришло в голову, — неловко спросить:

— Э... ну и как?

На этот раз уже Яринка замешкалась, прежде чем ответить, отвела глаза в сторону, словно решая что-то про себя. А потом растерянно пожала плечами.

— Да ты знаешь... никак. Приятно только ласкаться и целоваться, а потом фигня какая-то.

Я поёжилась.

— Больно было?

— Да ну, — Яринка небрежно отмахнулась, — терпимо. Даже не то что бы больно, а внутри неудобно и как будто щиплет. Но Яну понравилось.

— Ещё бы ему не понравилось, — неприязненно отозвалась я, и непорочный образ медноволосого Яна потускнел в моём сознании. — Не ему же терпеть.

— Ты не думай, что это он настоял! — тут же вскинулась Яринка. — Он, наоборот, не хотел, предлагал подождать. Я сама к нему полезла.

А вот тут я удивилась.

— Зачем?!

Яринка брезгливо скривилась.

— Вспомнила его отца потому что. И подумала, что здесь ведь вообще непонятно, что будет завтра. Всего можно ожидать. И что лучше я сделаю это в первый раз с Яном, пока есть возможность, чем потом какой-нибудь старый пердун на меня залезет.

Я обдумала её слова и согласилась с ними. Если уж тебя угораздило влюбиться, как бы подруга не отрицала своей влюблённости в Яна, то надо воспользоваться этим по полной программе. Можно даже сказать, что Яринке здесь повезло куда больше, чем большинству местных девушек. И даже больше, чем девочкам из так называемых приличных семей, которым родители сами выбирают мужа, руководствуясь лишь своими соображениями.

Эта мысль неожиданно принесла мне почти эйфорическое облегчение, и я потянулась к кульку шоколадных конфет, который Яринка положила между нами, но тут со стороны моря снова донёсся всплеск. Но на этот раз громкий, явственный, такой, что его уже нельзя было списать на разыгравшееся воображение.

— Ты слышала? — спросила я Яринку, сдавленным от испуга голосом. — Плещет что-то...

Но подруга посмотрела на меня удивлённо.

— Конечно, плещет, это же море. Ветер дует, вот вода и плещет.

Я собралась уже возразить, что ветер может гнать волны, но не может ударить по воде так, чтобы раздался именно всплеск, но Яринка, вновь наполняя стаканчики вином, затараторила:

— Я же тебе ещё ничего не рассказала. Так вот, ты офигеешь! На чём я остановилась? В общем, ближайшие шесть месяцев мы с Яном можем не беспокоиться. Он будет придумывать, что я должна сказать его отцу, я буду это говорить. Те деньги, которые Оазис получил за меня на аукционе, покрывают чуть меньше половины моего долга. Я буду танцевать и постараюсь тоже выплатить хоть что-то. А Ян попробует убедить отца купить меня ещё на полгода, и, если у него это получится, то я закрою долг, понимаешь?

Я медленно кивнула. Половина долга! Только за аукцион! А я ещё ни на шаг не приблизилась к своей свободе. Ведь мытьём посуды в кафе отрабатываю разве что еду да одежду. И, раз подруга так меня опередила, то...

— Если Ян уговорит отца купить тебя ещё на полгода, — мой голос зазвучал так жалобно, что самой стало противно, — ты уедешь с ним?

— А вот тут самое главное! — Яринка сунула мне в руку наполненный стаканчик, я машинально взяла его. — Ведь в тот момент, как деньги будут уплачены, я стану свободной, а значит, могу идти на все четыре стороны? Но на все четыре я не хочу. А хотим мы с Яном пожениться, когда мне исполнится четырнадцать лет.

— Чего? Да тебя его отец скорее своими руками утопит, чем разрешит сыну...

— погоди ты! — перебила Яринка, — Дослушай сначала. Думаешь, мы тупые совсем, не понимаем? Нам потому и нужно, чтобы старпёр ещё за полгода заплатил. Погасить долг и дождаться моего дня рождения. Потом Ян увезёт меня отсюда и мы поженимся, но так, чтобы никто не знал. А затем... пей, давай! За это тоже надо.

Подруга, не дожидаясь меня, лихо опрокинула свой стаканчик, но я лишь чуть-чуть пригубила вино, показавшееся сейчас даже кислее, чем в первый раз. Торопливо закусила конфетой, ожидая продолжения Яркиного рассказа.

— Так вот, — заговорила она, — После того, как поженимся, мы убежим. Насовсем. Ото всех.

— И куда вы убежите? — спросила я, но за полсекунды до ответа, каким-то образом уже знала, что услышу. Может голос-без-слов шепнул, а может, проявила себя пресловутая женская интуиция.

— На Запад, — ответила Яринка и залпом допила вино. — На Запад.

Опять что-то шумно плеснуло в море, на этот раз, кажется, даже ближе, но я не обратила внимания. Запад. С того момента, как мы с Яринкой оказались в движущемся товарняке и стало ясно, что обратно нам уже не вернуться, я заставляла себя думать и о Дэне, и о *других*, и о своей мечте сбежать в далёкие счастливые страны, как о безвозвратном прошлом. Получалось это у меня не всегда, надежда упрямо теплилась под грузилом здравого смысла, время от времени напоминая о себе во снах, в случайных мыслях, в мимолётных грёзах о лучшей доле. И сейчас подруга двумя простыми словами разбудила её, подняла из почти уже зарытой могилы, вдохнула жизнь.

— На Запад... — шёпотом повторила я, смакуя каждую букву.

— Ну да! — радостно закивала Яринка. — Ян говорит — это реально, если есть деньги. У него есть кое-что. А я накоплю, буду танцевать каждый вечер в Айсберге, а днём мыть посуду или убирать номера, не важно.

Я машинально кивала, только сейчас начиная осознавать, что Яринка, описывая планы на будущее, говорит только о себе и о Яне.

— Ян, оказывается, давно об этом думал, как и мы, представляешь? — Яринка лучилась от счастья, не замечая той бездны отчаяния, в которую я погружалась с каждой следующей её фразой. — Ему многое не нравится здесь. Говорит, сплошное лицемерие. Людям рассказывают о духовных скрепах, о традиционных ценностях, а сами... те, кто во власти, творят беспредел. Все заповеди нарушают, да и вряд ли даже в бога верят, зато заставляют остальных.

Я кивала: хоть я не видела ничего, кроме тайги и приюта, и о том, как живут в городах обычные люди, имела мало представления, но понимала, что Яринка права. И Ян прав.

— Старый мудак, отец Яна, сам у власти, — продолжала подруга, — и Ян с детства на это враньё смотрит, он о Западе давно подумывал. А как сюда приехал да увидел, что здесь женщин продают-покупают, посмотрел на гостей... а это ведь всё не последние люди в стране! Так точно решил, что драпать отсюда надо, пока сам не стал как отец.

— Кстати, странно, что не стал, — осторожно заметила я. — С детства привыкнуть должен был ко всякому такому.

Яринкино лицо мгновенно смягчилось, губы изогнулись в нежной улыбке, ресницы опустились.

— Нет, он не такой. Мне мама говорила — к чистому грязное не пристанет.

Пытаться разубедить её в чём-то я не стала, да и не хотела. Пусть хоть кто-то из нас будет счастлив. А потом... ведь правильно подруга сказала: здесь вообще непонятно, что будет завтра, так не стоит и переживать.

Но Яринка вдруг насупилась, собрала на лбу складочку.

— Вот только мы ещё не решили, как быть с тобой.

— А что со мной? — осторожно спросила я и машинально сложила пальцы крестиком.

— Как выплатить твой долг так же быстро, как мой?

— А мой зачем так быстро выплачивать? — горько вырвалось у меня, и Яринка глянула с возмущением.

— Что значит — зачем? Ты думаешь, я без тебя куда-то поеду?!

Чувствуя, как приятное тепло зарождается где-то под сердцем, я неловко забормотала:

— Так ведь Ян... зачем ему ещё меня с собой тащить? Если не получится мой долг выплатить, вам нельзя оставаться...

— Молчи, — веско оборвала меня Яринка, — Яну я сразу сказала, что без тебя никуда, и он ответил — правильно, нельзя бросать друзей. Я же говорю — он такой... А мы с тобой потом ещё придумаем, откуда деньги взять, время есть. Давай-ка и за это выпьем.

Увидев, что она в третий раз тянется к бутылке, я запротестовала:

— Нет, я больше пить не буду! И так что-то нехорошо становится, голова гудит.

Как ни странно, Яринка не стала настаивать и покладисто кивнула:

— Тогда я сама всё допью. Вчера Ян не разрешил много пить, а мне интересно.

С некоторой тревогой я проследила за тем, как подруга, не отрываясь, осушила свой стаканчик и взялась за мой. И, чтобы как-то притормозить этот пугающий процесс, я

спросила первое, что пришло в голову:

— Что ты чувствуешь, когда любишь Яна?

Яринка удивилась, даже слегка поперхнулась, зато прекратила уничтожать вино.

— Когда люблю? Ты имеешь в виду...

— Нет, нет! — я поспешно замахала руками. — Я про саму любовь. Как это чувствуется? Как ты вообще поняла, что влюбилась?

Яринка прикусила губу, и мне показалось, что сейчас она опять начнёт отнекиваться, но подруга призналась с неожиданной лёгкостью:

— Ты знаешь, иногда мне кажется, что я влюбилась в него сразу, с первого взгляда. Когда увидела за столиком в ресторане. Он такой непохожий на всех был, такой молодой, странный... а вокруг все эти пьяные свиньи хрюкают, и он среди них как ненастоящий, как сон. А разговаривать мы начали, так мне его голос очень понравился, как он говорит, спокойно всегда, негромко. А потом он меня поцеловал. Я раньше думала, как люди целуются — противно же, слюни, наверное, запах изо рта? А с ним не противно, наоборот... глаза сами собой закрываются, и хочется ещё целоваться. Ну, а уже сегодня ночью я совсем пропала. И не из-за того, что мы... переспали, а потому что он — такой же, как я.

Яринка замолчала, неосознанно вытягивая губы трубочкой и мечтательно прищурившись на звёзды. Я тоже ничего не говорила, в надежде, что подруга продолжит рассказывать и, благодаря её рассказу, мне в своё время будет легче распознать любовь.

Но она молча допила остатки вина, смяла пустые стаканчики, собрала в кулёк фантики от съеденных нами конфет и вдруг негромко засмеялась.

— Дайка, у меня голова кружится-а-а... кажется, я пьяная. Ян ругаться будет.

— Ты сейчас в Айсберг пойдёшь? — печально спросила я, предчувствуя ещё одну ночь в пустом номере. — К нему?

— Ага, — Яринка зачем-то поцокала языком. — Он ещё три дня здесь будет, потом рождественские каникулы кончатся, и опять на учёбу. Но обещал приплывать каждые выходные.

Я повеселела. Выходит, ночевать мне одной только по пятницам и субботам, а в другие дни недели мы сможем, как раньше, после ухода старших подруг на работу делить на двоих наш уютный домик. Смотреть телевизор, развалившись на большом диване в столовой, играть в приставку, сидя рядом на полу, не спеша готовить себе ужин и шептаться в темноте перед сном, пока глаза не начнут закрываться. Мммм, красота!

Яринка вдруг неуверенно поднялась на ноги.

— Дайка, пойду-ка я холодной водой умоюсь, а то как-то... — не договорив, она хихикнула и, пританцовывая, направилась к морю. От нас до полосы прибоя было несколько метров, и я с растущей тревогой смотрела, как подруга сокращает это расстояние, высоко поднимая колени и дирижируя руками в такт неслышимой музыке. Чего доброго, ещё плюхнется в одну из волн, полого набегающих на берег.

Но Яринка остановилась строго на границе мокрого и сухого песка. Я ждала, что она сядет на корточки и потянется руками к воде, чтобы зачерпнуть её и брызнуть себе в лицо. Но подруга замерла без движения, чуть расставив в стороны руки, словно в попытке сохранить равновесие, и глядя перед собой.

— Ярин? — окликнула я, а, когда ответа не последовало, хотела позвать громче, но тут из моря, сквозь убаюкивающий шорох прибоя, снова раздался отчётливый всплеск.

Внезапный, неожиданно сильный страх, подбросил меня с места. Я вскочила,

подбежала к замершей Яринке, схватила её за плечо.

— Ты что?!

Яринка медленно обернулась. Рот жалобно приоткрыт, глаза — как два карманных зеркальца с отражением моря и звёзд.

— Дайка...

Я не стала слушать, что она хочет мне сказать, вместо этого решительно потащила подругу прочь, от темноты, от шума волн, от непонятной жути. На ходу подхватила с песка плед, перекинула через плечо.

— Я провожу тебя до Айсберга, твой Ян, наверное, уже заждался, — сердито бросила на ходу.

Яринка не возражала. Она покорно семенила за мной, не пытаясь больше разговаривать. Пока мы по переулкам и лестницам поднимались наверх, к сияющему огнями сердцу Оазиса, я несколько раз пытливо поглядывала не неё и видела, что от недавнего хмельного веселья подруги не осталось и следа. Она выглядела потерянной и напуганной, но сейчас меня это вполне устраивало. Хотелось быстрее остаться одной, чтобы обдумать всё услышанное сегодня.

Уже на крыльце Айсберга, под светом мигающей неоновой вывески, Яринка вдруг остановилась, позвала:

— Дайка...

— Ну? — я недовольно обернулась, сделала шаг назад. — Иди давай, тебе сейчас поспать надо, чтобы...

Но подруга больше не выглядела опьяневшей: глаза её смотрели прямо и серьёзно, губы сжались. Она медленно приблизилась ко мне и тихонько сказала:

— Дайка, нам надо убраться отсюда. Из Оазиса.

— Ну, разумеется, надо, — я недоумённо пожала плечами. — Это давно ясно.

— Нет, ты не поняла, — Яринка понизила голос до шепота. — Убраться надо как можно быстрее. Это по-настоящему плохое место...

И, прежде чем я успела что-то спросить, она шагнула вплотную, приблизила губы к моему уху и выдохнула:

— Я видела русалку.

Меняхватило только на то, чтобы издать нечленораздельный звук. Звук этот был порождён новым испугом, но Яринке, наверное, показалось, что я смеюсь над ней, потому что она торопливо заговорила, взяв меня холодными ладонями за локти.

— Правда, видела! Когда подошла сегодня к морю! Хотела умыться и заметила что-то в воде. Пригляделась, а там, на волнах, голова и плечи девушки... и длинные волосы. Я ещё подумала — неужели какая-то дура полезла купаться в такую холодину? И вот, я на неё смотрю, а она на меня, не двигается совсем, непонятно, как вода её держит. Я уже хотела тебя позвать, а тут она — раз, и нырнула в волну!

Яринка перевела дух, закусила губу, замешкалась, словно сомневаясь, стоит ли продолжать. И решившись, еле слышно добавила:

— Она нырнула, а из волны сразу — большой рыбий хвост. Как ударит по воде...

Глава 12

Дебют.

Так получилось, что после рождественских событий мы зажили на удивление спокойно. Можно сказать — почти счастливо. Я снова обрела надежду, которую могла сколько угодно лелеять в душе, наслаждаясь её брезжащим впереди светом. А Яринка была взаимно влюблена и счастлива уже просто поэтому. Ян, как и обещал, прибывал в Оазис почти каждую пятницу и оставался здесь до вечера воскресенья. На это время Яринка пропадала, но мне хватало общения с ней в остальные дни недели. Именно дни, не ночи. По ночам подруга танцевала в Айсберге, стремясь заработать как можно больше денег для оплаты оставшейся части долга. Ей нравилось танцевать, нравилось ловить на себе восхищённые взгляды, придумывать выкройки для новых костюмов и через Гаспаровну отправлять их в ателье. И в этом она так преуспела, что скоро стала получать заказы от других девушек.

Не знаю, как отнёсся Ян к тому, что его возлюбленная обнажается перед чужими мужчинами, в любом случае, запретить что-то Яринке вряд ли было ему под силу. Она по-прежнему имела бешеный успех у гостей, и не раз они через официанток передавали ей записки с предложениями встретиться где-нибудь в укромном уголке острова для взаимной выгоды. Предложения эти подруга презрительно игнорировала, несмотря на то, что указанные в записках суммы впечатляли. Она любила Яна. Её рассказы о времени, которое они проводили наедине, даже у меня вызывали лёгкую зависть, хоть я по-прежнему не могла представить себя на месте Яринки. И мне совершенно не хотелось даже думать о близости с каким-нибудь мужчиной, тем более, что тут подруга была честна и описывала интимную сторону отношений довольно равнодушно, как что-то, по её словам, "интересненькое, но ничего особенного". Увы, выходило, что все книжки про любовь и неземное наслаждение, обязательно сопутствующее этой любви, лгали.

В отличие от Яринкиной жизни, в моей ничего не изменилось. Днём я по-прежнему мыла посуду в кафе, после обеда шла в библиотеку, где налегала на английский и выбирала книги для чтения, которому и посвящала вечера. Ближе к ночи, когда Яринка уходила танцевать в Айсберг, я проводила время в гостиной за просмотром фильмов, до последнего оттягивая тот момент, когда приходилось подниматься на безлюдный второй этаж. А когда сон начинал одолевать с нешуточной силой и я всё-таки шла в наш пустой номер, то плотно зашторивала оба окна, оставляла гореть лампу на своей тумбочке и с головой забиралась под одеяло, чтобы не слышать рокочущего голоса моря, доносящегося снаружи. Да-да, я, когда-то жившая среди бескрайних диких лесов, чьи глухие ночи никогда не разгонял свет уличных фонарей, теперь стала бояться темноты.

Это началось после того памятного вечера, когда я и Яринка пили вино на тёмном пляже. Позже мы ни разу не говорили о том, что же всё-таки она увидела, когда, захмелев, решила умыться холодной морской водой. Слишком нехорошая это была бы тема, особенно сейчас, когда Яринка вздумала играть с Бурхаевым-старшим, обманывая его и используя в своих целях. И однажды мне уже приснился сон, что это не подруга, а я подхожу ночью к полосе прибоя и вижу среди волн гибкую девичью фигурку с серебристым рыбьим хостом. Фигурка приближается, то скрываясь под водой, то показываясь на поверхности, а потом вдруг поднимает голову, смотрит прямо на меня, и я узнаю Яринку...

Проснувшись после этого сна, я впервые пожалела, что на острове нет церкви. Даже не будучи особо верующей, я бы пошла туда, поставила свечу, свела пальцы крестиком — "Отведи, Господи...". Как бы ни хотелось мне забыть о том случае, о звонком плеске из морской темноты, но не получалось отогнать суеверный страх — что, если нам таким образом было дано грозное предупреждение от кого-то?

Потому и задёргивала я шторы, и оставляла свет на всю ночь, и забиралась с головой под одеяло, лишь бы не думать о том, что от наших окон до тёмной холодной морской бездны всего каких-то два десятка метров...

Но, пожалуй, такие мысли оказались единственным, что омрачало мне последующие три месяца. В течение января и февраля не менялось ничего, даже погода изо дня в день стояла одна и та же, будто замерла на стоп-кадре. Серое небо, такое же серое море, сморщенное невысокой зыбью, и нудные холодные дожди. Зато в марте появилось солнце. Появилось неожиданно и, словно чувствуя себя виноватым за долгое отсутствие, вмиг разогнало смурные тучи, вернуло морю синий цвет, осыпало золотом пляжи, зажгло пальмы, как зелёные факелы. Даже ночи стали другими: уже не страшными, не угрожающими неизвестностью, а ясно-звёздными. Обитатели и гости острова больше не семенили по улочкам, втянув головы в плечи и торопясь под крыши, а вальяжно прогуливались, подставляя бледные лица солнечной ласке.

Но само солнце полюбило Яринку и её Яна. Бурхаев-старший не показывался на острове, мои влюблённые совсем расслабились, гуляли и целовались у всех на виду, и их рыжие головы, блестящие под солнечными лучами, как две начищенные медные монетки, было видно издалека. У Яринки, как обычно весной, на щеках и носу высыпали забавные конопушки, и она не замазывала их тональными кремами и не запудривала пудрами, как советовали наши соседки. Наоборот, пренебрегала даже солнцезащитным кремом, и, на мой взгляд, правильно делала: конопушки ей очень шли.

Ясный март тоже минул почти беззаботно. Возможно, благодаря тёплому климату и разнообразному питанию мой организм окончательно оправился от нанесённых травм, и я не только начала расти, быстро догоняя Яринку, но и почувствовала, наконец, намечающиеся изменения в фигуре. Плоская пока ещё грудь стала невыносимо чувствительна к любым прикосновениям, что создало мне массу неудобств: от невозможности спать на животе до раздражения от слишком плотной одежды.

Но физические неудобства оказались ерундой по сравнению с растущим беспокойством. Ведь вот он почти и пролетел, тот самый спасительный год, за мысли о котором я цеплялась, как за спасательный круг, подписывая контракт с Оазисом. Кое-что, конечно, изменилось, как мы с Яринкой и надеялись, но свободы нам это не принесло. Как долго ещё я смогу просто мыть посуду в кафе?

Уж не знаю, может, и правду говорят, что страх притягивает нежелательные события, или просто время подошло, но не успел солнечный март подойти к концу, как в один из ничем не примечательных дней, ко мне подошла Алла. И сказала:

— После обеда никуда не убегай. Пойдём к Ирэн.

Моё сердце оборвалось в пустоту, но я нашла в себе силы кивнуть с равнодушным видом.

Роскошный кабинет управляющей на этот раз выглядел ещё более вычурно. Я не сразу поняла, в чём дело, и лишь потом разглядела тяжёлые бордовые портьеры, заменившие невзрачные жалюзи на панорамном окне. Но вид за окном не изменился совершенно: то же море, то же небо, та же зелень пальм внизу и коричневые крыши словно игрушечных домов. Это неожиданно удивило меня: ведь прошёл почти год с момента, когда я глядела на этот пейзаж впервые, как могло всё остаться прежним?

Ирэн тоже не изменилась. И встретила меня прежней улыбкой, приветливой, но отнюдь

не дружеской.

— Дайника! Как ты выросла, как похорошела! Чувствуешь себя здоровой?

— Да, сударыня, спасибо, — вежливо отозвалась я, настороженно глядя на неё.

И не зря. Ирэн не стала ходить вокруг да около, сразу заговорила о главном:

— Вот и отлично. Нам пора обдумать твой дебют, хватит тебе быть на побегушках у поваров.

— Мне нравится в кафе... — пискнула я, непонятно, на что надеюсь, но Ирэн только небрежно отмахнулась.

— Да брось, разве это работа?

Она встала из-за стола, приблизилась, приподняла указательным пальцем мой подбородок, нахмурилась придиричливо.

— Хм... шрамы, конечно, зарубцевались, но могло быть и лучше. Разденься-ка.

Я машинально отступила на шаг, и Ирэн нетерпеливо повторила:

— Разденься. Я хочу посмотреть, что у тебя на теле.

Пришлось торопливо стягивать одежду, а потом, стгорая от смущения, топтаться на холодном, гладком как лёд полу. Что поделаешь, я не Яринка и далека от того, чтобы не стесняться своей наготы.

Ирэн медленно обошла вокруг меня, внимательно разглядывая каждый шрам. Особо крупные из них даже потыкала длинным ногтем, отчего я покрылась гусиной кожей. И всё больше мрачнела.

— Одевайся, — наконец бросила она, возвращаясь к столу. — Нет, так дело не пойдёт.

Её последние слова пробудили во мне лёгкую надежду. Как и последующее молчание, которое хранила управляющая, пока я суетливо одевалась, путаясь в рукавах и штанинах. Мне даже удалось набраться смелости, чтобы робко предложить:

— Так, может, я тогда и буду работать в кафе? Или горничной. Я могу много работать, и днём, и вечером, и ночью, если надо.

— Глупая, — беззлобно фыркнула Ирэн. — Тебя не за этим покупали. Видишь ли, выбирая девушек, я, конечно, смотрю и на их внешность, и на другие обстоятельства, но прежде всего слушаю свою интуицию. И в отношении тебя интуиция ясно сказала: брать! Как думаешь, зачем? Уж явно не за тем, чтобы ты тут мусор убирала и унитаза драила. А интуиция меня ещё ни разу не обманывала. Так что не беспокойся, тебя ждёт хорошая карьера, девочка.

Её слова меня совсем не обрадовали, и я выложила последний припрятанный в рукаве туз.

— Но я ещё... у меня ещё месячных нет.

Ирэн не смутилась.

— Тебе ведь вот-вот тринадцать исполнится? Начнутся, никуда не денутся. Подготовка дебюта дело не одной недели, так что время есть. Выглядишь ты, конечно, младше своих лет, но это даже хорошо: любителей девочек именно такого типа у нас хватает. Вот только шрамы, конечно...

На несколько секунд она задумалась, потом решительно сказала:

— Иди-ка ты сейчас в клинику, пусть Ватсон тебя примет и осмотрит. И решит, что можно тут сделать. Пластика, лазер, ему виднее. Ну, иди, чего стоишь?

Сбивчиво попрощавшись, я вышла из кабинета и уныло побрела к лифту. На что ещё надеяться? Разве только на доктора, который скажет, что с моими шрамами ничего нельзя

поделать.

Но он сказал другое.

Когда я торопливо одевалась после второго за день унижительного осмотра и ощупывания, доктор задумчиво произнёс, держась двумя пальцами за свою бородку:

— Можно, конечно, назначить тебе серию лазерной шлифовки, однако, учитывая площадь повреждений, это будет очень долго... и, увы, не принесёт особого результата. Шрамы станут разве что бледнее — и только. Если пластику... опять же, потребуются слишком много операций и столь же много времени на восстановление.

Я возликовала в душе, решив, что мой дебют откладывается на неопределённый срок, но доктор добавил:

— Ладно, ты иди, я Ирэн сам всё объясню. Придумаем что-нибудь.

Это "придумаем" мне совсем не понравилось, хоть я и не понимала, что можно придумать в такой ситуации. Кому я нужна, с ног до головы покрытая уродливыми рубцами, когда тут полон остров красивейших девчонок?

Но оказалось, что придумать всё-таки кое-что можно.

С момента моего визита к Ирэн прошло два дня, и я уже начала расслабляться, когда в перерыве между обедом и библиотекой меня опять поймала Алла и велела идти в клинику. Я не слишком беспокоилась, решив, что доктор всё же решил что-то решать с моим внешним видом. А дело это, как он сам сказал, — долгое.

Но всё оказалось иначе. В процедурной, куда я раньше ходила на перевязки, вместо доктора обнаружилась Ирэн, нервно покачивающая носком изящной туфельки. А с ней — молодой парень столь странного вида, что я замерла на пороге.

— А вот и наша Дайника! — оживлённо воскликнула Ирэн при моём появлении. — Заходи, милая, раздевайся.

Парень любезно кивнул мне. Больше всего он походил на попугая: по крайней мере, это первое, что пришло мне в голову при взгляде на него. Зелёно-жёлтого цвета волосы, непостижимым образом точащие вертикально в форме не то гребня, не то хохолка. Как будто этого было мало, парень украсил себя множеством разноцветных колечек, целыми гроздьями свисавших с его ушей, ноздрей и даже губ. Одежда тоже представляла собой нечто кричаще-яркое, но разглядывать её внимательнее не хотелось, мне хватило уже волос и колечек.

Наверное, на моём лице отобразилось смятение, потому что попугаистый парень улыбнулся и сказал, странно растягивая слова и картавя:

— Хай, бэби, релакс, я не кусаюсь.

— Это и есть Дайника, наш сложный случай, — представила меня Ирэн. — Дайника, э это Бранко, человек, который может нам помочь. Если, конечно, ты наконец изволишь раздеться.

Странное имя парня меня уже не удивило, при такой внешности это казалось естественным. Ошеломлённая этим знакомством, сегодня я даже почти не застеснялась раздеваться.

— О-ля-ля! — воскликнул Бранко, когда я предстала перед ним и Ирэн в костюме Евы. — Бедная бэби! Кто тебя так?!

— Это неважно, — быстро ответила за меня Ирэн. — Так ты возьмёшься?

— Возьмусь ли я?! — Бранко вскочил и быстро забегал вокруг меня, всплёскивая

изящными, как у девушки, руками. — Ирочка, ты спрашиваешь, возьмусь ли я? Это же просто прелесть! Какой простор для творчества! Милая моя, я готов взяться прямо сейчас! Да я...

— Вот сейчас и возмись, — довольно холодно оборвала его восторги Ирэн. — Что тебе для этого нужно?

С видимым трудом парень остановил свою беготню и, загибая длинные наманикюренные пальцы, начал перечислять:

— Мне нужна бумага. Мне нужен карандаш. И мне нужно, чтобы девочка легла и не шевелилась.

Ирэн кивнула и повелительным взглядом указала мне на застеленную белоснежной простыней кушетку. Я подчинилась, хотя из-за неизвестности и странного поведения чудаковатого парня нервничала всё больше. Он тем временем раздобыл на столе писчие принадлежности и двинулся в мою сторону с таким предвкушающим видом, что я невольно съёжилась.

— Бэби, не надо бояться! — тут же воскликнул Бранко, мотая головой так, что его попугайский гребень закачался из стороны в сторону. — Я просто зарисую твои шрамы.

Это мне ничего не объяснило, и я невольно кинула умоляющий взгляд на Ирэн.

Она сжалилась, пододвинула стул вплотную к кушетке и, наклонившись ко мне, начала объяснять, пока Бранко самозабвенно орудовал карандашом.

— Мы с доктором поговорили и решили, что пытаться удалить шрамы с твоей кожи бесполезно, — она сделала паузу и неожиданно подмигнула мне. — Но ведь можно их замаскировать.

Я покосилась на неё удивлённо. Замаскировать? Чем можно замаскировать такие шрамы? Да ещё по всему телу?

Ирэн высокомерно улыбнулась.

— Положись на Бранко и ни о чём не беспокойся.

Услышав эти слова, попугаистый Бранко, не отрывая взгляда от листа бумаги, на миг зажал в губах свой карандаш и освободившейся рукой показал мне странный жест — колечко из большого и указательного пальца. Сам жест мне ничего не сказал, но небрежная уверенность Бранко подкупала, и я действительно перестала беспокоиться.

Моё преображение заняло три дня. В первый день всё ограничилось кушеткой в процедурной, где я по просьбе Бранко переворачивалась то на живот, то на бока, давая ему возможность скрупулёзно перенести на бумагу все свои рубцы. Заняло это порядочное количество времени: даже Ирэн успела куда-то сходить и вернуться, а солнце за окном окрасилось в предзакатный оранжевый цвет. Зато Бранко остался доволен работой, пылал вдохновением и велел мне в обязательном порядке явиться завтра к обеду.

По удачному стечению обстоятельств это была пятница, и к вечеру Яринка убежала в Айсберг, чтобы провести выходные с приехавшим в очередной раз Яном. И увиделись мы только к ночи воскресенья, когда мои метаморфозы уже произошли.

Я ждала возвращения Яринки в столовой, специально надев самую открытую одежду, какая у меня нашлась: тонкую маечку на бретельках и короткие шорты, больше похожие на трусики. Свои обновлённые волосы я также распустила и теперь наслаждалась их щекочущими прикосновениями.

Яринка, по своему обыкновению, ворвалась в дом, подобно конной дивизии, хлопнула

дверью, что-то шумно уронила на пол, громко заговорила ещё из холла:

— Это я! Кто тут есть живой?

Волнуясь и предвкушая реакцию подруги, я поднялась ей навстречу из кресла.

— Дайка, ты? А чего в темноте? — Яринка щёлкнула выключателем, шагнула через порог и замерла, уставившись на меня и смешно хлопая ресницами.

Я подождала несколько секунд, потом приподнялась на цыпочки, медленно повернулась вокруг собственной оси и со скромным торжеством спросила:

— Ну как?

Яринка медленно опустилась на ближайший стул, продолжая моргать, растерянно спросила:

— Это что? Это... как?

— Это креативный гений Ирэн, — хихикнула я и шагнула в прихожую, к большому, от пола до потолка, зеркалу. С удовольствием посмотрела на своё новое отражение.

Шрамов на теле больше не было. Они скрылись под пушистыми сосновыми лапками, ярко-зелёными, прорисованными до мельчайших подробностей, украшенными коричневыми шишечками. Сосновые лапки росли теперь у меня на ногах, руках, спине, шее, закрывали правую сторону лица.

Рядом в зеркале отразилась Яринка. Недоверчиво провела пальцем по моей щеке.

— Дайка... это что, татуировки?

— Не совсем, — отозвалась я, глядя на шевелящиеся в такт моему дыханию сосновые иглы под ключицей. — Это скорее рисунок.

Честно говоря, я и сама не совсем поняла, что это. Бранко пытался объяснить за работой, но я была слишком взволновала чудесным видом сосновых веточек, постепенно скрывающих мои уродливые рубцы, и не запомнила, что он говорил.

— Краска, которая проникает в верхний слой кожи и не смывается, — пояснила я Яринке как смогла, и она этим удовлетворилась. Восхищённо выдохнула:

— Вот это да... Ёлочки как настоящие.

— Это не ёлочки, — ответила я, ласково поглаживая одну из зелёных лапок, словно обнимающую моё худое плечо. — Это сосёнки. Сосновые ветки. Видишь, какие пушистые? Ёлки такими не бывают.

Яринка присела на корточки, провела ладонью по моей ноге, словно не веря своим глазам. Я её понимала: сама до сих пор не могла отделаться от ощущения, что лапки живые, трёхмерные. Бранко оказался не просто мастером своего дела, но гением. Он сумел использовать каждый квадратный сантиметр моих шрамов. Их выпуклости стали шишечками, продолговатые рубцы — ветками, углубления — тёмным пространством между ними.

— Обалдеть. — Яринка выпрямилась, отступила на шаг. — А волосы?

— Волосы сделали в салоне, сегодня, — охотно отозвалась я, слегка потряхивая головой, чтобы Яринке было лучше видно редкие зелёные прядки, тут и там видневшиеся в русой шевелюре. Ирэн решила оставить мне натуральный цвет волос, только выкрасить пёрышками под цвет сосновых веток.

Конечно, это не всё, что сделали парикмахеры. Сначала меня подстригли так, чтобы не было видно разницы между отросшими волосами слева и короткими справа, там, где прошлой весной они были выбриты доктором для удобства перевязки. Получилась стрижка лесенкой, где с одной стороны волосы доставали до середины спины, а с другой — лишь до

плеча. Но переход был такой плавный, что это выглядело естественно, хоть и необычно. После окраски на волосы нанесли некий очень приятно пахнущий состав, оставили на полчаса, а, когда смыли и высушили, я снова не узнала себя. Мои раньше такие невзрачные и словно всегда прилизанные пряди обрели объём и глубину цвета, распушились и засияли. Зелёные пёрышки запутались в русой гриве и, выглядывая оттуда тут и там, перекликались с зелёною сосновых лапок на теле.

— А лицо? Брови? — продолжала расспрашивать Яринка.

Да, с моим лицом в салоне тоже много что делали, но я на тот момент уже так устала, что не следила за этим, закрыла глаза и даже умудрилась вздремнуть, выдерживая маску. Помню, чем-то скоблили кожу, протирали прохладными ватными тампонами, довольно сильно щипало, лицо стало красным, как помидор. Зато потом, посмотревшись в зеркало, я не обнаружила на носу маленьких чёрных точек, а на подбородке — прыщиков. А брови... брови мне покрасили вместе с ресницами, и теперь я являлась обладательницей выразительных глаз под двумя тёмными, вразлёт дугами.

— Дайка, ты просто, — Яринка помотала головой, подыскивая нужное слово, — лесная фея какая-то.

От её последних слов я невольно помрачнела. Нет, моя новая внешность мне очень нравилась, ведь я привыкла быть серой мышью и до сих пор не представляла, что могу стать почти красивой. По крайней мере, вполне симпатичной. Сейчас я, несмотря ни на что, даже чувствовала благодарность к Ирэн. Но вот остальное...

— Мне такую легенду и придумали, — буркнула я, отходя от зеркала. — Вот только не фея, а дикарка.

— Дикарка? — насторожилась подруга, следуя за мной к кухонной стойке, подле которой мы взгромоздились на высокие стулья.

— Ага, — фыркнула я. — Дикая Дайника, как тебе?

Яринка тихонько хихикнула.

— Ну, не круче, чем Яростная Ярина.

Мы невесело посмеялись, и я рассказала остальное.

Придуманная Ирэн легенда обо мне была близка к действительности, но изрядно приукрашена. По новой версии, я не жила ни в каком приюте, а сбежала во время разгрома нашей деревни властями и, благодаря добрым людям, скоро попала сюда. Сосновые лапки на моём теле, зелёные пёрышки в волосах, отсутствие косметики, неумение танцевать, глупое прозвище — всё это должно было создавать образ девочки, недавно прибывшей из глуши, этаким экзотическим штучки, диковинного зверька. Не знаю, как остальным, а самой Ирэн её задумка очень нравилась. Сегодня, когда мой внешний вид был приведён в соответствие с легендой, она даже воскликнула: "Ты — мой самый креативный проект!".

— Значит, ты не танцуешь? — спросила Яринка после недолгого молчания. — Как же так, у тебя не будет дебюта?

— Будет, — ответила я, невольно съёживаясь при мысли о неизбежном, — только я не танцевать буду, а петь.

Это тоже была идея Ирэн. Пока Бранко тщательно выписывал на моём теле каждую иголочку, она не менее тщательно расспрашивала подробности моей прошлой жизни, пытаясь найти что-нибудь, дополняющее придуманный ею для меня образ. И нашла. Когда я мимоходом обмолвилась о том, что была певчей в приютской церкви, управляющая замерла, как кошка над мышью норой, и потребовала подробностей.

— Она попросила спеть что-нибудь, и я спела.

— Что, прямо там спела, на кушетке? — удивилась Яринка.

Да, я спела прямо там, голая, лёжа на медицинской кушетке, чувствуя, как Бранко прохладными кистями касается моей кожи, ёжась от неловкости. Ну, а что оставалось? Не знаю, хватит ли мне когда-нибудь смелости перечить властной управляющей. И спела я не что иное, как Медвежью колыбельную. Просто это первое, что пришло мне в голову. И попало в десятку.

— Ирэн даже в ладоши хлопала, — поведала я Яринке, чьи глаза недоверчиво округлились. — Как девчонка. Сказала, что это будет самым оригинальным дебютом за всю историю Оазиса. Ведущий расскажет с подиума мою легенду, потом я выйду и спою колыбельную. Никаких танцев, никаких раздеваний, просто встану перед микрофоном и спою.

— А костюм? — помолчав, спросила Яринка. — Во что тебя оденут?

— Ещё не знаю. Но что-то под стать остальному, наверное. Ирэн придумает.

— И когда твой дебют?

— Первого мая, — погрустнела я. — Как обычно, приурочат к празднику. Меньше месяца осталось.

— Ну, — Яринка неопределённо повела плечом. — По крайней мере, тебе уже исполнится тринадцать лет.

Тринадцать лет мне исполнилось. Это событие мы отметили в кафе, в том самом, где я каждый день мыла посуду и которое уже почти стало мне вторым домом. Ради такого случая от работы меня освободили и даже разрешили занять столик, благо, гостей в тот день было немного. Пришли Ася, Вика, Алла и, разумеется, Яринка. Скушали торт, любезно купленный моей подругой на щедрые чаевые, которыми мужчины устилали пол под её ногами после каждого выступления в Айсберге. Она же подарила мне планшет, специально к этой дате заказанный с большой земли. Планшет был не чета тем, что выдавала нам администрация приюта. Больше, но тоньше, с кучей установленных приложений и богатой комплектацией.

От радости я тихонько завизжала и чуть не задушила Яринку в объятиях. При ближайшем рассмотрении планшет оказался оснащён функцией звонка, и я, никогда в жизни не имевшая своего телефона, вдруг почувствовала себя причастившейся к чему-то взрослому, к чему-то на уровень выше моей прежней жизни. Использовать планшет для связи, конечно, не получилось бы при всём желании — на острове стояли мощные глушилки, напрочь обрубавшие любой сотовый или радиосигнал. Не знаю, чего больше боялись таинственные владельцы Оазиса: того ли, что одна из девушек свяжется с родными и расскажет о своём местоположении, или того, что под видом гостя на остров проникнет шустрый папарацци в поисках сенсаций, — но причины для беспокойства у них, несомненно, были. Ян рассказал Яринке, что на причале охрана просит гостей сдать им на хранение любую фото— или видеотехнику и обойти это правило не могут даже самые высокопоставленные из них.

Но я всё равно радовалась Яринкиному подарку, пусть и возможность воспользоваться всеми его функциями, включая выход в интернет, которого на острове, разумеется, тоже не было по тем же причинам, могла представиться мне ещё не скоро.

Подарки Аси, Вики, и Аллы оказались куда практичнее. Соседки скинулись и подарили мне деньги в белоснежном конверте. Сумма была невелика, но для меня, никогда не

обладавшей наличностью, это тоже стало значимым событием. Пусть я понятия не имела, на что их можно потратить здесь, но сам факт обладания средствами весьма радовал.

В общем, день выдался замечательным и его даже не смогли омрачить мысли о моём скором дебюте, до которого осталось меньше двух недель. За это время должен был прибыть из ателье заказанный Ирэн костюм, про который я пока знала лишь то, что он будет таким же нестандартным для здешних мест, как и весь мой образ. А уже после этого состоится генеральная репетиция дебюта. Обычные репетиции у меня были каждый день. Теперь вместо занятий в библиотеке я после обеда уходила в ресторан Айсберга, закрытый до вечера, и там, на просторном подиуме, меня ждали одинокий микрофон и компания местных музыкантов. Музыканты уже написали музыку на Медвежью колыбельную, и теперь я, под руководством их солиста, училась правильно петь. Оказывается, петь в микрофон — совсем не то же самое, что на клиросе, под куполом церкви. Но я старалась, и получалось неплохо, судя по удовлетворённому лицу Ирэн, которая иногда заглядывала посмотреть, как идёт подготовка к презентации её "самого креативного проекта".

В тот день, когда костюм наконец прибыл, а до первого мая оставалось меньше трёх суток, и я уже места себе не находила, то впадая в отчаяние, то отгораживаясь от всего сонным равнодушием, Ирэн не поленилась сама прийти в наш домик, чем вызвала нешуточный переполох среди девушек, и велела мне немедленно примерить обновку.

Я послушно примерила и посмотрелась в зеркало.

Сначала мне показалось, что Ирэн принесла старую шелковую наволочку с прорезанными в ней дырами для головы и рук. Это было так неожиданно после блестящих, обтягивающих нарядов, в которых щеголяли на подиуме другие девушки, что я решила, будто управляющая явно переборщила с креативом. Но, чем больше я разглядывала странную вещь, почти неощутимо сидевшую на моих плечах, тем сильнее убеждалась в том, что чего-то более подходящего для меня просто не существовало.

Шёлк костюма был очень лёгким и тонким, цвета серого предрассветного неба, почти в тон моим глазам. Наряд оставлял руки и плечи открытыми, был чуть приталенным, но сидел свободно, и закрывал мои ноги до колен. Точнее, левую ногу до колена, а правую выше середины бедра — подол оказался косым, ассиметричным, что очень удачно гармонировало с моей, теперь такой же ассиметричной, причёской.

И всё. Не было на странном наряде никаких украшений, складок или бантов: ни пояска, ни вышивки. Скользкий, матово блестящий светло-серый шёлк, оттеняющий зелень сосновых лапок на моём незагорелом теле и перекликающийся с серостью глаз. Но всё вместе выглядело это так, будто я появилась на свет в этом одеянии, словно во второй коже.

Ирэн несколько раз обошла вокруг меня, то приближаясь, то отдаляясь, и сказала тоном глубокого удовлетворения:

— Вот это я и называю — вещь к лицу.

Подругам тоже понравился мой образ, они согласились с тем, что ничего похожего в Оазисе ещё не было. Только Ася обеспокоенно предупредила:

— Смотри теперь не сядь в лужу. Ирэн что-то очень активно за тебя взялась: если не оправдаешь её ожиданий — попадёшь в немилость.

Такие слова были последним, что я бы желала услышать за три дня до дебюта, и повергли меня в состояние, близкое к панике. Чтобы хоть как-то отвлечься, я проводила время в Айсберге, с музыкантами. Они не возражали против того, что я тихонько сижу в углу, слушая их игру или разговоры, разрешали рассматривать свои инструменты и даже

играть на синтезаторе. Я не забыла ничего, чему успела научиться у Марфы Никитовны в маленькой комнатке за клиросом, и сейчас более всего жалела об утерянной нотной тетради с моими первыми неуклюжими импровизациями, хоть и понимала, что это был детский лепет.

Генеральная репетиция моего дебюта состоялась накануне его и прошла без сучка без задоринки. Я поднялась на подиум в своём аскетичном наряде (к серому платьицу добавились такие же простенькие сандалии), спела Медвежью колыбельную под аккомпанемент ребят-музыкантов, получила одобрителный кивок Ирэн и почти успокоилась.

Успокоилась, как оказалось, рано.

— Дорогие наши, драгоценные, всегда желанные гости-и-и-и! — вопль ведущего разносился по залу, и мне, притаившейся за дверью, ведущей на подиум, было слышно каждое слово. — Сегодня мы представим вам самую странную малышку, какую вы только встречали-и-и!

Я прижала ладони к ушам и забормотала "ля-ля-ля-ля-ля" — не хотела слышать ложь, которую станет рассказывать обо мне этот напомаженный, истерично завывающий тип. Но его усиленный динамиками голос был таким громким, что я не ушами, но всем телом уловила и "дитя бескрайней тайги!", и "лесная нимфа!", и, конечно же, "Дикая Дайника-а-а-а-а!!!!"

Меня бесцеремонно пихнули в плечо, и, обернувшись, я увидела встревоженную Аллу, которая, как и почти все остальные соседки, пришла поддержать меня.

— Чего ты стоишь, твой выход, иди!

Поняв, что ведущий уже заткнулся и в зале царит выжидающая тишина, я заторопилась на подиум под одинокий луч света, словно отсёкший меня от всего зала, заключивший в сияющий кокон.

Стоя в этом луче, я вцепилась одной рукой в микрофон. Смутно различила в окружающей полутьме множество обращённых ко мне лиц и обмерла от страха, смешанного с острым стыдом и каким-то запоздалым недоумением: как так получилось, что я, Дайка из Маслят, стою сейчас здесь, покрытая шрамами и росписью, одетая в странный наряд, выставленная на продажу?

Остальное запомнилось плохо. Когда словно из ниоткуда зазвучали вступительные аккорды Медвежьей колыбельной, я ухватилась за них, как за то единственное, что могло мне помочь устоять, остаться на месте, не броситься прочь от жадных оценивающих взглядов, словно жуки ползающих по моим обнажённым плечам, ногам, лицу...

Не знаю, хорошо или плохо я пела. К счастью, тело наизусть знало последовательность слов и нот, так что справилось без моего участия. А разум был поглощён всё тем же недоумением, неверием в происходящее, отрицанием его. Была ли виной тому песня или избыток волнения, но память о прежней жизни, о тайге, о родителях вдруг нахлынула на меня, погребая под собой всё остальное. Я пела, а вместо прокуренной полутьмы ресторанного зала видела качающиеся в чистой вышине верхушки вековых сосен, ничем не замутнённую воду безымянной реки, синие сопки у туманного горизонта... Чьё теперь всё это, в каких дальних даях? Почему мне нельзя было остаться там навсегда? Не хочу я этого острова, словно сошедшего с картинки о райских местах, не хочу вкусной еды и красивой одежды, не хочу никакого постоянного с его подачками! И лучше бы мама в ту страшную,

последнюю нашу ночь не держала меня в объятиях до последнего, а оттолкнула в темноту, в таёжную чашу, в неизвестность. Лучше бесконечно бежать навстречу холоду, голоду и диким зверям, чем стоять сейчас здесь, живой приманкой для зверей не диких...

Уже заканчивая последний куплет, я почувствовала, как по лицу текут слёзы, но в попытке сохранить остатки гордости не стала их вытирать, не стала опускать голову. Дебют провален? Наплевать на дебют! Я начала петь, а значит — допою до конца. Дальше будь что будет.

И я допела Колыбельную и осталась на месте, пока не отзвучали последние звуки мелодии. А когда в зале наступила мёртвая тишина, резко развернулась и, не бросив ни единого взгляда на обращённые ко мне лица, зашагала к алой занавеске, отделяющей подиум от подсобных помещений ресторана.

И лишь в конце этого пути меня догнал, оглушил, заставил ошеломлённо обернуться шквал громовых аплодисментов.

Глава 13

Ральф Доннел.

Мой дебют пришёлся по душе не только гостям Оазиса, не ожидавшим ничего подобного, но и персоналу Айсберга. После того, как я покинула подиум, все — от официанток до шеф-повара — так или иначе выразили свой восторг по поводу моего голоса и актёрского таланта, благодаря которому я сумела заплакать в конце, заставив тем самым дрогнуть и их сердца. Я скромно принимала поздравления, улыбалась и кивала, дивясь про себя, как то, что изначально показалось мне полным провалом, неожиданно обернулось удачей.

Не обманулась по поводу моих слёз только Яринка. Когда мы с ней вдвоём по тёмным улочкам Оазиса возвращались домой, она тихонько призналась:

— Я, когда на своём дебюте танцевала, представляла, что потом просто исчезну. Раскручусь на подиуме и растворюсь, так, что только искры на моём месте останутся. Вот бы все охренели... Так представила, что сама в это поверила. Только поэтому смогла не заплакать и не убежать.

Я в очередной раз порадовалась, что мне пришлось не танцевать, а петь. Слёзы во время танца выглядели бы совсем не так уместно, как при исполнении грустной песни.

Вернувшись в домик, я сразу легла спать: и потому, что было уже очень поздно, и потому, что прошлой ночью почти не сомкнула глаз. И, хотя теперь причин для волнения было не меньше, ведь именно сейчас, после дебюта, когда должен начаться аукцион, будет решаться моя судьба, мной овладели равнодушие и странное ледяное спокойствие. Я даже уснула сразу, как только натянула одеяло до подбородка, не увидев никаких снов, буквально отключившись почти до обеда. Спала бы, наверное, и дольше, не разбуди меня Алла.

Открыв глаза и увидев льющийся в окна полуденный солнечный свет, я издала заполошный вопль и чуть не свалилась с кровати, поняв, что опоздала на работу в кафе. Но Алла, смеясь, объявила, что мне больше не нужно мыть посуду, что я переросла этот этап и отныне работаю в Айсберге. Вот она и дала мне поспать подольше перед выходом в ночную смену.

— Выхожу мыть посуду в ресторане Айсберга?

— Да уймись ты уже со своей посудой! — слегка рассердилась Алла. — Ирэн решила,

что из тебя получится неплохая бэк-вокалистка для нашей музыкальной группы, плюс пара сольных номеров. Так что после обеда — на репетицию, а вечером — на работу.

Наверное, старшая думала порадовать меня этой новостью. Оно и понятно, из посудомойки — в солистки самого дорогого ресторана на острове, тут есть чем гордиться. Но я разочаровала её. Вытаращила глаза, натянула одеяло до носа и скороговоркой забормотала:

— Нет, нет, нет, нет, нет,...

Вчерашняя ночь, кажущийся в полутьме огромным зал ресторана, заполненный множеством неясных лиц, чувство незащищённости перед чужими оценивающими взглядами — всё это ожило в моей памяти с пугающей яркостью. Пережить такое снова? И переживать раз за разом, из ночи в ночь? Да я лучше в Русалкину яму!

На лице Аллы отразилась крайняя озадаченность: такой реакции она от меня не ожидала. Старшая растерянно поморгала и вдруг рассмеялась:

— Дайка, ты что, подумала, будто тебе придётся петь с вечера до утра? Ну, чудилка, да кто тебя столько слушать захочет? Ты просто в начале вечера споёшь одну-две песни, а ночь будешь работать официанткой. Это нужно, чтобы быть на виду у гостей, чтобы они помнили про тебя и участвовали в аукционе.

— Яринка не работала официанткой! — глупо зашпорила я, и Алла пояснила, терпеливо, словно разговаривая с дурочкой.

— Яринка танцевала несколько раз в течение ночи, и одна, и с другими девушками, её и так все видели. Но ты не можешь много петь: это всё-таки ресторан, а не концертный зал.

— Но я вообще не хочу... — начала было я, но осеклась под строгим взглядом Аллы, опустила глаза. Надо же, почти забыла, что мои желания здесь никого не интересуют.

— В общем, к часу на репетицию, подберут тебе каких-нибудь песен, — Алла направилась к двери, но у порога обернулась, с сожалением покачала головой. — Не люблю я в чужие дела лезть, но тебе совет дам. Не пускай всё на самотёк. Не становись безвольным товаром. Работа в Айсберге — реальный шанс напрямую общаться с гостями, постараться понравиться кому-то из них. Воротить морду от такой возможности — просто глупо!

Слова Аллы, как ни странно, заставили меня задуматься. Возможно, потому, что перекликались с похожим решением Яринки — не дать никому выбирать себя, выбрать самой! Как она, собственно, и сделала. Я, конечно, прекрасно понимала, что второго Яна для меня не найдётся, но желание бороться до последнего взяло верх. По крайней мере, потом, когда всё это останется позади, я буду вправе сказать, что сделала всё от меня зависящее.

И я пошла на репетицию, не забыв перед этим забежать в своё кафе, попрощаться со старым местом работы, к которому успела привязаться. Здесь меня тоже поздравили с удачным дебютом, пожелали дальнейших успехов и просили заходить в любое время. Я даже чуть не заплакала во второй раз за два дня, видя искреннее сожаление о моём уходе.

Сама репетиция не заняла много времени. Пару простеньких песенок (их музыканты называли почему-то попсовыми, хотя никакой связи с попами, церковью или чем-то, хоть близко вызывающим похожие ассоциации, в них не было) я выучила очень быстро и спела неплохо. После чего меня отпустили домой, готовиться к предстоящей ночи.

— Дайка, если хочешь, я могу взять восьмой столик, — Ася задорно взъерошила свой чуть отросший белобрый ёжик. — А то ты что-то неважно выглядишь.

Неважно? По моим ощущениям, выглядеть я должна была, как старая кляча на

издыхании. Работать официанткой оказалось куда тяжелее, чем думалось со стороны. А учитывая, что мне только-только исполнилось тринадцать лет и весила я меньше сорока килограмм, то беготня с подносами несколько часов кряду вымотала меня в ноль. В своём кафе я ни разу так не уставала, даже когда грязная посуда шла непрерывным потоком.

Конечно, на утомлении сказывался и психологический фактор. Прокуренный зал, полный податых развесёлых гостей, громкая музыка, необходимость держать в уме пожелания и предпочтения сразу нескольких столиков, успевать справляться у поваров о готовности блюд — всё это создавало просто невыносимую для меня атмосферу. Для меня, привыкшей к тихим вечерам и одиноким ночам в нашем пустом домике.

— Возьми, пожалуйста, — ответила я Асе, без сил прислоняясь к косяку. — Ужас, как вы это выдерживаете?

— Привычка, — беспечно отмахнулась Ася, которая сегодня сама напросилась на подработку официанткой. — И чаевые не лишние. Да и гости внимание обращают, запросто можно кого-нибудь на ночь подцепить.

Это я уже знала. Даже форма официанток была создана с расчётом на то, чтобы постоянно напоминать гостям об основной профессии здешних девушек. Коротенькие юбочки, полупрозрачные блузы, оголяющие живот, туфли на шпильках.

— Так ты уйдёшь скоро? — огорчилась я, заметив, как Ася азартно поглядывает в зал через окошко раздачи.

— Если кто-то клюнет — уйду, — кивнула она. — Лучше часок поработать в номере, чем до утра здесь. Ещё и поспать успею.

Я уныло начала складывать на поднос приборы и салфетки, размышляя о том, что буду делать, когда Ася, которая помогала мне по мере сил, уйдёт с кем-нибудь из гостей. Может, прикинуться больной, чтобы отпустили?

— Ты бы тоже клювом не щёлкала, — Ася повернулась ко мне. — Аукцион-то начался, лови момент.

Я вспомнила Аллу, советующую то же самое, и досадливо пожала плечами.

— Да как ловить-то? У меня минутки свободной нет! А от подносов и каблучков спина скоро переломится.

Ася закатила глаза.

— Ты же к столикам подходишь! Вот и смотри на гостей, глазки строй, попой виляй, улыбайся. А если будешь бегать, уткнувшись глазами в пол, кто же за тебя торговаться станет? Так постоянного не найти.

— Да было бы кого искать! — с досадой вырвалось у меня. — Всё толстые пьяные рожи!

— А ты на рожи-то не смотри, — Ася постучала пальцем по лбу, — с лица воды не пить. Мужиков по-другому судят.

Я фыркнула.

— И как их судить, если только рожи видно?

Ася вздохнула и поманила меня пальцем к окошку раздачи.

— Ну, глянь. Вот, например, те гости, которые ещё не стали ничьими постоянниками, но бывают здесь часто. Пятый столик — Уваров. Да, толстоват, зато щедрый и добрый. Девятый столик — Николай и Виктор, в возрасте, но не извращенцы. Второй столик — Пётр Аркадьевич. Это вообще дедушка, зато ему и не надо ничего, девочку покупает, чтобы во сне обнимать. Шестой столик...

Я отвлеклась. Мужчины, которых перечисляла Ася, при всех своих якобы достоинствах не вызывали у меня ничего, кроме отвращения. Желать заполучить кого-то из них в постоянники — увольте. Я посмотрела на электронные часы, мигающие на стене. Второй час ночи. До шести утра ещё почти пять часов! Пять часов бесконечных заказов, пробежек из зала в кухню и обратно, пренебрежительных указаний гостей... Тут мне и смерть найти.

— Четвёртый столик — Ральф Доннел, — сказала Ася, и я встрепенулась.

— Кто?

— Ральф Доннел, — терпеливо повторила Ася, — иностранец. Тоже частый гость здесь, но ничей не постоянник. Имей в виду.

Ральф... я поняла, почему обратила внимание на это имя. Ральфом звали одного из главных героев в тех книжках про любовь, которые достал для нас в приюте Дэн. Давным-давно, целую жизнь назад. Только там фамилия была другая.

— Иностранец? — я, конечно, знала, что заморские гости здесь не редкость, но ещё не общалась ни с одним из них. — Откуда он?

Ася посмотрела на меня строго.

— А вот это не наше дело. Большинство гостей здесь находятся инкогнито, и мы знаем их только по тем именам, которые вписаны в счета. Возможно, они вымышленные. На будущее — никогда не задавай вопросов гостям. О чём захотят, сами расскажут.

Я серьёзно кивнула: совет действительно мог быть полезен. Собралась уже братья за свой поднос, поскольку и так позволила себе длительную передышку, но тут в дверь ворвался Игнат — администратор ресторана — и, увидев меня, воскликнул:

— Вот ты где! Давай-ка, передавай свои заказы другим девочкам и дуй к одиннадцатому столику, там сударь хочет, чтобы ты поделила с ним ужин.

Игнат, вечно занятой, которого я ни разу не видела стоящим на месте дольше пары минут, испарился, едва договорив. А я озадаченно повернулась к Асе, спросить, что всё это значит. Но она опередила меня.

— Ну, вот видишь, как здорово! И попой вилять не пришлось, тебя и так заметили. Иди!

— Разве это можно? — я всё не могла расстаться с подносом. — Я же на работе.

— Это нужно! — Ася выхватила у меня из кармашка блокнот. — Я сама разберусь с твоими заказами, а ты посиди с гостем, вдруг он намерен стать твоим постоянником? Игнат сказал — одиннадцатый столик?

Ася снова приникла к окну раздачи, вглядываясь в полутьму зала, и вдруг замерла. Потом медленно повернула ко мне побледневшее лицо.

— Что там? — нервно спросила я. Было очень странно видеть всегда весёлую Асю такой испуганной.

Она тяжело сплотнула, отвела глаза. Но всё-таки ответила, понизив голос почти до шёпота.

— Дайка, там Ховрин. И это очень плохо.

— Почему плохо? Кто он такой? — я сунулась было к окну, но Ася отёрла меня в сторону и, взяв за плечи, быстро зашептала:

— Слушай внимательно. Сделай всё, чтобы ему не понравиться. Не знаю там, чавкай, чепись, в носу ковыряйся, слюни пускай, но чтобы Ховрин тебя не купил! Это такая сволочь... девочки от него сразу в клинику попадают. Ему нравится издеваться, понимаешь? Мучить, бить, он от этого возбуждается... И платит за это, у гада денег куры не клюют. Когда он появляется, мы все тут молимся, чтобы только не выбрал. Но ведь всё равно кого-то

выбирает. Постарайся, чтобы не тебя.

Я глядела на неё во все глаза, постепенно переполняясь страхом. О клиентах-садидах в Оазисе мне не приходилось слышать, за исключением той истории, когда девушка бросилась в Русалкину яму, не выдержав издевательств своего постоянного. Но это я приняла за выдумку, легенду, такую же, как плавающие по ночам у берега русалки. Но раз Ася говорит...

— Я могу отказаться? Не идти к нему?

— Нет, — она сжала моё запястье. — Если гость приглашает девушку за свой столик, это честь для неё. Отказаться значит оскорбить гостя, тебя накажут. Просто иди и постарайся создать у Ховрина самое отвратительное впечатление.

И я пошла. Одиннадцатый столик располагался в самом конце зала, так что я успела разглядеть устрашающего Ховрина ещё до того, как приблизилась к нему. Грузная фигура, редкая полуседая поросль на голове, клочкастые брови над набрякшими веками, оплывшее лицо с хмельным румянцем на дряблых щеках. Лет пятьдесят или побольше. В общем, внешность, и так не вызывающая никаких приятных ассоциаций, а уж если вспомнить о наклонностях её обладателя...

Ховрин тоже заметил меня издали и подслеповато шурился, наблюдая за моим приближением.

— Доброй ночи, сударь, — сказала я, останавливаясь перед ним и стараясь натянуть юбочку как можно ниже на бёдра. — Вы хотели меня видеть?

— Уж хотел, — буркнул Ховрин. Голос его оказался глухим, надтреснутым. — Садись. Да не туда! Рядом со мной садись.

Я, попытавшаяся было примоститься напротив него, испуганно выпрямилась. Меньше всего хотелось оказаться в непосредственной близости с этим полным, угрожающе крупным мужчиной, но спорить было ещё страшнее.

— Вот так, — буркнул Ховрин, когда я осторожно опустилась за стол рядом с ним, чуть не закашлявшись в отвратительном облаке сигаретного дыма, алкогольных испарений и запахе пота. Скромно сложила руки на коленях, устала на них, не смея поднять глаза. А Ховрин, в свою очередь, устался на меня. Я почти физически ощущала, как его цепкий взгляд ползает по моему телу, подобно мокрице.

— Плоская слишком, — наконец вынес вердикт гость. — Но будем надеяться, что со временем всё, что надо, вырастет. Нам торопиться некуда, верно?

От его слов я съёжилась ещё больше. Нам? Значит ли это, что он собирается меня купить?

— Так ты девственница? — не дождавшись моей реакции, спросил Ховрин, и я осторожно кивнула.

— Неужели? — скривился он. — Из дикарей, но целка? Разве у вас там не принято трахаться со всеми подряд?

На этот раз обида оказалась сильнее страха. Я подняла глаза, посмотрела в полупьяное сытое лицо и тихо, но вызывающе ответила:

— Нет. Это только здесь так принято.

Ховрин моргнул. И внезапно зашёлся визгливым бабьим смехом, хлопая себя по мясистым ляжкам.

— Хороша! — выдавил он сквозь клёкот. — Дикарка!

Дотянувшись до полупустого бокала, он осушил его, со стуком опустил на стол,

крякнул. К нам тут же подбежала официантка, торопливо наполнила бокал. Ховрин отогнал её небрежным жестом, вновь обернулся ко мне.

— И откуда мне знать, что ты не порченная? Может, местный коновал тебя уже побыстрому заштопал?

Я неопределённо пожала плечами. В голову пришла мысль, что, если не разубеждать Ховрина в своей "порчености", то, может, он потеряет ко мне интерес, не захочет тратить деньги на б/у?

Но гость разнёс мои начавшиеся выстраиваться планы в пух и прах.

— Впрочем, мне похрен, — заявил он, комкая салфетку. — Для меня главное, чтобы молоденькая была. Вы же, бабы, как? Не успели вырасти, и сразу стареть начинаете, за двадцать уже полный шлак. Так что, чем моложе берёшь, тем дольше пользоваться можно. Последнее время тут с молоденькими напряжёнка. Но ты подходишь. Ну-ка...

Неожиданно он протянул пухлую пятерню и ею попытался залезть мне под блузку. Я шарахнулась в сторону и пошатнула стол в попытке выскочить из-за него. Тут же снова рядом оказалась официантка, ловко подхватила уже готовую опрокинуться бутылку вина, бросила на меня полный сочувствия взгляд. От этого взгляда, словно предвидящего мою незавидную участь, я преисполнилась ужасом больше, чем от грубого захвата липких пальцев, сомкнувшихся на сразу занывшем плече.

— К-куда? — Ховрин дёрнул меня к себе, мотнул головой официантке, веля убираться. — Ишь, какая недотрога! Я что, по-твоему, должен ката в мешке брать?

Он положил вторую ладонь мне на голую коленку и сжал, стиснул так, что его короткие пальцы вдавились в мою кожу, заставляя ногу онеметь. Я негромко вскрикнула, заметила краем глаза довольную, какую-то плотоядную ухмылку Ховрина и прикусила губу. Нет уж, не доставлю этой гниде удовольствия видеть мою боль!

— А ну, раздвинь ноги, — прошипел Ховрин, продолжая безжалостно дёргать мою коленку. — Должен же я знать, что покупаю!

— Вы меня не купите! — выкрикнула я неожиданно для самой себя. — Меня уже покупает другой человек!

На нас заглядывались из-за ближайших столиков. Ховрин разжал руку, и мне пришлось приложить немалые усилия воли, чтобы остаться на месте, а не броситься прочь, оглашая ресторан истеричным визгом.

Несколько секунд мы молчали, глядя друг на друга, потом по лицу Ховрина расплзлась ехидная улыбка.

— То есть как это — уже покупает? Разве ты не выставлена на аукцион?

— Да, но...

— А раз так, то достанешься тому, кто даст больше. И это буду я, потому что я так решил, — он скользнул по мне пренебрежительным взглядом. — Тем более, что и бороться особо не придётся. Ты, знаешь ли, на любителя. Так что ври, да не завирайся.

Неожиданно я оскорбилась. Доведись мне услышать такие слова до своего чудесного преобразования — приняла бы как данность. Но сейчас мне стало очень обидно за работу Бранко и девочек из салона, даже за придумку Ирэн, сделавшую меня "лесной нимфой".

— Я не вру! Меня уже покупают, и вам его цену не перебить!

Ховрин снова зашёлся визгливым смехом.

— И кто же? Кто у нас такой богатый и влюблённый?

Я лихорадочно принялась перебирать в уме имена гостей, которые слышала от других

девушек, но вспомнить удалось только одно.

— Ральф Доннел!

Смех Ховрина оборвался, словно обрезанный ножом. Мясистое лицо начало краснеть так стремительно, что я испугалась, как бы его владельца не хватил удар. Он рывком наклонился ко мне.

— Кто? Доннел? Тебя?!

Из последних сил стараясь сохранить невозмутимое выражение лица, я даже смогла приосаниться.

— Да. И он это твёрдо решил.

Ховрин отвёл глаза от меня, зло прищурившись, зашарил ими по залу. Его губы изогнулись в недоброй усмешке, и я вдруг остро пожалела о сказанном. Хотела уже запоздало признаться во лжи, но остатки гордости не позволили этого сделать. Напротив, я снова оживила в памяти слова Аси и небрежно обронила:

— Да вон он, Ральф, за четвёртым столиком.

Ховрин обернулся ко мне.

— Ральф, значит? — теперь в его улыбке была искренняя, хоть и не понятная мне радость. — Отлично.

Он взял в руку бокал, рассеяно поболтал его содержимое, не переставая улыбаться. Я подавленно молчала, обдумывая возможные последствия своей лжи и мечтая внезапно оказаться подальше отсюда. Мечта, как ни странно, почти сразу сбылась.

— Ладно, проваливай, — вдруг буркнул Ховрин. — В следующий раз увидимся уже наедине, в моём номере. Тогда и поучу тебя вежливости.

Он одарил меня таким зловещим и многообещающим взглядом, что я сразу поняла тех девушек, что остановили свой выбор на Русалкиной яме. И, не заставив себя просить дважды, выскочила из-за стола, забыв попрощаться.

— Ася! Где Ася?! — я налетела на одну из официанток, чуть не выбив из её рук поднос, к счастью, оказавшийся пустым. — Ася здесь?!

Девушка глянула на меня неласково.

— Ушла она с гостем. Она ушла, да ещё ты на нас свои столики скинула, передохнуть не можем...

Не дослушав её, я бросилась в подсобные помещения ресторана в надежде хоть на миг остаться одной, суметь собраться с мыслями. Уединиться получилось лишь в туалете для персонала, где я заперлась в одной из кабинок и сползла по стене на пол, обхватив голову руками.

Ховрин сказал, что купит меня, потому что он так решил. И сейчас у меня не было сомнений, что это и произойдёт. Я разозлила его. Я оказалась настолько глупа, что показала норов, который садистам вроде Ховрина будет в удовольствие обломать. А когда он узнает о том, что я ещё и солгала ему, то сделает это с особым рвением. Если узнает. А откуда Ховрин может узнать о моей лжи? Видят ли участвующие в аукционе имена остальных? Вряд ли. Выходит, что моя ложь имеет шанс остаться в тайне...

Внезапно я сообразила, что ищу способы избежать хозяйского наказания, как если бы Ховрин уже стал моим постоянником. Трясусь и уповаю на случайности, словно смирилась с этим!

Вскочив с пола, я оторвала от рулона туалетной бумаги изрядный кусок и принялась

нервно рвать его в мелкие клочки. Ну уж нет! Я так просто не сдамся, даже если для этого придётся пойти на... да на что угодно! Чем я рискую?

Неожиданно эта мысль принесла мне облегчение. Странное чувство освобождения от всех запретов и правил. Ведь мне действительно уже нечего терять! Что может быть хуже, чем оказаться в руках садюги-извращенца без всякой надежды на помощь? А значит — любые средства сейчас будут хороши. В конце концов, если смогла Яринка, то смогу и я. Только у меня нет времени на записки и тайные встречи.

Я бросила в ведро клочки туалетной бумаги и распахнула дверцу кабинки. Почти сразу меня поймала одна из официанток, запыхавшаяся и сердитая.

— Где ты ходишь?! Мы не справляемся, бери себе столики!

— Не могу, — отрезала я, не останавливаясь. — Меня гость ждёт.

Оставив позади возмущённую девушку, я строевым шагом прошла через кухню и толкнула дверь в зал. Где тут у нас четвёртый столик?

Ральфа Доннела я, как и Ховрина, разглядела издали: это было не сложно, он сидел один, что в переполненном зале бросалось в глаза. Уже подходя к нему, темноволосому мужчине лет сорока с пугающе жёстким лицом, я запоздало ужаснулась — а вдруг он не говорит по-русски? С таким именем это будет совсем неудивительно. Но отступить было поздно, я уже стояла перед четвёртым столиком, в упор глядя на иностранного гостя.

Он тоже поглядел на меня, без особого интереса, впрочем, просто скользнул взглядом и равнодушно сказал на чистом русском языке:

— Мне уже принесли заказ, спасибо.

Заказ? Ах, да, я же в форме официантки, что ещё он мог подумать? Самое время было извиниться и уйти, потому что план, созревший в моей голове минуту назад, сейчас уже казался полным безумием. Я даже приподняла одну ногу, готовая отступить, когда в другом конце зала, за клубами сигаретного дыма, снова увидела Ховрина, сидящего на прежнем месте.

Ховрин внимательно смотрел в мою сторону. Разглядеть выражение его лица в тусклом освещении я не смогла, но оно мне показалось насмешливым, а в ушах снова зазвенело визгливое кудахтанье. И тогда, вместо того чтобы попятиться назад, я вызывающе улыбнулась и решительно села за четвёртый столик, напротив удивлённо поднявшего брови Ральфа Доннела.

Всё дальнейшее развивалось совершенно не по моему плану, наспех придуманному по пути из туалета для персонала в зал. Слова, которые я успела приготовить, благополучно покинули мою голову и возвращаться не спешили. И я сказала первое, что пришло на ум, и — самое искреннее:

— Пожалуйста, помогите мне.

Доннел поднял брови выше, но раздражения или досады не выказал. Он вообще не выглядел как человек, приятное уединение которого нагло нарушили и лезут с непонятными просьбами. Лицо его осталось спокойно, разве что в чёрных глазах появилась некая праздная заинтересованность. Я ждала, когда он спросит, какого, собственно, чёрта мне от него нужно, но Доннел молчал, и пришлось заговорить самой:

— Я... я Дайника, и сейчас как раз проходит аукцион, где меня можно... — я осеклась. Господи! Наверное, никогда не смогу применить к себе слово "купить", ведь даже звучит по-идиотски.

Но тут, к моему великому облегчению, Доннел заговорил сам:

— Я знаю, кто ты, — его голос оказался неожиданно приятным, мягким и бархатным, словно в противовес резким чертам лица. — Видел твой дебют. Малышка из леса.

— Д... да, сударь, — я вцепилась руками в край столешницы, собираясь с духом, чтобы озвучить свою просьбу. — Извините, что подсела к вам без приглашения, но только вы сможете меня выручить. Дело в том, что один человек, постоянный гость, хочет меня...

— Купить? — завершил фразу Доннел, не дождавшись продолжения. А замолчала я не потому, что силилась произнести ненавистное слово, а потому, что вдруг остро почувствовала всю бесполезность затеянного. И на что надеялась? С чего бы вдруг этому холённому, уверенному в себе мужику с равнодушным взглядом помогать мне?

— Да, купить, — мой голос тоже стал равнодушным. Я уже подумала, что самое время извиниться и уходить самой, пока он меня не прогнал, а то и, чего доброго, не пожаловался администратору Игнату на то, чем занимаются его официантки вместо работы. Но Доннел снова заговорил:

— И ты, наверное, хочешь попросить, чтобы вместо него тебя купил я?

Я приоткрыла рот и, кажется, покраснела.

— А... да. Откуда вы...

Доннел снисходительно покачал головой.

— Девочка, думаешь, ты первая, кто до этого додумался?

Я не думала, что первая. Я думала, что первая Яринка. Но от этого чувствовала себя сейчас не меньшей душой.

Ральф Доннел подался вперёд, доверительно сказал:

— Это не самый плохой ход. Иногда срывает. Но ты обратилась не к тому человеку. Я беру девушек только на ночь, а тебе ведь нужен тот, кто заплатит за продолжительное время?

Я едва заметно кивнула, снова погружаясь в бездну отчаяния и понимая, что подходить со своей просьбой ещё к кому-то из гостей уже не стану. Это оказалось даже унижительнее, чем просто ждать закрытия аукциона.

— Извините, — выдавила я и стала подниматься со стула. Подниматься тяжело, как старуха, обеими руками наваливаясь на столешницу. А Доннел вдруг спросил:

— А можно узнать, почему из всех ты выбрала именно меня?

Я замерла. Уставшему мозгу понадобилось какое-то время, чтобы смысл вопроса дошёл до него.

— Почему вас? А... потому что сказала, будто вы уже хотите меня... купить.

Чёрные брови снова поднялись, удивлённо и насмешливо.

— Уже хочу? И кому ты так сказала? Подружкам?

Я сделала шаг от стола, но всё-таки ответила, машинально, думая уже о другом.

— Ховрину.

— Ну-ка сядь! — голос Доннела внезапно растерял всю свою мягкость, и я испуганно обернулась.

— Сядь, — повторил он уже спокойней. — Сядь и расскажи по порядку.

И я рассказала. Начиная с того, как Ася, выглядывая в зал ресторана через окно раздачи, перечисляла мне имена гостей, и до настоящей минуты. Не утаила даже того, что успела узнать о пугающей репутации Ховрина среди местных девушек, и его реакции на мои слова о появившемся конкуренте. Голос-без-слов, до этого долгое время молчавший, сейчас ясно

сказал мне, что разговаривать с Ральфом Доннелом нужно предельно честно, что я и сделала.

Он какое-то время молчал, глядя на меня не то с удивлением, не то с подозрением. Я втянула голову в плечи, но не смела повторить попытку уйти. Наконец, гость подал голос, но обратился не ко мне, а к одной из пробежавших мимо официанток:

— Девочка, будь добра, принеси фруктовую корзину. И какого-нибудь лимонада.

Официантка умчалась выполнять заказ, а Доннел обернулся ко мне.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Раз уж ты сидишь за моим столом, будет невежливо не угостить тебя чем-нибудь, — объяснил он, поднимая высокий бокал с каким-то сложным пузырящимся коктейлем. — А пока перекусываешь, у тебя будет время вспомнить остальное, что ты забыла мне рассказать.

— Ничего! — торопливо заверила я. — Я рассказала вам всё, как было.

— Угу, — Доннел отпил из бокала. — То есть, ты просто из всех имён вспомнила и назвала моё? И как раз перед этим твоя подруга говорила обо мне?

— Да, — я старалась смотреть прямо в глаза Доннелу, в его чёрные, чуть прищуренные, внимательные глаза. Глаза, которые, несмотря на сеточку обрамляющих их морщинок, можно было бы назвать красивыми, если бы не этот холодный цепкий взгляд.

— Хорошо, — медленно молвил он. — А скажи-ка мне вот ещё что, Дайника. Всё, что рассказывал про тебя ведущий перед дебютом... ну там, тайга, побег от полиции, бродяжничество — это правда?

От неожиданной смены темы я растерялась. Но ответила почти сразу и, помня указание голоса-без-слов, ответила правду.

— Не совсем. Я действительно из свободного поселения, но меня забрали оттуда уже давно, и несколько лет я жила в коррекционном приюте. Убежала из приюта, а не из полиции.

Цепкий взгляд Доннела смягчился, веки опустились, снимая меня с крючка, губы дрогнули в намёке на улыбку.

— Что ж. В этом ты не обманула, хотя наверняка знаешь, что за отступление от своей легенды девушек здесь по головке не гладят. Будем считать, что и до этого говорила правду. Может ведь быть так, что ты просто везучий человек.

Подошла официантка, принялась выставлять на стол затейливо нарезанные фрукты и высокие стаканы с чем-то ядовито-зелёным, тем самым дав мне время на обдумывание последних слов Доннела. Везучий человек? Что он хотел этим сказать? В чём мне повезло?

— Ешь, — гость пододвинул мне заказ. — Ешь и слушай внимательно.

Я повиновалась, ухватила с тарелки дольку ананаса и, не чувствуя вкуса, сунула в рот, сама обратившись в слух.

— Говоришь, Ховрин улыбался, узнав, что я решил тебя купить? — Доннел жестом велел мне не отвечать и продолжил. — Да, надо думать, ты его очень обрадовала. Видишь ли, так получилось, что в прошлом мы несколько раз серьёзно перешли друг другу дорогу. Вот только последнее слово осталось за мной, и с тех пор эта Ховронья жаждет поквитаться. Идти на открытый конфликт у него кишка тонка, но вот нагадить исподтишка — всегда пожалуйста. Да только я слишком осторожен, чтобы дать ему такую возможность. Был осторожен, как он думает. До сегодняшнего дня.

Доннел внезапно поднял свой бокал и с ядовитой улыбкой отсалютовал им в

пространство, в другой конец зала. Мне не нужно было оглядываться, чтобы понять, кому именно адресовался этот жест, но я всё-таки оглянулась. Ховрин исподлобья смотрел в нашу сторону, и на этот раз на его лоснящемся лице не было и тени усмешки.

— Во, надулся, как сыч, — довольно заметил Доннел, отпивая из бокала. — Так вот, лесная малышка, когда ты сообщила ему, что я положил на тебя глаз, этот кретин явно решил, что заполучил отличный шанс хоть как-то мне насолить. И теперь он задницу порвёт, но перебьёт любую цену за тебя на аукционе. Ведь идиот будет думать, что это моя цена. А уж как ты окажешься в его руках, то тут и отыграется за всё. И наверняка постарается, чтобы я как-нибудь узнал о том, что он с тобой вытворяет.

Очередной ломтик ананаса встал у меня поперёк горла. Я закашлялась, схватила стакан с лимонадом, принялась пить, проливая на себя. Ужас, который я испытала, услышав последние слова Доннела и поняв, в какую ловушку загнала сама себя, был сравним разве что с неотразимым прыжком мощного собачьего тела, сбившего меня на землю, во власть безжалостных клыков...

— Ну-ну, — я почувствовала, как кто-то хлопает меня по спине и, подняв глаза, увидела Доннела, успевшего оказаться с моей стороны стола. Он мягко отобрал у меня полуразлитый стакан, подал салфетку. — Успокойся, я же не договорил.

Терпеливо дождавшись, когда я перестану кашлять и по возможности оботру пролитый на себя лимонад, Доннел доверительно сообщил:

— Эта надутая свинья, конечно, считает, что у него появилась возможность мне подгадить, обойти на прямой, оставить в дураках. Но разве я могу допустить, чтобы Ховрин ходил и думал, будто ему это удалось? Нет, наоборот, это я снова отымею его. Я куплю тебя, лесная малышка. Пусть Ховронья умоется.

Я уставилась на него, не смея поверить в услышанное. Наверное, нужно было поблагодарить Доннела, и поблагодарить как следует, но меня хватило только на слабую улыбку. А Доннел вдруг подмигнул и улыбнулся мне в ответ. Улыбнулся так, что его лицо утратило свою жесткость, стало весёлым и озорным, почти мальчишеским.

Глава 14

Хозяин.

Эта ночь показалась бы мне бесконечной, не будь в ней чудесного известия о моём спасении от ужасного Ховрина. Когда я поняла, что больше мне не угрожает его общество в течение долгих и, несомненно, мучительных часов, а то и дней, то забыла об усталости. Даже администратор Игнат похвалил меня за расторопность в работе. Я порхала с подносом по залу, улыбалась гостям, сыпала вокруг бесчисленные "спасибо" и "пожалуйста" и, возможно, благодаря своему счастливому виду заработала неплохие чаевые.

Мы с Ральфом Доннелом заговорщически переглядывались каждый раз, когда я проходила вблизи его столика, что не укрылось от Ховрина, судя по его мрачному виду. Ховрин довольно скоро покинул ресторан, а его насупленные брови и резкая походка подсказали мне, что он по-прежнему твёрд в своём решении заполучить меня назло Доннелу, уж не знаю, что между ними в своё время произошло. Я даже на миг встревожилась, но сразу напомнила себе слова Ральфа, сказанные на прощание: "Считай, что аукцион уже закрыт, и ни о чём не беспокойся". Это помогло успокоиться и снова, как ни в чём не бывало, закружиться по залу, излучая радушие.

Смена закончилась в шесть утра, в четверти седьмого я была дома и, не утруждая себя походом в душ, рухнула на постель, продолжая глупо улыбаться. Яринка, бывшая сегодня выходной и приоткрывшая один глаз при моём появлении, поинтересовалась: чем я так довольна? Но уснула, не дождавшись ответа. Уснула и я.

А разбудил меня (показалось, что почти сразу) тревожный голос Аллы:

— Дайка, проснись! Просыпайся, тебя Ирэн хочет видеть!

Я открыла глаза, непонимающе заморгала. Судя по заливающим номер солнечному свету, было уже позднее утро, но я совершенно не чувствовала себя отдохнувшей. Всё тело ныло, словно вчера я участвовала в забеге на выносливость, а в голове толкалась тупая боль.

— Да вставай же ты! — Алла ухватила меня за плечо, затормошила. — Ирэн сама сюда пришла, внизу тебя ждёт...

— Уже не внизу, — раздался от дверей ледяной голос, и Алла испуганно выпрямилась, а Яринка, до этого сидящая на кровати, наоборот, легла, натянув одеяло до глаз.

Примечательно, что это был второй раз, когда управляющая лично посетила наш скромный домик, и оба раза — из-за меня. В первый свой визит она принесла мой прибывший из ателье дебютный костюм. И тогда выглядела совершенно иначе: лучилась воодушевлением и творческой энергией, с которой ваяла свой "самый креативный проект". Сейчас перед нами стояла совсем другая женщина.

Красивое лицо Ирэн покрылось красными лихорадочными пятнами, губы сжались так, что почти исчезли, глаза метали молнии. На какой-то сумасшедший миг мне показалось, что в номере появилась странным образом похорошевшая Агафья, и я похолодела в суеверном ужасе. Но наваждение прошло, стоило управляющей заговорить. Её голос-колокольчик нельзя было спутать ни с чем другим. Только сейчас он звенел резко, скрипуче, совсем не мелодично.

— Твой аукцион закрыт, — чуть ли не с ненавистью бросила мне Ирэн. — Тебя купили на год. Сегодня отправляешься к новому хозяину.

Алла тихонько охнула и опустилась на Яринкину кровать. Сама Яринка придушенно пискнула из-под одеяла, не то от изумления, не то от того, что Алла придавила её своим весом. А я замерла без движения и только смотрела на поджатые губы Ирэн, ожидая, когда они разомкнутся и произнесут имя того, кто меня купил.

— Доннел, — наконец выплюнула управляющая почему-то обвиняющим тоном. — Это Ральф Доннел.

Алла снова охнула, на этот раз громче. А я несмело улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается тепло, то самое приятное и расслабляющее тепло, сопутствующее ощущению полной безопасности.

— Как тебе это удалось? — резко спросила Ирэн, разом стерев улыбку с моего лица. — Почему он вдруг решил тебя купить?

— Не знаю, сударыня, — осторожно ответила я и слегка пожала плечами, чем, кажется, ещё больше разозлила управляющую.

— Не знаешь?! — почти взвизгнула она. — Разве не ты сегодня ночью сидела с ним в ресторане?

— Я. Он меня пригласил поужинать, — моё недоумение росло. Почему Ирэн так злится? Разве покупка девушки, выставленной на аукцион, не является конечной целью всей этой затеи?

— О чём вы говорили? — длинные, униженные кольцами пальцы управляющей то

сжимались в кулаки, то снова выпрямлялись, подобно когтям хищной птицы.

Стараясь не опускать глаз и говорить как можно спокойнее, я ответила:

— Он спрашивал меня про мою прежнюю жизнь. Про нашу деревню, про то, как я оказалась здесь. А потом отпустил. Сударыня, я даже подумать не могла, что он захочет меня купить!

Кажется, получилось довольно искренне. Ирэн бросила на меня последний пылающий взгляд, перевела глаза на Аллу, отрывисто приказала:

— Приготовьте её сегодня. В сорок третий номер.

И вышла, не закрыв за собой дверь.

Несколько секунд мы слушали удаляющийся цокот каблучков, потом всё стихло. Яринка осторожно выбралась из-под одеяла и, выглядывая поверх пухлого плеча Аллы, уставилась на меня. Я ответила ей таким же непонимающим взглядом. Первой из нас троих обрела дар речи старшая.

— Дайка, это правда? — спросила она, расширив глаза в каком-то гротескном изумлении. — Тебя купил Ральф Доннел?

Я лишь кивнула вслед ушедшей Ирэн и беспомощно развела руками.

— А чего она такая психованная? — подала голос и Яринка. — Что ты натворила?

— Да ничего! — неясность ситуации начала меня раздражать. — Понятия не имею, что с ней. Может, встала не с той ноги?

— Да нет, — задумчиво обронила Алла. — Она чем-то разозлена. Сильно разозлена.

— Ну, так я здесь не при чём! — мне вдруг стало обидно за эти подозрительные взгляды, которыми обстреливали меня подруги. — Меня выставили на продажу, и покупатель нашёлся, чего ещё надо?

— Честно говоря, я очень удивлена, — призналась Алла. — Меньше всего ожидала, что твоим постоянником станет Доннел.

— Это почему же? — теперь к обиде добавилось чувство уязвлённого самолюбия. — Недостаточно хороша?

— Не в этом дело, — так же задумчиво, словно беседуя сама с собой, ответила Алла. — Просто я знаю Ральфа, и у него совершенно другие вкусы.

Ральфа? Знает? Почему-то это заявление покорило меня сильнее, чем всё сказанное ранее, но я заставила себя промолчать, не показать вдруг охвативших меня эмоций.

— И какие вкусы у этого Ральфа? — спросила Яринка, переводя недоумённый взгляд с меня на Аллу.

Та вздохнула, на миг замешкалась, но потом, решительно тряхнув головой, ответила:

— А вот такие. Я — одна из его постоянных пассий. Он покупает ночь или две со мной каждый раз, когда появляется в Оазисе. И ещё с несколькими девушками моего типажа. Но ни разу ни с кем, похожим на Дайку.

Я невольно скользнула глазами по аппетитной фигуре нашей старшей. Высокая грудь, крутые бёдра, покатые плечи... Сдобная булочка, кровь с молоком, пышка — вроде так называют девушек подобного типа? Если да, то я, пожалуй, стручок горошка рядом с ними. Особенно теперь — такая же зелёная.

Наверное, на моём лице ясно отобразились эти самокритичные мысли. Алла быстро добавила:

— Такие, как ты, тоже многим нравятся. Но не Ральфу. До сих пор, по крайней мере. И... ещё кое-что очень странно.

— Что? — испуганно спросила Яринка.

— Аукцион заканчивается, когда кто-то в течение суток не может перебить цену, названную последней. Но с начала Дайкиного аукциона прошли всего сутки. И закончиться так быстро всё могло лишь в одном случае. Если кто-то предложил такую сумму, которую невозможно перебить. Только тогда дальнейшие торги становятся бессмысленными. Выходит, Ральф заплатил за тебя очень много, Дайка. Извини, но неоправданно много.

Я почувствовала странную смесь унижения и гордости. Да, меня продали, как вещь, но ведь как очень ценную вещь! И уж не стала ли я в таком случае не только самым креативным, но и самым дорогим проектом Ирэн? А если да, то чем, чёрт возьми, она ещё недовольна?

Алла поднялась.

— Ладно. В любом случае, я поздравляю тебя, Дайка. Ральф хороший, — она вдруг неловко усмехнулась. — Пожалуй, один из немногих, с кем я согласилась бы и без денег. К вечеру будь готова, отведу тебя к нему.

И, не дожидаясь моего ответа, старшая покинула номер.

Яринка проводила её глазами и уставилась на меня требовательно и возмущённо. Разумеется, я собиралась рассказать подруге о своих ночных приключениях всё без утайки, ведь кому, если не ей? Но не сейчас. Сейчас больше всего мне нужно было оказаться одной, разложить по полочкам случившееся, осознать грядущие перемены и подвести итоги.

Я торопливо выбралась из постели, сунула ноги в тапочки и стремглав бросилась за дверь, крикнув через плечо:

— Я в душ!

— Эй! — возмутилась за спиной Яринка. — А ты мне ничего не хочешь...

Но я уже бежала по лестнице.

Горячие струйки воды приятно щекотали кожу, смывая ночную усталость и ввевшиеся ресторанные запахи: алкогольные испарения, сигаретный дым, дух жареного мяса и мужской туалетной воды. Капли стекали по сосновым иглам, украшающим моё тело, делая их выпуклыми, ещё более трёхмерными. Мокрые волосы облепили плечи и спину. Я стояла не шевелясь, ощущая абсолютную пустоту, как в голове, так и в душе. Даже радости по поводу моего спасения от Ховрина больше не было. Разве что эхо отстранённого недоумения, охватившего меня на подиуме, во время дебюта. Как получилось, что всё это происходит в действительности, со мной? Можно ли проснуться?

Когда от горячей воды стало жарко, я закрутила краны и выбралась из ванной, где замерла перед большим — с пола до потолка — зеркалом, внимательно глядя на себя и пытаясь представить, что это кто-то другой сейчас разглядывает мои лицо и тело. Получалось неутешительно.

Лицо — ладно. Не такое, конечно, как у Яринки, без вызывающей утончённой красоты, притягивающей взгляды, но тоже ничего. Ставшие почти чёрными брови и ресницы, а так же пушистая сосновая лапка, почти закрывающая правую щёку и подбородок, сделали своё дело, и теперь мне нечего стесняться. Но вот тело... выступающие рёбра и ключицы, тонкие, кажущиеся неуклюжими, как у новорожденного жеребёнка, ноги, два крохотных бугорка груди. В общем — до Аллы мне, как вплавь с острова до берега...

Я вдруг поймала себя на том, что очень беспокоюсь о впечатлении, которое произвела на Доннела. Понравилась ли я ему, или он потратил свои деньги, лишь преследуя цель

досадить Ховрину, не доставить ему удовольствия, оставить за собой последнее слово? И, если так, то не всё ли мне равно, что думает Доннел о моей скромной внешности? Тем более, что его внешность я даже не запомнила.

Неожиданно это показалось мне забавным. То, как выглядел Ховрин, намертво отпечаталось в моей памяти. При желании я могла воскресить его образ до мельчайших подробностей: сизый лоснящийся нос, полные щёки, набрякшие веки, светлые глаза в красных прожилках лопнувших сосудов, короткопалые руки... А вот при мысли о Доннеле перед моим внутренним взором появлялись лишь цепкие чёрные глаза да резкий, словно вырубленный из дерева, профиль. Телосложение, рост, черты лица — всё это словно размывалось и не желало приобретать резкость. Чётким, как фотокарточка, был лишь один миг. Тот, когда Доннел сообщил, что купит меня, и улыбнулся в ответ на мою робкую улыбку. Тогда он показался мне почти красивым, но, скорее всего, это произошло под впечатлением от услышанной спасительной новости.

И... если уж на то пошло, действительно ли новость эта так хороша, как кажется? Да, от садиста Ховрина я теперь защищена, но это не отменяет того неприглядного факта, что отныне мне придётся делить постель с чужим мужчиной. И не с молодым симпатичным романтиком Яном, а с резким, взрослым, даже немного пожилым Ральфом Доннелом, о котором я почти ничего не знаю и вряд ли когда-нибудь узнаю: не для разговоров же я ему сегодня понадобилась.

Невольно съёжив плечи, я начала торопливо вытираться. Опасливо прислушалась к себе. Нет, настоящего страха не было, наверное, все его запасы я потратила ночью, оставила за столиком ужасного Ховрина. Была лишь обречённость, граничащая с равнодушием. Что-то подобное я ощущала в "процедурной" приюта, когда поняла, что порки не избежать.

И это воспоминание неожиданно послужило мне утешением. Ладно, что бы ни ожидало меня сегодняшней ночью, вряд ли оно будет страшнее розог. Если уж я выдержала тогда, то теперь и подавно справлюсь.

— Ты там не утонула? — моё уединение нарушил настойчивый стук в дверь: Яринка изнывала от любопытства.

— Выхожу, — отозвалась я и потянулась за одеждой.

Как назло, день тянулся медленнее медленного, и конца ему не предвиделось.

До обеда мы с Яринкой сидели в номере, обсуждая мою ситуацию. Подруга считала, что всё сложилось замечательно, и восхищалась отвагой, с которой я приняла решение обратиться за помощью к Доннелу. Никакой отваги в этом поступке не было, напротив, я поступила так только из страха перед Ховриным, но Яринкины похвалы всё равно были приятны. Также она увидела удачу в том, что меня купили сразу на целый год.

— Тебе сейчас надо спросить у Ирэн, сколько ты осталась должна? Ведь наверняка немного.

Я вздрогнула. После сегодняшнего визита управляющей и её полных еле сдерживаемой злости взглядов видеть Ирэн мне совсем не хотелось. Потом как-нибудь. Или попрошу Аллу узнать.

— Получается очень удачно, — продолжала развивать мысль Яринка. — Если Ян уговорит отца купить меня на второй срок, мы с тобой рассчитаемся с Оазисом примерно в одно и то же время. И тогда...

Подруга мечтательно закатила глаза. Я знала, о чём она думает. Запад. Свобода. В

другой момент я бы погрузилась в грёзы о новой жизни вместе с ней, но сейчас меня больше волновали проблемы насущные. Предстоящие. И, хоть раньше я тоже задумывалась на эти темы, более того — читала книги, специально найденные в библиотеке, но, как выяснилось теперь, одна крупная деталь от моего внимания всё-таки ускользнула.

— Ярин, — я дёрнула подругу за руку, возвращая на грешную землю. — Скажи, когда вы с Яном... ну... спите. Как получается, что ты не беременеешь?

Яринка несколько секунд моргала от неожиданности, потом беспечно махнула рукой.

— Забей. Это забота мужчины. У них они есть.

Я уже собралась спросить: кто это — они? Но потом догадалась и лишь кивнула. Почти год прожив в Оазисе, я поняла, что появлением людей на свет распоряжается вовсе не бог, как утверждали в приюте. Что давно уже придумано множество уловок, помогающих с успехом обойти божий промысел. И что все эти уловки, находящиеся вне закона за пределами острова, здесь продаются так же свободно, как алкоголь, никотин и веселящие таблетки. Что ж, уже легче.

— Ты не волнуйся насчёт ночи, — посоветовала Яринка. — То есть насчёт того, что ночью будет. Люди вокруг этого всякого насочиняли, накрутили... А там всё просто. И ты не станешь ни лучше, ни хуже. Вообще ничего не изменится.

Я задумчиво кивнула. С тех пор, как прошлой весной Агафья собрала нашу группу в гостиной и начала рассказывать дичь про телегонию, я тоже считала, что людям почему-то свойственно сильно преувеличивать роль секса в своей жизни. От скуки, видимо. Но мне-то здесь скучать некогда, так что Яринка права: не стоит лишний раз об этом и думать.

Когда мы спустились к обеду, нас окружили соседки и я испытала острое дежавю. Меня поздравляли, обнимали, хлопали по плечам и спине, как будто я только что снова удачно выступила на дебюте. Со всех сторон сыпались вопросы о вчерашнем ужине с Ральфом Доннелом. Оказалось, все девушки так или иначе с ним знакомы, и все отзывались о моём новом владельце крайне положительно. Впрочем, всё хорошее, что было упомянуто, сводилось к щедрым чаевым и спокойному нраву. Я поняла, что, в отличие от многих здешних гостей, Доннел не имеет привычки срывать злость на девушках, обращаясь с ними, как с живыми игрушками, а, учитывая наше полное бесправие, это было уже немало. Вполне достаточно для того, чтобы считать себя счастливницей.

После обеда я спохватилась, что меня ждут на репетицию ребята-музыканты, и собралась бежать в Айсберг, но Алла довольно строго остановила меня, напомнив, что теперь я должна спрашивать у Доннела разрешения на то, чтобы выступать. Это неожиданно меня сильно огорчило. Оказывается, я уже привыкла к мысли, что являюсь бэк-вокалисткой местной группы с сольным номером. Теперь возвращаться к мытью посуды? Или на это тоже надо испрашивать позволения?

Чтобы хоть как-то скоротать время, я пошла на пляж. Сидела на берегу, лениво кидала в прибой гольши и гадала о том, когда уже можно будет купаться. Навестила библиотеку, взяла новых книжек, но читать не могла: мысли вновь и вновь возвращались к предстоящей ночи. Всё-таки я нашла себе занятие — отправилась в кафе, где, выслушав очередные поздравления (удивительно, как быстро разлетаются новости по острову!), вызвалась поработать. И весь вечер с удовольствием помогала поварам, да так, что вспомнила о времени уже затемно.

Торопливо вернувшись домой, я, как и думала, обнаружила там ожидающих меня девушек. В памяти сразу всплыл день закрытия Яринкиного аукциона и то, как её всем

миром собирали к покупателю. Я невольно попятилась.

— Э... я не хочу краситься!

— Да не бойсь, — Алла поманила меня пальцем, — у тебя образ не тот, чтобы краситься, расслабься. Но кое-что сделать всё-таки нужно.

Это кое-что затянулось на несколько часов. Меня загнали в ванну и заставили бриться с ног до головы. Затем общими усилиями сделали маникюр и педикюр, к счастью, неяркий, бежевый, в цвет кожи. Дольше всего возились с волосами. То завивали, то снова выпрямляли, то пытались создать какую-то высокую громоздкую причёску, но в итоге остановились на классической косе, которая отличалась от тех, что я носила в приюте, лишь более вычурным плетением.

Зато выбор одежды много времени не занял. Посоветовавшись и перерыв шкафы, соседки остановились на белом платье чуть выше колен, с поясом-бантом и длинными рукавами. Колготки к нему подобрали тоже белые, как и туфли-лодочки на каблуке.

— Может, не надо каблук? — уныло спросила я, поджимая пальцы на ногах в предчувствии дискомфорта.

— Глупая, — укоризненно покачала головой Вика. — И чему вас только тут учили? Хочешь понравиться мужику — надевай каблук или шпильки, без вариантов. Они от этого тащатся.

— Да не от каблуков они тащатся, — вставила хихикающая Ася, — а от того, что у девочки на высоких каблуках попка оттопыривается.

— Да у неё и попки-то нет, — буркнула себе под нос Вика, но я услышала, хоть и не обиделась. Тоже мне, новости.

Наконец, меня нарядили и подтолкнули к зеркалу, из которого апатично глядело моё отражение. Ну да, неплохо, пусть белый и не мой цвет. Но какая, нафиг, разница?

— Просто ангел, — заключила Ася. — Наверное, всё-таки надо было кудряшек навертеть. Может, ещё...

— Уже нет, — отрезала Алла. — Пора.

Стрелки висящих на стене часов показывали без четверти одиннадцать.

Меня слегка порадовало то, что номер, снятый Ральфом Доннелом, оказался не шикарными апартаментами, как у Бурхаева-старшего, что навяло бы нехорошие ассоциации, а стандартом, хоть и улучшенным. Дверь, перед которой мы с Аллой остановились, была обычной коричневой дверью, без всякой дурацкой резьбы и вензелей, что тоже странным образом успокаивало.

— Ну, удачи, — Алла обняла меня, погладила по волосам. — Тебе нечего бояться, Ральф хороший.

Я согласилась с ней. Искренне, ведь куда хуже обстояли бы мои дела, ожидай сейчас за дверями Ховрин. Так что жаловаться грех.

Алла ушла по коридору и скрылась в лифте, бросив на меня последний ободряющий взгляд. А я ещё немного постояла на месте в глупой попытке потянуть время. Здесь было уютно. Неяркие бра бросали мягкий жёлтый свет на длинную бордовую дорожку, из номеров приглушенно доносились чьи-то голоса, мерно гудели в лифтовой шахте механизмы. В принципе, здесь можно с удовольствием просидеть всю ночь и даже поспать, свернувшись клубочком у одной из стен...

Из-за двери донёсся некий не то стук, не то шаги, и я встрепенулась. Всё, хватит прятать

голову в песок, отсидеться не выйдет, ни здесь, ни где-либо ещё. Подняв руку, я решительно постучала костяшками пальцев по тёмному дереву. Подождала. Постучала ещё раз. Прижалась ухом к замочной скважине.

В номере громко работал телевизор, звучала музыка, никаких других звуков я не уловила. И, испытав неожиданный приступ решимости, положила ладонь на дверную ручку, уверенная, впрочем, что дверь закрыта. Но дверь беззвучно поддалась. Чуть помедлив, я шагнула через порог, негромко позвала:

— Есть кто-нибудь?

Ответа не последовало.

Всё это начало мне напоминать Яринкин рассказ о её визите в люкс Бурхаева, что совершенно не радовало. Но отступить было некуда, а ожидание измучило меня настолько, что хотелось уже просто быстрее со всем покончить. И, отринув всякие сомнения, я быстрым шагом вошла в номер, туда, где горел приглушенный свет и надрывался телевизор.

Сначала я даже не поняла, что вижу. Над широкой заправленной постелью ритмично двигалась вверх-вниз роскошная чёрная шевелюра, кудряшки подпрыгивали в такт женским судорожным вздохам. Шевелюра переходила в изящную поясницу, которую обхватывали чьи-то пальцы.

Не скажу точно, сколько времени мне потребовалось на осознание происходящего. А когда, наконец, дошло, то я упустила возможность ретироваться бесшумно. Слишком торопливо попятилась, зацепила плечом открытую дверь, которая громко стукнула о стену.

Голая обладательница чёрной шевелюры, оседлавшая Ральфа Доннела, облачённого лишь в спущенные до колен брюки, резко обернулась, качнув внушительного размера грудями, и вскрикнула. Скорее рассержено, чем испуганно. Доннел тоже поднял голову, до этого откинутую на подушку, и его глаза удивлённо расширились. Повисла нехорошая тишина.

Я попыталась что-то сказать, извиниться, объяснить своё вторжение, но получилось лишь невнятное бляенье. А потом девица капризно обратилась к Доннелу:

— Ты не сказал, что мы будем втроём.

Я снова попятилась и снова ударилась о дверь. Мне приходилось слышать из разговоров старших подруг, что некоторые гости берут себе на ночь сразу двух, а то и трёх девушек. Но принимать в этом участие в свой первый раз?!

Но Доннел вдруг игриво заметил:

— Да я и сам не знал. Слезь-ка, милая, оденься.

Девица фыркнула и резко соскочила на пол. Я поспешно отвела глаза, уставилась в стену — если уж мне и предстоит лицезреть своего хозяина голым, то пусть это произойдёт, когда мы останемся наедине.

Какое-то время все молчали, и в номере раздавался лишь говор телевизора да шорох натягиваемой одежды. Чуть выждав, я опасливо покосилась в сторону опустевшей постели. Уже одетая девица раздражённо притопывала по ковру ножкой, уничтожающе глядя на меня. Доннел неторопливо застёгивал рубашку. Чуть прокашлявшись, я поняла, что, кажется, могу говорить, и сделала попытку:

— Извините, сударь. Я не знала, что вы не один...

Доннел глянул на меня без досады, даже весело. Так же весело спросил:

— А что ты вообще здесь делаешь?

— Как что? — я снова чуть не сорвалась на бляенье, но взяла себя в руки. — Вы же меня

купили!

На этот раз даже ненавистное слово далось мне совершенно без усилий, настолько всё происходящее не вписывалось в ожидаемый мною сценарий.

— Купил, — легко согласился Доннел. — Но сегодня-то не звал.

— А... но... — я растерянно оглянулась на входную дверь, словно ожидая увидеть там Аллу, которая сможет всё объяснить. — Мне сказали... так положено...

Доннел запустил руку в тёмно-каштановые волосы, взъерошил их и этим жестом на миг до боли напомнил мне Дэна: даже сердце тукнуло невпопад. А затем повернулся к девице.

— Милая, спустись-ка в бар, посиди немного, выпей чего-нибудь. Я тут закончу и за тобой приду.

"Милая" раздражённо дёрнула плечом, поправила руками буквально рвущуюся из-под платья грудь и проследовала за дверь, напоследок бросив на меня ещё один уничижительный взгляд. А я съёжилась у стены, устала на свои ноги, обутые в белые дурацкие туфли на каблук, и вся я была белая и дурацкая, как недоделанная невеста, торжественно явившаяся к брачному ложу и обнаружившая, что она даже не главное блюдо в сегодняшнем меню.

— Вот что, — сказал Доннел, и я испуганно подняла глаза. — Пойду освежусь, ты подожди пока, присядь. Надолго не задержу.

Он прошёл мимо меня в ванную комнату, закрыл за собой дверь, но я даже не пошевелилась. Разумеется, ждать чего-то хорошего от этой ночи мне и раньше в голову не приходило, но о таком я не думала. Всегда казалось, что, как минимум, всё должно быть неторопливо и обстоятельно, с предварительным, пусть недолгим, общением и последующим засыпанием под одним одеялом. Не так, конечно, как это бывает между любящими друг друга людьми, но хотя бы немного похоже. А получается, что меня сейчас мимоходом огуляют между грудастой черноволосой девицей и, возможно, кем-нибудь ещё?

Я растерянно обвела взглядом номер, словно ища спасения. И нашла. Именно на спасение это, конечно, не тянуло, но, за неимением лучшего... В ванной комнате зашумела вода, и, боясь не успеть, я подскочила к журнальному столику, на который была выставлена нехитрая снедь, схватила оттуда пузатую, почти полную бутылку чего-то тёмного, с терпким запахом. Зажмурилась и начала пить большими глотками...

...Когда посвежевший Ральф Доннел, в банном халате и с влажными волосами, переступил через порог, я сидела на краешке постели, держась за живот. В животе происходило что-то странное, и это странное постепенно распространялось на всё тело. Тёплые волны расходились по нему, одновременно согревая и лишая сил, омывая приятной слабостью. Голова стала лёгкой как воздушный шарик и точно так же покачивалась, грозя уплыть к потолку. Взгляд свободно скользил по окружающим предметам, ни на чём не останавливаясь. Всё это совсем не походило на ощущения, испытанные мной во время нашего с Яринкой распития вина на вечернем пляже, но мне начинало нравиться.

— Ты извини, я как-то не подумал, что тебя сегодня приведут, — раздался надо мной голос Доннела, — думал, только, когда я позову. И дверь не закрыл, обычно никто вот так не заходит... с тобой всё в порядке?

Я подняла голову, и она всё-таки попыталась оторваться от тела, запрокинулась назад. Чтобы не дать хитрюге улизнуть, я резко вскинула руки, но почему-то оказалась лежащей на спине и глядящей в потолок. Что ж, по крайней мере, моей головы там наверху не было, а это уже очень хорошо.

На фоне бежевого потолка возникло встревоженное лицо Доннела

— Что случилось? Тебе плохо?

Я хотела ответить, что мне хорошо, даже куда лучше, чем было, когда он уходил в душ, но вместо слов изо рта внезапно понеслись квакающие звуки. Это было смешно, и я захихикала, вода по воздуху руками.

Доннел нахмурился, исчез из поля зрения. И почти сразу со стороны донёлся его поражённый возглас:

— Ты что, выпила весь коньяк?!

Я попыталась что-то ответить, но опять только заквакала и захихикала, а после и вовсе завопила, потому что кровать подо мной вдруг начала стремительно вращаться. Дальнейшее напоминало неумелый монтаж, кое-как слепленный из отрывков реальности.

Что-то подхватило меня под мышки и куда-то поволокло. Перед глазами замаячил белоснежный унитаз. Кафельный пол больно ударил по коленкам. Твёрдая рука нагнула мою голову вниз, а в рот залезли чьи-то пальцы. Почему-то последнее возмутило меня до глубины души, и я попыталась выкрикнуть пару ругательств, которыми в изобилии сыпали наши соседки, бывая чем-то раздосадованными. Но вместо слов раздалось лишь мычание, а пальцы продвинулись глубже в горло, вызывая неудержимый рвотный позыв. Надо думать, мой бедный организм был с этими пальцами заодно и сам мечтал поскорее избавиться от гадости, что я так опрометчиво в него влила. Так или иначе, но прополоскало меня знатно. После этого унитаз сменился раковиной, в лицо полилась холодная вода, кожу с силой начало тереть пушистое полотенце....

Затем подо мной вновь каким-то образом оказалась постель, теперь уже расправленная, что было просто блаженством. Я ещё успела отчаянно пожелать, чтобы постель эта не начала снова кружиться, но уже в следующую секунду провалилась в глухое забытьё.

Пробуждение оказалось медленным и мучительным. Сначала в глаза забрезжил тусклый полусвет, затем кусачими мурашками напомнило о себе одеревеневшее в одной позе тело, последними проснулись уши: я услышала мерное тиканье часов и чьё-то дыхание рядом. Почувствовала тупую боль внизу живота. И, внезапно разом всё вспомнив, вздрогнула и открыла глаза.

Номер стандарт улучшенный был погружён в серые рассветные сумерки. Еле заметно колыхалась от сквозняка штора, выключенный телевизор подмигивал красным глазом, в ванной еле слышно гудели трубы. Здесь как будто прибрались. С журнального столика исчезли остатки ужина, кресла отодвинулись к окну, на одном из них аккуратной горкой высилась стопка одежды. Белой одежды.

Вздрогнув, я запустила руку под одеяло и провела ею вдоль тела. На теле обнаружили только новые, кружевные, тоже белые трусики, которые мне вчера торжественно вручила Алла. Больше ничего.

Стараясь не произвести ни шороха, я медленно повернула голову. На соседней подушке, вполоборота ко мне, спал Ральф Доннел. Судя по видимой из-под одеяла части тела, тоже не обременённый одеждой.

Я осторожно села. Боль, до этого ноющая внизу живота, толкнулась острее. Глубинная, томительная, сродни зубной, боль, почему-то кажущаяся мокрой. Кажущаяся ли?

Продолжая сидеть с согнутыми коленями, я заставила себя чуть развести ноги, запустить руку в трусики... и пальцы сразу стали влажными, липкими. Уже зная, что увижу,

я другой рукой откинула одеяло. Кровь. Кровь на простыне, на внутренней стороне бёдер, на трусиках, на руке. Кровь и боль.

Я заплакала. Заплакала сразу и сильно, шмыгая носом, по-щенячьи поскуливая, вновь кутаясь в одеяло по самые уши. Сама не понимая причины своих слёз. Ведь что бы вчера ни сделал со мной Доннел, это уже позади. И разве не удачно вышло, что мне даже не пришлось осознавать происходящее, стесняться и бояться? Не всё ли равно вообще, как именно это случилось, если оно и должно было случиться? Разве я не за этим сюда шла?

Лежащий рядом мужчина зашевелился, потревоженный моим плачем. Открыл глаза. Какое-то время молча смотрел на меня, затем рывком сел.

— Что случилось?!

Его голос был хриплым со сна, грубым. И от этой грубости, от резкого вопроса, я заплакала ещё громче.

— Да что с тобой ещё? — Доннел запустил пятерню в волосы, взъерошил нервным жестом "какого-чёрта-происходит", тем самым снова до боли напомнив мне Дэна.

Наверное, не будь этого жеста, я бы не осмелилась его в чём-то обвинять. Любой другой мужик в данной ситуации был вправе сделать со мной то, что сделал, ведь за это он и заплатил. Любой, но не тот, кто хоть чем-то похож на моего друга, одного из лучших людей, которых я когда-либо знала. Такой не мог, не должен был!

Впрочем, обвинить на словах я всё же не осмелилась, меняхватило лишь на то, чтобы протянуть вперёд руку, показав Ральфу окровавленные пальцы.

Доннел напрягся всем телом.

— Что это? Ты поранилась?

Он издевается? Сказать что-нибудь я по-прежнему не могла, лишь отрицательно затрясла головой.

Шумно вздохнув, Доннел одним движением скинул одеяло и с себя, и с меня. Уставился на перепачканную простыню. Встал. Быстро обойдя кровать, бесцеремонно взял меня за плечи и завертел, осматривая со всех сторон. Пискнув, я попыталась прикрыть руками голую грудь, но была сдёрнута с постели и поставлена на ноги.

— Внешних повреждений не видно, — заключил Доннел, ещё раз окинув меня цепким взглядом с ног до головы. — У тебя месячные?

Я гневно вывернулась из его рук, схватила край одеяла, попыталась прикрыться. Вместе с нахлынувшей злостью вернулся голос:

— Это же вы сделали! Вы меня... ночью!

Зрачки Доннела расширились. Он всматривался в моё лицо, и в его глазах эмоции сменяли друг друга. Удивление. Догадка. Понимание. Возмущение.

— Ты что, спятила?! Не трогал я тебя! На кой мне бесчувственное тело с перегаром?!

Я попыталась сесть на кровать, но вспомнила про испачканные кровью трусики и снова заревела от растерянности и унижения.

— Да?! — от плача у меня началась икота. — А почему я голая? И мне больно... ик... и... кровь!

Доннел закатил глаза. Наклонился, уперев руки в колени, сказал медленно и членораздельно, будто разговаривая с умственно отсталой:

— Я вчера раздел тебя только потому, что забрызгал водой, когда умывал. А всё остальное... Когда у тебя месячные последний раз были? Ты календарик ведёшь?

Месячные? Я перестала реветь и заморгала.

— Никогда, — ответила растерянно. — Ещё не было...

— Понятно, — Доннел выпрямился, осторожно взял меня за плечи. — Ничего страшного не случилось, у тебя просто начались женские дни. Ты, верно, в последнее время очень волновалась, плюс вчера выпила много алкоголя. Вот организм и отреагировал на стресс. Успокойся и иди в душ, хорошо? В шкафчике над раковиной, в аптечке, должно быть что-то по вашей женской части. Насколько я помню, в каждом номере есть. Знаешь, как пользоваться, или горничную позвать, чтобы помогла?

Я отчаянно замотала головой, сгорая от стыда, и почти бегом метнулась в ванную комнату.

Там я пробыла долго. Сначала стояла под горячей струёй душа, вздрагивая от затихающих рыданий, потом медленно вытиралась большим, очень пушистым полотенцем, затем вдруг поняла, что мне нечего надеть, и снова чуть-чуть всплакнула.

В дверь постучали.

— Я взял для тебя сменное бельё, — сказал Доннел, и пришлось выдержать ещё порцию стыда, приоткрывая дверь и принимая из-за неё чистые трусики и майку.

Наконец, кое-как приведя себя в порядок, я обнаружила на вешалке банный халат и, закутавшись в него до пят, осторожно вышла из ванной.

Доннел был в номере. Более того, он успел перестелить постель и принести две чашки кофе, аромат которого теперь витал в воздухе. Утро за окном окончательно вступило в свои права, видимый из-за шторы кусочек неба золотило встающее солнце.

Я робко переступила босыми ногами на ковре, и Доннел обернулся. Наверное, вид у меня был очень жалкий, несчастный и зареванный, потому что его брови поднялись трогательным домиком, а в следующую секунду он уже стоял рядом и осторожно обнимал меня, бормоча что-то успокаивающее, глядя по мокрым волосам.

И эта неожиданная ласка, не имеющая ничего общего с тем, чего я ожидала в этой комнате сегодняшней ночью, снова заставила меня плакать, на этот раз — от облегчения и благодарности.

Глава 15

Лапка.

— Зачем ты вчера так напилась? — спросил Доннел, когда я перестала реветь.

Он вернулся в кресло у окна и усадил меня на колени, продолжая обнимать одной рукой. Подал кружку с кофе, который я сразу начала отхлёбывать мелкими глотками в попытке потянуть время перед ответом, сгорая от стыда. Как-то получилось, что, начиная со вчерашнего вечера, вся ситуация представляла из себя сплошной позор. Сначала я, вломившись в номер без спросу, застала своего нового владельца в весьма пикантной ситуации. Затем залпом опустошила бутылку коньяка, тем самым заставив его возиться с собой не самым приятным образом. И, как будто всего этого было мало, разбудила ни свет ни заря, рыдающая и измазанная кровью. Но больше всего мне было стыдно даже не за то, что я предстала перед мужчиной в один из самых сокровенных женских моментов, которые следует скрывать, делая вид, что ничего подобного даже не существует. А за мысль, которая пришла мне в голову, едва я почувствовала боль внизу живота и увидела кровь. Сейчас уже было невозможно представить, что этот человек, который, несмотря на все доставленные ему неудобства, так заботился обо мне, мог бы воспользоваться моим бесчувственным

телом.

— Для храбрости, — промямлила я, наконец, под внимательным взглядом Доннела. — Мне подружки посоветовали, чтобы расслабиться.

Он фыркнул в свою кружку, сдерживая смех.

— Для храбрости тебе хватило бы половины бокала. А так ты могла серьёзно отравиться. Даже того, что успело всосаться в кровь, а не оказалось в унитазе, хватило, чтобы вырубить тебя до утра. Как, кстати, себя чувствуешь?

Я замерла и мысленным взором пробежалась по телу. Продолжал надоедливо ныть низ живота, но в основном всё было как обычно.

— Хорошо, спасибо.

— Да не за что, — Доннел отхлебнул из чашки. — И пила ты зря. Я всё равно собирался тебя вежливо выпроводить.

— Почему? — в этом вопросе внезапно прозвучало больше обиды, чем удивления, и это стало ещё одной гирькой на чашу моего позора.

— Потому что хотел вернуть Галю, — невозмутимо отозвался Доннел. — Брюнетка, которая была здесь, когда ты пришла. Я всегда приглашаю её, приезжая на остров.

Ага, её. И ещё Аллу. И ещё нескольких похожих, во-от с такими титьками!

— Просто неудобно было тебя сразу разворачивать, — продолжал он, не замечая моих надутых губ. — Думал, схожу в душ, объясню всё, и мы уйдём вместе. Ты — к себе, я — в бар за Галей. Из ванной вышел, а ты тут уже в зюю. Вот и пришлось планы изменить: куда тебя в таком состоянии?

Я виновато потупилась, решила, что надо хоть как-то объясниться за своё утреннее поведение, и пробормотала:

— А я проснулась почти голая, и живот болел, и... всё остальное. Вот и подумала спросонок, что вы...

Доннел иронично поднял брови и приложил палец к моим губам, вынуждая замолчать.

— Давай договоримся? Во-первых, не вы, а ты. Мы с тобой вроде как собираемся вступить в довольно близкие отношения, и выкатать, несмотря на разницу в возрасте, уже неуместно. А во-вторых, не оправдывайся. Ты имела все основания такое подумать, учитывая обстоятельства и место нашего знакомства.

Я тихонько кивала, опустив глаза. Стыдно всё ещё было, но уже терпимо. Ровный голос Доннела успокаивал, его рука, обнимающая меня поверх халата, — тоже. Я вдруг осознала, что впервые сижу на коленях у мужчины и странным образом чувствую себя так, словно это самая естественная вещь на свете. Хотя, если подумать, чего мне уже стесняться после ночных и утренних событий? Вряд ли мы друг друга можем ещё чем-нибудь удивить.

Молчание затянулось, Ральф пил кофе, о чём-то задумавшись, а я украдкой поглядывала на него сквозь упавшие на лицо влажные волосы. Черты лица Доннела теперь не казались мне такими грубыми, как при первом знакомстве, их внешняя резкость уже не обманывала меня. Даже глаза, выглядевшие до этого чёрными, оказались тёмно-карими, тёплыми, цвета крепкой заварки. А ещё у него были очень мягкие на вид волосы. Короткие, но не ёжик, каштановые, выглядевшие так, словно, если на них дунуть, они распушатся, взлетят и опадут не сразу. Как чёрно-бурый лисий мех, из которого мама как-то сшила мне шапку. Захотелось потрогать их, чтобы убедиться, не обманчиво ли это впечатление, но я, конечно, не осмелилась.

Кофе кончился. Тоскливо заглянув в опустевшую кружку, я вздохнула и замерла.

Пытаться слезть с колен Ральфа казалось невежливым, сидеть дальше, как ни в чём не бывало, — наглым. Но удачно вышло, что его кофе закончился одновременно с моим, и Доннел, поставив обе наших кружки на столик, осторожно пересадил меня в кресло. Уже стоя, протянул руку, провёл пальцами по моей правой щеке, где под зелёной сосновой лапкой угадывался шрам.

— Расскажешь мне об этом?

Я с готовностью кивнула, но Ральф добавил:

— Не сейчас. Сейчас я пойду пообщаться с людьми и вернусь к обеду. Номер в твоём распоряжении, можешь посмотреть телевизор или взять из холодильника что-нибудь поесть. Но я бы рекомендовал отдых. Ты сейчас немного больна, да и ночь выдалась не из лёгких. Ляг, поспи, а я разбуду тебя, когда вернусь.

Я опять кивнула и молча смотрела, как он берёт с прикроватной тумбочки часы, застёгивает на руке, поправляет перед зеркалом воротник рубашки, рассовывает по карманам мелкие вещицы... И только, когда Доннел направился к двери, вспомнила что-то, как мне тогда показалось, очень важное, и окликнула:

— Сударь!

— Ральф, — он без удивления обернулся, — просто Ральф. Что тебе?

— Вы мне разрешите петь с группой в ресторане? Выступать по вечерам?

— Не вы, а ты. Разрешу. Выступай на здоровье, если тебе нравится, — Доннел опять направился к двери, но я вспомнила ещё кое-что, не дававшее мне покоя с нашей первой встречи.

— Су... Ральф! А можно ещё спросить?

На этот раз он облокотился о косяк, всем своим видом выражая внимание и терпение.

— Спрашивай.

— Вы... ты ведь с Запада, правда?

Он как будто с досадой шевельнул плечами, но ответил дружелюбно:

— Оттуда. Если хочешь спросить про мой великолепный русский, то мои родители — москвичи. Одни из немногих, у кого хватило ума понять, к чему идёт дело, и сбежать за границу, пока не упал железный занавес. Ещё до моего рождения. А теперь ложись спать, успеем ещё наговориться.

Ральф ушёл, а я осталась сидеть в кресле, глядя на закрывшуюся дверь и пробуя на вкус только что прозвучавшие слова:

"хватило ума понять, к чему идёт дело"

"сбежать за границу"

В душе опять защемило. Я бы не смогла объяснить почему, но произнося это, Ральф снова неуловимо напомнил мне Дэна. Напомнил так, будто я заглянула в будущее и увидела своего друга, ставшего взрослым.

С той минуты, когда я свернулась под одеялом и мгновенно уснула в номере улучшенный стандарт самого дорого отеля Оазиса, время снова рвануло вперёд, потекло ровно и почти без происшествий. Отмеряя новый виток моей жизни, в которой теперь был Ральф.

Ральф показывался на острове так же часто, как Яринкин Ян: почти каждую неделю. Все эти дни я проводила с ним, отвлекаясь только на выступления в ресторане. Вместе нам было легко и просто. Может быть, потому, что я исчерпала все запасы своей стыдливости в

сумасшедшую ночь и не менее сумасшедшее утро, когда впервые заявила к нему, умудрившись предстать в самом неприглядном виде. После этого чего-либо стесняться уже не получалось. Даже наша первая близость прошла для меня без особых эмоций. Тем более, что произошло это не сразу.

Мои месячные, нагрянувшие так некстати, продлились четыре дня, и всё это время я чувствовала себя вялой и разбитой. Дни проводила с Ральфом, а на ночь, когда к нему наверняка приходили Галя, Алла или кто-нибудь не менее грудастый, возвращалась в наш домик, к Яринке. Яринка очень помогла мне отнестись легче к моему, как я думала, несмываемому позору. Она так хохотала, слушая про выпитый коньяк, выставленную вон Галю и весьма неординарно возбужденного поутру Ральфа, что я тоже начала улыбаться и, в конце концов, решила, что ничего ужасного не произошло.

Когда мои, как называла их Агафья, критические дни подошли к концу и я почувствовала себя лучше, Ральф узнал об этом первый. Я слишком хорошо помнила слова Яринки о том, что здесь с нами в любой момент может случиться всё что угодно, и сама попросила у него разрешения прийти на ночь. Ральф кивнул и провёл тыльной стороной ладони по моей щеке, по правой щеке с сосновой лапкой, словно попытался разгладить прячущийся под ней шрам. Он нечасто ко мне прикасался. Мог разве что приобнять за плечи, убрать за ухо непослушную прядь волос или легко поцеловать в губы, прощаясь до следующего утра.

Но всё изменилось после того, как я впервые легла с ним в постель, легла не как упившееся до беспамятства тело, но как женщина. Точнее, как та, кому ещё только предстояло стать ею. Яринка и здесь оказалась права: объятия и поцелуи были приятны. Мне понравилось, как руки Ральфа обтекали моё тело, повторяя его изгибы, поглаживая и сдавливая. Понравилось и скольжение горячего языка по коже, неторопливые влажные поцелуи, которыми он покрывал меня с ног до головы, в самых сокровенных местах. Мне не с кем было сравнивать, но, помня рассказы соседок о том, как торопливо и грубо подчас обращаются с ними другие гости, я могла сделать вывод, что мне и здесь повезло.

Больно было, но не очень. Не сравнить с розгами и уж тем более не сравнить с рвущими тело собачьими клыками. Я даже не пикнула, только задержала дыхание. Хуже оказались последующие минуты. Боль ослабла, но не прошла; кроме этого, мне сразу стало тяжело и очень жарко под навалившимся мужским телом, а мышцы бёдер и спины остро заныли от напряжения и непривычной позы.

Но всё это стоило того облегчения, которое я испытала, когда Ральф шумно выдохнул и, на миг судорожно скомкав в кулаке мои волосы, наконец отстранился. Мне думалось, что теперь самое плохое позади, и дальше всё станет пусть не замечательно, но нормально.

К сожалению, это оказалась не совсем так. В последующие наши ночи с Ральфом боль упрямо возвращалась, хоть и не такая яркая. Дискомфорт, тяжесть, ощущение того, что он слишком велик для меня, тоже остались. Но я научилась с этим мириться, научилась даже получать что-то вроде морального удовлетворения от своей нужности этому мужчине, такому сильному и взрослому, с далёкого желанного Запада.

Ральф видел, что я не в восторге от нашей близости, и объяснил это тем, что девочки моего возраста не получают от секса того же, что девушки постарше, что у меня пока просто другой гормональный фон, но в будущем всё изменится. И мне даже в голову не пришло пожаловаться на то, что он делает мне больно. Я уже достаточно времени провела в Оазисе, прониклась его нравами и твёрдо усвоила: кто платит, тот и заказывает музыку. Ральф мой

хозяин, он меня купил, и он в своём праве поступать, как считает нужным. Моё отношение к Доннелу от этого факта никак не менялось. А отношение это характеризовалось, пожалуй, одним словом: благодарность.

Я была благодарна Ральфу, начиная с нашей первой встречи, когда он согласился спасти меня от ужасного Ховрина. Я была благодарна ему за то, что возился со мной пьяной, спасая от отравления. А утром помог разобраться в том, что происходит с моим организмом, и не обиделся на предъявленное ему глупое обвинение. Я испытывала бесконечную благодарность за те внимание и заботу, что Ральф уделял мне каждый раз, появляясь на острове.

Наше общение не ограничивалось постельными утехами. Доннел посылал за мной сразу по приезду, невзирая на время суток. И я бежала, бросая всё, не потому, что слово господина — закон, а искренне желая его увидеть. Он никогда не появлялся с пустыми руками: привозил для меня то нарядную вещицу, то набор пастели для рисования, то разноцветные нотные тетради, то глянецвый самоучитель английского языка. Но не это заставляло меня ждать его появления, как праздника. Ральф сумел стать мне близким человеком, пусть не любимым, но тем, кому я могла доверять целиком и полностью, и который знал обо мне всё. Его по-настоящему интересовала моя жизнь до появления в Оазисе, мои мысли и чувства, и я охотно доверяла их ему. Мы подолгу разговаривали, уединившись в номере, или на крыше Айсберга за одним из столиков. Он расспрашивал меня о жизни в тайге, о приюте, о нашем с Яринкой побеге оттуда и последующих скитаниях. Хвалил за смелость и находчивость, журил за неосторожность, сочувствовал утратам, вслух размышлял о причинах и следствиях тех или иных событий. С ним я могла не бояться осуждения, рассказывая о таких поступках, за которые заслужила бы укоризненные взгляды даже от соседок по номеру, которые сами были далеко не безгрешны. Напротив, Ральф задорно смеялся, слушая о пририсованных Иисусу недостающих частях тела или о поджоге церкви.

Единственное, что осталось Ральфу неизвестным, — моя мечта убежать на Запад. Её я утаила, боясь, что такое признание Ральф может принять за намёк на то, что он, как выходец с Запада, должен мне помочь. И подумать, будто я с самого начала держала в уме только это. Что именно за этим подошла к нему в первый раз, а другие причины были лишь предлогом. Допустить такого я не могла: мнение Ральфа день за днём становилось определяющей ценностью в моей жизни.

При этом меня совершенно не смущало то, что про самого Ральфа я почти ничегошеньки не знала. Не знала даже, как называется страна, из которой он приезжает, и каким образом это возможно при железном-то занавесе. Не знала, зачем, по каким делам он так часто бывает на Руси: наверняка ведь не только затем, чтобы отдохнуть в Оазисе. Чем занимается, как зарабатывает на жизнь явно немаленькие деньги, раз сумел заплатить за меня впечатляющую даже по местным меркам сумму и оставить с носом Ховрина, считающегося одним из самых дорогих завсегдатаев острова.

Задавать вопросы мне и в голову не приходило. Я хорошо помнила совет Аси: никогда ни о чём не спрашивать гостей. Да и некий вкрадчивый голосок внутри, не голос-без-слов, а скорее еле слышный шепот, подсказывал, что ответы на эти вопросы могут мне не понравиться. Поэтому я не искала от добра добра, а довольствовалась своим новым положением. Положением девочки при постояннике и бэк-вокалистки в ресторане Айсберга.

Репетициям в группе, а также осваиванию новых музыкальных азов, я посвящала дни и

ночи без Ральфа. Ночные выступления перед гостями уже стали для меня обыденностью, и теперь было смешно вспоминать, в какой ужас меня привела новость о назначении на это место. Зарабатывать на этом чаевые, как делала Яринка, танцуя, не получалось, но я не унывала. Алла по моей просьбе узнала у Ирэн, что мой долг почти уплачен благодаря Ральфу. Остались крохи, и я решила, что задумаюсь об их погашении, когда у Яна выйдет уговорить отца повторно купить ему Яринку. Тогда мы бы смогли рассчитать всё так, чтобы закрыть задолженности одновременно. О том, что будет дальше, я пока не думала.

С нетерпением дождавшись купального сезона, я, навёрстывая упущенное в прошлом году, когда свежие раны не позволяли мне отдать должное морю и солнцу, целые дни проводила на пляже. Читала, лёжа в шезлонге, училась плавать брассом, а когда появлялся Ральф, тащила его гулять вдоль берега (было приятно идти с ним за руку на виду у всех) и ныряла с его плеч в накатывающие волны. Однажды он устроил нам прогулку на катере в открытое море, где мы пили шампанское, видели дельфинов и целовались на палубе под палящим солнцем. Последнее сделало это приключение особенно счастливым, учитывая то, что обычно Ральф никогда не целовал меня просто так, без намерения перейти к чему-то большему. А мне нравилось с ним целоваться. Будь моя воля, я бы любую нашу близость свела к поцелуям да объятиям, без всего остального, что причиняет боль.

В другой раз мы ныряли с аквалангом, и это стало одним из самых удивительных впечатлений моей жизни. Стало бы, наверное, и одним из самых счастливых, не вспомни я, скользя под водой за руку с Ральфом, о плеске в ночном море, о тёмной глубине Русалкиной ямы. Интересно, как это: всё время обитать здесь, в зеленоватой толще воды, в прохладе и невесомости?

Мы с Яринкой больше не говорили о том случае, когда она увидела в ночном море нечто странное и страшное. Делали вид, будто ничего такого не было. Но я заметила, что подруга, прошлым летом использовавшая любую возможность окунуться в солёные волны, теперь ведёт себя иначе. Яринка старалась купаться только в компании: со мной, или с Яном, или, на худой конец, просто неподалёку от других отдыхающих. И никогда — после захода солнца. После захода солнца она даже не приближалась к воде, так что наши прогулки под звёздами вдоль полосы прибоя остались в прошлом. Да и гуляла я теперь чаще с Ральфом.

В одну из таких прогулок мы подошли и к Русалкиной яме. Ральф носил дорогую обувь, и я не повела его по камням, остановилась на границе песка и гальки. Указала пальцем на вздымающийся у тёмных глыб прибой и коротко поведала местную легенду об утонувших девушках. Я ожидала, что он ответит что-нибудь насмешливое, даже циничное, как-то убедит меня в том, что всё это не более, чем сплетни, девчачьи страшилки, и верить в них — значит быть наивной дурочкой. Но Ральф не сделал этого. Он, прищурившись, смотрел на пустынную и каменистую часть берега, резко обрывающуюся в неведомую глубину, и молчал. Больше мы с ним к Русалкиной яме не ходили.

Но, в целом, май и июнь выдались для меня почти безоблачными. То, чего я боялась больше всего: дебют, аукцион и последующая за этим передача меня во временную собственность чужому мужчине — осталось позади и оказалось вовсе не страшным. У меня была Яринка, у меня был Ральф и была надежда на скорое освобождение от долга, а значит, и от самого Оазиса. Для того чтобы чувствовать себя счастливой, этого пока хватило.

Общую картину слегка омрачили лишь два эпизода. Во-первых, Ирэн. С того дня, когда мой аукцион закончился, не успев толком начаться, она не разговаривала со мной, а при встрече отвечала на приветствие сухим кивком, а то и полным раздражения взглядом. Я

пыталась расспросить соседок о том, что могло послужить причиной моей опалы, но они недоумённо пожимали плечами. Только Алла отшутилась, сказав, что, наверное, управляющая сама положила глаз на Доннела. И, устав гадать, я решила плюнуть на Ирэн, тем более, что она в ближайший, оплаченный Ральфом год никак не могла мне навредить.

Во-вторых, Ховрин. Он покинул остров сразу после того, как ему не удалось заполучить меня на аукционе, тем самым посчитавшись с Ральфом за какие-то их давние конфликты. Но в конце мая появился вновь. Я встретила его, когда после очередного выступления в Айсберге решила уйти спать пораньше, пользуясь своими правами девочки при постояльце, которая может не работать, если не хочет. Переоделась в гримёрке, вышла на крыльцо и там, в мигающем свете неоновой вывески, увидела курящего Ховрина. На тот момент, благодаря Ральфу, я уже успела оттаять от всех страхов, связанных со своей незащищённостью перед произволом гостей, и не дрогнула. Даже кивнула ему: всё-таки мы были знакомы, пусть и не самым приятным образом, а вежливость никто не отменял.

Но Ховрин, как выяснилось, думал иначе. Он бросил окурок на ступени крыльца и шагнул ко мне с такой удивительной для его комплекции стремительностью, что я не успела отшатнуться. И опомнилась только, когда короткие пальцы с силой сомкнулись на моих плечах.

— Ах вот ты где, — прошипел Ховрин, обдавая меня густым амбре табака и алкоголя. — На ловца и зверь бежит!

Я не испугалась и сейчас, помня о том, что этот человек ни копейки не заплатил, а значит, по правилам Оазиса, не имеет права меня касаться. Я — не его.

— Отпустите, мне нужно идти, — я попробовала стряхнуть с себя чужие руки, при этом не сумев скрыть брезгливую гримасу, невольно исказившую лицо. Видимо, она и вывела Ховрина окончательно.

Усилив хватку, он вдруг затряс меня, как тряпичную куклу, так, что ночные огни Оазиса заплясали перед моими глазами.

— Что, шкура, думала, ты самая умная?! — брызги слюны полетели мне в лицо. — Думала, я не узнаю, как ты с Доннелом сговоришься, чтобы меня опустить?! Быстро нашлась сучка! Смешно вам было?!

Нападение застало меня врасплох: я не могла оказать сопротивления, не могла даже ничего ответить — зубы лязгали, голова моталась взад-вперёд, из горла вырывались лишь нечленораздельные звуки. А Ховрин заводился всё сильнее.

— Ишь, находчивая! Ну, ничего! Я, бля, терпеливый! Думаешь, ты Доннелу очень нужна?! Второй раз он за тебя платить не станет, не жди! Зато я — тут как тут!

Помощь пришла с неожиданной стороны. Охранник, дежуривший в холле Айсберга, сквозь стеклянные двери углядел на крыльце нашу возню и счёл нужным вмешаться.

— Сударь! — услышала я над собой его голос. — Сударь, не надо! Отпустите девочку!

Пальцы Ховрина, на тот момент наверняка уже украсившие мои плечи синяками, внезапно разжались. Я едва не упала, потеряв опору: голова кружилась от тряски. И увидела, как охранник, рослый молодой парень, стриженный "под ноль", вежливо, но надёжно удерживает Ховрина, обхватив ручищами поперёк туловища.

Ховрин зашёлся истеричным хрипом:

— Что себе позволяешь, барбос?! Лапы убрал! Да я тебя уничтожу! Завтра же отсюда вылетишь!

— Сударь, успокойтесь, — пытался утешать его охранник, не ослабляя хватки. — Эта

девушка не работает, пусть идёт. Вернитесь в зал, там можете выбрать любую...

— Сгною!! — Ховрин сорвался на визг. — По миру пуцу, холуй! Да ты знаешь кто я?!

Поверх его дёргающегося плеча охранник бросил взгляд на меня, застывшую на прежнем месте, и резко мотнул головой в сторону: уходи! Я не заставила просить себя дважды: бегом бросилась вниз по ступеням, а затем — в ближайший проулок, слыша за спиной затихающую ругань Ховрина. И перешла на шаг только возле нашего домика.

Оглянулась. Погони не было, стояла тишина. Оставалось только надеяться, что для отважного охранника эта стычка не будет иметь последствий. Тем более, что поступил он, прямо скажем, нестандартно.

В Оазисе так сложилось, что охранники редко заступались за девушек, соблюдая главное здешнее правило: клиент всегда прав. Конечно, до совсем уж смертоубийства старались не доводить, но считалось, что нет ничего страшного в том, что гость сбросит пар, отвесив кому-то из девиц пару-другую тумачков. Для того мы здесь и находимся. Издержки профессии, чего уж там.

А ведь Ховрин меня даже не бил.

Что же сподвигло героического охранника применить силу к одному из самых дорогих гостей Оазиса, тому, кому по умолчанию позволялось поступать с девушками любым, самым ужасным образом? Недаром же Ася так испугалась, увидев его в зале. Недаром остальные при его появлении начинали молиться о том, чтобы сегодня выбор садиста пал не на них.

На этот вопрос ответа я не нашла, а спросить у самого охранника даже в голову не пришло. После знакомства с Белесым я не жаждала общения ни с одним из ему подобных. Даже с тем, кто за меня заступился, тем более, что совершенно непонятно, зачем он так поступил.

И только взявшись за ручку двери нашего домика, я задалась ещё одним вопросом. А почему Ховрин решил, что я сговорила с Доннелом? Откуда ему это стало известно?

Я спросила об этом у самого Ральфа.

Мы лежали в постели, в номере, освещённом лишь беззвучно работающим телевизором. Как всегда после нашей близости, я испытывала двойственные чувства. С одной стороны — удовольствие от осознания своей нужности для него, пусть даже нужность эта была сведена к сексу, с другой — облегчение, что всё осталось позади. Сексуальные вкусы Ральфа были весьма разнообразны и изощрённы, отчего в процессе я уставала так, словно опять совершала побег из приюта по ночным лесам. Но тем приятнее потом было отдыхать, положив голову на твёрдое мужское плечо.

В такие минуты мы всегда о чём-нибудь неспешно беседовали, и сейчас я решила использовать их для рассказа о выходке Ховрина.

Ральф выслушал молча, лишь его плечо под моей щекой затвердело ещё больше. Голос, однако, прозвучал расслабленно.

— Не бери в голову, худышка. Он бесится от бессилия. Да и пьяный был наверняка, потом и не вспомнит.

Ральф редко называл меня по имени. Для него я была худышкой или лесной малышкой. Но чаще всего Лапкой — за пушистые сосновые лапки, украшающие моё тело.

— А если вспомнит? — я покрепче прижалась к тёплому боку Ральфа, неосознанно ища защиты от всех страхов. — Он же ездит сюда уже много лет. И будет ездить. А через год, когда я снова стану... ничья, ему ничто не помешает купить меня.

Ральф чуть повернул голову, небрежно чмокнул меня в макушку.

— Не бойся, Лапка. Когда истечёт этот год, мы что — нибудь придумаем.

Я благодарно потёрлась носом о его плечо и действительно перестала бояться. Доннел был не из тех людей, кто бросает слова на ветер. Кроме того, я безошибочной женской интуицией понимала, что небезразлична ему. Ни о какой любви тут, конечно, и речи не было, но он определённо чувствовал за меня некую ответственность. Это выразалось в той заботе, которой я была окружена. В привезённых подарках, в оставленных на карманные расходы деньгах, в желании сытнее накормить и теплее одеть, в тревожных вопросах о самочувствии, если я, как ему казалась, выглядела нездоровой.

Поэтому и сейчас у меня не было повода усомниться в его словах.

Конечно, я не тешила себя иллюзиями в духе истории Золушки. Глупо было даже допустить мысль о том, что Ральф Доннел заберёт меня к себе, в далёкую страну, на желанный Запад, и сделает своей если не женой, то хотя бы подругой, равной. Ведь сейчас, как ни назови, но, по сути, я являлась его наложницей. И понимала, что, скорее всего, такое его отношение ко мне не изменится. Поэтому самое большее, чего я могла желать, — его помощь с моим долгом, если тех денег, что я успею заработать здесь в ближайший год, вдруг не хватит. Мне казалось вполне реальным, что Ральф согласится купить меня ещё на несколько месяцев, сколько бы их ни понадобилось, для погашения остатков задолженности. А потом...

Признаюсь, как бы я ни была благодарна Ральфу за всё, что он для меня делал, но в моих планах после Оазиса для него места не оказалось. Там были Яринка, возможно, её Ян, и Дэн, которого мы надеялись разыскать. Если повезёт, вместе с Михаилом Юрьевичем и остальными *другими*, кого нам так и не удалось встретить в назначенное время на перекрёстке дорог...

Ральф шевельнулся рядом, высвободил плечо, повернулся на бок и осторожно провёл ладонью вдоль моего тела. Я вытянулась, принимая ласку, и дурашливо мурлыкнула, млея от удовольствия. В минуты секса Ральф бывал со мной если не грубым, то довольно бесцеремонным. Он мог вертеть меня, как куклу, стискивать до синяков, наваливаться всем весом, но зато в любое другое время обращался очень бережно и нежно. Почти трепетно. Словно был не пресытившимся сорокалетним мужчиной, знавшим много женщин, а романтичным мальчишкой вроде Яринкиного Яна.

— Лапка, а что Ирэн? — спросил он, продолжая гладить меня по спине и бокам, как приبلудившегося котёнка. — Ты говорила, она злится на тебя?

Я помедлила с ответом, пытаюсь вспомнить, когда могла сказать такое, но не преуспела. Да и какая разница?

— Злится. Главное, непонятно, за что. С тех пор, как...

И незаметно для себя я рассказала Ральфу про утро, когда Ирэн явилась к нам в домик и сообщила мне о закрытии аукциона, чуть не испепелив злобным взглядом. А затем и про то, как до этого она была воодушевлена моим преобразованием — своим самым креативным проектом. И ещё раньше, когда сказала мне, что интуиция её никогда не обманывает, и, раз уж она в своё время потратила деньги на полуживую, изуродованную собачьими клыками невзрачную девчонку, то, значит, они окупятся с лихвой.

Через несколько минут Ральф знал всё о моих отношениях с управляющей Оазисом: от нашего знакомства в палате клиники до последней случайной встречи на улице, когда Ирэн прошла мимо, не удостоив меня даже кивком.

Так у нас с ним происходило всегда, хоть я и не понимала, как это получается. Ральф задавал один-единственный вопрос, а я начинала выкладывать всё подряд, как на исповеди.

Сейчас я надеялась, что Ральф увидит что-то, упущенное мной, и укажет на возможную причину недовольства Ирэн. Но он лишь усмехнулся.

— Не обращай внимания. Ирэн вздорная бабёнка, и разобраться в её тараканах способен не каждый. Перебесится.

Почему-то меня насторожило то, что он назвал управляющую по имени, и я осторожно спросила:

— Ты знаешь Ирэн?

Могу я, в конце концов, тоже задавать вопросы? Оказалось, что могу.

— Знаю, — равнодушно подтвердил Ральф, — и довольно давно. Одно время у нас с ней было что-то вроде общего дела.

— Правда? — я даже приподнялась на постели. Но удивилась не близкому знакомству Ирэн и Ральфа, а тому, что, насколько я знала, женщина на Руси никак не может иметь своего дела.

— Не здесь, — на этот раз Ральф помедлил с ответом, явно раздумывая, стоит ли мне что-то объяснять. — Тебя никогда не удивляла её манера величать себя Ирэн, а не Ириной?

— Не может быть... — теперь я испытывала странную смесь зависти и злости. — Ирэн с Запада?

Ральф кивнул, и я порывисто села на постели, засопев от обиды. Эта неестественно моложавая стерва жила на Западе? И променяла такую жизнь, жизнь, в которой у неё могло быть всё, что угодно, на деньги, заработанные похищением и продажей в рабство девушек?!

Ральф протянул руку, легко уложил меня обратно, прижал к себе.

— Забудь про Ирэн. Она для тебя больше не авторитет, пусть крысится, сколько влезет.

Его движение было властным, голос — твёрдым, и я поняла, что разговор окончен, что задавать вопросы на эту тему больше не стоит. И промолчала.

Но не забыла ни слова из уже сказанного.

Безоблачная, почти безмятежная жизнь продолжалась до начала июля. А потом была нарушена самым ужасным образом. В один из вечеров я оставила Ральфа ужинать в ресторане, а сама забежала домой переодеться перед очередным сольным выступлением в Айсберге. И обнаружила в нашем номере Яринку, растрёпанную, в порванной одежде, с окровавленным лицом.

Глава 16

Ловушка.

Начиная с Рождества, когда Яринка перешла во временную собственность Бурхаева-старшего и получила от него задание собирать любую информацию о сыне, сам он бывал на острове всего трижды. Каждый раз — в отсутствии Яна. Вызывал к себе Яринку, расспрашивал о результатах её наблюдений. И Яринка вдохновенно пересказывала то, что они с Яном заранее придумали. В основном, это были разные безобидные мелочи вроде его увлечения иконописью и планов участвовать в росписи церквей и храмов. Бурхаев-старший брезгливо кивал, выслушивая рассказы о мечтах сына, а потом отпускал мою подругу небрежным жестом. Так продолжалось до июля, в конце которого оплаченный за Яринку

срок подходил к концу, и Ян уже собирался просить отца о его продлении, когда тот в очередной раз появился в Оазисе.

Яринка явилась к нему в номер почти не обеспокоенная. Она привыкла, что их с Яном план работает, и собиралась рассказать очередную заготовленную выдумку. Но всё с самого начала пошло не так.

Бурхаев-старший встретил её тяжёлым взглядом покрасневших глаз. Он был уже достаточно пьян для того, чтобы не контролировать свою агрессию, но ещё не настолько, чтобы утратить способность мыслить и рассуждать.

— Ну, что скажешь на этот раз? — угрожающе безразличным тоном спросил он у появившейся на пороге Яринки, полулёжа на диване. Номер был погружён в полумрак и тонул в сигаретном дыму.

Яринка осторожно прикрыла за собой дверь и сделала несколько робких шагов вперёд. Опыт прошлых визитов говорил ей, что лучше выложить всё побыстрее, не заставляя Бурхаева задавать вопросы, отчего он раздражался. И она торопливо заговорила:

— Здравствуйте, сударь. У Яна всё хорошо. Но ему не нравится, что вы пытаетесь знакомить его с дочерьми своих знакомых. Он не хочет жениться ни на одной из них и...

— Да ну? — перебил Бурхаев, не глядя на неё. — Надо думать, жениться он хочет на тебе?

— Хочет, — спокойно подтвердила Яринка. Они с Яном понимали, что представлять его отцу всё слишком гладким тоже будет подозрительно, поэтому кое-чего решили не отрицать. — Он любит меня.

Бурхаев скривился.

— Сам знаю. Знаю даже, что скоро придёт просить купить тебя ещё на полгода, или сколько там нужно, чтобы твой долг погасить, а? Что потом придумали? Сбежать и обвенчаться тайком?

Яринка открыла рот. Не учитывая того, что сбежать они с Яном планировали на Запад и пожениться уже там, Бурхаев-старший попал в десятку.

Глядя на её перепуганное лицо, отец Яна криво усмехнулся.

— Стратеги недоделанные. Ты ладно, умом и не должна блистать, но от сына я такого не ожидал. Или это из-за общения с тобой он отупел? С кем поведёшься... А может, я старею? Уже сопляки за идиота держат?

Он говорил спокойно и даже печально, сидел расслабленно, покачивая в руке полупустой бокал вина, но Яринка почувствовала, как волоски на теле встают дыбом, а вверх по позвоночнику ползут холодные пальцы паники. Она невольно оглянулась на дверь, но тут Бурхаев велел:

— Подойди.

Ощущая себя ягнёнком, приготовленным на заклание, ослабев от дурных предчувствий, но не в силах послушаться, Яринка подчинилась. Сделала несколько шагов вперёд и остановилась в метре от дивана. Отец Яна посмотрел на неё почти ласково. Вздохнул.

— Красивая ты девка, что ни говори. Вот мой дурак и поплыл. По-хорошему у него мозги на место уже вряд ли встанут, придётся по-плохому. А по-плохому — это как?

— Как? — послушно спросила Яринка похолодевшими губами.

— А вот как, — охотно ответил Бурхаев. — За тебя я платить больше не собираюсь, а своих денег у Яна нет. И в ближайшее время не будет, уж я позабочусь, так что примчатся сюда мой олух не сможет. А с глаз долой — из сердца вон. Особенно, когда он будет знать,

что тебя тут все, кому не лень, пользуют. За клиентами не заржавеет, когда ты освободишься, не так ли? Я видел, как на тебя мужики пялятся, когда ты у шеста вертишься. Желающих хватит надолго.

На этот раз Яринка промолчала, раздавленная обрушившимися несчастьями. Она больше не увидит Яна? Ей придётся работать с другими гостями? Побег не состоится? Всё так. Но и это оказалось не самым страшным на сегодня.

— Однако, — Бурхаев, крикнув, дотянулся до столика, поставил на него допитый бокал, — ещё почти три недели до конца месяца за тебя оплачены, а я не привык тратить деньги впустую. Тем более, что, как выяснилось, ты не выполнила свою часть нашего уговора и всё это время обманывала меня. Поэтому я собираюсь оправдать свои затраты. И уж поверь, отработать тебе придётся всё до копейки.

Яринка попятилась, но не нашла в себе силы развернуться и побежать. А потом было уже поздно.

Я слушала, приходя в ужас. Подруга рассказывала сбивчиво и невнятно, постоянно прерываясь на то, чтобы утереть сочащуюся из уголка рта кровь уже насквозь мокрым платком. Нос и губы её распухли, глаза медленно заплывали, превращаясь в щёлки, и речь становилась всё путанее. В конце концов, она перешла на сплошную ругань вперемешку со всхлипами, и я заставила себя выйти из оцепенения.

— Яриночка, подожди секунду, я сейчас!

Неловко погладив подругу по плечу, я кинулась вниз, на кухню, где в одном из шкафчиков у нас хранилась аптечка, на ходу вспоминая все, что знала об оказании первой помощи. Но единственное, на что хватило моих знаний, — ватными тампонами, смоченными в перекиси водорода, очистить Яринкино лицо от кровавых разводов, а её саму уложить на кровать.

— Давай я в клинику за доктором сбегаю, — беспомощно предложила я, поняв, что больше ничем не могу помочь. — У тебя... только лицо или...?

— Или, — ответила Яринка, с трудом складывая распухшие губы в слова. — Ещё в боку что-то. Дышать больно. И внутри...

Я беспомощно зажмурилась и задала вопрос, который всё это время не давал мне покоя.

— Бурхаев... он изнасиловал тебя?

Невероятно, но Яринка попыталась улыбнуться, издала что-то вроде сдавленного смешка.

— Да ну... лучше бы изнасиловал. Не смог. Не работает там у него ничего. Поэтому и психанул так, бить начал. А потом...

Яринка передёрнулась, застонала, шёпотом выдавила несколько слов, которые обычно предпочитала не употреблять, но продолжила:

— Когда понял, что ничего не может, то начал в меня руку пихать... и, кажется, порвал там всё...

Я скосила глаза на Яринкины бёдра. Шорты на ней были застёгнуты кое-как, сквозь тонкую ткань проступали пятна крови. Я поняла, что плачу, услышав, словно со стороны, свои сдавленные прерывистые всхлипы.

— Потерпи чуть-чуть, я за доктором. Туда и обратно, немножко ещё потерпи...

Я начала приподниматься с колен, на которых до сих пор стояла перед Яринкиной кроватью, но она вдруг на удивление сильно сжала липкой от крови рукой мою кисть. Её

зелёные глаза лихорадочно блестели из узких щёлок, в которые превратились веки.

— Пстой, — голос был глухим, но твёрдым. — Твой Доннел здесь?

— Да, — я замерла, растерявшись от неожиданного вопроса. — Он в Айсберге. Ярин тебе надо к доктору и...

— Подожди, — так же решительно оборвала моё бормотание Яринка. — У меня в тумбочке, в блокноте, номер телефона Яна. Возьми и отдай своему Ральфу. Попроси его, чтобы позвонил по этому номеру, когда уедет с острова. Пусть расскажет Яну, что случилось.

Я поражённо уставилась на неё.

— Ярин, Ральф никогда не станет...

— Попроси, — опять перебила она. — Чтобы Ян всё узнал и успел, пока у него есть деньги...

Яринка повернула голову на бок, и из её носа на подушку сразу заструилась тонкая струйка крови. Я потянулась вытереть её, но подруга нетерпеливо махнула слабой рукой.

— Пусть скажет Яну, что его отец не оставит меня в покое. Он сказал, что сегодняшнее ещё цветочки... хочет сделать всё, чтобы я стала противна Яну, чтобы была грязной...

Яринка замолчала и напряглась всем телом, переживая приступ боли. А потом снова улыбнулась кровавой и зловещей улыбкой.

— Пусть скажет, что я не стану этого терпеть. В следующий раз убью Бурхаева. Вот ведь как... всегда хотела убить своего отца, а убью отца Яна...

Опять раздался сдавленный утробный смешок, от которого у меня по коже, которая, кажется, и без того была уже ледяной, поползли мурашки. А из Яринкиного голоса исчезала уверенность, он становился сонным, голова упрямо клонилась на бок.

— Пусть Ян себя не винит... он хороший. Я всегда буду его помнить. Если не сможет... пусть на Запад без меня... нечего ему здесь...

Я всё-таки поднялась на дрожащие ноги, сделала шаг к дверям, но не смогла отвести взгляд от изуродованного лица Яринки. Губы, теперь ставшие бесформенными, едва заметно шевельнулись.

— Попроси...

Я кивнула, стараясь выглядеть как можно более уверенной и спокойной.

— Я попрошу Ральфа позвонить Яну. Обещаю. Сегодня же. Но сначала приведу к тебе доктора.

И, не в силах больше смотреть на то, во что Бурхаев-старший превратил мою красивую и гордую подругу, бегом бросилась за дверь.

Доктору хватило беглого взгляда, чтобы понять: без госпитализации не обойтись. Но он не выглядел ни шокированным, ни даже удивлённым, за что я его почти возненавидела. Интересно, как часто этому ещё молодому мужчине приходилось видеть здесь избитых и изнасилованных девушек? А умирающих? Как давно это стало для него обыденностью, не заслуживающей каких-либо эмоций?

Два охранника, пришедшие с доктором, переложили совсем ослабевшую Яринку на носилки, а я собрала кое-что из её вещей. Все вместе мы двинулись в клинику, провожаемые молчаливыми соседками, появления которых я даже не заметила. По иронии судьбы Яринка заняла ту же палату, в которой год назад лежала я, перебинтованная, как мумия. Не к месту вспомнилась ночь, что я провела здесь на подоконнике, во все глаза глядя на проходящих

под окном странных людей: пьяных, голых, бесстыжих. А для меня как давно это стало обыденностью?

— Она поправится? — спросила я у доктора сиплым от слёз голосом, когда Яринка была уложена на больничную кровать, а охранники убрались восвояси.

— Не беспокойся, — он отозвался почти беспечно, заставив меня сжать руки в кулаки. — Вы, девчонки, как кошки живучие. Себя-то помнишь?

— Когда я могу навестить её?

— Завтра днём приходи, — доктор уже возился со шприцами и ампулами, и я бесшумно вышла, постаравшись взглядом уверить Яринку в том, что выполню обещание.

Возвращаться в домик я не стала, боясь расспросов, которыми меня неизбежно забросали бы девушки. Но ещё больше боялась того, что их утешения будут звучать примерно так: "Яринка поправится, это ещё ничего, а вот меня гость однажды...". Такого я могла уже не выдержать. Оазис, жёлтый от песка и синий от моря, кажущийся на первый взгляд райским местечком с его пальмами и павлинами, с аккуратными, словно пряничными, домиками, сегодня повернулся ко мне иной стороной. Тёмной и глубокой, как воды Русалкиной ямы, скрывшей самые страшные его тайны.

Абсолютная безнаказанность Бурхаева. Равнодушие доктора и охранников. Молчание соседок. То, как Яринка, еле держащаяся на ногах, истекающая кровью, в разорванной одежде, одна дошла от Айсберга до дома, и никто не остановил её, не предложил помощь. Понимание, что подобное в любой момент может случиться с любой из нас...

Я торопливо шагала по улочкам Оазиса, освещённым разноцветными фонариками, которые всегда казались мне такими уютными, и чувствовала себя зверьком в смертельной западне. В западне, стены которой медленно, но неотвратно смыкаются вокруг меня. И неважно, что стены эти пестреют всеми красками южного лета, пахнут морем и фруктами, звучат музыкой и шумом прибоя. Всё равно рано или поздно они сойдутся так тесно, что меня между ними уже не останется.

До Айсберга мне казалось, что я держусь неплохо, но, судя по тому, как Ральф, сидящий на террасе ресторана, не донёс до рта вилку, замерев в нелепой позе при моём появлении, — только казалось.

— Что с тобой?!

Я хотела ответить, но увидела своё отражение в зеркальной стене — съёжившееся, дрожащее, с мокрыми дорожками от слёз на щеках, — и закрыла лицо руками.

Ральф торопливо поднялся, бросил на стол купюру и, обняв меня за плечи, быстро повёл прочь. Я послушно семенила за ним, уже не сдерживая слёз. Но заметила, что ни мой плач, ни наш поспешный уход не привлекли ничего внимания. Как, наверное, не привлекла его бредущая по улицам окровавленная Яринка. Чьи-то слёзы и кровь не пользовались здесь популярностью.

Ральф закрыл за нами дверь номера и тут же опустился передо мной на корточки, заглянул в лицо, слегка встряхнул за плечи.

— Что случилось? Тебя кто-то обидел? Кто?

Говорить я ещё не могла, но отрицательно помотала головой, и Ральф заметно расслабился. Поднялся, шагнул к холодильнику, забулькал там чем-то, отгородившись от меня открытой дверцей. Я медленно прошла в номер, потерянно села на краешек кровати, пытаюсь собраться с мыслями, чтобы начать разговор о том, зачем пришла. Получалось плохо.

Подошёл Ральф, протянул мне стакан, на дне которого плескалась коричневая жидкость. Я отпрянула, по запаху узнав коньяк, целую бутылку которого залпом выдула в нашу первую совместную ночь.

— Пей, — Ральф не дал мне отодвинуться, — сейчас можно. Пей и рассказывай, что стряслось.

Я выпила. Вкус оказался таким отвратительным, что осталось только подивиться тому, как я не заметила его в прошлый раз. Горло обожгло, в животе протестующе заурчало, зато я уже не плакала.

Забрав из моих рук опустевший стакан, Ральф бесцеремонно сгрёб меня в охапку и оттащил к окну, в глубокое кожаное кресло, где мы обычно сидели по вечерам, глядя на раскинувшуюся внизу панораму Оазиса. Пристроил у себя на коленях, как фокусник, выдернул откуда-то белоснежный платок, принялся вытирать им моё зарёванное лицо. И такое проявление почти отеческой заботы успокоило меня куда больше выпитого коньяка. Именно благодаря этому я нашла в себе силы начать говорить.

Об истории любви Яринки и Яна Ральф уже знал, как и об остальном, что происходило с нами в Оазисе. Сама не понимаю, как так получалось, что я, начав о чём-то с ним говорить, уже не могла замолчать, но факт остаётся фактом: Ральф был единственным человеком после Яринки, который знал обо мне почти всё. Почти. Умолчала я только о наших планах побега на Запад.

Это и рассказала сейчас одним длинным прерывистым предложением, глядя на свои сцепленные на коленях руки. А когда замолчала, не сразу осмелилась поднять глаза на Ральфа, боясь, будто рассердила его тем, что до сих пор держала в секрете часть правды. Когда же, наконец, осмелилась заглянуть ему в лицо, то увидела совсем другую эмоцию. Глубокую печаль.

Густые чёрные брови поднялись домиком, что, на мой взгляд, Ральфу очень шло и делало моложе сразу лет на двадцать. Но сейчас я испугалась, потому что в последний раз видела такое выражение на его лице нашим первым утром, когда, заплаканная и жалкая, вышла из ванны, кутаясь в слишком большой для меня халат. Тогда Доннел пожалел меня, запутавшуюся, напуганную, не знающую, куда деться от стыда... Значит ли это, что я и сейчас по какой-то причине заслуживаю жалости?

— Детский сад, — наконец сказал он на глубоком грустном выдохе. — Какие же ещё дурачки эти твои Яринка и Ян. Бурхаева решили поймать? С огнём играли, вот и получили.

— Ты знаешь Бурхаева? — осторожно спросила я, просительно подсунув кисть под его ладонь, как просовывает собака морду под руку хозяину в надежде, что её погладят.

— Не лично, — Ральф резко мотнул головой, но одновременно ласково сжал мои пальцы, отчего я чуть расслабилась. — Наслышан. Со стороны твоей Яринки глупо было надеяться его обмануть.

— Откуда он узнал? — тоскливо спросила я в пустоту. — Как он узнал, что они его обманывают?

Ральф пожал плечами.

— Вариантов масса. И один из них такой: он ничего не узнавал, а только подозревал. И вчера взял твою подружку на понт. Она же ничего и не подумала отрицать.

Я задумалась и кивнула. Да, может быть, и так: Яринка была слишком напугана, слишком уверена в том, что их с Яном план раскрыт, чтобы попробовать отвертеться.

— А может быть, — продолжал Ральф, — он и не подозревал ничего, а просто искал

повод избавить сына от ненужной влюблённости. Срок, на который была куплена твоя подружка, ведь и так подходил к концу? Ну вот. Решил убить одним выстрелом двух зайцев: наследничку урок преподать и ту, за которую заплатил, самому попробовать.

Я обдумала и это и снова не нашла, что возразить. Судя по рассказам Яринки, Бурхаев был той ещё мерзостью и вполне мог использовать надуманный повод, чтобы изнасиловать Яринку и разлучить её с Яном. Кто же знал, что повод этот совпадёт с истинным положением вещей?

— И этот бурхаевский сынок тот ещё идиот, — со сдержанной злостью в голосе продолжал Ральф. — Запудрил вам мозги. Каким образом он думал сбежать на Запад? Старых фильмов насмотрелся?

Я секунду подумала и решила раскрыть последнюю карту — терять-то уже нечего.

— Мы думали... сможем найти Дэна или Михаила Юрьевича. А они уже сведут нас с остальными, как и обещали.

Ральф возвёл глаза к потолку, покачал головой, но ответил спокойно, даже вдумчиво.

— Допустим. Допустим, с помощью интернета или связей бурхаевского сынка вам бы это удалось. Допустим, что вы встретились с Дэном и прочими, кого ты называешь *другими*... погоди улыбаться, глупая. Так вот: с чего вы взяли, что они помогут вам бежать из страны?

Я недоумённо покосилась на него. С чего мы это взяли? А разве не за тем вообще всё затевалось? Ральф, внимательно следящий за выражением моего лица, закатил глаза ещё раз.

— Ну, детский сад же! — с досадой и болью в голосе повторил он. — Пойми, хudyшка, эти твои *другие* — не что иное, как террористическая группировка. Взрываем храмы, разгоняем крёстные ходы, уничтожаем святыни, шумно, глупо и бессмысленно протестуем против власти церкви! И группировка эта очень заинтересована в том, чтобы вербовать людей в свои ряды. Вербовать, а не распускать по заграницам! Они вам не доброе бюро пропусков, чтобы вывезти на Запад и помахать ручкой. Это как раз одна из тех структур, в которые легко войти, но невозможно выйти.

Я опустила глаза и промолчала. Слова Ральфа меня абсолютно не впечатлили и прозвучали так же пусто и странно, как когда-то слова Агафьи про телегонию. Глупость. Чушь. Совершенно ничем не обоснованная информация, применения которой в моей реальности нет. Как может Ральф, этот всем обеспеченный, не знающий нужды и горя выходец с волшебного Запада, знать что-то о Дэне, о его родителях, о Михаиле Юрьевиче? И тем более об их целях?

Наверное, моё лицо приняло упрямое или даже надутое выражение, потому что Ральф безнадёжно махнул рукой.

— Ладно, молчу. Не буду разбивать твои иллюзии. Тем более, что теперь ваш побег всё равно сорвался. Бурхаев слов на ветер не бросает. Боюсь, что твоя подруга больше никогда не увидит его сына.

Я вскинула голову, вспомнив данное Яринке обещание просить Ральфа побыть посредником между ею и Яном, но в последний момент испугалась и прикусила язык. Просьба моя должна прозвучать нагло даже для наших с Ральфом, казалось бы, таких доверительных и даже нежных отношений. Пусть он жалеет меня, пусть балует, пусть никогда не напоминает, что я для него всего лишь очередная приобретённая на досуге забава, но факты от этого не меняются. Он мой хозяин и может не потерпеть излишних вольностей.

Ральф заметил моё смятение, но понял его неправильно. Погладил по волосам, осторожно чмокнул в висок и попробовал успокоить:

— Я не думаю, что твоей Ярине придётся и дальше терпеть выходки Бурхаева. За избитых девочек заведение берёт в разы больше, а он мужик прижимистый. На первый раз такое ему простится, если он грамотно обоснует свой поступок перед Ирэн. Но вот повтора она не потерпит. Больная девушка не приносит выгоды, покалеченная — тем более. Вот сейчас твоя подружка какое-то время не сможет танцевать, а значит, ночная программа многое потеряет: насколько я знаю, она — одна из лучших. Уже убыток. Так что, скорее всего, Бурхаев от неё отступится, когда кончится оплаченный им срок.

— Срок кончится только через три недели! — я в отчаянии скомкала подол платья. — За это время Бурхаев обязательно доберётся до Яринки ещё раз! И она... она его убьёт.

Ральф недоверчиво вздёрнул бровь, но я не дала ему ничего сказать.

— Ты не понимаешь! Ты Яринку просто не знаешь! Помнишь, я рассказывала про её семью?

— Ну?

Я прикрыла глаза, оживляя в памяти картины прошлого, и заговорила уже спокойнее:

— На все свои дни рождения и на каждое Рождество... знаешь, что она загадывала? Убить отца. Это её заветная мечта с восьми лет. Думаешь, она какого-то Бурхаева пожалеет?

Теперь Ральф не стал закатывать глаза. Задумался. А потом сказал ставшим вдруг жёстким голосом:

— Ну, тогда тебе лучше сказать своей подруге, чтобы выбросила эти мысли из головы и терпела всё, что Бурхаев ещё захочет с ней сделать! Потому что в противном случае, неважно даже, убьёт она его или только попытается, наказание за это будет не просто жестоким, а чудовищным.

— Смерти она не испугается, — глухо ответила я. — Точнее, испугается, но только потом, когда будет уже поздно. А сначала сделает, что задумала.

— Пусть передумает! — так же жёстко ответил Ральф. — Знаешь, что случается в таких заведениях с провинившимися или просто ставшими ненужными девушками?

Я качнула головой, борясь с желанием по-детски прижать ладони к ушам, чтобы ничего не услышать.

— Мы оба знакомы с Ховриным, — после небольшой паузы сказал Ральф. — Ты сама мне рассказывала, какие слухи ходят о нём на острове. И он не один такой. Есть мужчины, которые возбуждаются, только причиняя партнёрше боль. Чем сильнее боль, тем больше им в кайф. Само собой, прейскурант на эти услуги порядком выше, ведь реабилитация девушки после таких утех требует времени и денег. Но совсем другое дело, если девушка заведению больше не нужна. Тогда её просто продают какому-нибудь извращенцу без требования возврата. Надеюсь, ты понимаешь, какая судьба ждёт эту девушку?

Я съёжилась на коленях у Ральфа, снова пережив ужас, который пришлось испытать, когда выяснилось, что зловещий Ховрин намерен приобрести меня для своих садистских утех. Ральф успокаивающе обнял меня второй рукой, но продолжил:

— За девушку, отданную на растерзание, можно получить хорошие деньги не только от её покупателя. Обычно процесс изнасилования, пыток и последующего убийства записывается на видео. А такое видео на чёрном рынке стоит немалых денег. Находятся любители. Снафф называется, не слышала?

Я отрицательно качнула головой, снова чувствуя, как Оазис смыкается вокруг меня,

подобно ловушке, из которой нет выхода. Сдавленно произнесла:

— Ирэн говорила, что здесь никого не заставляют и не насилуют. Что, если девушка не хочет работать, то её просто перепродадут в другое место.

Ральф не стал возражать.

— Кого-то перепродают, наверное. Оазис далеко не единственный, как его называют, загородный клуб на Руси. Но и то, о чём я тебе рассказал, тоже не редкость. Поэтому лучше твоей Яринке не злить ни Бурхаева, ни Ирэн, даже не показывать, что она может создать заведению проблемы. Знаю, что совет крайне хреновый, но пусть терпит. Бурхаев отстанет рано или поздно. Выбора у неё всё равно нет.

— Есть! — я посмотрела Ральфу в глаза, опять кажущиеся чёрными в полумраке ночного номера. — Есть выбор. Я об этом и пришла поговорить... попросить.

Доннел поднял одну бровь, показывая, что ждёт и слушает. Отступить было поздно, и, не отводя взгляда, словно от этого зависела его реакция, я выложила Яринкину просьбу. И перестала дышать в ожидании ответа.

Выражение лица Ральфа почти не изменилось — лишь брови чуть сошлись к переносице, — но я расценила это как признак приближающейся грозы и, опустив голову, торопливо забормотала:

— Я знаю, что не должна просить о таком. Но ведь тебе ничего не стоит... один звонок. А для нас это... Конечно, если ты рискуешь, то...

— Да ничем я не рискую, — перебил Ральф с досадой в голосе, но без злости, — звонок можно сделать, и не представляясь. Главное ведь, как я понял, донести до младшего Бурхаева о выходе старшего?

— Да, — я осторожно подняла глаза, ещё не смея ни на что надеяться. — Просто всё рассказать. Пожалуйста. У меня же никого нет, кроме Яринки... и тебя.

Возможно, мне показалось, но глаза Ральфа потеплели, лоб разгладился, брови дрогнули. Нет, не поднялись опять милым домиком, но и хмуриться он перестал.

— Допустим, расскажу, — Ральф двумя пальцами взял меня за подбородок, не давая снова спрятать взгляд. — Но не станет ли хуже? Бурхаевский сынок закатит отцу истерику, отец осерчает пуще прежнего и, как думаешь, на ком отыграется? Опять же, на твоей подружке. Не лучше ли последовать моему совету и просто переждать бурю?

— Нет, — я упрямо мотнула головой, — не лучше. Раз Яринка так просила, значит, ей виднее, чем это кончится. Она Яна знает, а мы нет.

Ральф скептически хмыкнул, отпустил мой подбородок. Но я продолжала смотреть на него в упор, ожидая окончательного ответа, и Доннел вдруг кивнул.

— Хорошо. Позвоню этому вашему Яну, пусть тоже хлебнёт, не всё же твоей подружке за их игру в любовь расплачиваться. Тащи его номер, завтра поплыву на берег.

— Уже завтра? — прошептала я, не смея поверить в такую удачу.

— Завтра. Но не думай, что я изменил планы ради твоей парочки дураков. Дела у меня там. Через несколько дней вернусь.

Неожиданно для самой себя я снова пустила слезу, на этот раз от облегчения и вспыхнувшей надежды. Обняла Ральфа за шею, уткнулась лицом ему в плечо и принялась всхлипывать, бормоча бесконечные "спасибо".

А позже, когда мы легли в постель, впервые сама выступила инициатором близости. Сама покрывала поцелуями его шею и грудь и неумело ласкала твёрдое, так не похожее на моё, мужское тело. И впервые подумала, что любовь может быть не взрывом страсти, как у

Яринки и Яна, и не выброю в кровь гормонов, как уверяла Ирэн, а просто благодарностью.

Я даже уснула почти умиотворённой, поверив в то, что, пока рядом Ральф, ничего понастоящему плохого случиться не может.

Но лучше бы вообще не засыпала. Потому что во сне снова увидела ныряющую среди волн очень бледную и грустную Яринку с гибким рыбьим хвостом.

Я навестила подругу на следующий день после обеда. Спросила разрешения у доктора, несмело заглянула в палату, прикрыла за собой дверь. Сначала мне показалось, что она спит, но опухшие веки дрогнули от звука моих шагов, приоткрылись. Я ожидала встретить пустой взгляд, полный вчерашних боли и безнадёжности. Но из-за страшной бордово-синей маски, в которую теперь превратилось лицо подруги, на меня спокойно и внимательно глянула прежняя Яринка. Уголки опухших губ дрогнули в намёке на улыбку.

Громко выдохнув от облегчения, я подалась вперед, чтобы обнять мою многострадальную бедняжку, но не знала, как это сделать, не причинив ей новой боли, и лишь поцеловала в спутанные волосы.

— Ну что? — Яринка, верная своей натуре, не стала ходить вокруг да около и сразу перешла к главному. — Ты попросила Доннела позвонить Яну?

Я гордо кивнула, радуясь тому, что хоть чем-то могу её утешить.

— Да. Он с утра уплыл на большую землю и, наверное, уже позвонил. Обещал сделать это сразу.

Яринка попыталась удивлённо распахнуть глаза, но лишь болезненно сморщилась.

— Ох... всё болит. Дайка, спасибо тебе. И Ральфу твоему спасибо.

— Пока не за что, — я осторожно погладила её по плечу через белую больничную рубашку и еле сдержалась, чтобы не рассказать о том, насколько сама удивлена столь лёгким согласием Ральфа на подобную авантюру. — Как думаешь, что сделает Ян, когда всё узнает?

Яринка покачала головой.

— Не знаю. Для меня главное, чтобы Бурхаев не успел забрать у него деньги или карточку. Пусть Ян успеет убежать. Не хочу, чтобы он стал таким же, как отец!

— Он не убежит без тебя, — я была в этом уверена. — Наверняка же приплывёт, если у него будут деньги.

Яринка беспомощно всхлипнула, и я увидела, что всё её спокойствие — показное, поверхностное, готовое вдребезги разбиться в любой момент.

— Хорошо, если приплывёт, — прошептала она. — Хоть попрощаемся.

Я не нашлась с ответом. Успокаивать, говорить, что всё наладится, в такой ситуации было бы насквозь лицемерно. Яринка не дура и не хуже меня видит, что на этот раз выхода действительно нет.

— Ральф говорит — надо терпеть, — это единственное, что пришло мне в голову. — Если ты попытаешься убить Бурхаева, если даже хоть поцарапаешь его, тебя могут отдать... такому, как Ховрин.

Рассказывать Яринке про грозящее ей наказание в виде долгой и мучительной смерти, заснятой на видео для дальнейшей продажи извращенцам, я не стала: это было бы слишком жестоко. Но по её потускневшему взгляду поняла, что, возможно, она сама всё понимает.

— Э... а как ты вообще? Как себя чувствуешь? Что доктор говорит? — зачастила я первое, что пришло в голову, лишь бы разбить эту тягостную тишину.

Яринка оживилась.

— А, нормально всё. Ну, как нормально, выглядит, конечно, жутко, но Бурхаев мне даже нос не сломал, расквасил только. Губы вот разбил, доктор зашивал вчера, синяков наставил, и трещина в ребре, но это он на меня своей тушей упал, когда я отбрыкивалась. Ну и... там, внутри, есть разрывы, потому что руку пихал. Ничем другим-то не смог. Тюфяк.

— Мудак он, а не тюфяк, — я невольно сжала кулаки от бессильной ярости. — Хоть бы в море утонул, что ли...

— Оно не тонет, — я с удивлением увидела, что Яринка скривила губы в попытке рассмеяться, но сморщилась от боли и выдавила лишь сдавленное хихиканье. — Ничего, пока я в таком состоянии, мне нельзя работать. А там, может, он уедет. Хотя нет. Не надо, чтобы сразу уезжал: Яну нужно время, чтобы...

— Да забудь ты о Яне! — с неожиданно прорвавшейся злостью перебила я. — Яну ничего не сделается, его пальцем никто не тронет! Нам что делать?!

— Нам? — Яринка нарочито равнодушно пожала плечами. — А что мы можем сделать? Ждать твоего Ральфа. Если он вернётся и скажет, что дозвонился до Яна, тогда и будем думать.

Я не успела ответить. Дверь палаты распахнулась, и на пороге возникла Ирэн. Почти такая же, какой я видела её в то утро, когда она пришла сообщить мне о закрытии аукциона. Глаза гневно сверкают, грудь вздымается, губы плотно сжаты.

— Уйди, — бросила она мне и деревянными шагами проследовала к кровати, на которой испуганно притихла Яринка. Остановилась, нервно притопывая туфелькой.

Я поднялась, бросив на подругу извиняющийся взгляд. Вышла, неплотно прикрыла за собой дверь, воровато окинула взглядом пустой коридор и приникла ухом к замочной скважине.

— Объяснись! — приказала в палате Ирэн.

А поскольку ответа от Яринки не последовало, повысила голос:

— Как получилось, что гость был вынужден сам учить тебя хорошим манерам?!

Я невольно заскрипела зубами, до боли сжав кулаки. Учить? Вынужден? Вот как здесь это называется?

— Он вам так сказал?! — похоже, Яринка полностью разделила моё возмущение.

— Именно! — Ирэн почти кричала, её голос перестал быть колокольчиковым, звучал резко и неприятно. — Ты отказалась выполнять свои прямые обязанности перед человеком, заплатившим за это большие деньги! Оказала сопротивление хозяину!

— Он мне не хозяин! — Яринка тоже закричала. — Я с его сыном!

— Он купил тебя! Он, а не его сын! По факту ты принадлежишь ему и не имеешь права ни в чём отказывать! Ты опозорила заведение и вынудила меня приносить господину Бурхаеву свои извинения!

Я уже еле сдерживалась, чтобы не распахнуть дверь и не высказать Ирэн всё, что думаю о господине Бурхаеве, о её заведении и о ней самой в частности. Но Яринка сделала это не хуже.

— Да пошло ваше заведение на хер! Это Бурхаев должен извиняться передо мной, это на него вы должны орать, а не на меня! Я никому не сделала ничего плохого!

Я даже слегка присела, втянув голову в плечи в ожидании реакции Ирэн, но она меня удивила. После ошеломлённой паузы ответила почти спокойно.

— Я прощаю тебя, Ярина, за эти слова. Прощаю, делая скидку на твоё состояние и на то, что это первый твой серьёзный проступок. Но я прощаю кого-либо лишь единожды. В

следующий раз наказание будет очень суровым. Не повторяй своих ошибок. Как только доктор разрешит тебе выходить, ты отправишься к господину Бурхаеву и очень искренне извинишься за доставленные ему неудобства. А сейчас хорошенько подумай, прежде чем ответить.

Снова повисла пауза, и я принялась мысленно умолять Яринку быть благоразумной, больше не злить управляющую: ведь разве наши жизни не в её руках? К счастью, Яринка понимала это.

— Да, сударыня, — наконец сухо, но смиренно отозвалась она. — Я извинюсь.

— Вот и умница, — голос-колокольчик снова зазвенел приветливо и добродушно. — После мы забудем этот случай, как досадное недоразумение. Все ошибаются. Поправляйся. Сообразив, что сейчас Ирэн выйдет из палаты, я на цыпочках побежала к лестнице.

Глава 17.

Лодка.

Ральф вернулся быстро, уже на следующий день после того, как я навещала в клинике Яринку. Она на тот момент всё ещё находилась там: доктор решил перестраховаться и продлить ей постельный режим. А учитывая то, что по выздоровлению подруге предстояло идти извиняться перед Бурхаевым, она не возражала.

Я мучилась от тревоги за неё, за нашу затею и, пусть не была уверена, что Ральф вернётся именно сегодня, но на всякий случай решила подождать его у причала. На сам причал нас не пускали, и я сидела у закрытых ворот, возле которых прогуливался охранник, поглядывающий на меня с подозрением. Я показала ему язык.

Приближающийся катер заметила издалека, как и самого Ральфа, сходящего на берег в лёгких летних брюках цвета хаки и белой рубашке. Бросилась ему навстречу, забегала у ворот.

— Ты уже тут, Лапка? — Ральф улыбнулся, чмокнул меня в макушку, и я успокоилась. Он бы не выглядел столь беззаботно, не сумев выполнить просьбу, которая так много для меня значила.

— Ну что? — спросила я, но покосилась на охранника и продолжать не стала, лишь умоляюще заглянула Ральфу в глаза.

Он обнял меня за плечи, повёл прочь от причала. Коротко сказал.

— Да.

Я громко выдохнула на ходу и, не сдержавшись, засыпала его вопросами:

— Ты ещё вчера позвонил, да? А Ян? Он что-нибудь тебе ответил? Ты сказал ему про то, что Бурхаев собирается отобрать у него все деньги? А...

Ральф чуть сжал моё плечо, заставляя замолчать, и ответил:

— На все вопросы — да. И не только. Этот ваш Ян так забавно отреагировал, что я не успел вовремя бросить трубку.

— Как отреагировал? — опасно спросила я и даже успела задуматься о том, что скажу Яринке, если окажется, что Ян знать ничего не желает о её бедах.

Но Ральф ответил с лёгким смешком.

— Заплакал. Едва я только успел сказать, что сделал его отец с твоей подружкой, как он разрыдался мне в ухо. Обычно меня так просто с толку не собьёшь, но тут я натурально охренел и не отключился вовремя.

— Заплакал? — наверное, я тоже охренела, потому что умудрилась споткнуться на ровном месте и не пропахала носом дорожку только благодаря своевременной помощи Ральфа.

— Смотри под ноги! — довольно сердито сказал он, придавая мне вертикальное положение, но я впервые не обратила внимание на его недовольство.

Ян плакал от жалости к Яринке! Что бы сказала про это Ирэн, какие гормонь обвинила? Так, может быть, любовь — это не благодарность, как я думала последней ночью с Ральфом, а жалость? И насколько сильной должна быть любовь мужчины, чтобы заставить его плакать при одних только словах о боли возлюбленной? С ума сойти, никогда в жизни не видела плачущих мужчин!

Занятая этими мыслями, я не сразу поняла, что мы идём не вглубь острова, не к Айсбергу, а, свернув от причала, шагаем вдоль берега. И свернули мы не в сторону людных пляжей, а к пустынной галечной полосе, к Русалкиной яме.

— Куда мы? — я замедлила шаги, но Ральф уверенно потянул меня за собой. Ответил, не останавливаясь.

— Нам есть о чём поговорить. В номере не хочу. Сомневаюсь, чтобы там была прослушка, но перестраховаться стоит. Так что прогуляемся.

Я сразу и сильно встревожилась. Не только оттого, что Ральф собирается сказать мне что-то очень важное, раз боится даже ничтожного шанса быть подслушанным, но и потому, что прогулкой это никак не выглядело. Он шагал быстро и решительно, увлекая меня напрямик туда, где в нагромождении тёмных глыб притаилась Русалкина яма, спокойная в этот погожий день, но не менее опасная. По крайней мере, так мне говорила интуиция.

— Ты не испортишь обувь? — робко спросила я, когда песок под нашими ногами кончился и началась галька, переходящая в крупные неровные камни.

Ральф не ответил, и я встревожилась ещё больше. Сейчас от улыбки, с которой он сошёл на берег, не осталось и следа. На ходу заглядывая ему в лицо, я видела нахмуренные брови и плотно сжатые губы. Но не осмеливалась задавать вопросы, пока он сам не решит, что пришло время для разговора. А он решил так, лишь когда мы, уже не шагая, а перепрыгивая с камня на камень, оказались прямо перед коричневыми, горячими от солнца валунами, о которые лениво плескался тёмный глубокий прибой.

Ральф, прищурившись, глянул вперёд и вверх, туда, где за малыми глыбами громоздились огромные, больше похожие на скалы.

— Мы же не... — начала я, но не успела договорить: сильные руки подхватили меня за бока и взметнули на ближайший камень, высотой примерно в мой рост. Я взвизгнула, машинально вцепившись руками в его шершавую поверхность, перекинула одну ногу, села верхом. Вопросительно и испуганно обернулась к Ральфу, не понимая, что всё это означает. А Ральф уже оказался рядом со мной, ловко подтянувшись на руках, и теперь стоял, слегка балансируя на неровной, чуть горбатой спине камня. Внимательно и изучающе оглядывался вокруг.

Я завозилась, устраиваясь поудобнее, повернулась лицом к морю, с некоторой опаской свесила обе ноги над водой. Валун был тёплым от солнца, но не горячим, и сидеть на нём оказалось неожиданно приятно. Если ещё не думать о том, что, возможно, именно отсюда не нашедшие иного выхода девушки бросались вниз, в объятия тёмной пучины...

Ральф закончил осматриваться и сел рядом со мной, безжалостно растягивая отутюженные брюки. Непонятно сказал:

— Да, место подходящее. Может, и получится...

— Что получится? Для чего подходящее? — взмолилась я, больше не в силах выносить пытку неизвестностью. Меня пугала плещущая подо мной тёмно-зелёная вода, по слухам, скрывающая бездонную глубину, пугало само осознание того, что мы находимся в Русалкиной яме, самом жутком месте на острове. Конечно, рядом со мной был Ральф, большой и сильный, которому наверняка не страшны никакие русалки, но его странное поведение, его молчание, пугало не меньше.

Но длилось оно, к моему облегчению, недолго. Ральф, совсем как я недавно, устроился поудобнее, и теперь мы сидели рядышком, обратив лица к морскому горизонту. Мне вдруг очень захотелось, чтобы он обнял меня, как на картинках, изображающих счастливые парочки в разных романтических местечках. Но вместо этого Ральф запустил руку в нагрудный карман рубашки и вынул сложенный в несколько раз бумажный конверт. Показал мне, многозначительно заломив одну чёрную бровь.

— Что это? — послушно спросила я.

— А это, Лапочка моя, — я никак не могла понять эмоцию, звучавшую в его голосе: некое досадливое недоумение, словно он сам не верил в то, что говорит, — письмо твоей Яринке от её Яна.

Я просияла, разом забыв обо всех тревогах, потянулась за конвертом. Но Ральф отдернул руку.

— Не так сразу. Прежде, чем ты или твоя подруга прочтаете это, я хочу кое о чём предупредить.

Я была согласна на какие угодно предупреждения, лишь бы скорее получить письмо и бежать радовать Яринку, но Ральф смотрел строго и серьёзно. Поэтому, чтобы его поторопить, я спросила первое, что пришло в голову:

— А ты знаешь, что там написано? Тебе Ян сказал? Вы виделись?

— Разумеется, виделись, раз он мне письмо передал, — в голосе Ральфа снова засквозила досада. — До сих пор не понимаю, зачем согласился. Не иначе как инфантилизм заразен. Этот дурень так ревел и просил... Вот я и разрешил ему подъехать, а там уж он всучил мне это дурацкое письмо. Но прежде, чем ты прочтёшь его...

Я впервые позволила себе перебить Ральфа.

— Я не буду читать! Это письмо для Яринки, не для меня.

Он снова заломил бровь, как бы спрашивая, не желаю ли я сказать что-нибудь ещё? От этого я сразу стушеввалась, опустила глаза, но упрямо повторила.

— Не буду читать чужое письмо.

— Отлично, — вдруг легко согласился Ральф и начал разворачивать конверт, — тогда я сам прочитаю тебе вслух.

Я протестующе дёрнулась.

— Как читаешь? Ты... ты уже читал?!

— Разумеется, — он даже не счёл нужным посмотреть на меня, занятый извлечением из конверта листа бумаги. — Я, может, и сглупил, ввязавшись в ваши авантюры, но ещё не настолько выжил из ума, чтобы дать использовать себя вслепую.

Моему возмущению не было предела. Я открыла рот, чтобы высказать всё, что думаю по поводу его поступка, но Ральф не дал мне такой возможности. Продолжая одной рукой держать уже развёрнутое письмо, вторую он протянул и положил мне на шею, под затылком. Начал ласково почёсывать и поглаживать, отчего я невольно зажмурилась, как жмурятся

кошки, когда их щекочут за ухом.

С моря тянул ровный бриз, и благодаря ему здесь не было жарко, несмотря на полуденное солнце, стоящее в зените. Пологие волны под нами переливались всеми оттенками зелени, разбиваясь о камни. И, посмотрев на них, я сказала совсем не то, что хотела изначально:

— Ральф, какая здесь глубина?

Он глянул на меня удивлённо, очевидно, ожидая совсем других слов, потом пожал плечами.

— Не думаю, что очень глубоко. Это искусственный остров, а значит, ставили его на отмели. Хотя, для того чтобы утонуть, более чем достаточно, если ты об этом. Почему тебя это вдруг заинтересовало?

Теперь пожала плечами я. Не говорить же, в самом деле, о том, как неуютно тут сидеть, болтая ногами над тем, что, возможно, скрывает эта, неизвестно, как далеко уходящая вниз, бездна? И почему Ральф выбрал для разговора именно Русалкину яму? Ведь я рассказывала с том, какое здесь нехорошее место!

Я покосилась на него и, увидев, что он шевелит губами, глядя в письмо и явно собираясь начать читать, отчаянно замотала головой.

— Не надо! Яринка на меня обидится, если узнает!

— Ну хорошо, — опять согласился Ральф. — Читать не буду, тем более, что там больше соплей, чем дела. Своими словами расскажу. Но сразу предупреждаю — не радуйся, пожалуйста. Не хочу потом расстраивать тебя ещё больше.

Я уже собиралась заявить, что всё равно слушать ничего не желаю, но последние слова Ральфа заинтриговали и насторожили. Да и было понятно уже, что он всё равно настоит на своём и я не уйду отсюда, пока не узнаю всё, что он намерен мне сказать. Поэтому опустила глаза на плещущийся под моими сандалиями прибой и сложила руки на коленях, всем своим видом изобразив смирение перед неизбежным. И Ральф, убедившись, что возражений с моей стороны больше не поступает, ровно заговорил, продолжая поглаживать мою шею, перебирая пальцами распущенные волосы.

— Выходит так, Худышка, что этот бурхаевский мажор запал на твою подружку серьёзно. Настолько серьёзно, что не боится не только идти против воли отца, но и против закона. Какие-то свои деньги у него уже были, а кроме этого, он знал код от домашнего сейфа. И вчера там побывал. Теперь Бурхаев-старший, вернувшись домой, обнаружит там пропажу и сыночка, и сбережений. Лично я уверен, что с этого он не обеднеет — вряд ли дома хранилась большая сумма, — но вашему Яну и того должно хватить на осуществление задуманного...

— Это он тебе рассказал? — не сдержалась я, хоть и собиралась слушать молча до конца.

Ральф, прекратив поглаживания, слегка дёрнул меня за прядь волос на затылке, явно недовольный тем, что его перебили. Но ответил тем же ровным тоном.

— Нет, конечно. С чего бы ему посвящать меня в такие подробности? Это он опрометчиво написал в письме, наверное, надеясь, что твою подружку немного утешат потери, понесённые её обидчиком. Вообще, большую часть письма он извиняется за отца, очень нудно и слезливо.

Я метнула на Ральфа гневный взгляд. Его циничный тон коробил меня, сама-то я находила переживания Яна достойными всяческого уважения. А то, что он нашёл в себе

силы взять на себя ответственность за поведение отца, — делало ему честь вдвойне.

Ральф не заметил моей реакции; а может, только сделал вид, что не заметил. Продолжил так же буднично:

— В любом случае, спёртые у отца деньги парнишка решил потратить с пользой. Завтрашней ночью он приплывёт сюда на нанятой по такому случаю лодке и заберёт твою подружку. Вместе с тобой, если вы так захотите.

Я замерла. Волны продолжали звонко разбиваться под нами, ровный ветер с моря трепал мои волосы и одежду, рука Ральфа ласкала шею, но всё это вдруг отодвинулось в дальние дали, было вытеснено одним ярким, как вспышка, воспоминанием.

...Пасмурный ветреный день. Я ещё вся в бинтах, мы с Яринкой впервые обошли вокруг острова и приблизились к Русалкиной яме. На море почти шторм, прибой ревет, как беснующийся зверь. Яринка говорит, что пора уходить, и мы поворачиваемся спиной к морю. Я неловко оскальзываюсь на камнях и внезапно ловлю себя на мысли, что, когда придётся идти сюда ночью, нужно будет надеть более удобную обувь. Ветреной ночью, где лишь полная луна и брошенная ею через море дорожка дрожащего света...

Выходит, я тогда уже знала, что нам предстоит пробираться сюда в темноте? Пробираться тайком, чтобы умчаться прочь по чёрным водам Русалкиной ямы? Вот уж не думала, что именно это место послужит для меня и Яринки путём к свободе. А, впрочем, почему бы нет? Ведь оно уже не раз послужило им для тех девушек, что нашли здесь свой единственный выход из безнадёжной ситуации. Вот только мы, скорее всего, будем первыми и единственными, кого Русалкина яма отпустит на волю без рыбьих хвостов...

Незаметно для себя я начала улыбаться. Где-то слышала слова о том, что любая история всегда повторяется дважды. Колесо судьбы вращается и рано или поздно приносит нас к тому, что уже когда-то случилось. И пусть на этот раз вместо тёмного леса и пожара за спиной будет чёрная вода над морской бездной, суть от этого не меняется.

В реальность меня вернул голос Ральфа, сердитый и виноватый одновременно:

— Ну предупредил же — не радуйся.

Я обернулась к нему, торопливо прогнав из головы картину бескрайнего ночного моря, которое вдруг перестало быть для нас преградой к свободе, и стало, напротив, — дорогой к ней. Встревоженно спросила:

— Думаешь, не получится?

— Ну почему же, — Ральф отвёл глаза. — Может, и получится. Я специально пришёл сюда посмотреть, насколько реален замысел бурхаевского сынка. Вижу, что вполне реален. Место уединённое, с причала не просматривается, небольшая лодка в темноте может подойти незамеченной. Если, конечно, у пацана хватит ума не брать лодку с мотором. Если достанет терпения дойти сюда на вёслах или под парусом. Ну и, конечно, если не будет волн.

Я была уверена, что всё это Ян понимал и учёл, ведь, если верить словам Яринки, а у меня не было повода им не верить, Ян вообще был парнем неглупым. И, раз даже Ральф говорит, что всё может получиться...

— Не радуйся! — на этот раз голос Ральфа прозвучал резче, а рука, лежащая на моей шее, потяжелела. — Мне и так очень неприятно говорить то, что я должен тебе сказать.

Теперь я посмотрела на него со страхом, и он снова отвёл глаза, что напугало меня ещё больше. Я попыталась придвинуться ближе к нему, прижаться плечом, подсознательно ища защиты, но он удержал меня на месте, сжав рукой шею. Сжал слегка, ласково, но я всё равно

ощутила себя кутёнком, взятым за шиворот.

И прозвучавшие затем слова Ральфа только усилили это чувство, захлопнули ловушку, которая неумолимо смыкалась вокруг меня последние дни.

— Тебе не надо радоваться, Лапка. Потому что, если даже у младшего Бурхаева всё получится, ты никуда не поплывёшь с ним и своей подругой. Ты в любом случае останешься здесь.

Как можно не верить в приметы и предчувствия, если знамения окружают нас на протяжении всей жизни? Я уже не говорю про голос-без-слов, неоднократно подсказывавший мне выход из трудных ситуаций: его я давно научилась воспринимать, как нечто обыденное. Но даже у меня пробежали по коже мурашки, когда я увидела, что ночь Яринкиного побега оказалась именно такой, какой пригрезилась мне в мимолётном видении больше года назад.

Полная оранжевая луна плыла по небу, простирая через море колеблющуюся дорожку золотистого света. Звёзды стыдливо померкли в её самодовольном сиянии.

— Как светло! — в страхе пискнула нетвёрдо шагающая рядом со мной Яринка. — А если охрана заметит лодку?

— Не заметит, — утешение, не имеющее под собой никаких оснований, но больше я ничем не могла успокоить подругу. — Зато волн почти нет. Вот где повезло.

Это действительно было везением. Будь море беспокойным, никакая лодка не подошла бы к камням Русалкиной ямы вплотную, а значит, Яринке пришлось бы самой плыть до неё. Плавать она умела неплохо, но не в том состоянии, в каком находилась сейчас. Трещина в ребре давала о себе знать, лицо и тело покрывали синяки, которые сойдут ещё не скоро, но и это бы ещё ничего, вот только подруга совсем ослабела от выматывающей смеси страха и надежды. Я чувствовала её до предела натянутые нервы, как свои.

Мы миновали последнюю освещённую улочку и вышли на ночной пляж. Теперь впереди были только море и темнота, позолоченная лунным светом. Я придержала Яринку за локоть, настороженно огляделась вокруг. Как и ожидалось, гости в такую погожую ночь не желали сидеть по своим номерам. Даже сейчас, в самый глухой час, ближе к утру, они и не думали идти спать. В отдалении несколько мужчин плескались в море, кто-то звенел бокалами на шезлонгах, неподалёку звучал пьяный смех. С одной стороны, это было даже хорошо: на нас никто не обратит внимания, не заподозрит ничего дурного в ещё двух гуляющих под луной фигурах. Но с другой — вдруг кому приспичит любоваться лунным морем именно в тот момент, когда лодка Яна будет отходить от острова?

Яринка наверняка думала о том же и нервно кусала губы, вцепившись в мою руку. Сегодня в нашем тандеме она была ведомой. И не только по причине болезненного состояния. Начиная со вчерашнего вечера, когда я принесла ей письмо Яна, мне пришлось буквально заставлять подругу пойти на этот побег.

Когда, помня о возможной прослушке, я с разрешения доктора увела её из клиники на одну из скамеек в тени пальм и сказала, что должна остаться на острове, Яринка закатила мне истерику. Мы чуть не поссорились впервые за всю историю нашей дружбы. Я сдавленным шепотом кричала о том, что мне, в отличие от неё, оставаться здесь безопасно: Ральф не даст меня в обиду никаким психопатам Бурхаевым. Яринка так же приглушенно, но не менее эмоционально живописала то, какой она станет эгоисткой, предательницей и просто сволочью, если оставит меня здесь одну.

Не помню, сколько времени мы препирались: я была ужасно зла, и от того, чтобы не взять подругу за плечи и не начать трясти, как грушу, меня удерживало лишь её плачевно-побитое состояние. Но не факт, что удерживало бы и дальше, продолжай она упрямиться; однако этого не произошло. В какой-то момент Яринка замолчала на полуслове и разрыдалась, обняв меня так порывисто и внезапно, что я чуть не свалилась со скамьи вместе с ней. "Прости, я очень боюсь!" — шептала она мне сквозь слёзы, а я гладила её по потускневшим волосам и только повторяла, что правильно боится, что Бурхаева надо бояться, что он не оставит её в покое, и, если есть шанс бежать, то глупо им не воспользоваться.

Яринка так и не сказала "да", но я всё решила и сделала за неё. Собрала в небольшую сумку кое-что из вещей, разведала наиболее быстрый и скрытый путь до Русалкиной ямы и, наконец, уговорила доктора отпустить подругу ночевать домой. Она весь вчерашний вечер и весь сегодняшней день молчала, держа глаза на мокром месте, а время от времени я ловила на себе её полный боли взгляд. В такие моменты мне хотелось закричать и заплакать, безудержно разрыдаться, как сделала сама Яринка на скамье перед больницей, но я держалась. Да, было очень трудно, почти невозможно представить свою жизнь без лучшей подруги, единственного теперь (Ральфа я больше вряд ли могу таковым считать) близкого человека. Как представить бесконечную череду дней и ночей без наших разговоров, прогулок, без её шуток и дурачеств, к кому я теперь пойду, когда станет одиноко, кому пожалуюсь в тоскливый час? Ради кого буду бороться? Яринка уходила, и с ней уходили моя сила, моё упрямство, моя надежда на что-то лучшее, всё то, за что я держалась в жизни.

Такие мысли были слишком безнадёжны, поэтому я заперла их в подвале своего сознания, закрыла на сто замков. Потом. Потом, когда Яринка будет в безопасности, у меня хватит на это времени, уж тогда мне ничто не помешает плакать хоть целыми днями. А пока я должна сделать всё, что нужно, и не допустить ошибки. Второй попытки нам никто не даст. И, как бы мне ни было плохо без Яринки, это будет в тысячу раз лучше, чем снова увидеть её избитой, истерзанной, с погасшим взглядом заплавленных глаз. Ещё раз я такого не вынесу, сама пойду убивать Бурхаева!

Поэтому сейчас я решительно тянула подругу вперёд, несмотря на праздно шатающихся неподалёку гостей, несмотря на яркую, как прожектор, луну, заливающую всё вокруг оранжевым светом, несмотря на то, что не знала, насколько ещё хватит этой моей решительности.

Мы двигались вдоль пляжей в тени домов, не прячась, но и не высываясь на открытое пространство. Если сейчас нас встретит кто-то из охранников, вряд ли у него возникнут вопросы: гулять по всему острову никому не возбранялось в любое время суток. Насторожить могла разве что Яринкина сумка, перекинута через моё плечо, но про неё мы знали, что соврать. В Русалкиной яме нам тоже ничего не грозило. Вряд ли там кто-то появится: здешние легенды берегли это место лучше всякой охраны даже днём. Сложности могут возникнуть только на воде. Уже через пару часов начнёт светать, и до этого момента лодка, на которой Ян увезёт Яринку, должна скрыться за горизонтом.

Не иначе, как подруга читала мои мысли, потому что шепнула на ходу:

— Как думаешь, он уже там? Если ещё нет, мы не успеем...

— Должен быть там, — тем же заговорщическим тоном, хотя вокруг никого не было, ответила я. — В письме же написал, что подплывёт с темнотой и будет ждать в камнях.

— Если только его не заметили раньше, — переживала подруга. — Если охрана не

поймала...

— Да ну, — отмахнулась я. — Тогда бы уже все знали, тут же сплетни вмиг разлетаются. А Бурхаев бы орал на весь остров.

Яринка нервно хихикнула. Кажется, мне удалось частично её успокоить, но сама я никакого спокойствия не испытывала. Если охрана засекла подходящую к берегу лодку и встретила её, то это не обязательно должно было стать известно обитателям Оазиса. Тогда мы могли прождать в Русалкиной яме до рассвета. А, вернувшись в домик ни с чем, обнаружить там Бурхаева и Ирэн, жаждущих расправы над несостоявшимися беглянками.

Постепенно смех, голоса и звон бокалов отдалялись. Чем дальше мы уходили от центральных пляжей, тем реже встречались цветные фонарики и качающиеся на ветру перемигивающиеся гирлянды. Теперь справа от нас тянулись нежилые здания: склады, прачечная, бетонные коробки без окон непонятного назначения, за стенами которых что-то мерно гудело. Когда и они сменились глухим забором, я невольно замедлила шаг: Русалкина яма была совсем рядом. Русалкина яма, а с нею — момент истины.

— Дайка, — жалобно шепнула рядом Яринка, видимо, охваченная тем же смятением. Но её слабый дрожащий голос придал мне решимости, и я, покрепче сжав руку подруги, устремилась вперёд. Чем быстрее всё закончится, тем лучше. Да и луна, миновав точку зенита, угрожающе клонилась к западу, напоминая о приближающемся рассвете.

Но и этому яркому до неприличия светилу следовало отдать должное. Не знаю, чем я думала, не взяв с собой даже планшета, чтобы подсвечивать нам дорогу в кромешной темноте южной ночи, но не будь луны, мы бы добрались до места назначения с разбитыми носами и лбами: нагромождения камней перед Русалкиной ямой и днём представляли собой сложное препятствие. Зато теперь, благодаря жёлтому лунному свету, заливающему окружающее пространство, нам удалось достичь цели без потерь.

Яринка, которую до этого мне приходилось волочить чуть ли не на буксире, почуввав конец пути, вырвалась вперёд и скакала по камням, кривясь на один, помятый Бурхаевым, бок. Я слышала её прерывистое, со всхлипами, дыхание, и на какой-то миг испугалась, что она начнёт в голос звать Яна. Не начала, только едва слышно поскуливала что-то на ходу. Я различила слова «мамочка» и «пожалуйста», из чего сделала вывод, что это была своеобразная молитва. И мысленно горячо присоединилась к ней, обращаясь сразу ко всему существу: море, небо и луна, помогите мне спасти свою подругу, защитите моего самого близкого человечка!

Словно в ответ на нашу общую мольбу длинные, резкие отброшенные луной тени глыб Русалкиной ямы потянулись нам навстречу, спеша обнять, укрыть и спрятать. В моём сознании на миг ярко ожила картина из прошлого: я и Яринка, пригнувшись, бежим через открытое, освещённое фонарным светом пространство к ночной церкви, стремясь быстрее укрыться в её тени. История всегда повторяется дважды...

Впереди негромко вскрикнула Яринка, и моё сердце оборвалось. Засада? Я неловко замерла, силясь разглядеть что-либо там, где темнота каменных нагромождений уже поглотила мою подругу. Луна оранжевым прожектором била в глаза, и сделать это было нелегко. А потом уже не понадобилось.

Сквозь лёгкий плеск прибоя до моих ушей долетел счастливый Яринкин смех, звук поцелуев, обрывки восторженных восклицаний: "Пришёл... Пришёл за мной!", — и, облегчённо выдохнув, остаток пути я преодолела уже не торопясь. Пусть влюблённые помилуются.

Правда, для того чтобы вволю намиловаться, времени им понадобилось куда больше, чем мне, чтобы преодолеть разделяющее нас расстояние даже неспешным шагом. Я терпеливо стояла рядом, деликатно глядя в сторону, а они всё обнимались, целовались и, кажется, оба ревели, шумно шмыгая носами. Ян безостановочно просил у Яринки прощения за то, что ей пришлось пережить, а подруга утешала его. Мне эта мелодрама уже начала надоедать, и я принялась скучающе оглядываться: благо, к тому времени глаза почти привыкли к царящей среди глыб тьме. И вздрогнула.

— Привет, — довольно дружелюбно поздоровалась со мной неподвижная фигура, застывшая в стороне и только сейчас мною замеченная.

— П... привет, — испуганно отозвалась я, силясь разглядеть это новое, возникшее на сцене лицо. Лицо оказалось высоким и стройным парнем — узнать что-то большее мне не позволила темнота. Но, к счастью, наш обмен приветствиями отвлек Яринку и Яна друг от друга, вернув в суровую действительность.

— Здравствуй, Дайка, — чуть смущённый Ян шагнул ко мне, протянул руку. — Спасибо тебе за помощь.

Мне доводилось много раз видеть Яна со стороны: и одного, и с Яринкой, — но вот общаться нам не пришлось, поэтому сейчас я с интересом, хоть и тоже не без некоторого смущения, обменялась с ним неловким рукопожатием.

— Привет. И тебе спасибо за то, что приплыл.

Яринка, державшая Яна за локоть и волшебным образом мгновенно вернувшая себе обычную насмешливую уверенность, закатила глаза.

— Да-да, всем привет, всем спасибо. Может, уже приступим к главному?

— Э, нет, — неожиданно ответил ей стоящий в стороне незнакомый парень, и, судя по тому, как Яринка подпрыгнула от неожиданности, она его до сих пор тоже не замечала. — Давайте уж соблюдём все правила приличия и представимся друг другу.

— Да, — Ян протянул руку своему спутнику. — Это Ига, мой лучший друг и единомышленник. Он здорово помог мне обойти береговую охрану и пересечь фарватер, вряд ли без него вообще что-то получилось.

— Не так уж это было и трудно, — с ноткой пренебрежения отозвался друг и единомышленник со странным именем Ига. — Я бы даже сказал — возмутительно легко.

Он подошёл к нам почти вплотную, и теперь я могла более-менее разглядеть четвёртого участника нашей авантюры. Довольно худой парень, очень молодой, возможно, даже моложе Яна, со светлыми волосами, живописно растрепавшимися под морским бризом.

— Ига, это Ярина, моя девушка и будущая жена, — не обратив внимания на хвастливое замечание друга, продолжил Ян и приобнял Яринку за плечи. — А это её лучшая подруга Дайка, благодаря которой мы вообще смогли здесь оказаться.

Мы с Игой обменялись вежливыми кивками. До меня только сейчас дошло, что непонятное имя Ига — скорее всего, сокращение от Игоря. Видимо, за пределами приютских стен искажения православных имён порицались не так строго, как я привыкла считать.

— Пора, — решив, что знакомство состоялось, Ян двинулся между глыбами к морю, увлекая за собой Яринку. — Мы сумели вытащить лодку на берег и спрятать в камнях, теперь понадобится некоторое время, чтобы снова спустить её на воду. Потом ещё грести часа два в темпе марша.

— Отсюда до земли всего два часа на лодке?! — изумилась я, прежде чем успела

сообразить, какую чушь ляпнула. После года жизни на острове мне бы уже полагалось знать, что земля, находящаяся на расстоянии двух часов вёсельного хода, была бы видна на горизонте.

Но никто не засмеялся. Ига вздохнул:

— Если бы...

А Ян грустно объяснил:

— Два часа — это только, чтобы уплыть из зоны слышимости на веслах и иметь возможность запустить мотор.

Велико было искушение спросить: а как далеко вообще до большой земли: неважно, на вёслах ли, на моторе? Какое расстояние отделяет меня от свободы, сколько километров синей глади? Но я промолчала, боясь сморозить новую глупость. Да и время уже не позволяло отвлекаться на болтовню.

Гуськом мы пробрались между глыбами и снова вышли под лунный свет, уже с другой стороны, со стороны моря. И там я сразу увидела лодку.

В Маслятах лодки тоже были. На них наши рыбаки ходили по безымянной речушке, на берегу которой стояла деревня. Но то были тяжёлые неповоротливые «ящички» из плохо оструганной древесины. Здесь же лодка оказалась надувной, овальной, аккуратной, на вид лёгкой и звонкой, как поплавок. Не составляло труда представить, как игриво запрыгает она на морской зыби, взлетая с волны на волну. Я даже губу закусилась от обиды, что плыть по ночному морю на таком воздушном чуде предстоит не мне...

Ига и Ян наклонились, с двух сторон подхватили лодку и, спотыкаясь на камнях, понесли её к воде. Только сейчас в свете луны я заметила, что оба парня насквозь мокрые: видимо, пристать к крутому берегу Русалкиной ямы оказалось делом непростым даже на таком судёнышке.

— Дайка, — Яринка неслышно подошла, горячей ладонью сжала мой локоть, и я вздрогнула от неожиданности. — Дайка, плыви с нами, пожалуйста.

Я только вздохнула. Она говорила мне это много раз, начиная со вчерашнего вечера. И я неизменно отвечала одно и то же. Что Доннел (да, теперь только Доннел, не Ральф!) поставил мне бескомпромиссное условие: или я обещаю ему остаться на острове, и тогда он позволит спастись моей подруге, или письмо Яна попадает в руки папаше Бурхаеву. Что я дала такое обещание. Что это самое разумное решение, учитывая то, насколько опасно стало для Яринки находиться в Оазисе.

Я отвечала так столько раз, сколько раз она спрашивала. Ответила и сейчас, равнодушно, заученно, без каких-либо эмоций. Эмоции потом. Но теперь Яринка, выслушав меня, не сникла, как раньше, а упрямо тряхнула волосами, прищурила оттенённые синяками глаза.

— Нахрен обещания! — даже голос её стал прежним, она уже не шепелявила разбитыми губами. — Ты никому ничего не должна! Просто садись с нами в лодку — и всё. Твоего Доннела здесь нет, и остановить тебя он не успеет. А когда спохватится, мы будем уже далеко. А там выкрутимся. Главное, чтобы вместе!

Раздался громкий всплеск. Парни уронили лодку в воду с метровой высоты, и теперь Ига придерживал её за весло, а Ян, торопливо прыгая по камням, направлялся к нам.

Яринка потянула меня к себе, глядя умоляющими глазами. Но я не двинулась с места.

Нет, не данное Доннелу слово держало меня. За год пребывания в Оазисе я избавилась от последних представлений о честности и не питала иллюзий в отношении того, что

честность эта чего-то стоит. Я бы не задумываясь нарушила любое данное кому-либо здесь обещание, если бы знала, что это приблизит меня к свободе и не будет иметь негативных последствий. Но сейчас всё было иначе. Не спрашивайте меня, как я это поняла: не могу ответить. Но грозное предупреждение разливалось в ночном воздухе, в золотом лунном свете, оно звучало в плеске прибоя, морским бризом посвистывало в ушах.

И проигнорировать его было невозможно.

Я подалась вперёд, крепко, до дрожи обняла Яринку. Она вскрикнула от боли в надтреснутом ребре, но не отстранилась, прижала меня к себе, всхлипнула. Чтобы не дать ей расплакаться и не заплакать самой, я быстро заговорила:

— Ты всё помнишь? Когда будете в безопасности, позвоните на телефон Доннелу. Если недоступен, всё равно звоните, пока не ответит. Он обещал передать мне ваши слова. Если вдруг не дозвонитесь или не передаст — тогда наш тайник. Я доберусь туда в любом случае, обещаю.

Это мы обсудили ещё вчера ночью, когда Яринка тайком выбралась из палаты и мы долго шептались, спрятавшись в кустах за клиникой. Поклялись найти друг друга рано или поздно, а местом тайной переписки выбрали лес за забором приюта, тайник под поваленной сосной, где целую вечность назад прятали наши рогатки. Да, далеко. Да, мы даже не знаем юридического адреса приюта, в котором прожили несколько лет. Но после всего пережитого это уже не казалось непреодолимым препятствием.

— Я не уеду на Запад без тебя, — сказала Яринка, прижимаясь лбом к моему лбу и заглядывая в глаза. — Я буду ждать, сколько нужно. Убеги отсюда, Дайка. Уплыви, улети! Ты сможешь.

— Смогу, — спокойно подтвердила я, потому что в тот момент точно узнала это.

Нет, не было видения, подобного тому, в каком мне год назад явилось сегодняшняя ночь. Просто это знание тоже было непостижимым образом разлито вокруг.

Странное место. Странное, жуткое и судьбоносное.

— Любимая, нам пора, — извиняющимся тоном сказал Ян, который, оказывается, уже какое-то время стоял рядом с нами. Осторожно взял Яринку за плечо и потянул к себе. Она успела поймать мою руку, наши пальцы переплелись, и ещё какую-то секунду мы были вместе. А потом парень, который отныне занял в Яринкиной жизни моё место — место самого близкого человека, — повёл её прочь.

Он ни о чём не спросил, хотя наверняка ожидал, что в лодку мы сядем вместе, но, видимо, что-то понял сам, потому что перед тем, как уйти, внимательно посмотрел на меня и склонил голову.

— Спасибо тебе. Мы не забудем.

Я лишь кивнула в ответ, боясь, что вместе со словами из меня рванутся слёзы. И потом только смотрела, как Яринка и Ян спускаются с берега в лодку, как устраиваются в ней — парни у бортов, Яринка на носу, лицом ко мне. Как поднимаются и опускаются вёсла, отталкиваясь от вод Русалкиной ямы, и маленькое, почти игрушечное судно начинает скользить прочь, качаясь на лёгкой зыби. Как Яринка машет мне тонкой рукой, пока пелена всё — таки пролившихся слёз не скрывает от меня и её, и море, и безжалостный лунный свет...

Не знаю сколько времени я ещё провела на берегу Русалкиной ямы. Помню только, что сначала до боли в глазах всматривалась в морскую лунную даль, надеясь в последний раз увидеть там чёрную точку — увозящую Яринку лодку. Потом опустилась на один из камней, обняла руками колени и сжалась в комок. Слез больше не было, как не было и радости от того, что побег увенчался успехом и моя подруга теперь в безопасности. Я не имела ничего против такого состояния и не отказалась бы остаться в нём навсегда, но в глубине души знала, что это лишь краткая передышка, дарованная мне судьбой минутка затишья перед бурей. Всё потом будет: и невыносимая тоска по Яринке, и чёрное одиночество, и, несмотря на это, — гордое осознание того, что я сделала всё как надо. Им я и утешусь, уж его-то у меня никто не отнимет.

А пока я отдыхала, наслаждалась абсолютным штилем и пустотой в душе. Меня даже не задевал тот факт, что я посреди ночи сижу одна-одинешенька в самом зловещем месте острова, месте, которое стало последним, что увидели в этой жизни девушки, тоже воспользовавшиеся Русалкиной ямой как путём на свободу. Но сейчас я сама стала её частью, слилась с темнотой и безлюдьем, и мне здесь ничего не грозило.

Тем более, я была не одна. Чувствовала это совершенно точно, как до этого чувствовала, что пытаться бежать с Яринкой нельзя. Поэтому не встревожилась и не оглянулась, услышав сзади приближающиеся шаги. Не пошевелилась, когда они стихли у меня за спиной. И, лишь когда тяжёлая рука легла мне на плечо, нехотя подняла голову.

— Я горжусь тобой, — тихо и серьёзно сказал Ральф. Луна мягко светила ему в лицо, скрадывая морщины, оттеняя глаза и губы, делая его почти красивым. Но для меня это была теперь чуждая и отталкивающая красота.

Не дождавшись моего ответа, наверняка почувствовав, как закаменело моё плечо под его рукой, Доннел, тем не менее, не отстранился. Напротив, сказал тепло, почти ласково:

— Надо уходить, Лапка. Скоро начнёт светать, и будет лучше, если к этому времени тебя никто не сможет увидеть на улице.

Ещё несколько секунд я не шевелилась, пытаюсь продлить состояние спасительной пустоты в душе, потом медленно поднялась. Не потому, что боялась послушаться Ральфа, просто понимала: сколько ни тяни, а время не остановишь. Новый день неотвратимо приближался, и встретить его будет лучше не здесь.

Оказавшись на ногах, я бросила последний взгляд на простертую через море лунную дорожку, по которой уплыла от меня Яринка. Попыталась представить, как несётся она сейчас по волнам, вольная, счастливая, а вокруг неё — только бескрайнее море и небо. В добрый путь, дорогая...

— Осторожно! — Ральф подхватил меня под локоть и удержал на ногах, когда я, ничего не видя из-за вновь набежавших слёз, шагнула с очередного камня в пустоту. И уже не отпускал, пока мы не оставили за спиной нагромождения камней и не ступили с гальки на песок. Там я остановилась и присела на корточки, словно для того, чтобы потуже завязать шнурки на ботинках, но на самом деле избавляясь от руки Ральфа. Я вообще надеялась, что он уйдёт: ведь я осталась на острове и уже никуда не денусь, — но Доннел терпеливо стоял рядом, пока я возилась с обувью. Наконец, поняв, что в одиночестве мне не остаться, я поднялась и побрела по пляжу, песок которого под лунным светом стал почти красным, марсианским, если верить астрономической энциклопедии, когда-то раздобытой для нас Дэном.

Ральф молча шагал рядом со мной, не то оберегая, не то конвоируя, но взять за руку больше не пытался. Русалкина яма осталась позади, как и мрачные нежилые строения на её берегу, и теперь слева снова уютно горели разноцветные фонари и развешанные на деревьях гирлянды. Но ни смеха гостей, ни звона их бокалов больше не слышалось: даже самые развесёлые гуляки угомонились в этот предутренний час.

Я представила, как возвращаюсь в пустой номер, где уже никогда не зазвучит Яринкин смех, как ложусь в холодную постель и слушаю влетающий в открытое окно шум прибоя — неизменное звуковое сопровождение моей здешней жизни... И съёжила плечи от первого, но далеко не последнего, в этом я была уверена, приступа глухой тоски. Какое ещё бесчисленное множество раз мне предстоит засыпать и просыпаться одной на этом проклятом богом, если он, конечно, есть, рукотворном острове?

Впрочем, почему одной? И кто сказал, что остаток ночи я проведу в нашем домике?

Я покосилась на шагающего рядом Доннела. Вот кто по-прежнему решает, где и с кем мне спать. Разве не за этим он оставил меня в Оазисе?

— Мне идти к тебе в номер? — спросила я и сама удивилась тому, как холодно и отстранённо прозвучал мой голос. Никогда раньше я не позволяла себе разговаривать с Ральфом таким тоном.

Он ответил не сразу, словно тоже был удивлён. Но когда наконец заговорил, я не услышала ни досады, ни раздражения.

— Как тебе угодно, милая. Хочешь пойти ко мне?

— Нет, — быстро ответила я. Быстрее и резче, чем мне бы хотелось, но Ральф не рассердился и на этот раз.

— Как тебе угодно, — повторил он. Я уловила в его голосе нотку сожаления и испытала мгновенную злорадную радость. Сударь Доннел думал, что, шантажом и угрозами разлучив меня с Яринкой, сумеет оставить в своём владении не только моё тело, но и душу? А вот не выйдет.

Потом мы шли молча до первой лестницы, уводящей с пляжей наверх, через хитросплетения узких улочек и переулков Оазиса к сияющему над всем этим, как исполинская елочная игрушка, Айсбергу. Здесь, у поворота к нашему домику, я не выдержала и, остановившись, задала вопрос, который не давал мне покоя с момента нашего с Ральфом последнего разговора.

— Если бы я села в лодку с Яринкой, что бы ты сделал?

Ральф помолчал; я чувствовала, что ему не хочется отвечать, но упрямо стояла на месте, вопросительно глядя снизу вверх на его резкий профиль.

Наконец Доннел коротко ответил:

— Я был бы вынужден сделать то, что обещал. Остановить вас всех.

Я кивнула сама себе, внутренне успокоившись: правильно сделала, что не поддавалась на Яринкины уговоры и не провалила этим всё дело. Значит, и жалеть не о чём. Хорошо.

— Я пойду? — Ральф оставался моим хозяином, и я не осмелилась просто взять и уйти, не получив на это его разрешения.

— Нет, — неожиданно он одной рукой резко взял меня за плечо и развернул лицом к себе, а второй придержал за подбородок, не давая отвернуться. Заглянул в глаза.

— Ты помнишь, что я тебе говорил? Почему не отпустил?

Я помнила. Отлично помнила наш разговор в день его возвращения, когда он передал мне письмо Яна и поставил перед выбором: свобода Яринки в обмен на мою. Конечно,

первое, о чём я спросила, услышав такое, — почему? Ответ меня не убедил.

Наверное, именно это сейчас отразилось на моём лице: я услышала, как Ральф с бессильной досадой скрипнул зубами.

— Да пойми, Худышка, ты же совершенно асоциальный ребёнок. Ничегошеньки не видела, кроме своей деревни в лесу, потом приюта, и вот теперь — этого острова. Почему ты не можешь просто не поверить тому, что здесь тебе будет лучше, и, главное, — безопаснее?

Теперь заскрипела зубами я. А почему бы ему просто не понять, что для меня возможность быть рядом с Яринкой важнее безопасности. Нашёл чем пугать!

Ральф продолжал говорить, но всё это я уже слышала в прошлый раз. Да, он же обо мне заботится. Да, я представления не имею о том, на что себя обрекаю, даже если каким-то чудом мы сумеем выйти на Михаила Юрьевича, Дэна и всех *других*. Да, при самом удачном раскладе меня ждут несколько тяжёлых лет в подполье, которые всё равно рано или поздно закончатся арестом, а то и гибелью. Да, побега на Запад мне не видать, как своих ушей, это всего лишь замануха для вербовки новых идиотов, придуманная кучкой вредителей, возомнивших себя сопротивлением. Да, он — Ральф Доннел, взрослый, выдавший видь человек, который прекрасно знает, какие последствия может иметь моё опрометчивое стремление к свободе, и поэтому он взял на себя ответственность не дать мне совершить такую ошибку. Да, сейчас я могу сколько угодно дуться и злиться, но когда-нибудь пойму, что у него просто не было иного выхода. И скажу спасибо.

Последнее меня добило. Спасибо? За что? За те минуты, когда я не могла даже в последний раз посмотреть на свою уплывающую подругу из-за застывшей глаза пелены слёз? За то, как была вынуждена раз за разом отказывать ей в том, чего сама хотела больше всего на свете, — умчаться прочь вместе, повторить восторг нашей звездопадной ночи побега из приюта? За предстоящие мне бесконечные дни, недели, месяцы, а, возможно, и годы одиночества? За то, что я не могу быть уверена в том, что вообще когда-нибудь ещё увижусь с Яринкой? За то, что ямка под поваленной сосной где-то в сотнях и сотнях километрах отсюда — единственное, на что мы обе можем надеяться?

Руки непроизвольно сжались в кулаки. Теперь Ральфу уже не нужно было придерживать меня за подбородок, чтобы не дать опустить глаза — я сама уставилась на него, испепеляя взглядом. И, наверное, ярость моя в тот момент была настолько осязаема, что разошлась вокруг незримой ударной волной, и Ральф отпустил мою руку, даже отступил на шаг, растерянно замолчав. А я, не в силах контролировать злость и обиду, даже не столько на него, сколько на всю свою нескладную жизнь, негромко, но непримиримо сказала:

— Ты всё врёшь. Плевать тебе на мою безопасность! Тебе просто жаль терять то, на что ты деньги потратил. Тебе хочется и дальше трахать меня, когда и как вздумается, я ведь не могу тебе отказать. Так не стесняйся говорить об этом, я и так знаю своё место и никогда его не забуду!

Лицо Ральфа дрогнуло. На миг брови поднялись знакомым домиком, рот как-то беспомощно приоткрылся, но тут же губы сжались, скулы закаменели. Он молчал какое-то время, выжидающе глядя на меня, словно думал, что я сейчас возьму свои слова обратно. Потом холодно усмехнулся.

— Значит, такого ты обо мне мнения? Что ж, не стану тебя разубеждать и отнимать роль жертвы: она имеет свои плюсы. Скажу только, что отныне не предъявляю никаких прав на твоё общество. Придёшь ко мне, только когда и если сама захочешь. А до тех пор избавляю тебя от своей деспотичной персоны.

С этими словами Ральф отвесил в мою сторону что-то вроде полупоклона и быстро зашагал вверх по улице. Но за долю секунды до того, как он отвернулся, я снова успела увидеть выражение почти детской обиды на таких обычно жёстких чертах лица.

«Вот теперь я осталась совсем одна», — подумалось мне, и внезапно пришло острое сожаление о сказанных Ральфу словах: я даже невольно потянулась вслед за ним — догнать, извиниться! Но тут же вспомнила, какими глазами смотрела на меня из лодки Яринка, как отчаянно переплелись наши пальцы в последнюю секунду... и осталась на месте.

А когда в начавшей уже сереть предрассветной темноте подходила к крыльцу дома, снова заплакала.

Яринки хватились только к вечеру. Доктора беспокоило то, что она ни разу за весь день не явилась к нему на осмотр, и он спросил об этом Ирэн. Ирэн, в свою очередь, побеспокоила Аллу, Алла — меня. Я, проспавшая до обеда и пребывающая в самом мрачном расположении духа, — думаю, не надо объяснять, почему, — вяло огрызнулась, заявив, что Яринка в клинике, где ей и положено быть после того, до чего её довела чудесная местная работа. Алла посмотрела на меня странно, но ничего больше не сказала.

Здесь я и совершила ошибку, впоследствии ставшую роковой. Мне следовало изобразить крайнюю обеспокоенность Яринкиным исчезновением, ведь все знали о нашей дружбе. Если бы я предусмотрела это и начала самостоятельные поиски подруги, стала бы доставать Аллу, доктора и Ирэн, бегать по Оазису, поднимать всех на уши, — думаю, тогда в отношении меня не возникло бы подозрений. Скорее всего, через какое-то время Яринку сочли бы очередной отчаявшейся, что предпочла быструю смерть в глубине Русалкиной ямы новым издевательствам своего постоянного. Но я вела себя подозрительно равнодушно, и это не прошло незамеченным.

Возможно, следующую ночь охрана острова посвятила бесплодным поискам пропавшей, не знаю: я спала. Но утром, когда стало ясно, что на острове её нет, ко мне снова подошла Алла. И, отводя глаза, сообщила, что Ирэн велит немедленно явиться к ней. Я пожала плечами и явилась. Никакого страха не было, чувство потери, не отпускающее меня с момента нашего с Яринкой прощания на берегу, притупило все эмоции.

В роскошном кабинете управляющей Ирэн оказалась не одна. Здесь же, на небольшом кожаном диванчике, том самом, на котором я сидела больше года назад, во время подписания контракта с Оазисом, развалился грузный пожилой мужчина. Я никогда не видела Бурхаева-старшего, но сразу поняла, что это он. Словно далёкая теперь Яринка вдруг шепнула мне это на ухо.

— Здравствуйте, — бесцветным голосом сказала я в пространство, едва переступив порог, и стала смотреть на шикарный пейзаж за панорамным окном.

— Здравствуй, — холодно ответила Ирэн, Бурхаев же не удостоил меня приветствием, только скосил водянистые глаза.

Сесть мне не предложили, но я была не в том настроении, чтобы ждать предложений. Сама прошла к столу и опустилась на одно из кресел, расположившись напротив Ирэн. Её тонкие безупречные брови взметнулись вверх. Бурхаев крякнул.

— Где твоя подруга? — Ирэн не стала тянуть и сразу перешла к делу.

— Не знаю, — я тоже не затруднила себя многословием.

— Как это — не знаешь? Тебя не беспокоит, что её второй день никто не видел?

— Беспокоит, — я посмотрела в тщательно накрашенные красивые глаза управляющей

и слегка пожала плечами. — Но ведь, если кто-то и знает, где она, то это вы. И если почему-то не говорите, то и не скажете.

Ирэн дёрнула уголком рта. Надо думать, оценила моё спокойствие. Покивала.

— Ты хочешь, чтобы я поверила, будто тебе всё равно и что ты заранее смирилась с тем, что я, например, продала Ярину в другое заведение?

Я ответила, как мне хотелось думать, смиренным взглядом.

— Дайника, — Ирэн поднялась, обошла стол и угрожающе нависла надо мной, поставив руки на подлокотники кресла. В другой момент я бы сжалась от ужаса, но сейчас даже не опустила глаз. Чем она теперь может меня напугать?

Напугать Ирэн и не пыталась. Она попыталась обмануть. Её колокольчиковый голос вдруг стал сладким и тягучим, как мёд, обволок со всех сторон:

— Дайника, ты, конечно, можешь не верить, но нам безразлична судьба Ярины. Я не знаю, как ей удалось покинуть остров, но за его пределами она в куда большей опасности, чем была бы здесь. Я понимаю, что имели место некие...хм... причины, — тут Ирэн бросила быстрый взгляд на молчаливого Бурхаева, — но, к сожалению, это издержки местной жизни. И есть все основания полагать, что подобного не повторится, ведь твоя подруга сама спровоцировала недовольство гостя. Обещаю, что не стану наказывать Ярину, если ты сейчас расскажешь, где она может быть. Мы просто постараемся её вернуть, и всё будет как раньше.

Ах ты лживая гадина.

В том, что Ирэн врёт, у меня не было ни малейших сомнений. Не станешь наказывать? Конечно, не станешь, ведь, если тебе удастся добраться до Яринки, ты просто отдашь её Бурхаеву, верно? Комплимент постоянному клиенту от проштрафившегося заведения. Получите виновницу своих неприятностей, сделайте с ней, что хотите, и давайте забудем об этом досадном инциденте?

Голову я не опустила, продолжала молча смотреть в глаза управляющей и видела, как в них притворная ласковость постепенно сменяется сначала раздражением, а затем неприкрытой злобой. Она опустила ладонь на мою кисть, лежащую на подлокотнике кресла, и неожиданно сильно сдавила. Длинные ярко-красные ногти глубоко вдавились в кожу, но я не дрогнула. И неизвестно, чем бы закончилось наше безмолвное противостояние, но тут Бурхаев счёл нужным напомнить о себе.

Он шумно завозился на диванчике, угрожающе запыхтел и изрёк:

— Уважаемая Ирина...эээ... сударыня. Долго мне ещё ждать?

Сказано это было сварливо-ядовитым тоном. И готова спорить, что Бурхаев не забыл отчества Ирэн, но нарочно пренебрёг им, желая напомнить о том, кто здесь платит, а, следовательно, заказывает музыку.

На щеках управляющей вспыхнули алые розочки румянца. Но когда она заговорила, голос продолжал сочиться мёдом:

— Одну минутку, пожалуйста. Дайника умная девочка, она понимает, что на самом деле будет лучше для её подруги, и всё нам расскажет. Не правда ли, дорогая?

Я не успела ответить, потому что Бурхаев внезапно взревел:

— Да мне насрать, кто тут у вас умный, а кто дебил! Мой сын пропал вместе с моими деньгами! И это ваша рыжая прошмандовка его надоумила! Пока вы тут кудахчете, они могут свалить куда угодно! Сделайте уже что-нибудь, или я пушу ваш бордель по миру!

Его рёв был ужасен, особенно после медового голоса-колокольчика Ирэн, но я обрадовалась. Раз Бурхаев так психует, значит, Яринка и Ян имеют все шансы скрыться

бесследно. И он, по крайней мере, пока, не имеет никакого представления, где их искать.

Ирэн стремительно выпрямилась, её глаза сверкали. На миг мне показалось, что сейчас она взревёт не хуже Бурхаева, но управляющая справилась с собой, и, хоть теперь её голос уже не звучал тепло, он остался подчёркнуто вежливым.

— Сударь, я ещё раз приношу вам свои извинения за случившееся и обещаю, что заведение исправит свою оплошность и компенсирует вам все издержки.

Бурхаев скривился.

— Компенсирует, как же. Вы знаете, сколько бабла было в том сейфе, который подчистил мой сынок по наущению вашей шлюхи? Чтобы это компенсировать, нужно всех вас продать с потрохами!

Я вдруг поняла, что ситуация меня забавляет. Было интересно наблюдать, как Ирэн борется с собой, пытаюсь оставаться вежливой. Её кулаки сжались, губы нервно дёргались, но через силу складывались в извиняющуюся улыбку.

— Сударь, я прошу, дайте мне несколько минут, и у нас будет информация.

Ага, конечно, будет. Информация о том, куда вам на парочку следует поспешно отправиться и откуда желательно подольше не возвращаться. Уж такую информацию с удовольствием предоставлю.

Я вдруг поняла, что улыбаюсь. Весело и открыто, словно не сижу тут на допросе, который вот-вот перейдет в пытки, а валяюсь на пляже с девчонками, потягивая холодный сок и болтая о пустяках. Заметили мою улыбку и Ирэн с Бурхаевым. Заметили и резко замолчали, уставившись на меня, как бараны на новые ворота, отчего мне стало ещё смешнее.

— А знаете, что?! — вдруг взвизгнул папаша Яна неестественно высоким голосом. — Оставьте меня с ней, и я мигом узнаю всё, что мне нужно! От ваших идиотских увещеваний толку не будет!

— Боюсь, это невозможно... — всё тем же ровным делано-вежливым тоном начала Ирэн, но Бурхаев истерично перебил её:

— Ну, хорошо, хорошо, я заплачу! Я куплю эту разрисованную шалашовку на час, так уж и быть, потрачусь ещё раз! В вашем притоне без этого никак, понятно! Сколько она стоит?!

— Боюсь, это невозможно, — терпеливо, но явно уже еле сдерживаясь, повторила Ирэн. — Эта девушка куплена другим гостем на продолжительный срок и больше ни с кем не работает.

— Ну так я её перекуплю! — Бурхаев вскочил на ноги, полез за пазуху, выхватил бумажник и затряс им перед собой. — Просто назовите уже сумму, чёрт вас дери! Или это будет продолжаться бесконечно?!

Он вдруг стремительно приблизился, схватил меня за руку и выдернул из кресла с такой силой, что я растянулась бы на полу, не поймай Ирэн мою вторую руку.

— Пожалуйста, — она судорожно попыталась освободить меня от бурхаевского захвата, — отпустите девушку, мы не имеем права оказывать на неё физическое воздействие! Её постоянный гость...

— Да мне насрать на её гостя и на вас заодно! — Бурхаев усилил хватку, и я вскрикнула от боли в безжалостно вывернутой кисти. — Или она сейчас же рассказывает, где может быть мой сын, или я ей шею сверну!

Что-то крича друг другу, они продолжали дёргать меня в разные стороны так, что моя голова болталась на плечах, а зубы лязгали. Я уже совершенно перестала что-либо

соображать и была готова издать вопль ужаса, когда пришла неожиданная помощь.

Тяжёлая, тёмного дерева входная дверь вдруг распахнулась без стука, и на пороге появился Ральф. Его волосы были взъерошены, словно он только что поднялся с постели, рубашка застёгнута лишь на нижние пуговицы, глаза, сейчас снова казавшиеся чёрными, грозно блестели.

— Что здесь происходит? — спросил он очень спокойным, даже учтивым голосом, который совершенно не вязался с его внешним видом.

От неожиданности Ирэн и Бурхаев одновременно выпустили меня, и я всё-таки плюхнулась попой на ковёр, продолжая изумлённо таращиться на так внезапно появившегося Доннела.

— Ральф?! — воскликнула Ирэн, удивлённая не меньше меня. Она судорожно поправляла волосы, растрепавшиеся во время противостояния Бурхаеву, а в расширившихся глазах появился неподдельный испуг. — Что ты здесь...

— Да вот решил зайти, — оборвал её Доннел, решительно пересекая кабинет, — и, как выяснилось, — не напрасно.

Он остановился возле меня, помог подняться на ноги, окинул быстрым, но внимательным взглядом. Убедившись, что со мной всё в порядке, обернулся к застывшей управляющей и повторил вопрос:

— Так что происходит? Почему Дайника оказалась здесь без моего ведома? Насколько я помню, это противоречит правилам. Разве не нужно было спросить разрешения на то, чтобы отзывать от меня девушку, за которую я заплатил?

Ирэн нервно прокашлялась, её зрачки бегали.

— Произошло ЧП, — наконец сказала она, избегая смотреть на Ральфа. — На острове пропала девочка, она была подругой Дайники. Вот я и хотела узнать, может быть, ей что-то известно.

— Неужели? — Ральф держал ладонь на моём плече, и у меня не появилось желания высвободиться. — И поэтому вы двое трясли её, как грушу?

Он перевёл глаза с Ирэн на Бурхаева, который, в отличие от управляющей, не выглядел смущённым. Скорее, раздосадованным. И взгляд Ральфа встретил уверенно.

— Это было недоразумение, — быстро сказала Ирэн. — Мы все на нервах. Исчезновение этой девушки повлекло за собой ряд неприятностей, вот и...

— Это ваши проблемы, — отрезал Ральф. — Что вы хотите от моей девочки?

Разумеется, он сказал «моей девочки», имея в виду вовсе не то значение, какое обычно вкладывают в такие слова, но мне всё равно стало неожиданно приятно. Я даже приосанилась, подняла опущенную до этого голову, расправила съёженные плечи. Что бы ни произошло между мной и Ральфом ранее, но в эту секунду я снова была ему искренне благодарна.

— Она должна что-то знать! — воскликнула Ирэн. — Они попали сюда вдвоём и всегда держались вместе!

Ральф указательным пальцем приподнял мой подбородок, посмотрел сверху вниз.

— Ты что-то знаешь, милая?

У меня хватило ума отрицательно потрясти головой.

— Ей ничего не известно, — сообщил Доннел Ирэн. — Ты довольна?

Ты? Неожиданно меня тревожно царапнуло такое своё обращение Ральфа к нашей управляющей. Насколько я знала, во всём Оазисе тыкать ей позволялось лишь доктору

Ватсону да Карлу, её заместителю, но он появлялся здесь редко.

— Нет, не довольна! — вспылила Ирэн и, словно разом забыв о Ральфе, вперила в меня пронзительный взгляд. — Хочешь сказать, что твоя Ярина пропала, а ты так спокойно на это реагируешь?! Алла говорит — спишь, как сурок, а доктор ни разу не видел тебя в клинике после того, как вы ушли оттуда вдвоём! И ты думаешь, после этого я поверю, что тебе ничего не известно?!

Я пожалала плечами: не хотите, не верьте. А Ральф перешёл в наступление:

— Девочка потеряла единственную подругу, она расстроена и напугана! А тут ещё выцепились в неё, как клещи! Ты получила ответ на свой вопрос, чего ещё хочешь?

— Ральф! — в голосе Ирэн зазвучало отчаяние, а меня снова задела их панибратская манера общения. — Мы в очень трудном положении! Убытки, которые понесёт заведение, если девицу не найти, могут быть чудовищными! А ты, вместо того чтобы помочь, начинаешь сводить старые...

Тут она замолчала так резко, словно окончание фразы кто-то обрубил ножом. Метнула злой взгляд на меня, нервно сцепила руки в замок.

Ральф какое-то время молчал, вопросительно приподняв брови, но, не дождавшись продолжения, с плохо скрытым злорадством ответил:

— Я помог. Спросил у девочки о том, что вас интересовало, и получил ответ. Чего тебе ещё надо? Прикажешь её пытаться?

Бурхаев, до этого стоящий посреди кабинета и медленно переводивший тяжёлый взгляд с Ирэн на Доннела и обратно, вернулся к диванчику и развалился на нём, всем своим видом демонстрируя ангельское терпение. Выглядело это зловеще и не предвещало ничего хорошего даже не мой взгляд. А уж Ирэн, наверняка хорошо знающая нрав отца Яна, внезапно приняла решение с отчаянием загнанного в угол животного.

— Сударь Доннел, — заговорила она металлическим отстранённым голосом. — Я приношу свои извинения, но вынуждена просить вас покинуть кабинет, а девушку оставить здесь. Позже заведение будет готово компенсировать вам доставленные неудобства, но сейчас, в связи с возникшей чрезвычайной ситуацией, это необходимо.

— Вот как? — вкрадчиво поинтересовался Ральф, выслушав её заявление. — А, позволите спросить, Ирочка, что ты сделаешь, если я проигнорирую твою так называемую просьбу? Вызовешь охрану?

Взгляд Ирэн снова заметался, словно в поисках чего-то, что подскажет ей ответ. Такого не нашлось, и она заговорила прежним голосом, в котором звучало отчаяние:

— Ральф, тебе обязательно делать это сейчас?! Ты... ты дискредитируешь меня в глазах... — она выразительно глянула на меня и Бурхаева по очереди. — Я не могу этого допускать! Я — управляющая заведением, и, если понадобится прибегнуть к помощи охраны, буду вынуждена так поступить!

Она перевела дыхание, попыталась улыбнуться; как мне показалось, многообещающе.

— Мы ведь можем обсудить всё позже, и, я уверена — придём к согласию. Но сейчас мне необходимо...

— Мне наплевать на то, что необходимо тебе, — оборвал её Доннел. — Мы уходим. Очень надеюсь, что впредь у тебя хватит благоразумия не делать чего-то через мою голову.

Последнюю фразу я не совсем поняла, да и не старалась. Мне хватило уже того, что Ральф взял меня за руку и повёл прочь. Я ещё успела увидеть застывшее, как маска, побелевшее от злости лицо Ирэн. Бурхаева, продолжавшего сидеть с самым мрачным видом.

А потом дверь за нами захлопнулась, отрезая меня от их полных ненависти взглядов, и я смогла жадно перевести дыхание, чувствуя себя так, словно до этого не дышала вовсе.

Не говоря ни слова, продолжая сжимать мою руку, Доннел довёз меня на лифте до первого этажа, вывел на улицу, под яркое солнце и обманчивый простор, и только тогда отпустил. Мы стояли рядом на высоком крыльце, глядя на раскинувшееся до горизонта синее море, и, кажется, оба не знали, что делать дальше. Наконец, Ральф негромко произнёс:

— Иди к себе. Ирэн вряд ли посмеет ещё кого-то прислать за тобой, но на всякий случай не соглашайся никуда выходить, говори, что это моё распоряжение. Тебе, конечно, было бы спокойнее у меня в номере, но я не буду настаивать. Мои слова в силе — придёшь, только если сама захочешь.

Я кивнула. Теперь, когда рядом не было ни Ирэн, ни бешеного Бурхаева, моя обида на Ральфа вернулась. Впрочем, это даже обидой нельзя было назвать — обижаться можно на кого-то равного себе, он же своим поступком раз и навсегда указал мне моё место. И я, помня об этом, не думала, что когда-нибудь между нами всё может стать, как прежде. Да и было ли это «как прежде», или я просто нафантазировала, будто наше общение когда-то выходило за рамки отношений хозяйин-наложница?

Не дождавшись от меня ответа, Ральф развернулся и исчез в дверях Айсберга, возвращаясь в свой номер, а я стала спускаться с крыльца...

...Домик встретил меня настороженной тишиной. Несколько девочек, в их числе Алла и Вика, сидели в столовой за столом, что-то оживлённо обсуждая. Но при моём появлении разговор стих, глаза опустились. Никаких вопросов, никакого праздного любопытства или вежливого сочувствия. Я тоже не подала виду, будто заметила, что нахожусь тут не одна. Прошла к холодильнику, достала оттуда распечатанный пакет сока (в горле пересохло после всего недавно произошедшего) и мимо девушек, которые чуть заметно отшатнулись при моём приближении, прошла наверх. Я не осуждала соседок и не чувствовала никакой обиды. Своя шкура ближе к телу, а общаться с той, кто, возможно, имеет отношение к самой злостной из всех провинностей, которые только могут быть совершены здесь, — к побегу, себе дороже.

До наступления ночи я выходила из номера только в туалет. Несколько раз заходили то Ася, то Вика, но, взяв что-то из своих вещей, они торопливо исчезали, словно боясь, что я заговорю о чём-то, чего бы им знать не хотелось. Я и не говорила. Изображать обеспокоенность отсутствием Яринки после целого дня и двух ночей равнодушия было бы глупо и неубедительно.

Поэтому я молчала. Смотрела в окно, усевшись на подоконник, как давным-давно любила сидеть в приюте. Лежала на Яринкиной кровати, пытаюсь уловить остатки её запаха. Пролистывала наши фотографии в планшете. Но больше просто смотрела в пространство перед собой и думала. Пыталась представить: где сейчас моя подруга, её возлюбленный, а также их белокурый друг Ига? Удалось ли им найти безопасное укрытие? Куда они двинутся дальше? Я не знала, что собирался предпринять Ян после того, как сумеет вырвать Яринку из Оазиса, и был ли у него вообще какой-то план действий. Не знала, и сейчас, вспоминая взбешённого Бурхаева, была рада этому. Ведь благодаря своему незнанию я не смогу выдать друзей, даже если меня станут заставлять.

Ещё я думала об Ирэн. О том, что она, по непонятной причине невзлюбившая меня после аукциона, теперь, когда я стала причиной и свидетельницей её капитуляции сначала перед Бурхаевым, а после — перед Ральфом, окончательно станет моим врагом. И почему

так получилось? Когда-то Ральф сказал мне, что давно знаком с Ирэн и у них даже было что-то вроде общего дела. Допустим, это объясняет свойскую манеру их общения, но не объясняет непонятной и плохо скрытой враждебности. И что означала недосказанная фраза Ирэн о сведении старых счётов? Какая кошка пробежала между ними в прошлом? И как это дало Ральфу право вести себя здесь не как гостю, но как хозяину? И почему псих Бурхаев, оравший до этого на Ирэн, самому Доннелу не сказал ни слова?

От Бурхаева мои мысли снова вернулись к Яринке и Яну. Яринка пообещала, что без меня не убежит на Запад, значит, скорее всего, они займутся поисками Дэна, Михаила Юрьевича и остальных, тех, кого Ральф называет террористами и вредителями. *Других*. Но, даже если у них всё получится, я узнаю об этом только из ямки под поваленной сосной, в необозримом будущем, если сумею туда добраться. А вообще символично, что мне в любом случае предстоит вернуться к исходной точке, к приюту, в сосновый лес, куда я когда-то убегала стрелять из Пчёлки.

Я вдруг заметила, что держу руки перед собой так, словно в одной сжимаю рукоять рогатки, а другой оттягиваю кожеток. И почему мне ни разу не пришло в голову смастерить здесь вторую Пчёлку? Уж тут-то за это никто не стал бы меня наказывать. Может, потому и не было это больше интересно? Да и скучала я именно по той Пчёлке, которая познакомила меня с Дэном, ещё больше сблизила с Яринкой, сопровождала в коротком, но насыщенном приключениями путешествии, последовавшем за побегом из приюта. Знать бы тогда, где оно кончится...

А после полуночи, когда на остров легла бархатная темнота, домик наш опустел и тишина стала невыносимой, я встала с постели, оделась и, почти бегом миновав многочисленные закоулки и лестницы Оазиса, поднялась в Айсберг, к Ральфу. Я понимала, что могу снова застать в его номере черноволосую девицу или кого-нибудь не менее грудастого (возможно, даже Аллу), но это меня не остановило.

Ведь больше на всём свете мне не к кому было пойти.

Глава 19

Одиночество.

— Тебе это совсем не нравится? — спросил меня Ральф, когда мы, обнажённые, улеглись рядом и накрылись одеялом, а я не смогла сдержать долгий вздох облегчения от того, что вот и ещё один раз остался позади.

Вопрос заставил меня виновато замереть. Ведь сегодня я пришла сама, никто не звал и тем более не заставлял. Сама пришла, сама разделась и сама залезла в постель к уже спящему на тот момент Доннелу. Он был один. Никакой Аллы, никакой черноволосой девицы, лишь початая бутылка коньяка на прикроватной тумбочке. Ждал ли он меня? Знал, что я не выдержу пытку одиночеством? Судя по неподдельному удивлению, с каким Ральф открыл глаза, когда я нырнула под одеяло, — нет. По крайней мере, не сегодня, не так быстро. Возможно, предполагал, что я буду дуться до его отъезда, но появлюсь потом, когда он приплывёт на остров в следующий раз, а я к тому времени успею соскучиться.

Мне было стыдно за свою скорую капитуляцию, я прятала лицо в подушке и не хотела смотреть ему в глаза, когда он принялся осторожно покрывать поцелуями сначала мои плечи, потом спину. Ёжилась и прижимала локти к бокам, жалея о том, что не додумалась

принести с собой пижаму, чтобы не пришлось сейчас лежать в одних трусиках, словно я явилась за сексом. Наверное, Ральф так и подумал, потому что секс у нас состоялся незамедлительно.

И теперь я не знала, что ответить на его вопрос. Соврать, что нравится? Это даже будет не совсем враньё, ведь мне действительно нравятся некоторые моменты, но, к сожалению, лишь те, что считаются прелюдией. Поцелуи, объятия, ласки — ничего более. Нравится потом лежать, обнявшись, растворяясь в тепле и неге, постепенно погружаясь в сон. За этим я и пришла. Меня пугала долгая ночь в пустом номере под мрачный рокот прибоя, я не думала, что смогу уснуть там, в домике, где нет и не будет больше Яринки, где соседки теперь избегают меня, как прокажённой. Я чувствовала себя бесконечно несчастной, и Ральф виделся мне единственным источником тепла, островком света в ночи. Он большой и сильный, он сможет окружить меня собой, обнять, прижать, согреть своим дыханием, так, что одиночество и тоска не смогут ко мне подступиться. Тогда я усну. А завтра станет уже легче, как всегда бывает: утро нового дня приносит облегчение.

Так бы и случилось, не задай Ральф своего вопроса. Я бы свернулась в его объятиях и нашла там желанное забвение. Но вместо этого теперь судорожно придумывала ответ, который бы не поссорил нас снова. Валентина Карловна, наша здешняя преподавательница-психолог, не раз повторяла, что ни в коем случае нельзя подвергать сомнению способность мужчины быть великим любовником. Это самая вопиющая ошибка, какую только можно допустить в нашей профессии. Мужчины затем и прибывают сюда, к нам, чтобы почувствовать себя рысаками, отдохнуть от пуритански воспитанных жён, считающих, что приличная женщина не может получать удовольствия от плотских утех и уж тем более это удовольствие демонстрировать.

— Мне больно, — наконец виновато буркнула я, поняв, что отмолчаться не выйдет.

Рука Ральфа, до этого ласково перебирающая мои волосы, замерла.

— Больно? Почему тогда ты не говорила мне этого?

Я снова засопела, не зная, что ответить. Да потому и не говорила, что учили всегда выглядеть на вершине блаженства! Если я скажу, что мне больно, значит, не получаю удовольствия. Если не получаю удовольствия, значит, не выполняю свои прямые обязанности — создавать у мужчины иллюзию его сексуального могущества.

— Я предполагал, что тебе бывает больно в самом начале в силу твоих малых размеров, поэтому всегда старался быть осторожен, — продолжал Ральф, не дождавшись моего ответа. — Но, если больно постоянно, выходит, ты ещё совсем не выросла для всего этого. Скажи, тебе действительно плохо со мной?

Решив, что терять нечего, я попыталась растолковать ему, что именно мне нравится, а что нет, и почему я молчала до сих пор. Ральф внимательно слушал мои путанные объяснения, и, хоть я сама не совсем себя поняла, он ни разу меня не перебил и не задал ни одного вопроса. А когда я, наконец, замолчала, чувствуя невыразимое облегчение от того, что больше не нужно притворяться, Ральф снова начал поглаживать мои волосы.

Я притихла под ласкающей рукой, ожидая реакции на свою откровенность. Из-под опущенных ресниц вглядывалась в грубое мужское лицо, слабо освещённое ночником, и пыталась понять, какие эмоции вызвала в своём хозяине. Он не выглядел рассерженным или раздосадованным, что несомненно обрадовало бы меня в другой ситуации. Но сейчас я заметила нечто, напугавшее меня куда больше. Глубокую неподдельную печаль.

За три месяца нашего знакомства мне довелось видеть Ральфа разным: весёлым,

пьяным, задумчивым, ласковым, ругающимся и даже хохочущим, задорно, как мальчишка. Но никогда — таким, каким он вдруг стал сейчас. Его брови не поднялись знакомым домиком, но вокруг рта залегли скорбные морщины, уголки губ устало опустились, а глаза потемнели, снова из тёпло-карих став чёрными и бездонными. И он продолжал гладить меня по голове, словно пытался этим заполнить возникшую паузу.

Из далёкого, теперь уже кажущегося нереальным прошлого, ко мне пришло воспоминание, от которого я похолодела, несмотря на духоту июльской ночи и близость тёплого мужского тела.

До лайки Зуйки, которая была у нас в Маслятах на момент конца деревни, мои родители держали Балую, здорового медвежатника. Его я плохо помнила, потому что была тогда совсем маленькой. Но один эпизод врезался в мою память навечно. Однажды Балуй вернулся из тайги страшно израненный, мы обнаружили его утром у крыльца, куда он из последних сил сумел доползти и остался лежать на окровавленном снегу. Не знаю, что — или кто — было тому виной, но сразу стало ясно, что спасти Балую не получится при всём желании. Отец принёс ружьё, а мама, вытирая мокрые глаза, поспешно увела меня в дом. Последнее, что я увидела, — папа опустил на колени перед умирающим псом и бережно гладит его шерсть, стараясь не задевать открытые раны.

И выражение его лица было точно таким же, как сейчас у Ральфа.

Внутренне ошетилившись, сжавшись в ожидании новой беды, внешне я осталась неподвижна, только закрыла глаза. Интересно, понимал ли Балуй, что должно последовать за последней хозяйской лаской?

— Лапка, — сказал Ральф, и моё сердце ухнуло в пустоту, столько сожаления было в его голосе, — Лапка, наверное, даже к лучшему, что меня какое-то время не будет. Ты подрастёшь, и тогда, когда мы увидимся в следующий раз, будешь воспринимать и чувствовать всё иначе.

— Почему тебя не будет? — через силу выдавила я, прекрасно понимая уже, что к этому всё и шло, это и предвиделось, беда не приходит одна. — Когда — в следующий раз?

— Не раньше Рождества, — сказал Ральф так быстро, словно боялся потом не решиться. — Скорее всего, к весне. Как раз, чтобы успеть заплатить за тебя ещё раз.

Я оценила расчёт. Сообщить плохую новость, и сразу, не дав опомниться, — хорошую, смягчить удар, сгладить вину, пусть я и сомневалась, что Доннел может чувствовать себя виноватым передо мной.

— Ты хочешь купить меня на второй срок? — уточнила я и сразу пожалела: настолько цинично это прозвучало.

Ральф чуть поморщился, но ответил мягко.

— Худышка, меня беспокоит твоя безопасность, хоть ты и не веришь в это. И я не хочу, чтобы до тебя добрался какой-нибудь псих вроде Бурхаева или Ховрина. Сейчас мне нужно уехать очень далеко: я не смогу вернуться на Русь раньше следующей весны, — но, когда вернусь, то сделаю всё от меня зависящее, чтобы тебе и дальше ничего не угрожало.

Я не стала спрашивать, куда уезжает Ральф и зачем: привыкла уже, что о его жизни мы не говорим. Но обещанию обрадовалась. Обрадовалась именно настолько, чтобы, как, наверное, он и рассчитывал, не пустить слезу о скорой разлуке. Совершенно не считаю, что Ральф думал, будто я влюблена в него, но он точно понимал, что его отъезд станет для меня потерей, особенно сразу после утраты Яринки. Ведь теперь я останусь совсем одна и мне уже не к кому будет прийти посреди ночи, спасаясь от этого одиночества.

Но Ральф пообещал купить меня на второй срок, а значит, мой долг перед Оазисом будет закрыт. И я смогу покинуть опустылевший остров, чтобы отправиться искать Яринку.

Словно прочитав мои мысли, Ральф сказал:

— Я не стану указывать тебе, что делать или чего не делать в моё отсутствие: всё равно не смогу ничего контролировать. Но буду надеяться на твоё благоразумие. Просто живи и жди меня. Ирэн тебя не тронет, но лучше вам лишний раз не пересекаться: после сегодняшнего она очень зла. Понимает, что пропажа твоей подружки без тебя не обошлась, хоть и не может этого доказать.

Я снова прокрутила в голове утренние события, вспомнила короткий, но эмоциональный разговор, состоявшийся между Ральфом и управляющей, и осторожно заметила:

— Ирэн сказала, что ты сводишь с ней старые счёты...

Ральф презрительно скривил губы.

— Если бы я хотел свести с ней счёты, она бы сейчас тут задницу не грела. Но лишний раз пнуть её, как сегодня, не откажусь.

Ободренная его ответом, я осмелилась спросить:

— Вы поссорились в прошлом?

Ральф снова усмехнулся.

— Ссорятся дети. А она просто оказалась неблагонадёжным человеком, отчего потеряла моё доверие.

— Ты с ней спал? — ляпнула я и тут же пришла в ужас. Кажется, сейчас кто-то получит словесный нагоняй за излишнее любопытство...

Но Ральфа мой вопрос позабавил. Он иронично заломил бровь и посмотрел на меня с живым интересом.

— Ревнуешь, Лапка? Неожиданно, конечно, но, признаюсь, — приятно.

Я засопела и уткнулась носом в подушку, мысленно дав себе клятву никогда больше не задавать Доннелу вопросов о его прошлом. К счастью, он не стал заострять на этом внимание, как не стал и отвечать. Вместо этого вдруг легко чмокнул меня в нос и сказал:

— У меня есть для тебя подарок, Лапка. Хотел подарить перед отъездом, но подарю сейчас, может, удастся поднять тебе настроение.

Я оживлённо приподнялась. Ральф и раньше никогда не приезжал с пустыми руками, но обычно вручал мне подарки сразу, так что сейчас я предположила, что этот подарок должен быть особенным. И не ошиблась.

Через три дня я провожала Ральфа до причала. Точнее, до проходной на причал, до ворот, дальше которых меня не пустила бы охрана. Глаза с утра были на мокром месте, несмотря на полученную вчера вечером весточку от Яринки. Спасибо Доннелу, он не поленился сплавить на берег, туда, где у него была возможность воспользоваться телефоном. И, как только оказался вне зоны действия местных глушилок, сразу получил кучу уведомлений о пропущенных звонках от Яны и, наконец, СМС, в котором моя далёкая подруга сообщала, что она в безопасности. И, пусть я прекрасно понимала, насколько иллюзорна безопасность в её положении, но с души всё равно свалился камень.

В порыве благодарности за принесенную добрую весть я даже попыталась отблагодарить Ральфа единственным способом, которому меня здесь научили, но он мягко отстранился. И последнюю совместную ночь мы просто спали рядом, под одним одеялом.

А сейчас Ральф, которого уже ждал покачивающийся на волнах катер, положил руки мне на плечи и, пристально глядя в глаза, строго напутствовал, забыв о своём обещании не указывать мне, что делать:

— Старайся ни с кем не конфликтовать, не привлекай к себе внимания. Если хочешь продолжать петь в Айсберге, я не могу тебе запретить, но не советую. Будет лучше не попадаться на глаза ни Бурхаеву, ни Ховрину, ни другим мужикам, которые могут тебя захотеть. Вряд ли Ирэн осмелится мстить мне таким образом, но лучше перестраховаться.

Я пожалала плечами. Сама не была уверена, что захочу выступать. Петь перед гостями теперь, когда я, наконец, в полной мере осознала, каким жестоким и лицемерным местом является Оазис? Увольте. Конечно, это бы разнообразило мои будни, и я плохо представляла, чем займу себя сейчас, когда рядом не будет ни Яринки, ни Ральфа, но не хотелось больше видеть сытых рож местных завсегдатаев.

— И я тебя умоляю, — продолжал Ральф, — не предпринимай никаких авантюр, не пытайся сбежать!

Я снова пожалала плечами. Сбежать? Интересно, как он себе это представляет? Уплыву на досочке в голубую даль?

Ральф понял, о чём я думаю. Досадливо повёл плечами.

— Кто тебя знает? Я уже ничему не удивлюсь.

— Я буду ждать тебя, — сказала я, успокаивая скорее себя, чем его, желая в очередной раз услышать обещание вернуться.

— Дождешься, — не разочаровал меня Ральф, а потом обнял и на несколько секунд крепко прижал к себе. Я закрыла глаза, стараясь как можно лучше запомнить, как это — когда тебя обнимают, когда ты кому-то небезразлична. Но от причала нетерпеливо прогудел катер, и Ральф, в последний раз быстро поцеловав меня в губы, подхватил за ручку сумку и зашагал прочь.

Я смотрела ему вслед и думала о том, что так и не узнала, какие обстоятельства заставили его уехать, куда уехать и почему так надолго. И что, может, оно к лучшему. Если Ральф не вернётся (а я заставляла себя допускать такой вариант), то пусть у меня будет надежда, что это загадочные обстоятельства оказались сильнее его, а не он сам бросил меня.

Катер, переваливаясь на волнах, уплывал в открытое море, а я не сводила с него глаз, глупо надеясь, что Ральф покажется на палубе, чтобы помахать мне рукой. Но этого не произошло, конечно: Доннелу были чужды подобные сантименты. Вот Яринкин Ян махал бы ей на прощание, пока не скрылся из виду...

Когда катер превратился в чёрную точку на бескрайней водной глади, я развернулась и побрела вдоль берега. На этот раз слёз не было: проводы Ральфа далось мне легче, чем Яринкины. Но пустоты в душе и вокруг прибавилось. И мне не хотелось её ничем заполнять: пустота была лучше боли, она дарила иллюзию безразличия. Чтобы продлить эту иллюзию, я не пошла обратно в Айсберг, где ещё на двое суток Ральфом был оплачен наш номер, а побрела вдоль берега, невольно повторяя проделанный нами маршрут в день получения письма от Яна. К Русалкиной яме. Я перестала бояться этого места. Страх ушел, когда появилось понимание, что, какая бы судьба ни ждала меня, но я никогда не увижу бледную Яринку, плывущую в ночном море и рассекающую волны серебристым рыбьим хвостом... Яринка уже далеко.

И сегодня я спокойно переступила границу песка и гальки, направляясь к мокрым от брызг прибою валунам. Влезла на камень, тот самый, на который меня в прошлый раз

подсадила Ральфа, и свесила ноги над водой. День был солнечный, по-настоящему летний, море играло всеми красками, белые чайки с криками носились надо мной, и больше вокруг не было ни души. Как раз то, что мне сейчас нужно.

Я медленно потянула с плеча лямку пляжной сумки, которую принесла с собой, расстегнула молнию, запустила руку внутрь. Достала прощальный подарок Ральфа — тяжёлую охотничью рогатку. С рукояткой из прочного пластика, нейлоновыми тяжами, металлическими рогульками и упором для руки. Такая рогатка, сказал Доннел, является, по сути, полноценным метательным оружием, годится для охоты на птиц и мелкого зверя. Но подкупило меня не это. Ральф выбрал рогатку ярко-жёлтого цвета и вместе с ней привёз мне моток чёрной изолянтной ленты, которую я сразу использовала по назначению.

— Пчёлка...

С того дня, когда я сидела на одном из валунов Русалкиной ямы, баюкая в руках своё вновь приобретённое именное оружие и глядя в морскую даль, поглотившую Ральфа, и начался для меня долгий период ожидания. Который запомнился одним бесконечным днём и одной не менее бесконечной ночью.

Долго стояла невыносимая июльская жара. Я много времени проводила в море, научилась неплохо плавать и нырять, загорела до черноты. Больше заниматься было нечем. Вопреки своему недавнему решению больше не петь, я пыталась вернуться на сцену, но музыканты, пряча глаза, сказали, что мой номер с Медвежьей колыбельной убран из программы по распоряжению Ирэн. Мне осталось пожать плечами и уйти. Я даже не расстроилась, пожалела только о том, что больше нельзя заниматься сольфеджио на репетициях, но и это после всего пережитого быстро забылось.

В августе, когда небо стало бездонным, я перешла на ночной образ жизни. Когда закат гас над морем, выскальзывала из дома и уходила к Русалкиной яме, которая стала моим убежищем, единственным местом на острове, где я могла остаться одна. Ложилась спиной на свой валун (мне нравилось думать, будто он до сих пор хранит тепло наших с Ральфом тел) и смотрела на яркие августовские звёзды. Просто смотрела, как они незаметно для глаза смещаются по небосклону. Были среди них и падучие, но ни разу я не видела звездопад, подобный тому, что мы с Яринкой наблюдали два года назад в уютском лесу. И желаний больше не загадывала.

Сентябрь... Пришли угрюмые тучи, и звёзд не стало. Теперь по ночам я спала в пустом номере, куда занятые работой Ася и Вика возвращались лишь под утро. Яринкина кровать оставалась незанятой: новеньких девочек на остров пока не привозили. А со старенькими я так и не подружилась. Мои соседки уже успокоились после июньских событий и больше не боялись со мной общаться, но теперь я сама не искала этого общения. Меня удивляли и отталкивали их смирение, их способность находить плюсы в своём положении и даже гордиться им. Неужели они, прожив тут столько лет, не видели истинное лицо этого места, не понимали, что их жизнь, а тем более, их желания здесь ничего не значат? Что за маской доброжелательности и колокольчиковым голосом Ирэн скрывается лишь забота хозяина о своей скотине, которая приносит доход и от которой без сожаления избавятся, едва она перестанет это делать?

Октябрь. Гостей поубавилось, пляжи опустели, чему я могла только радоваться. Мне нравилось гулять по безлюдью под шум пасмурного моря, под порывами ветра. Думать о том, что вот уже осень, а значит, не за горами и весна, когда я снова увижу Ральфа. А с ним,

возможно, узнаю какие-то новости о Яринке: ведь может быть так, что Ян, которому известен номер телефона Доннела, позвонит ему? О том, что будет дальше, я не гадала. Поможет ли мне Ральф выбраться отсюда или снова заведет пластинку про опасности внешнего мира — всё это будет потом, сначала пусть он просто вернётся.

Ноябрь... Я уже не гуляю по пляжам, почти всё время идут холодные косые дожди, темнеет рано. Привезли несколько новеньких девушек, не таких юных, как мы с Яринкой, когда попали сюда, но я чувствую себя старше их. Они ходят заниматься в библиотеку, и я, с разрешения наших преподавательниц, прихожу тоже. Снова слушаю то, что уже проходила, смотрю на новеньких, гадаю: какая судьба выпадет им?

Декабрь. Учю английский, запустила его с лета и теперь стараюсь каждую свободную минуту посвятить зубрежке. А свободных минут у меня много, так что к Рождеству Нина хвалит меня за успехи и хорошее произношение.

Так получилось, что Рождество я встретила вдвоём с Аллой. Остальные мои соседки остались у гостей, а она почему-то оказалась не востребована в праздничную ночь. Мы пили шампанское в столовой, обе грустные, каждая по своей причине.

Но о причинах Аллиной печали я бы ни за что не догадалась, не развяжи алкоголь ей язык. Когда бутылка шампанского почти опустела (причём я к этому имела мало отношения), Алла тяжело вздохнула, доставая из холодильника вторую:

— Вот так это и начинается...

— Что? — спросила я исключительно из вежливости: разговаривать особо не хотелось, мне хватало своей грусти.

— Начало конца, — ответила Алла и оглушительно хлопнула пробкой, подождала, пока пена стечёт по горлышку прямо на пол, и продолжила. — Когда ты выходишь в тираж. Сначала тебя забывают постоянные клиенты, потом ты остаёшься одна в праздничную ночь, и вот — уже никому не нужна. Возраст...

Я фыркнула и подвинула ей свой бокал.

— Это ты не нужна? Какой у тебя возраст?

— Для этих мест — солидный, — отрезала молодая и красивая Алла. — Юным козочкам вроде тебя я уже не соперница. А их привозят каждый год.

Она наполнила мой бокал, залпом осушила свой и печально уставилась в темноту за окном. Где-то неподалеку звучала музыка, чей-то нетрезвый голос пытался ей подпевать, но постоянно срывался на визгливый хохот. Ещё дальше, наверное, у самого Айсберга, с треском рвались фейерверки. Ничего общего с тем, как принято встречать Рождество у православных, за пределами этого сумасшедшего места. Батюшка Афанасий сказал бы — эх, грехи наши...

— Ну и радуйся, — фыркнула я, глядя на быстро хмелеющую Аллу. — Не надоело ещё мужиков обслуживать?

Она посмотрела на меня с искренним недоумением.

— А что я ещё умею? И кому буду нужна? Только и останется, что тут официанткой подносы таскать, а потом в полумойки пойти.

— А почему обязательно тут? — решила я задать давно тревожащий меня вопрос. — Ты ведь свой долг уже давно выплатила.

Алла пьяно хохотнула.

— И что? Куда я пойду? Ни родных, ни жилья, ни документов. Нас же по сути не существует, мы никто!

— Но ведь другие девушки куда-то уходят?.. — полувопросительно заметила я.

Алла задумчиво вглядывалась в янтарную глубину шампанского и молчала, только на губах её медленно рождалась странная горько-боязливая улыбка.

— Хотела бы я знать — куда, — наконец тихо произнесла она. — Уходят... Уходить-то уходят. Да только душой надо быть, чтобы сказать, будто хочешь отсюда уйти. А то уйдешь...

Она уже заметно опьянела. Может, и нехорошо было с моей стороны этим пользоваться, но я устала от неизвестности.

— Думаешь, на самом деле отсюда никого не отпустят после того, как вернёшь долг?

— Ну почему не отпустят? Силой здесь никого не держат, знаешь же. Контракт, подпись — всё добровольно, расплатилась с заведением — свободна. Вот только, — Алла понизила голос до шёпота, — ты знаешь, какие тут люди бывают? Не знаешь, ты же дикарка... А я тебе скажу. Большие люди. Очень большие и очень известные. Вся церковная верхушка, даже Патриарх заглядывает.

Я, хоть и была дикаркой, но, кто такие Патриарх и его "верхушка", знала. И оторопела от слов Аллы, несмотря на то, что давно не питала иллюзий по поводу того, как устроен этот мир, где для одних — покорность и скрепы, для других, избранных — изобилие и вседозволенность.

— Ты его видела? — потрясенно спросила я у Аллы, тоже невольно переходя на сдавленный шепот.

— Самого — нет, он по острову не гуляет. Его яхта швартуется у причала, и девочек отводят туда. Он всегда выбирает самых молоденьких. Тебе сколько было, когда попала сюда? Двенадцать? Так для него привозят ещё младше.

Я сжала в руке бокал с шампанским, так, что острый край впился в ладонь. С каким трепетом, с каким придыханием произносили в приюте имя Патриарха! Он был помазанником бога на Земле, почти святым, на чьих усталых плечах лежала огромная ответственность за всех нас, грешных...

И вот как, оказывается, всё обстояло на самом деле: главный человек Руси не только прекрасно осведомлён о наличии в его православном государстве заведений вроде Оазиса, но и является их постоянным клиентом!

Значит, яхта, причал и маленькие девочки?

Я вдруг почувствовала, что меня мелко трясёт. Последний раз такое бешенство испытывала, когда сидела рядом с истерзанной Яринкой, одетой в кое-как застегнутые окровавленные шорты, и слушала её рассказ о том, что сделал Бурхаев.

— Хаа! — вдруг пьяно воскликнула Алла, заставив меня подпрыгнуть от неожиданности. — Что, подружка, проняло? По лицу вижу, что проняло. А теперь задумайся вот о чём: кто отпустит отсюда человека, который знает такое про Патриарха и остальных?!

Я посмотрела на неё расширившимися глазами.

— Так вы всегда понимали, что из Оазиса нельзя уйти?! Да вы... почему...

Мне никак не удавалось облечь в слова то, чем сейчас кипел мой разум, и я только беспомощно, словно пойманная рыбёшка, хлопала губами. Но у Аллы и не нужно было ничего спрашивать.

— Хха! — снова выкрикнула она, потянувшись к уже полупустой бутылке шампанского. — Думаешь, почему молчим, да? Почему других не предупреждаем? А о некоторых вещах лучше молчать, да... А ещё лучше — и не думать. Ведь тоска какая... тюрьма...

Я продолжала смотреть на неё во все глаза и вдруг вспомнила день, когда мы с Яринкой вернулись от Ирэн после подписания контракта, и то, как соседки во главе с Аллой встретили нас поздравлениями и шампанским, как рассказывали...

— Но вы же!.. Ты же!.. — способность связно излагать мысли ещё не вернулась ко мне, но я не стала заморачиваться по этому поводу. — Говорили, как тут прекрасно! И гости добрые, и жрать вкусно, и женщиной ты себя здесь почувствовала! И что вы остались, потому что тут хорошо, а там плохо! И нас поздравляли...

Алла вдруг с такой силой опустила бокал на стол, что шампанское выплеснулось из него.

— А что нужно б-было делать?! — прошипела она уже спотыкающимся языком. — Рассказать п-правду?! Чтобы вы истерику закатили, а с нас потом Ирэн ш-шкуру сняла? Погоди, и т-ты новеньким такое рассказывать будешь. Жалко их... и себя жалко. Вот Ася, она... не рассказывает. Только я и Вика, у нас ещё всё было по-божески.

Я вспомнила, что, действительно, в тот давний день Яринка спросила у Аси об истории её появления в Оазисе. Как та метнула вопросительный взгляд на Аллу и как старшая еле заметно отрицательно качнула головой, запрещая ей говорить...

— А что с Асей?

— Д-да ничего хорошего, — старшая махнула на меня рукой, — в-вам бы её рассказ тогда не понравился.

Что-то подсказывало мне, что не понравится он мне и теперь, поэтому я не стала больше задавать вопросов. Мы молчали, прислушиваясь к непрекращающемуся неподалеку треску фейерверков. Теперь он звучал как будто бы с моря: возможно, отдыхающие вышли туда на катере. Или пожаловал на своей яхте Патриарх: отмечать православное Рождество в приятной компании девочки лет десяти...

— Куда же, по-твоему, деваются те, кто решил покинуть Оазис? — после долгой паузы спросила я у Аллы, уже почти успокоившись. — Ведь никого силой не держат. И почему не держат? Зачем всё это враньё с контрактом?

— А сама не догадываешься? Квёлые куры тут никому не нужны: у девушек должна быть мотивация, чтобы старались, работали, и не только с гостями. Думаешь, захочет кто-то номера убирать или посуду мыть, зная, что от этого ничего не изменится? А куда п-потом деваются? Кто же знает? Перепродают их, наверное, и перепродают, с-скорее всего, в такие места, где никто долго не протянет. Чтобы концы в воду.

Я вспомнила слова Ральфа о любительских видео со странным названием "снафф" и содрогнулась.

Алла заметила это, понимающе скривила губы.

— Так что ты, молодая, когда со своим долгом считаешься, не спеши рваться отсюда. Дольше протянешь.

— Спасибо, — тихо сказала я. Не думаю, что Алла вспомнит о нашем разговоре завтра, принимая во внимание то, как она переводит взгляд с почти опустевшей бутылки на холодильник, где стоит ещё одна, но поблагодарить старшую тем не менее стоит. В конце концов, она, без всякого преувеличения, предупредила меня о смертельной опасности.

— Н-не за что, — Алла снова начала запинаться, её лицо покраснелось. — Мотай на ус, мне не жалко. Мне уже что... и так недолго осталось, спрос падает. Новеньких вот привезли, к-конкура... конки... кон-ку-рен-ци-я растёт, ничего не поделаешь, да.

— Да брось, — попыталась я утешить старшую. — Ты очень красивая, на тебя спрос ещё

долго не упадёт.

Алла всё-таки встала и, нетвердой походкой пройдя к холодильнику, извлекла на свет третье шампанское, со стуком опустила его на стол, уставилась на меня сквозь упавшие на лицо тёмные волосы.

— А знаешь, когда я п-поняла, что моё время выходит? Не з-знаешь?!

Я опасливо покачала головой.

— А к-когда Доннел тебя купил! А меня вызывать перестал. И Соньку... и Людку... Всё с тобой, а ты, дура, даже не п-поняла, как тебе свезло. Он же никогда ничьим постоянником не был, а тебя сразу на год...

— Так ведь это только потому... — начала я и осеклась. Не рассказывать же сейчас пьяной Алле про Ховрина, про мой ход конём, про желание Ральфа, пользуясь подвернувшимся случаем, досадить давнему недругу! Она всё равно завтра забудет мой рассказ, да и вообще — это только наше с Ральфом личное дело. Тем более, несмотря на свою ещё не прошедшую обиду на него, мне было неприятно напоминание о том, что, если бы не чистая случайность, Ральф никогда не обратил бы на меня внимания.

— Любишь его? — внезапно спросила Алла, пытливо, насколько позволяли ей съезжающиеся в кучу глаза, глядя мне в лицо.

Я торопливо мотнула головой. Нет, не могу назвать любовью то, что испытываю к Ральфу. Уважение — да. Глубокую благодарность — да. Привязанность — да. Возможно, даже что-то вроде поклонения перед куда более умным, сильным и старшим человеком, — но не любовь. Да и трудно было бы любить такого, как он, — ничего не рассказывающего о себе, скупого на ласку где-либо, кроме постели, замкнутого и насмешливого.

— Ну и дура, — снова нелестно отозвалась обо мне пьяная Алла. — А он тебя любит. Всех перестал вызывать к с-себе, всё с тобой да с тобой... на год купил... никогда никого так надолго не покупал, только на ночь...

Её бормотание стало совсем неразборчивым, голова клонилась к столу. Поняв, что празднование Рождества подошло к концу, я встала, решительно вернула в холодильник так и не открытое шампанское и обняла Аллу за плечи, помогая ей встать. А, уже отводя старшую наверх, прислушиваясь к несмолкающему грохоту фейерверков снаружи, успела подумать, что, если сказанное ею о чувствах Ральфа ко мне хоть самую чуточку окажется правдой, — он спасёт меня. Он приедет весной из далеких стран, я расскажу ему про страшную судьбу, которая ожидает меня здесь, и Ральф обязательно что-нибудь придумает. Уж он-то придумает...

Но тут я ошиблась. Ральф не вернулся в Оазис.

Два посленовогодних зимних месяца прошли у меня под знаком грядущей весны. Я искала признаки её приближения повсюду: в цвете моря, в запахе ветра, в форме облаков, в голосах чаек, даже в прибывающих на остров гостей вглядывалась жадно, пытаюсь найти на их лицах что-то, что каким-либо образом подтвердило бы мне приближение тёплых дней. Время, как всегда бывает, когда чего-то сильно ждёшь, тянулось медленно до невозможности. Я занимала себя как могла: учила английский, читала, смотрела телевизор, по ночам, когда наш домик пустел, до рассвета играла в приставку, чтобы потом упасть в постель и уснуть до обеда. Днём навевалась в Русалкину яму. Там я оборудовала стрельбище для своей новой рогатки, вроде того, что было у нас с Дэном в лесу. Только вместо шишек целями мне служила выставленная в ряд на одном из валунов галька, она же

была и снарядами. Вместе с Пчелкой Ральф вручил мне увесистый мешочек стальных шариков, предупредив, чтобы была осторожна: при попадании в человека такой шарик может больно ранить. Но шариками я не стреляла, берегла их, потому и тренировалась на гальке.

Рогатка действительно оказалась очень мощной. Тяжи посылали снаряд с такой скоростью, что глаз не мог заметить его полёта. Сметенная им цель исчезала так же мгновенно. Мне даже казалось, что в момент выстрела я слышу короткое "ввззз!" вспоротого воздуха. Регулярные тренировки и бывшее мастерство привели к тому, что я почти никогда не промахивалась, это стало для меня лёгким и естественным: глаза привычно фиксировали цель, руки двигались на автомате, и разноцветные морские камушки послушно один за другим улетали в море, сбитые моим новым великолепным оружием.

Кроме стрельбы, я старалась больше гулять. Просто бродила вдоль берега, иногда, если никого не было поблизости, переходя на бег, пытаюсь хоть частично потратить переизбыток свободной энергии, которую мне некуда было девать.

С началом марта у меня появилась привычка каждый день приходить к причалу и стоять у окружающего его забора, глядя сквозь прутья решётки на прибывающие изредка судна и раздражая охранника. Ральфа всё не было.

В апреле я затосковала. Помнила, что он не называл точной или даже примерной даты своего возвращения, но не могла отделаться от ощущения, что все сроки уже миновали. Перестала гулять и приходить в Русалкину яму с Пчелкой, забросила занятия английским, перестала читать, тем более, что в местной библиотеке почти не осталось не прочитанных мною книг. Теперь всё моё времяпровождение составляли телевизор, сон и ожидание у причала.

А в середине апреля, незадолго до моего дня рождения, меня вызвала к себе Ирэн.

Глава 20.

Второй аукцион.

Когда Алла сказала, что управляющая ожидает меня в своём кабинете, я даже не встревожилась. До конца оплаченного Ральфом срока оставалось ещё больше месяца, и я чувствовала себя в безопасности. Как выяснилось — напрасно.

Ирэн встретила меня изучающим взглядом. Мы с ней не общались с того дня, когда они со старшим Бурхаевым пытались выяснить у меня местонахождение Яринки; разве что пару раз случайно сталкивались на улице. И теперь в её взгляде я видела искренний интерес. С этим интересом управляющая изучала меня с полминуты, прежде чем заговорить.

— Неплохо, — голос Ирэн звучал пренебрежительно, с ноткой презрения. — Безделье идёт тебе на пользу. Подросла, поправилась. Гостям понравится.

— Каким гостям? — спросила я, стараясь не показать тревоги. — Почему я должна им нравиться?

— Потому что хватит бездельничать, — Ирэн протянула руку к настольному календарю, провела по нему длинным блестящим ногтем. — В конце месяца откроем твой второй аукцион и будем надеяться, что и на этот раз найдётся какой-нибудь любитель... кхм... специфической внешности.

Если по её замыслу последняя фраза должна была меня задеть, то управляющая выбрала для сарказма неподходящее время. После слов про второй аукцион я уже ничего не

услышала.

— Какой аукцион?! Ральф купил меня на год! И он скоро вернётся и продлит...

— Не думаю, — Ирэн попыталась изобразить сочувственную улыбку, но получилось у неё плохо. — Ты бы следила за новостями, раз уж твой хахаль обретается за границей. В прошлом месяце Русь ужесточила въезд и выезд, а насколько я знаю, Доннел как раз попадает в ту категорию иностранных граждан, которым здесь больше не рады. Так что на его появление можешь не рассчитывать.

Я слушала её сквозь нарастающий шум в ушах. Снова вокруг рушился мир, как тогда, когда я теряла Дэна, а потом и Яринку, но, если в тех случаях у меня оставалась хоть какая-то надежда на будущую встречу, то Ральф, уходя из моей жизни, не оставлял и этого. Без Ральфа я не имела шансов покинуть Оазис, а это означало, что и Яринка с Дэном тоже потеряны навсегда.

— Ты меня слышишь? — раздраженно спросила Ирэн, которая, оказывается, всё это время что-то говорила. — Тебе всё ясно?

Я смотрела на неё и не понимала, чего от меня хочет эта холёная женщина, почему её аккуратно выщипанные брови хмурятся, а ярко накрашенные губы нервно кривятся. Не сумев пробиться сквозь моё молчание и не получив ответа, Ирэн повысила голос:

— Я сказала, чтобы ты завтра к двум часам явилась в салон! Нужно привести в порядок твои волосы и сделать татуаж губ и бровей! Ты больше не девственница, так что твой образ должен стать более ярким и вызывающим. Послезавтра мы подберем для тебя новый гардероб и на неделе сделаем фотосессию для сайта: нужно привлечь внимание гостей.

Я набрала в лёгкие воздух, ещё не опомнившись от ужасной новости и понятия не имея, что тут можно сказать, но зная, что сказать необходимо, иначе молчание будет принято за слабость. И выдавила одно-единственное слово.

— Нет.

Брови Ирэн, и до того нахмуренные, совсем сошлись на переносице.

— Объясни, что это значит, — потребовала она ледяным тоном, не сулившим ничего хорошего.

Но я к тому моменту уже справилась с оцепенением; меня захлестывали эмоции, и я с готовностью воспользовалась предложением.

— Это значит — нет! — почти крикнула я прямо в красивое, неестественно молодое лицо. — Я не пойду в салон, не буду ничего делать со своими волосами, не стану фотографироваться! Вы не имеете права! Ральф оплатил этот месяц до конца!

— А до конца месяца к тебе никто и не прикоснется! — тоже повысила голос Ирэн. — Но я не позволю и дня сидеть на моей шее, поэтому ты должна будешь начать работать с первого же числа мая, а для этого все необходимые приготовления нужно делать уже сейчас!

— Не буду! — отрезала я. — Ральф вернётся, и ему не понравится то, что вы хотели меня продать другим, пока его нет!

Ирэн зло прищурилась, её ноздри угрожающе раздулись, но ответила она спокойно, насмешливо:

— Девочка, кажется, ты переоцениваешь свою значимость в жизни Доннела. Ты не его невеста, милая, ты — шлюшка для развлечения на время. Одна из многих, которую очень легко заменить и даже не почувствовать разницы.

Я услышала звон в ушах, как от пощёчины. Даже не сколько от слов Ирэн, сколько от стыдливого осознания того, что я только что впервые в жизни прикрылась именем мужчины.

Униженная этим фактом, уже ничего не боящаяся, я вернула Ирэн такой же презрительный взгляд и ответила:

— То, что он когда-то легко заменил тебя, не значит, будто и я такая же дешёвка!

Она моргнула, некрасиво приоткрыла рот. Я не могла знать, насколько точно в цель попали мои слова: ведь Ральф так и не ответил на мой бестактный вопрос о странных отношениях с нашей управляющей, — но результат мне понравился. С Ирэн словно разом слетела вся её молодость, и на миг я увидела усталую увядающую женщину с тоскливыми глазами, в которых притаился страх одиночества.

Но была она такой недолго. Словно мимолётная тень от пробежавшего облака скользнула по её лицу, и вот уже на меня смотрела прежняя Ирэн, уверенная в себе и взбешённая донельзя.

— Ты, я гляжу, отрастила зубы? — спросила она тихим, дрожащим от ярости голосом. — Гляди, как бы тебе не вбили их в глотку. Прощаю на этот раз, но только потому, что к началу мая ты мне нужна здоровая.

Но глаза её говорили иное, и с возвращающимся страхом я поняла: свои неосторожные слова мне ещё придётся вспомнить. Возможно — не раз...

— Если завтра в назначенный срок, — продолжала Ирэн, не замечая моего испуга, — ты не явишься в салон на процедуры, если откажешься участвовать в фотосессии или ещё в чём-то посмеешь ослушаться моих распоряжений — клянусь, я продам тебя первым желающим, в первый же притон! И плевать на то, что скажет по этому поводу Доннел, если когда-нибудь здесь появится! Ясно?!

Я молча развернулась и, чеканя шаг, вышла из кабинета, каждую секунду ожидая услышать гневный оклик. Но Ирэн не остановила меня, наверняка поняв то, чего ещё не поняла я сама: мой самовольный уход был последней демонстрацией протеста. Угроза попала в цель. Я не могла допустить, чтобы меня увезли из Оазиса: только здесь ещё оставалась надежда на встречу с Ральфом, на его возвращение вопреки словам управляющей. А значит — придётся делать всё, для того чтобы остаться.

На следующий день я пришла в салон, где покорно снесла все манипуляции с волосами и лицом, предписанные мне Ирэн. Даже татуаж бровей и губ, который оказался довольно болезненной процедурой, вытерпела равнодушно. И результат не произвел на меня никакого впечатления, несмотря на восторженные заверения соседок в том, что я стала настоящей красавицей.

Через несколько дней прибыл с большой земли и мой новый гардероб. С плохо скрываемым отвращением я под пристальным взглядом Ирэн перемеряла всё, что было нужно. Платья казались мне вульгарными, обувь на каблуках — ужасно неудобной, а кружевное нижнее бельё — пошлым. Но управляющая осталась довольна, и я не посмела выразить своё негодование. Я вообще до поры до времени избрала своей тактикой молчание и покорность, потому что в глубине души продолжала верить в скорое возвращение Ральфа.

Но и это не сработало, когда по прошествии ещё нескольких дней с моего лица окончательно спали припухлость и покраснение после татуажа и Ирэн велела мне явиться на фотосессию в небольшую студию при танцевальном зале. Я даже обрадовалась, увидев там старого знакомого Бранко — на этот раз не с кистями и красками, а с большим фотоаппаратом. Но, кроме этого, радоваться оказалась нечему.

Не знаю, специально ли Ирэн делала всё, чтобы сильнее унижить меня, или мне уже

стало так казаться, вот только с её приходом началось сплошное мучение. Управляющая велела мне раздеться полностью, несмотря на то, что, насколько мне было известно от других девушек, для сайта всех фотографировали пусть в очень откровенной, но всё-таки одежде. Раздеться я смогла, но, когда Ирэн начала распоряжаться съёмками, заставляя меня принимать позы одну вульгарнее другой, я не выдержала и неожиданно даже для самой себя вдруг отчаянно разрыдалась, съёжившись в углу. Со стороны наверняка казалось, что плач мой вызван унижением и грубыми окриками, которыми понукала меня Ирэн, но на самом деле в тот момент я думала о Ральфе, о том, что он сказал бы, увидев всё это...

Бранко опустил фотоаппарат, его лицо побледнело. Ирэн, напротив, разругалась, не то от раздражения, не то от злобной радости.

— Прекрати истерику, дура! — визгливо велела она мне. — Ишь, принцесса! Как прикажешь тебя фотографировать теперь с зарёванным лицом?! Немедленно иди умываться!

Я не нашла в себе сил даже на то, чтобы поднять заплаканные глаза, но Ирэн это, казалось, раззадорило ещё больше.

— Ты думаешь, у меня других дел нет, кроме как с тобой возиться?! Много о себе возомнила! Если сейчас же не прекратишь свои капризы, я позову охранника, чтобы за волосы тебя в ванну оттащил и засунул под холодную воду, пока не угомонишься!

Неожиданно подал голос молчавший до этого Бранко:

— Ирочка, это бесполезно, — мягко сказал он, складывая фотоаппарат. — Даже если она прямо сейчас успокоится, нужно время, чтобы прошла краснота с лица.

— Не зови меня Ирочкой! — Ирэн поднялась, резко, чуть не уронив стул. — В общем, мне всё равно, что и как вы тут будете делать, но чтобы к вечеру у меня была подборка фото для сайта! И хороших фото!

— Ироч... Ирэн, ты же меня знаешь! — Бранко часто затряс своим попугайским гребнем. — Фото будут. А ты иди, занимайся своими делами, не стоит тебе по пустякам нервы мотать.

Управляющая раздражённо фыркнула, но спорить не стала и, бросив на меня последний уничтожающий взгляд, вышла за дверь, громко щёлкая каблуками. Бранко, не шевелясь, прислушивался к её удаляющимся шагам, затем громко выдохнул и подошёл ко мне. Торопливо накрыл своим пиджаком, присел рядом на корточках.

— Успокойся, бэби, — его голос смягчился, зазвучал иначе, даже картавости и странного акцента в нём поубавилось. — Стервоза ушла.

От неожиданности у меня остановились слёзы. Я отняла мокрые ладони от лица и внимательно взглянула на Бранко. Его разноцветные торчащие вертикально волосы, его многочисленные колечки в носу, губах и ушах сейчас не создавали впечатления легкомысленности: даже лицо казалось старше, чем в прошлый раз, а глаза смотрели серьёзно и понимающе.

Он помог мне подняться, отвёл к единственному в студии стулу, где до этого восседала Ирэн, протянул большой и очень белый платок. Пока я старательно возила им по лицу, стараясь ликвидировать последствия рыданий, Бранко принёс мою одежду, до этого в беспорядке сваленную на полу.

— А... а фотографироваться? — слабо спросила я, принимая из его рук свои джинсы и рубашку.

— Сделаем перерыв, — спокойно ответил он. — Ты же заплаканная вся, хороших фоток всё равно не выйдет.

Бранко деликатно отвернулся, давая мне возможность одеться, а затем, непринуждённо усевшись на подоконник, спокойно сказал:

— Не давай ей удовольствия видеть твоё унижение. Тебе нечего стыдиться. Природа наградила тебя гармонично сложенным телом и безупречной кожей, ты — прекрасна. И не важно, в каком виде это подаётся, пошлость — она всегда в глазах смотрящего, а не в том, на что он смотрит. В тебе нет ничего пошлого. Гордись своими лицом и телом.

Я перестала шмыгать носом и вдруг вспомнила Яринку. Её дебют, откровенный и прекрасный танец в россыпи алых искр. Уверенные движения, гордо вскинутый подбородок, надменный взгляд вверх голов... Вспомнила, как неистово рукоплескали ей, как восторженно свистели, как швыряли к ногам деньги. И разве кому-то тогда могло прийти в голову, что моя подруга унижена?

И, может быть, это воспоминание, такое яркое, словно я вдруг почувствовала рядом едва уловимый аромат Яринкиных волос; может быть, негромкие, но веские слова Бранко; а скорее всего — и то, и другое, заставило меня поднять глаза, выпрямить спину и сморгнуть с ресниц последние капли слёз. Неважно, что ещё придумает Ирэн, как попытается меня растоптать: только от меня зависит, насколько ей это удастся!

Внимательно наблюдавший за мной Бранко удовлетворённо кивнул.

— Вот так, бэби. Делай то, что велят обстоятельства, но помни — к чистому грязное не пристанет. Сходи, умойся холодной водой, и мы продолжим.

Мы продолжили. Ирэн в студию не вернулась, но я была уверена: даже будь она тут, я не вела бы себя иначе. А мне нравилось думать, что веду я себя, как Яринка. Спокойно и раскованно. Хотелось бы ещё изобразить капельку надменности, но в присутствии Бранко сделать это оказалось сложно. Он сыпал шутками и прибаутками, носился вокруг меня с фотоаппаратом и корчил из-за него такие уморительные рожи, что на большинстве снимков я получилась улыбающейся до ушей.

Но больше всего мне помогла стать раскованной доверительная фраза, с которой он расчехлял фотоаппарат, пока я снова раздевалась, на этот раз аккуратно складывая вещи на спинку стула.

— Знаешь, бэби, — вполголоса заметил Бранко, — я, конечно, говорю тебе, что ты красива, но говорю это чисто с эстетической точки зрения. Мне не нравятся девочки, понимаешь? Так что стесняться тебе и подавно нечего.

Не сказать, что я была очень удивлена. Бранко с его попугаистым гребнем, многочисленными колечками, яркой обтягивающей одеждой настолько не походил на обычных парней, таких, какими я привыкла их видеть, что я и ожидала чего-то подобного. Но окончательно расслабиться мне помог не тот факт, что его не волнует моя нагота, а доверие, с которым он поделился со мной этой подробностью своей жизни.

Когда минул час и Бранко с удовлетворённой улыбкой, наконец, опустил фотоаппарат, я почувствовала себя уже настолько в своей тарелке, что не спешила одеваться. Стояла полуденная жара, а прохладный ветерок из приоткрытого окна приятно оведал разгорячённую кожу. Я не видела, что там получилось на фотографиях, и не горела желанием посмотреть, но было забавно думать, как понравится Ирэн моё улыбающееся лицо и довольный вид, когда она получит результаты фотосессии? Хотелось надеяться, что очень, очень понравится! Всё-таки какую-то неубедительную месть она для меня придумала за брошенные несколько дней назад дерзкие слова о ней и Ральфе.

Словно услышав мои мысли, Бранко обернулся через плечо, осторожно заметил:
— Бэби, я не имею привычки лезть в чужие дела, но позволь дать тебе совет? Не зли

Ирочку: она баба неплохая, но очень уж злопамятная. И тщеславная. А вместе это гремучая смесь.

Под его взглядом я спохватилась и начала торопливо одеваться. Эйфория, вызванная удачной фотосъёмкой и победой над унижением, постепенно проходила, уступая место тревоге.

— Ты не знаешь, за что она меня ненавидит? — грустно спросила я у прихорашивающегося перед зеркалом Бранко, впрочем, не особо рассчитывая на ответ.

Но Бранко меня удивил. Он ответил сразу, словно ждал такого вопроса:

— Не знаю, но могу догадываться. Ирочка такой человек, что способна ненавидеть только кого-то равного себе, конкурента, представляющего угрозу её благополучию. Хотя бы в потенциале. Так что можешь воспринимать её неприязнь, как комплимент.

Я удивлённо замерла с ногой, засунутой в штанину джинсов. Конкурента? Как я могу конкурировать с Ирэн? Где она и где я? И главное — в чём конкурировать? Что мы не поделили? Не Ральфа же, в самом деле! Пусть я и лягнула, не подумав, дерзость про то, что якобы когда-то он легко нашёл ей замену, но ведь это было сказано просто так, на эмоциях, из желания уязвить. Я вовсе не уверена, что между Ральфом и нашей управляющей действительно когда-то что-то было. И даже если предположить, что было, разве стала бы Ирэн всерьёз ревновать к одной из местных девчонок, которые для неё не более, чем расходный товар?

Я уже открыла рот, чтобы вслух выразить своё недоумение, но вместо этого спросила совсем другое:

— Бранко, почему ты называешь меня бэби?

И стала внимательно следить за его реакцией.

Но разноцветный парень не выказал никакого смятения или удивления, даже не оглянулся.

— Потому что ты бэби, — легко ответил он, продолжая смотреться в зеркало и поправлять свой попугайский хохолок. — Все маленькие девочки — бэби.

— Да, но ведь это слово с Запада, я знаю, — мне очень хотелось, чтобы Бранко повернулся ко мне, чтобы я могла увидеть, вызывают ли мои вопросы хоть какие-то эмоции, но он продолжал прихорашиваться. — Тебя поэтому так странно зовут? Откуда ты?

— Издалека, бэби, издалека.

Больше я ничего не добила от этого странного человека, потому что в следующую секунду он воскликнул, всплеснув ухоженными руками:

— О-ля-ля! Задержались мы тут с тобой, а ведь мне ещё добираться до берега!

Подхватил свой огромный фотоаппарат, перебросил через плечо пиджак и, белозубо улыбнувшись мне на прощание, торопливо метнулся за дверь. А я осталась стоять посреди пустой студии с не застёгнутыми джинсами, взлохмаченными волосами и сумбуром в голове.

Время шло. Ральф не появлялся, и постепенно надежда, которую я продолжала испытывать, несмотря на слова Ирэн, начала меркнуть, уступая место чёрной безнадежности. В день своего четырнадцатилетия я даже не вышла из домика, чтобы

прогуляться по солнечным пляжам, на которых весна уже вступила в свои права, где песок снова стал золотым, а море синим. Яринки не было, и про мой день рождения никто не вспомнил, что меня, впрочем, вполне устроило — праздновать ещё один оставшийся позади год своей дурацкой жизни я не собиралась.

Ирэн никак не давала о себе знать, и можно было лишь догадываться, как она отреагировала на результаты моей фотосессии, где я, вопреки всем её стараниям, получилась естественной и весёлой. Мне нравилось вспоминать об этом: своим поступком я словно передала привет далёкой Яринке, сумела поступить так же, как поступила она на своём дебюте, и мы снова, несмотря на разделяющие нас расстояния, действовали заодно.

Но эта мысль стала для меня единственным и последним утешением. Одновременно с тем, как дни неуловимо утекали сквозь пальцы, приближая окончание оплаченного Ральфом срока, я всё больше склонялась к мысли, что на этом моя борьба окончена. Если сказанное Ирэн окажется правдой и Доннел не сможет вернуться в Оазис, то мне не на что больше надеяться. Пытаться снова найти постоянного, который стал бы для меня так же близок, и захотел вытащить отсюда, казалось нереальной затеей. А главное, у меня не было ни желания, ни сил, ни мотивации, для того чтобы заняться этим. Мною овладели глубокая апатия и сонное равнодушие.

С этим равнодушием я и встретила утро нового дня, того самого, с наступлением которого снова становилась ничьей, бесхозным товаром, ожидающим нового покупателя. Даже когда дверь номера скрипнула, пропуская внутрь непривычно тихую и виноватую Аллу, я лишь молча подняла на неё равнодушный взгляд, хоть и прекрасно понимала, с каким известием явилась старшая.

— Сегодня открылся твой второй аукцион, — осторожно сообщила она, словно опасаясь моей реакции. — Но быстрого результата не жди. Обычно повторно за девушку не борются так, как это бывает сразу после её дебюта.

Алла помолчала, ожидая моей реакции. Не дождалась и виновато добавила:

— И следующего постоянного тоже не жди. Постоянные очень редко бывают у тех девочек, которые... в общем, у которых уже кто-то был. Скорее всего, на повторном аукционе тебя купят на одну ночь, а потом ты будешь работать, как все.

Я слегка опустила ресницы, давая понять, что услышала её. Но старшая продолжала глядеть на меня испытующе, будто не верила, что я так ничего и не скажу по поводу услышанной новости и своего изменившегося статуса. Когда наше молчание затянулось, она слегка пожала полными плечами и, тем же виноватым тоном сказав:

— Я сообщу тебе, когда аукцион будет закрыт, — вышла, бесшумно притворив за собой дверь.

Но здесь Алла ошиблась. Не ей пришлось сообщать мне о закрытии аукциона.

На следующий день я спустилась в столовую, где шумно обедали недавно проснувшиеся после ночной работы девушки, и впервые за долгое время села вместе со всеми за стол. Не потому, что устала от одиночества, просто захотелось отдохнуть от своих непрерывных тревожных мыслей о Яринке и Яне, о Дэне и *других*... о Ральфе. Послушать легкомысленную девчоночью болтовню и бубнёж телевизора, хоть на несколько минут представить, что ничего не изменилось с тех пор, когда я только-только попала сюда и ещё верила в контракт и возможность освобождения.

У меня это даже почти получилось: по крайней мере, я улыбалась вместе со всеми, да и

кофе пила, по-настоящему наслаждаясь его вкусом, — но длилось это не дольше нескольких минут. Последних моих минут в Оазисе, которые можно было, пусть и с натяжкой, назвать хорошими.

А потом в одну секунду в столовой вдруг воцарилась тишина. Соседки замерли, как по команде повернув головы к входной двери и одинаково приоткрыв рты. Я сидела спиной к холлу, поэтому увидела ту, кто к нам пожаловал, позже остальных.

— Добрый день, девушки, — прозвенел голос-колокольчик, и необходимость оборачиваться отпала. Тем не менее, я обернулась, хоть и лениво, без спешки. Внезапный визит управляющей в наши скромные пенаты (третий визит, и, как выяснилось, третий же раз — в мою честь) не стал тем, что заставило бы меня выйти из апатичного состояния последних дней.

Ирэн лучезарно улыбалась. Видя это, соседки начали расслабляться и несмело заулыбались ей в ответ, со всех сторон понеслись робкие «здравствуйте, сударыня», кто-то торопливо поднимался, кто-то убрал звук у телевизора. Засуетившаяся Алла даже попыталась предложить госте чаю, но управляющая остановила её небрежным жестом.

— Не стоит, Аллочка. Я буквально на минутку. Только хотела сообщить Дайнике, что она бьёт все рекорды.

Ирэн отыскивала меня среди обращённых к ней лиц, лукаво погрозила пальцем.

— А ведь я в тебе всё-таки не ошиблась, дикарочка ты наша. Твой второй аукцион закончился так же быстро, как первый, удивительно! Опять на следующий же день после его открытия за тебя предлагают сумму, которая делает продолжение торгов бессмысленным. Ты бы хоть с подругами секретом поделилась: как это у тебя получается?

Девушки вокруг удивлённо охнули, как по команде переводя взгляды с Ирэн на меня. Не думаю, что они ждали, будто я сейчас начну польщённо делиться секретами: скорее, хотели понаблюдать за реакцией счастливицы, пользующейся таким успехом у гостей. Но я разочаровала их. Продолжала сидеть в той же позе, в какой замерла, когда обернулась посмотреть на неожиданно появившуюся управляющую, и молчала.

Ирэн, которая наверняка ожидала от меня испуга, отчаяния, хоть какого-то протеста, слегка нахмурилась. Прежняя лучезарная улыбка, с которой она появилась в дверях, померкла.

— Разве ты не рада? — спросила она, на этот раз не сумев скрыть яда в голосе. — Разве не приятно после стольких месяцев безделья вернуться к работе?

Вокруг нас оживление на лицах девушек гасло, взгляды опускались... Не только меня — никого больше не обманывала деланая доброжелательность управляющей. В столовой повисло тягостное молчание.

— Ну что же, — так и не дождавшись ответа и явно раздражаясь от этого, Ирэн повернулась к Алле, — дорогая, будь добра проследить, чтобы сегодня к полуночи Дайника явилась в третий люкс Айсберга. Позаботься о её внешнем виде. Я думаю, играть в скромность ей больше не стоит, так что выбери наряд посексуальнее, во вкусе гостя.

То, чего управляющая не смогла добиться от меня, она без труда добилась от Аллы этим, казалось бы, мимолётным замечанием.

— А кто гость? — торопливо спросила старшая, видя, как Ирэн направляется к выходу, и не понимая, что это не более чем игра на публику.

— Ах, гость, — Ирэн обернулась, словно спохватившись. — Чуть не забыла! Это наш завсегдатай, всеми уважаемый Иван Сидорович Ховрин.

Странно, но этот день почти ничем не отличался от других последних равнодушных дней. Я всё ждала, когда моя апатия сменится ужасом или хотя бы сожалением о том, что всё так неудачно сложилось, но на душе оставался полный штиль. Такой же штиль царил на море, поэтому почти сразу после ухода Ирэн я покинула наш домик и впервые за последнюю неделю отправилась на прогулку по берегу. Не потому, что мне этого хотелось, а чтобы не видеть перепуганных, полных сострадания взглядов соседок.

Когда за Ирэн захлопнулась входная дверь, добрую минуту в столовой царила мёртвая тишина. Имя Ховрина словно продолжало висеть в воздухе грозной тенью. Перед лицом этой тени девушки, ещё недавно весело смеявшиеся и болтавшие о пустяках, стали торопливо расходиться, оставляя на столе чашки недопитого кофе. И через минуту рядом со мной остались только Алла, Ася и Вика, тоже напуганные, но старающиеся держать себя в руках. Я оценила их поступок.

— Дайка, — явно через силу заговорила Алла, когда молчание стало невыносимым, — Дайка, ты только не делай глупостей...

— Глупостей? — машинально спросила я, внимательно прислушиваясь к себе, ожидая появления хоть каких-то эмоций. Эмоция обнаружилась лишь одна — досада на себя за то, что оказалась слишком глупа и всерьёз думала, будто мечь Ирэн за мои опрометчивые слова могла ограничиться пошлой фотосессией.

Сзади осторожно приблизилась Ася, обняла меня за плечи, осторожно, жалеючи, ответила вместо Аллы:

— Даечка, иногда кажется, что всё очень плохо, но всё не бывает плохо постоянно. Да, жуткие вещи случаются, но их надо пережить и...

Её перебила Вика, незаметно приблизившаяся ко мне с другой стороны. Она не стала ходить вокруг да около: оттеснила от меня шмыгающую носом Асю и сказала прямо:

— Девочки имеют в виду, чтобы ты не думала о Русалкиной яме. Ну, или о верёвке с мылом, уж не знаю твоих предпочтений.

Тут она почти угадала: я как раз думала о Русалкиной яме, — но не о том, чтобы в ней утопиться, а о тайнике, который недавно там устроила... В Оазисе, в отличие от приюта, никакой необходимости в тайнике не было: мы имели права хранить в номерах любые вещи, которые только удастся раздобыть. Не возбранялись даже наркотики, которыми время от времени угощали девушек гости. Но мне захотелось обладать какой-нибудь тайной, чем-то, что напоминало бы мне прежнюю жизнь, вот я и вырыла небольшое углубление в гальке, под одним из валунов Русалкиной ямы, и заложила его камнями, так что, даже стоя совсем рядом, никто бы не заподозрил там тайника.

И сейчас я думала об этом, сидя в окружении соседок, по-прежнему глядя на захлопнувшуюся за управляющей входную дверь. Не знаю, что выражало в тот момент моё лицо, но Ася вдруг тихонько заплакала, а Вика схватила меня за плечи и заговорила, почти вплотную приблизив губы к моему уху.

— Дайка, послушай меня! Я была у Ховрина и врать не стану — тебя ждёт очень тяжёлая ночь, а после нее, скорее всего, ещё несколько дней в клинике. Но! Ховрин никогда не берёт одну и ту же девочку дважды! Тебе нужно потерпеть всего один раз, зато потом ты можешь его не бояться.

— Я дам тебе таблетки, — тихонько сказала стоящая чуть поодаль от нас Алла. — Хорошие таблетки, правда, ты из-за них станешь немного заторможенной, но зато будешь

меньше чувствовать боль. И время быстрее пройдёт. Помни о том, что это всего одна ночь, и не делай глупостей.

Они говорили что-то ещё, но я уже не слушала. Неожиданно стало очень душно и тесно, нестерпимо захотелось наружу, на ветер, на влажный морской простор. И, осторожно отодвинув Вику плечом, я двинулась к дверям. Уже взявшись за ручку, обернулась к соседкам, сказала, стараясь выглядеть как можно более искренней:

— Я не стану делать глупостей, мне просто сейчас нужно побыть одной.

И, судя по тому, с каким облегчением они закивали мне в ответ, — у меня это получилось.

Ни страха, ни отчаяния, ни даже смирения перед предстоящей ночью я так и не дождалась. Появился разве что лёгкий интерес к происходящему, с каким я обычно смотрела западные фильмы, достаточно увлекательные, для того чтобы сопереживать героям, но слишком далёкие от действительности, чтобы воспринимать всё всерьёз.

Я гуляла до вечера, обошла все пляжи, все улочки и лестницы, поднялась на обзорную площадку Айсберга, даже заглянула не причал, где не бывала с тех пор, как потеряла надежду на возвращение Ральфа. Не навестила только одно место — Русалкину яму, — но это я собиралась сделать позже. Под конец, уже вечером, заглянула в прибрежное кафе, где работала до своего дебюта, попила там кофе, поболтала с официантками и поварами. Глядя на меня, никто бы не заподозрил, что сегодняшнюю ночь мне предстоит провести с известным на острове садистом, одно только имя которого наводит ужас на местных девушек.

В домик я вернулась уже затемно: не хотелось заставлять нервничать Аллу, которую Ирэн сделала ответственной за мой сегодняшний визит к Ховрину. И которая не смогла сдержать вздоха облегчения при виде меня, за что ее, разумеется, нельзя было винить.

— Дайка, ты умница. А я уже начала беспокоиться, вдруг ты... — Алла не договорила, вместо этого виновато засуетилась, протянула мне лёгкий пакет. — Надень, пожалуйста, Ирэн передала. Пожелание гостя.

Я не сомневалась, что обнаружу в пакете что-то крайне непристойное, поэтому вид собственного отражения в зеркале, облачённого в коротюсенькое обтягивающее платье цвета спелой клубники и такие же яркие чулки-сеточки, меня не расстроил. Небольшое внутренне сопротивление вызвали только туфли с такими высокими и тонкими шпильками, что я невольно задумалась, как буду удерживать равновесие, встав на них. Но Алла успокоила меня:

— Ты можешь пойти хоть в тапочках, а эти просто взять с собой и обуть уже в Айсберге, перед тем как войти в номер.

Её идея мне очень понравилась: ведь, чтобы взять с собой туфли, понадобится сумка, а значит — одной возможной проблемой становится меньше.

Соседки, тоже собирающиеся на работу, не заговаривали со мной, не поднимали глаз и скользили мимо, как тени. Не думаю, что это было проявлением равнодушия: скорее, они избегали меня как напоминания о том, что каждую из них в любой момент может постигнуть та же участь.

Чтобы не действовать им на нервы и не оттягивать неизбежное, я закинула дурацкие туфли в свою пляжную сумку (здорово, что теперь не придётся объяснять, зачем она мне нужна), обула кроссовки и повернулась к замершей рядом Алле.

— Ирэн сказала — третий люкс, да? Это на последнем этаже? Я одна пойду, не надо меня провожать.

Алла приоткрыла рот, собираясь запротестовать, но я не дала ей такой возможности.

— Не бойся: если бы я хотела что-то с собой сделать, у меня на это был целый день!

— Но Ирэн...

— Ирэн ничего не узнает. Какая ей разница, припрусь я к Ховрину сама или с тобой?

Главное, что припрусь.

Наверное, Алле тоже хотелось, чтобы я поскорее исчезла с её глаз и своим обречённым видом не напоминала о нашем незавидном положении, о нашей полной беспомощности и несправии. Она поколебалась несколько секунд, а потом протянула на ладони две белые таблетки.

— Вот. Выпей сейчас. И просто потерпи до утра.

Откуда-то сбоку появилась до этого не замеченная мною Ася, молча подала стакан с водой. Я взяла его, закинула таблетки в рот, отпила воды и, подхватив сумку с туфлями, повернулась к дверям.

Алла что-то сказала мне вслед, Ася, кажется, опять начала всхлипывать, но я не остановилась и не обернулась. Торопливо сбежала с крыльца, свернула за угол и только здесь, наклонившись к земле, торопливо выплюнула на траву обе не проглоченные таблетки.

К ожидающему меня, надо полагать, с нетерпением Ховрину я заявила на пятнадцать минут позже назначенного срока: пришлось дойти по темноте до Русалкиной ямы и только потом подняться к Айсбергу. Третий люкс оказался пентхаусом, занимающим половину этажа: мой нынешний хозяин явно любил жить на широкую ногу. Дверь была приглашающе приоткрыта, внутри надрывался телевизор, так что стучаться я не стала. Просто перешагнула порог и, как была, в мокрых кроссовках, с которых сыпался морской песок, прошла дальше, в приглушенные золотисто-бордовые тона роскошного номера.

Ховрин возлежал на огромном диване среди такой же огромной гостиной, освещённой лишь мерцающим камином и яркими южными звёздами, заглядывающими сквозь стекло прозрачного потолка. Он выглядел умиротворённым, крайне довольным жизнью и на меня взглянул почти благосклонно.

— Ну, вот и ты, дикарочка, — молвил Ховрин после того, как мы вдоволь насмотрелись друг на друга. Он — с дивана, сквозь клубы сигарного дыма, я — от порога гостиной. — Видишь, как оно получилось? Бегала ты, бегала, а всё равно ко мне и прибежала. И где сейчас добрый дядя Доннел? А нету дяди Доннела, наигрался он с тобой. А я, как и обещал тут как тут. Теперь моя очередь играть.

Он начал приподниматься, и я напряглась всем телом, но Ховрин просто сменил лежачую позу на сидячую, не менее расслабленную. Ему явно хотелось растянуть удовольствие, вдоволь насладившись тем фактом, что я наконец-то в его руках. И дать мне возможность как следует это прочувствовать.

— Неплохо выглядишь, — Ховрин демонстративно медленно скользил глазами по моему телу, облачённому в дурацкое алое платье, почти не прикрывающее промежность и оставляющее открытой верхнюю часть груди. — Прошедший год пошёл тебе на пользу, теперь ты больше похожа на женщину. Вот только взгляд слишком наглый, но это я сегодня исправлю.

Мой взгляд наглым не был, он был просто очень спокойным и отстранённым: я по-

прежнему наблюдала происходящее, как интересное, но далёкое от реальности кино. Однако для того, чтобы Ховрин начал заводиться, хватило и этого.

— Почему ты не в туфлях? — спросил он неожиданно резким, визгливым голосом, напомнившим мне нашу первую беседу в ресторане. — Я же велел передать тебе туфли!

Я качнула пляжной сумкой, которую держала в левой руке.

— Я принесла их с собой, сударь.

— Какого чёрта ты не пришла в них сразу?! Что за говнодавы на тебе... вот дерьмо, ты заляпала ковёр!

Ховрин по-бабьи всплеснул полными руками и разразился бранью, разбрызгивая слюну. Но я видела, как в его красноватых от лопнувших сосудов глазах разгорается злобная радость, и понимала, что всё это тоже часть запланированного действия, что садист нарочно распялет себя перед тем, как приступить к удовлетворению своих гнусных потребностей.

А этого я дожидаться не собиралась.

Приподняла сумку, приоткрыла её, вопросительно посмотрела на Ховрина.

— Так мне надеть туфли?

От неожиданности Ховрин поперхнулся собственной желчью, смешно кудахнул. И завизжал ещё громче:

— Ты должна была прийти в туфлях сразу, дура! Если бы я хотел, чтобы ты переделалась здесь, то и оставил бы их здесь! Идиотка, всё испортила! Ничего, сейчас я вправлю тебе мозги, сейчас... что... ты...

Ховрин как раз попытался встать и очень удачно замер в полуприсяде, растерянно раскрыв рот и выгаращив на меня водянистые глаза. В один из этих глаз я и загнала тяжёлый стальной шарик, который за долю секунды до этого вложила в кожеток стремительно выхваченной из пляжной сумки Пчёлки...

Эпилог.

Яринка опять оказалась права: я сумела вырваться из Оазиса. Вот только лучше бы ей никогда не узнать, как именно это произошло и чем должно для меня закончиться.

С моря остров выглядел как нарядный жёлто-зелёный торт, увенчанный сверкающей под полуденным солнцем луковкой Айсберга. Прекрасный, словно сказочный мираж, фата-моргана, райский уголок из детской книжки про далёкие жаркие страны... если не знать о его предназначении.

Лежать на спине было неудобно, кровь из разбитого носа текла прямо в горло, и я неловко перевалилась на бок, прижалась щекой к палубе, на которую меня швырнули с причала, как мешок картошки. Зато здесь было прохладно, морской бриз освежал кожу, трепал остатки глупого красного платья. Но после темноты и духоты, в которой я оказалась заперта на несколько дней, даже этого хватило, чтобы почувствовать себя лучше. И того, что солнце теперь ласково заглядывало в лицо, а не слепило безжалостно, как в первые минуты, когда меня только вытащили на воздух...

...солнечный свет оказался таким неожиданно ярким, что смотреть на мир не было никакой возможности. Так, с зажмуренными глазами, я и потащилась за парочкой охранников, подхвативших меня под руки с двух сторон. Потащилась в буквальном смысле слова, почти волоком. Не скажу, что это было плохо. Мне даже не пришлось перебирать

ногами: они всё равно висели, не доставая до земли, да и сил в них почти не осталось, — так что, думаю, я всё равно не поспела бы за своими конвоирами. Они очень торопились.

Когда глаза начали привыкать к солнцу и я смогла слегка приоткрыть их, то, как и ожидала, увидела, что меня тащат к причалу, вниз по лесенкам, мимо аккуратных пряничных домиков Оазиса, мимо качающихся пальм и нарядных павлинов, которых с наступлением весны снова выпустили гулять по всему острову. Я вдруг пожалела, что не смогу в последний раз пройтись по этим улочкам, вдыхая запах горячего песка и слушая крики чаек. Всё-таки Оазис успел стать частью моей жизни, и грустно было оставлять его, даже не попрощавшись.

Тяжёлые решётчатые ворота причала открылись передо мной второй раз за два года, на этот раз не пропуская внутрь, чтобы там и закрыть от всего мира, а выплёвывая наружу. «Яринка, смотри, я действительно ухожу! Я ухожу отсюда!» — крикнула бы я, не будь горло таким сухим от жажды и многодневного молчания. А потом я увидела тех, кто ждал меня, и радоваться расхотелось.

На лёгкой прибрежной зыби, держась мостиком за причал, покачивался единственный катер. И возле него стояли пятеро. Трёх из них, плечистых бритых мужчин, я не знала и знать не хотела, а вот четвёртой была Ирэн. Ирэн в шляпе с широкими полями и больших, на пол-лица, тёмных очках.

При виде шляпы и очков я не сдержала кривой ухмылки: знай наших! Хотелось бы мне ещё, чтобы то, что ты прячешь под ними, осталось у тебя навечно, как остались на моей коже в память об Оазисе пушистые сосновые лапки.

Но ухмылка сползла с моего избитого лица, когда я перевела взгляд на пятого члена встречающей меня компании. Ховрин. Ховрин с белоснежной повязкой через половину лица, совсем как у меня два года назад, одноглазый Ховрин. Очень злой Ховрин. Как-то быстро он оклемался. Хотя... откуда мне знать? Я не считала дни, которые прошли с ночи нашей последней встречи...

...После того, как выстрел из подаренной Ральфом рогатки попал в цель и Ховрин свалился на пол, держась руками за лицо и вереща пронзительно, как свинья, я приступила ко второй и заключительной части плана, придуманного во время дневной неспешной прогулки по острову. Бросилась к окну. Ну её на хрен, эту Русалкину яму: не хочу я потом годами плавать в солёной воде, взбивая её рыбьим хвостом и высматривая на берегу своих обидчиков в призрачной надежде на отмщение. Лучше уж так! Если повезёт, то даже пришибу своей падающей тушкой ещё парочку сытых ублюдков из гостей.

Не повезло. Окна не желали открываться, будучи не то как-то очень хитро закрыты, не то вообще задуманы так, чтобы отворить их изнутри было невозможно. Я дёргала рамы во все стороны, стучала по стеклу разными попадающими под руку предметами, но окна не сдавались. Ховрин возился на ковре и продолжал верещать на одной ноте так, будто обладал бездонными лёгкими. Это сильно раздражало, и я мимоходом пинала его, перебегая от одного подоконника к другому.

В какой-то момент ко мне пришло понимание, что вторая часть плана не сработает, и нужно срочно придумывать что-то другое. Честное слово, если бы из рогатки можно было застрелиться, я не промедлила бы и секунды — смерть на тот момент казалась желанной и манящей, как качающаяся на волнах лодка, ждущая меня, чтобы увезти на свободу...

Остановившись посреди люкса и лихорадочно оглядываясь в поисках чего-то, что дало бы мне подсказку о дальнейших действиях, я вдруг заметила, что завывающий Ховрин уже не

елозит по ковру на одном месте, а довольно целенаправленно ползёт к порогу. Злости к этому недочеловеку у меня больше не было, всю её я выпустила с выстрелом, словно отправляла стальной шарик в полёт не кинетической энергией натянутой до предела резины, а силой своей ненависти. Поэтому сейчас, почувствовав вдруг лёгкое любопытство, стала просто наблюдать за потугами поверженного врага.

Оставляя на ламинате кровавый след, уже не сколько визжа, сколько скуля, Ховрин медленно, но верно полз к выходу из номера, а я шагала за ним, поигрывая вновь взятой в руки Пчёлкой и подумывая — а не добавить ли ему ещё?

Не успела. Видимо, привлечённый шумом, в дверь, которую я, входя, не удосужилась прикрыть за собой, осторожно заглянул пожилой мужчина: наверняка гость, снимающий соседний люкс и уже поэтому заслуживающий того, чтобы разделить участь Ховрина. Я не думая вскинула рогатку, но этот тип оказался шустрым и очень быстро исчез, испуганно и неразборчиво что-то вскрикнув.

Заинтересовавшись, я пошла за ним, забыв про Ховрина. Успела увидеть захлопывающиеся двери лифта и стала ждать, прислонившись к стене. Ждать долго не пришлось: лифт сразу поднялся снова и привёз снизу двух охранников. Охранникам я зла не желала, поэтому глаза они сохранили, но получили по стальному шарик в широкие и, несомненно, твёрдые лбы. Вопли и мат при этом превзошли все мои ожидания и доставили искреннее удовольствие.

Жаль, развлечься подольше не удалось. Местные секьюрити оказались ребятами не промах, и, несмотря на организованный мною плотный обстрел, сумели довольно шустро, хоть и подвывая от боли, добраться до двери люкса. Здесь я получила могучим кулаком в челюсть и благополучно отбыла на ту сторону сознания.

Дальше было неинтересно, за исключением одного момента, также доставившего мне немало морального удовлетворения. Я пришла в себя в подвале, куда меня заперли на время разбора полётов. Разбор продолжался недолго: разбирать-то особо было нечего, — но страстей наверняка хватало, судя по тому, что в какой-то момент в дверь ворвалась разъярённая, как фурия, Ирэн, и, ни говоря ни слова, принялась хлестать меня по лицу.

Вот только дамочка не учла, что терять мне было уже нечего, и её появление я встретила не со страхом, который она привыкла видеть, а с благодарностью за подаренный судьбой шанс поквитаться с ещё одним своим недругом.

Жаль, но Ирэн повезло куда больше, чем Ховрину: Пчёлку-то у меня отобрали. Зато руки-ноги остались, и, пользуясь ими, а также накопившейся за два года в Оазисе яростью, я за каких-то полминуты, пока нас не растащили охранники, успела отделать управляющую, как бог черепаху. По крайней мере, мне нравилось так думать: ведь не зря ей сегодня, даже спустя несколько дней после нашей бурной последней встречи, для того чтобы показаться на причале, понадобились очки и шляпа...

...Охранники отпустили меня, подтащив вплотную к ожидающей компании. На удивление, я удержалась на ногах, только покачнулась от слабости. За дни, проведённые в подвале, меня как-то не удосужились покормить. Посмотрела на Ирэн, но не увидела за очками ни её глаз, ни выражения лица. Перевела взгляд на Ховрина — вот где эмоции били через край. Единственный оставшийся глаз садиста пылал смертельной ненавистью. Сам Ховрин выглядел неважно: бледный до синевы, ссутулившийся, похудевший, он явно ещё нуждался в долгом лечении, но не выдержал и припёрся-таки сегодня в Оазис — забрать то,

что ему причиталось. Я не сомневалась, что так и решился этот конфликт между заведением и его постоянным клиентом: меня отдавали Ховрину в качестве извинения за случившийся инцидент...

...Катер поднимало и опускало на волнах, но мне, лежащей на его палубе, прижавшейся щекой к начавшим пропитываться кровью доскам пола, казалось, что это удаляющийся остров качается вверх-вниз, вверх-вниз... Словно Оазис действительно был лишь миражом, зыбким, только что закончившимся сном, уже стремительно тающим в памяти.

«Яринка, смотри, я ухожу отсюда!»

Больше книг на сайте - Knigolub.net

ЗЫ: Продолжение следует.

Если кто-то вдруг сочтёт, что мой труд и затраченные мозговые ресурсы заслуживают материального вознаграждения, то вот: 4276 8160 3469 6037 Сбербанк.